

НЕЛЛИ ИСКАНДЕРОВА

ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Дочь капитана Блада

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Начало XVIII века, царствование Анны Стюарт. В доме Джеймса Брэдфорда губернатора острова Нью-Провиденс, полным ходом иди подготовка к торжеству. На шестнадцатилетие мисс Брэдфорд (в действительности — внебрачной дочери знаменитого корсара Питера Блада) прибыли даже столичные гости. Вот только юная Арабелла куда более похожа на сорванца, чем на отпрыска родной сестры герцога Мальборо. Благие планы нарушает внезапная атака испанской флотилии. Остров разорен, сам полковник погиб, а Арабелла попадает в руки капитана одного из кораблей. Охваченная ужасом девушка готовится совершить самоубийство.

Но происходит то, чего никто не мог ожидать. Испанский капитан убит, Арабелла бесследно исчезла, а в трюме, где мирно пируют два охранника, появляется неизвестный юноша, назвавшийся Питером Сильвером...

Дочь капитана Блада

Пролог. Милый город Бриджуотер: записки путешественника

От автора: данный пролог, как и весь роман, даётся в том же виде, каком был опубликован издательством. Хотя этот фрагмент, на мой взгляд, более всего нуждается в правке.

Как-то раз во время поездки в Англию мне посчастливилось побывать в Бриджуотере. Этот типичный городок английской провинции с аккуратными маленькими улочками замечателен не только известным всему миру фестивалем Гая Фокса, но и тем, что именно с него начались приключения Питера Блада, описанные в романах Сабатини. Особая достопримечательность городка — музей капитана на улице Уотер Лэйн, один из немногих сохранившихся на ней домов старой постройки. Окружённый высокими сооружениями из стекла и бетона, он всё ещё хранит обаяние елизаветинской эпохи, когда жизнь была неспешной и размеренной, по улицам, скрипя колёсами, ездили позолоченные экипажи, а нарядные дамы в пышных платьях под руку со своими не менее блестящими спутниками медленно прогуливались по дороге, ведущей к пристани. Сохранился и памятный балкон, с которого началась одиссея знаменитого мореплавателя. По-прежнему благоухает герань, красные и розовые цветки которой довершают иллюзию того, что именно эти растения поливал бакалавр медицины Питер Блад в далёком 1687 году, когда посланец лорда Гилдоя круто изменил его судьбу. Эклектика внутреннего убранства помещений отражает череду эпох, сменивших друг друга на протяжении всего одного лишь столетия. Массивные книжные шкафы и тяжёлые, похожие на троны, резные кресла, навевают мысли о мрачных и таинственных легендах средневековья. Простой дубовый стол хранит память о временах Кромвеля, когда роскошь была изгнана строгой пуританской моралью, а лёгкие изящные стулья и великолепный камин работы голландских мастеров времён реставрации заставляют вспомнить о периоде правления легкомысленного распутника Карла II.

Бриджуотерский музей известен не только собранием редкостей, связанных с историей английского пиратства, но и отменной библиотекой, насчитывающей несколько тысяч томов. В ней собраны мемуары мореплавателей и флибустьеров того времени и тех лиц, которым по роду своей деятельности приходилось много общаться с этими славными людьми, надолго обеспечившими Англии господство в Новом Свете. Смотритель, коренастый рыжеволосый англичанин с коротко подстриженной бородкой, сам будто бы вчера сошедший с палубы фрегата, рассказал мне о том, что в коллекции музея хранится немало воспоминаний сподвижников капитана. С юности питая интерес к приключениям и зачитав до дыр не один том Сабатини, я, тем не менее, пребывала в полной уверенности, что все эти истории — чистый вымысел. Каково же было моё удивление, когда хитро прищурившийся смотритель, порывшись в каком-то дальнем углу, с торжествующей улыбкой преподнёс мне судовой журнал Джереми Питта! Листы его, изрядно пожелтевшие от времени, были исписаны торопливым неровным почерком шкипера. Но самое удивительное, что документ содержал подробное описание тех самых событий, которые послужили основой для повествований о капитане Бладе! Разумеется, стиль шкипера был не столь блестящ и литературен, а выражения порой были слишком крепки, но в целом судовой журнал полностью подтверждал историческую достоверность трудов Сабатини. Проведя целый день в библиотеке, и досконально изучив хронологию путешествий Блада, я обратила

внимание на некоторые несоответствия между датами описываемых шкипером событий. Будучи обожателем и почитателем своего капитана, Джереми Питт, как мне показалось, намеренно упустил некоторые детали. Так, например, не нашёл отражения в журнале период между кораблекрушением у берегов Багамских островов и путешествием на «Эстремадуре» в компании дона Жуана де ля Фуэнте. А ведь между этими датами прошло не менее полугода, и главной причиной неудачи у острова Маргарита стало состояние самого Блада, ещё не окончательно оправившегося после тяжёлого ранения. Дотошность шкипера сослужила ему плохую службу — за прорехами в хронологии угадывались некоторые эпизоды, о которых Питт не хотел упоминать. Заинтересовал меня и тот факт, что после упомянутого ранения капитан почти каждый год навещался на Нью-Провиденс. Что он искал там? Записки Джереми Питта об этом молчали. Услужливый смотритель, видя мои сомнения, предложил воспользоваться воспоминаниями других соратников капитана — Вольверстона и Огла. В них мне удалось обнаружить некоторые замечательные подробности, относящиеся к рождению внебрачной дочери капитана.

Как следовало из записок Вольверстона, вблизи Багамского архипелага эскадру настиг сильный шторм. Корабли, словно скорлупки, метались по огромным, перекатывающимся через палубу, волнам, и лишь благодаря таланту капитана им удалось миновать многочисленные подводные рифы. Но, пощадив команду, фортуна изменила самому Бладу — гигантская волна сшибла его с ног и унесла в бушующее море. Вскоре там же оказался и Вольверстон, попытавшийся помочь другу. Не выдержав изнурительной борьбы со стихией, оба вскоре потеряли сознание и очнулись уже на песчаной отмели острова Нью-Провиденс. Одноглазый гигант почти не пострадал, а израненный Блад, бездыханное тело которого волны несколько раз бросали на прибрежные рифы, находился на грани жизни и смерти. Последовавшие за кораблекрушением события описаны Вольверстоном столь подробно, что с трудом верится, что их автор уже перешагнул шестидесятилетний рубеж и, отойдя от дел, превратился в мирного обывателя, коротающего свои дни в вудстокском имении. Переходя из дома в дом, Нэд тщетно пытался уговорить местных жителей приютить их на время в своём жилище. Большинство отказывали — испанцы, периодически совершающие набеги на острова, особо жестоко расправлялись с теми, кто оказывал помощь английским флибустьерам. Боялись и губернатора — Джейкоб Патерсон прослыл усердным борцом с пиратами и наказывал тех жителей, кто так или иначе был с ними связан. Уже потеряв надежду, Вольверстон увидел девушку лет семнадцати, внешность которой поразила его воображение. Казалось бы, в ней не было ничего особенного. Как и все особы её возраста, она была стройной и гибкой, словно молодое деревце. Русые волосы, собранные в пучок, мягкими волнами спускались по чуть прикрытым белоснежным шарфом плечам. Правильные черты лица выдавали в ней особу благородного происхождения, а необычайно светлая, ещё не тронутая тропическим загаром кожа заставляла думать о том, что ножки этой юной леди лишь недавно ступили на залитое солнцем побережье Нью-Провиденс. Девушка взирала на мир широко раскрытыми светло-голубыми глазами, в глубине которых светилась любовь ко всем живым существам, населяющим этот мир. С искренней жалостью взирая на окровавленный камзол морского волка, она с радостью согласилась помочь двум раненым незнакомцам.

Юная леди оказалась племянницей лорда Уинсборо, владевшего самой крупной плантацией близ Нассау. Тайком от родных девушка предоставила Бладу часть своей комнаты и ухаживала за ним, как ухаживала бы за любым несчастным умирающим

созданием. Капитан порой приходил в сознание, порой бредил, произнося имя своей возлюбленной Арабеллы. Мало-помалу мужественная красота больного и юношеская восторженность сиделки сделали своё дело, и она влюбилась в него окончательно и бесповоротно. К тому времени Волверстон уже покинул гостеприимный дом, поселившись в построенной им хижине на берегу. Поэтому последующие события он описывает со слов самого капитана, в мозгу которого сохранились лишь обрывочные воспоминания об этом периоде его жизни. Прошло чуть более месяца, и однажды Блад сообщил, что достаточно здоров, чтобы покинуть дом и не досаждать более своим присутствием. Юная красавица, заливаясь слезами, выбежала вон из комнаты, в которую некоторое время спустя ворвался разъярённый хозяин. Ничего не подозревавший капитан поклонился, намереваясь поблагодарить за оказанное гостеприимство. Но плантатор в ответ лишь разразился грубой бранью и в весьма категоричной форме заявил, что он никогда не согласится на брак своей племянницы с пиратом, даже зная, что та ждёт от него ребёнка. Ошеломлённый Блад не знал, что сказать. Утверждая, что ничего не помнит, он скомпрометировал бы девушку, обвинив её в том, что она просто воспользовалась тем состоянием, в котором он находился. Согласившись, он признался бы в том, чего не совершал, во всяком случае, находясь в здравом рассудке. Поэтому капитану оставалось лишь молча выслушать все угрозы и удалиться, предупредив находящегося в бешенстве господина, что он, несмотря на состояние здоровья, отлично владеет шпагой и именно поэтому не желал бы кровопролития. Господин, наслышавшись о приключениях морского разбойника, счёл его доводы вполне разумными и даже предоставил в его распоряжение лодку, втайне надеясь, что обидчик будет проглочен морскими волнами. Вернувшись на Тортугу, Блад провёл некоторое время на острове, а затем, ещё не оправившись от контузии, направился в то самое злополучное плавание. Именно тогда он и потерпел очередное крушение, попав на корабль дона Жуана де ля Фуэнте. Заинтересовавшись этой историей, я решила остаться в Бриджуотере ещё некоторое время и посвятить расследованию судьбы капитана часть своего отпуска. В той же самой библиотеке мне попались воспоминания некоего мистера Джеффильда, в течение десяти лет бывшего помощником губернатора Нью-Провиденс. В них он сообщает, что племянница одного из плантаторов, мисс Дженнифер Марианна Черчилль, была поспешно выдана замуж за полковника Брэдфорда. Полковник, человек в годах, известный своей храбростью и многочисленными военными победами, прибыл в Новый Свет после того, как оставил службу. Со слов Джеффильда, его отставка явилась следствием тяжелейшего ранения в битве у реки Бойн, и полковник не раз говорил ему о том, что у него, возможно, никогда не будет детей. Однако вскоре после свадьбы у молодых родилась дочь. Миссис Брэдфорд, дотоле тосковавшая, повеселела и нашла своё счастье, посвятив себя девочке, которая, по мнению Джеффильда, нисколько не напоминала своего отца ни внешностью, ни характером. Окончательно убедившись в существовании внебрачной дочери капитана Блада, я углубилась в изучение других рукописей, находящихся в музейной библиотеке, и мне удалось найти действительно интересные факты, относящиеся к судьбе этой удивительной и неординарной женщины. Результаты своего расследования я имею смелость представить вам в этой книге. Возможно, мой английский недостаточно совершенен, чтобы досконально уяснить себе все подробности, но хотелось бы верить, что, если где-то я и отступаю от истины, то лишь в незначительнейших мелочах.

Справедливости ради, хотелось бы уточнить ещё один факт, который может удивить читателя, знакомого с сочинениями Михаила Попова. В своей «Илиаде капитана Блада»,

посвящённой позднему периоду жизни знаменитого флибустьера, автор, вероятно, использовал дневники Блэкстоуна, одного из сподвижников капитана. Однако рукопись эта сильно пострадала при пожаре в имении Блэкстоуна в графстве Хэмпшир, случившемся уже после смерти сего достойного джентельмена. В результате заключительная часть его была безвозвратно утрачена, а обрывки сохранившихся на последних страницах фраз в буквальном переводе означают, что в последнем бою капитан был «значительно более мёртв, чем жив». Факты, относящиеся к жизни Блада в ещё более поздний период, можно отыскать и в воспоминаниях других свидетелей, хранящихся в собрании бриджуотерского музея. На них частично основываются сочинения Татьяны Виноградовой. Таким образом, утверждение Попова о гибели капитана в ходе описанных автором событий не соответствует действительности. Напротив, выйдя в отставку в возрасте шестидесяти с лишним лет, он прожил остаток дней на Ямайке, окружённый заботой и вниманием детей и внуков.

Искренне Ваша, Нелли Искандерова

Примечание

Данная глава представляет собой попытку объяснить как существование трёх различных версий дальнейшей судьбы капитана, так и факт появления внебрачной дочери у человека, который, как следует из романов Сабатини, всю свою жизнь любил лишь одну женщину. Что касается достоверности повествования о путешествии в город Бриджуотер и существовании в нём музея капитана Блада, то это чистая мистификация.

Глава 1. Семейство Брэдфорд

Необычайно тихий выдался вечер в Нассау. Отшумели летние штормы. Утихли дожди, заливавшие поросшее мангром побережье. Тёплый бриз играл пряными ароматами цветов, апельсиновых и перечных деревьев. В неярких лучах клонившегося к закату солнца виднелись гавань, пролив и узкая полоска побережья острова Хог. На вершине холма белел губернаторский дом. В саду, устроившись в кресле рядом с беседкой, отдыхал сам губернатор, полковник Джеймс Брэдфорд. Попыхивая трубкой, он лениво созерцал открывавшуюся взору картину.

— О чём думаешь, дорогой? — раздался позади него знакомый голос.

Это была она, его Дженнифер. Его супруга — молодая, прекрасная и печальная. Та, что вернула ему надежду, подарив красавицу-дочь. Дочь... Мысль о ней тенью легла на лицо губернатора. Он обернулся и озабоченно взглянул на женщину.

— Как гости из Лондона?

— Питер из комнаты не выходит, — расстроено произнесла миссис Брэдфорд. — Как прибыл, всё на морскую болезнь жаловался, а теперь ещё на жару. Джеймс писал, что его младший сын — изнеженный сибарит, но чтобы настолько... Не верится, что он родной брат Беревика.

— А Арабелла?

Женщина устало махнула рукой в сторону дома.

— Ты же знаешь нашу девочку. Сколько раз напоминала о празднике, но ей не до того. Хоть бы новое платье примерила. А то говорят, гости придут даже с Барбадоса.

— Что делает?

— Донимает беднягу Джеффилда. Когда она только повзрослеет?

Губернатор нахмурился.

— Питер жаловался, что Арабелла не уделяет ему внимания. Скажи ей...

— Да он только и говорит, что о своих борзых и о том, как плохо переносит здешний климат, — нетерпеливо перебила его Дженнифер. — Клянусь, если бы я не знала сестру, была бы уверена, что она изменила Стюарту. У Питера нет ничего общего с герцогом Джеймсом, а ты знаешь, как девочка увлечена своим дядюшкой.

— Это не девочка, а сорванец, и дело не только в Джеймсе. Вспомни, кто развлекал её пиратскими байками, позволял лазать по вантам и распоряжаться на своём корабле? Твой приятель Нэд, будь он неладен. И это при её-то родословной... Чего ещё ждать от человека, чьи предки носили фамилию Дрейк?

Дженнифер смущённо опустила глаза и принялась рассматривать сорванный ей цветок.

— Надо было строже её воспитывать, — продолжал полковник. — Запретить мальчишеские выходки, не пускать в море с Нэдом, да и вообще — разогнать эту босоногую команду.

— Ты же сам не мог ей ни в чём отказать. Взгляни, эти негодники снова здесь! И ещё за воротами...

Брэдфорд обернулся. Сердитая мина тотчас же сменилась улыбкой. Прямо у дверей его дома азартно фехтовали пятеро парней в рваных рубашках. Шпаги им заменяли найденные где-то на побережье палки. Это были ровесники Арабеллы, сыновья окрестных рыбаков, неизменные товарищи её игр и забав. Именно с ними проводила досуг эта подвижная,

словно ртуть, девчонка, часами пропадавшая на заходивших в гавань кораблях. Любимцем мисс Брэдфорд был старый приятель её матери, бывший пират, а ныне капитан одного из фрегатов ямайской эскадры, Нэд Вольверстон. Едва этот великан с чёрной повязкой на глазу появлялся на пирсе, она забывала все дела и бросалась ему навстречу, созывая с собой мальчишечью ватагу. Целыми днями пропадали они на фрегате, и лишь громкий крик Вольверстона «Юнги, на берег!», заставлял озорную ребятню покидать корабль. Много раз Брэдфорд и его супруга пытались запретить дочери проводить время на судне, но каждый раз Арабелла вновь и вновь настаивала на своём. А упрямыства девушке было не занимать. Вот и на этот раз ей взбрело в голову упражняться в большом зале со шпагой и донимать плантатора, которого нелёгкая занесла в губернаторский дом именно в этот момент.

— Разве мы не старлись воспитать из неё леди? — продолжила Дженнифер, укоризненно взглянув на долговязого белобрысого детину семнадцати лет от роду. Тот не только успешно отбивался от трёх весьма ловких соперников, но и внимательно ловил каждое её слово.

— Ты права, — промолвил полковник, перехватив её взгляд. — Я старался, чтобы она росла образованной девушкой. Обучал наукам, просил капитанов доставлять новые книги. Да и Нэд твой вечно подарками баловал — то французские стихи, то испанские романы.

— Вот только зря мы разрешили Питту учиться с ней. Теперь...

— Ты права, Дженнифер. Мальчик стал хорошим счетоводом, но разве можно так заглядываться на девушку, которая тебе не пара? Хорошо ещё, что Арабелла не обращает на него внимания.

— Надеюсь, у неё это пройдёт, — задумчиво произнесла Дженнифер. — Она повзрослеет и станет настоящей леди. Может даже Питер ей приглянется.

— Да, — пробормотал губернатор. — Вот только с Питером я бы повременил. Понимаю, в его жилах течёт королевская кровь, но они не подходят друг другу. Да и герцог Джеймс сейчас не в фаворе, и это несмотря на прежние заслуги. А девочка могла бы сделать неплохую карьеру при дворе. С её внешностью, умом, способностями к музыке... Помнится, твой брат обещал поговорить с Анной.

— Не думаешь ли ты отправить Арабеллу в это змеиное болото? — Дженнифер вздрогнула, будто супруг причинил ей боль.

— Нам надо думать о будущем. Познакомить с молодыми людьми, равными ей по положению, составить хорошую партию. Нет, дорогая, нам надо вернуться в Англию. Не здесь же искать супруга для племянницы герцога Мальборо?

— Но ей так нравится в Новом Свете, и вообще..., - в глазах женщины мелькнула плохо скрываемая тревога.

— Она же не видела ничего другого, — решительным тоном промолвил губернатор. — И скажи, разве нашего сорванца можно назвать леди?

— Наверное, ты прав. Просто мне очень не хочется уезжать. Да и не знаю, примет ли девочку Анна. Помню, она была против нашей свадьбы.

— Не сомневайся, дорогая. Королева не сможет отказать лучшей подруге, а Сара нам давно обещала. Дождёмся, пока будет принята моя отставка. Я уже решил передать письмо с Питером.

— Мама, папа, — раздался позади них звонкий смеющийся голос. — Я победила мистера Джеффилда.

Арабелла выпорхнула из дверей — лёгкая, воздушная, в светло-голубом платье. Девушка

действительно была красива редкой, почти экзотической красотой. Разметавшиеся по плечам волосы были черны как смоль, а на смуглом, как у испанки, лице выделялись тёмно-синие, цвета сапфира глаза. Стройная фигура и тонкая талия выгодно отличала её от многих дочерей плантаторов, слишком полных для своего возраста по причине излишней склонности к перееданию, безделью и сну. Обладательница подобной внешности, несомненно, блеснула бы среди томных белокожих обитательниц Кенсингтона. Но даже здесь она не осталась незамеченной. Прервав поединки на палках, мальчишки восхищённо глазели на раскрасневшуюся и возбуждённую подругу, а в глазах юного счетовода Уоллеса полковнику почудился странный блеск.

— Взгляни на Питта, — шепнул губернатор на ухо супруге. — С этим пора кончать. Увезём её в Англию, и чем скорее, тем лучше.

— Представляешь, папа, я даже в платье не сделала ни одной ошибки! Я трижды уколола мистера Джеффильда, — радостно сообщила девушка, так и не заметив восторженных взглядов молчаливого обожателя.

— Ваша дочь просто фурия, мистер Брэдфорд, — появившийся на пороге Джеффильд тяжело дышал и вытирал струившийся со лба пот. Это был высокий тридцатидвухлетний мужчина, которого нельзя было назвать ни полным, ни слишком худощавым. Он был без камзола, в потрёпанном домашнем жилете золотистого цвета. Рубаха с закатанными рукавами была совершенно мокрой. Брэдфорд с сочувствием поднял глаза на своего помощника.

— Вы сами-то когда-нибудь пробовали фехтовать с Вашей дочерью? — едва переведя дух, пропыхтел Джеффильд

— Честно говоря, нет, — спокойно заметил Брэдфорд. — Я всегда считал это глупыми причудами

— Причуды это или нет, не знаю, — немного отдышавшись, произнёс Джеффильд. — Но мне не хотелось бы ещё раз это испытать. Разве в качестве Вашего помощника я должен быть ещё и живой мишенью для несовершеннолетней фурии?

— Доченька, — медленно произнёс полковник. — Завтра тебе исполнится шестнадцать. В этом возрасте леди думают о других вещах, а не о фехтовании.

— О каких же вещах, папа? — рассмеялась она. — О замужестве?

— В том числе, милая, в том числе...

Невольно бросив взгляд на остолбеневших мальчишек, тотчас же опустивших оружие, Брэдфорд заметил, как в серых глазах долговязого мелькнула затаённая боль, а на щеках проступил едва заметный румянец.

«Значит, мне не показалось», — невольно подумал он, — «тем скорее надо действовать».

— Так ты хочешь выдать меня замуж? — весело спросила девушка, вновь не заметив волнения своего приятеля. Свадьба казалась ей лишь счастливым концом увлекательной сказки, за которым неизменно следовала череда балов и развлечений. Губернатор ласково улыбнулся.

— Пока нет, дочка. Просто мы уедем в Англию, и ты станешь настоящей светской леди

— А я и так светская леди, — Арабелла присела в глубоком реверансе и снова рассмеялась. — Ты же всегда говорил, что у меня хорошие манеры.

— У тебя отличные манеры, моя девочка, — улыбнулся Брэдфорд и обнял дочь за талию. — Но ты леди, а не юный вояка.

— А разве жена твоего брата, мама, не занимается политикой? Политика тоже не женское дело. Познакомь меня с леди Сарой, мамочка, ну пожалуйста... Я хочу быть политиком

Девушка комично присела в реверансе и звонко рассмеялась.

Кивнув на прощание подруге, притихшие ребята покинули губернаторский сад, настойчиво подталкивая всё ещё пребывавшего в оцепенении Питта.

— Мама, папа! — вдруг воскликнула Арабелла. — Мистер Вольверстон здесь!

Девушка со всех ног бросилась к калитке. Супруги Брэдфорд молча глядели вслед, не в силах остановить любимицу. Покинув сад, девушка подбежала к обрыву и, придерживая юбки, начала быстро спускаться по крутой тропинке к причалу, где пришвартовался фрегат «Солнце Ямайки». Вольверстон, как всегда, одетый во чёрное, уже вышел на пирс. С ним был невысокий дородный господин.

Примечания к главе 1.

Уинстон Черчилль, отец Джона и Арабеллы Черчилль, был женат на Елизавете Дрейк происходившей из семьи известного пирата Френсиса Дрейка.

Джон Черчилль (герцог Мальборо) — известный английский полководец, его супруга Сара Черчилль (Дженнингс) — фаворитка королевы Анны Стюарт.

Арабелла Черчилль — сестра Джона Черчилля, официальная любовница Джеймса Стюарта.

Герцог Джеймс Стюарт — брат короля Якова II, известный английский адмирал («генерал моря»), составитель одного из руководств по мореходному делу. В годы правления Анны вынужден был эмигрировать из-за принадлежности к католической вере.

Беревик — внебрачный сын Арабеллы Черчилль и Джеймса Стюарта. В англо-французских войнах («войнах королевы Анны») сражался на стороне Франции и дослужился до маршала.

Питер, брат Беревика — вымышленное лицо. У Джеймса Стюарта и Арабеллы Черчилль был лишь один сын.

Глава 2. Нежданный гость

Арабелла выбежала на пристань, вознамерившись броситься на шею старому другу. Однако Вольверстон, к её удивлению, лишь склонился в глубоком поклоне.

— Приветствую Вас, мисс Брэдфорд, — хрипловатый голос капитана «Солнца Ямайки» вдруг показался девушке чужим и далёким. — Имею честь представить Вам лорда Уайнтон Мэнсона, посланца Её Величества на территориях Нового Света.

Нарочитая официальность манер старого моряка неприятно поразила девушку. Опустив глаза, она церемонно присела в реверансе.

— Арабелла Брэдфорд, дочь губернатора Джеймса Брэдфорда

— Лорд Мэнсон, — процедил незнакомец, едва взглянув на Арабеллу.

На вид Мэнсону можно было дать лет тридцать пять — тридцать семь. На бледно-желтоватом пухлом лице, украшенном двойным подбородком, тускло поблескивали мутно-голубые глаза, выпуклые и неподвижные, как у рыбы. Бесформенную фигуру облегал серебристо-серый камзол. На мгновение остановившись, он тотчас вновь зашагал по каменным плитам пристани.

Вольверстон многозначительно взглянул на Арабеллу. Сердце её почему-то замерло, будто от дурного предчувствия. Миновав шумную городскую площадь, процессия направилась вверх по крутой каменистой тропинке. Впереди следовал дородный Мэнсон, за

ним — Вольверстон и Арабелла — притихшие, словно набедокурившие обитатели приюта перед директором. Редкие прохожие почтительно приветствовали незнакомца. Гордый господин, сопровождаемый эскортом в лице дочери губернатора и лучшего друга его супруги, вызывал невольное уважение. Но королевский посланец, даже не взглянув в их сторону, невозмутимо шествовал по дорожке, а воскового цвета лицо, украшенное двойным подбородком, выражало крайнюю степень высокомерия. Наконец, они достигли вершины холма, где располагался губернаторский дом. Стоявший у ворот юноша-мулат тут же распахнул калитку, и взорам вошедших предстал сам мистер Брэдфорд. Сей достойный джентльмен, шестнадцать лет назад проявлявший чудеса храбрости при переходе через реку Бойн, ныне раздобрел и превратился в весьма солидного господина. Когда-то узкое лицо его со временем приобрело приятную округлость, но на полных подрумяненных щеках по-прежнему виднелись ямочки, придававшие всему облику грозного вояки что-то неуловимо детское и непосредственное. Улыбка Брэдфорда была всё так же искренна и любезна, а в слегка прищуренных карих глазах поблёскивали весёлые искорки. Полковник дружелюбно взглянул на посетителей, но Вольверстон заметил, что он был чем-то встревожен.

— Джеймс Брэдфорд, губернатор Нью-Провиденс. Моя супруга Дженнифер.

— Лорд Уайнтон Мэнсон, представитель Её Величества в Новом Свете

— Моя супруга..., - едва успел произнести Брэдфорд, но незнакомец тотчас перебил его:

— Я прекрасно знаю, что Ваша супруга приходится сестрой Джону Черчиллю, — с ноткой неприязни в голосе процедил он. — Не стоит напоминать об этом.

— Я лишь хотел предложить Вам великолепный десерт, приготовленный моей супругой по Кенсингтонскому рецепту, — оправдывался встревоженный губернатор. — Завтра мы празднуем день рождения дочери, и я могу угостить Вас самыми изысканными яствами. Буду рад видеть Вас на нашем празднике.

— Благодарю Вас, но у меня мало времени, — сквозь зубы процедил он. — К тому же я не люблю блюда, которые готовят в Кенсингтоне. У нас с леди Сарой разные взгляды и на кулинарию, и на политику. Где мы можем поговорить наедине?

— Простите меня, мистер Мэнсон. Пройдёмте в беседку.

Яркие тропические цветы благоухали пряными ароматами, но величественно шествовавший по дорожке Мэнсон не обратил на них никакого внимания. Наконец, они достигли беседки — невысокого белого строения с куполом, башнями и арабесками. Слуга уже покидал её, приготовив всё необходимое — мягкие кресла, ром, табак, лимоны и сладости.

— Мистер Брэдфорд, — произнёс Мэнсон, когда затихли шаги удалявшегося лакея. — Наслышан о Вас.

— Хорошего или плохого?

Брэдфорд с гостеприимной любезностью предложил незнакомцу сесть. Тот на мгновение замолчал, устраивая в кресле своё дородное тело, а затем вновь взглянул на собеседника.

— Всякого. Слышал, к примеру, что Вы слишком много позволяете этим флибустьерам, а ведь Её Величество делает всё для борьбы с пиратством.

— Понимаю, мистер Мэнсон, но чем испанские вице-адмиралы, словно пираты, нападающие на английские территории, лучше английских флибустьеров? Вы слышали о том, что произошло здесь семнадцать лет назад?

Гость молчал, невозмутимо глядя на Брэдфорда. Тот, видя, что королевский посланник прислушивается к его словам, продолжал:

— Здесь была страшная бойня. Почти все жители Нассау погибли. Слава Богу, мы с Дженнифер были тогда в Англии. Лишь через полгода Багамы были возвращены Её Величеству, и то благодаря английским пиратам. Так что флибустьеры — это хотя бы какая-то возможность сдержать испанцев. Эти доны до сих пор хозяйничают здесь, и они не менее жадны и жестоки, чем пираты.

Налив рома в хрустальный стакан, губернатор предложил его Мэнсону. Тот, едва взглянув искрящийся на солнце напиток, вновь перевёл взгляд рыбьих глаз на Брэдфорда, затем на окружающий его сад. Тропическое буйство цвета явно было не по душе холодному северному гостю. Взяв стакан, он пригубил немного напитка, брезгливо поморщился и недовольно взглянул на собеседника.

— Многие в Новом Свете считают так, как Вы, — тоном, не терпящим возражений произнёс он, и бесцветные глаза выкатились ещё больше. — Прежде всего, ямайский губернатор Блад, сам в прошлом морской разбойник. Именно он покровительствует всей этой братии, а вслед за ним — все остальные. Но я наведу здесь порядок. Именно за этим я и прибыл к Вам, и намерен представить нового командующего фортом Нассау мистера Джона Сэндерса.

— Разве командующего фортом назначает не губернатор?

Мэнсон нахмурился:

— Если губернатор покровительствует пиратам, я могу его решение. Придётся смириться с этим, мистер Брэдфорд.

— Когда Вы представите мне мистера Сэндерса? — любезно поинтересовался полковник

— Сегодня вечером, но он уже приступил к исполнению своих обязанностей. — Чиновник попытался изобразить на своём лице гнев, но это лишь усилило свойственное его физиономии выражение надменной брезгливости.

Брэдфорд почтительно молчал. Мэнсон с явным неудовольствием взглянул на беседующего с супругой губернатора верзилу Вольверстона:

— И ещё, мистер Брэдфорд, — добавил он. — Если Вы будете покровительствовать пиратам, в том числе бывшим, придётся отчитаться за свои действия перед Её Величеством. Кстати, господину Бладу я передал требование прибыть в Лондон с первым же попутным судном. Его дело будет рассматривать Адмиралтейский суд.

— Мистер Мэнсон..., - любезно, но твёрдо произнёс полковник, но гость не дал ему завершить фразу

— Никаких возражений, мистер Брэдфорд

— Я хотел просить Вас передать моё прошение об отставке Её Величеству. Мне хотелось бы заняться устройством судьбы моей дочери.

— Пока никакой отставки. У Её Величества нет человека на Ваше место. Трудно найти дворянина, который согласился бы сидеть в такой дыре, как Нью-Провиденс. И научите, пожалуйста, Вашу дочь хорошим манерам — она бегаёт по дорогам как простолюдинка. Для девушки знатного происхождения это неприемлемо.

Мэнсон вышел из беседки и направился к воротам, Брэдфорд почувствовал, как ледяной холод сковывает всё его существо, а сердце замирает от смутного предчувствия беды. Он взглянул на Вольверстона. Тот пожал плечами. Проводив Мэнсона до калитки, Брэдфорд

вернулся в сад, где притихший верзила вполголоса беседовал с его женой.

— Как Вы думаете, что теперь будет? — молодая женщина была сильно встревожена. Всё ещё держа в руках цветов, она опустила его головкой вниз, и несколько алых лепестков упали на землю. Но Дженнифер не заметила этого — взгляд расширившихся от страха глаз был устремлён на стоявшего перед ней гиганта в чёрном испанском камзоле.

— Боюсь, Дженнифер, Бладу грозят большие неприятности. Мэнсон пользуется большим влиянием при дворе.

— А что будет с нами?

— Во всяком случае, вы с мужем и дочерью останетесь здесь, а я пока поживу у вас. Мало ли, что может случиться.

— Оставить форты без обороны, без знающих людей, — возмущался подошедший Брэдфорд. — Понимаешь, Нэд, что он наделал?

Бывший пират молчал. Не ожидая ответа на свой, скорее риторический, вопрос, полковник продолжал:

— Представь себе, Нэд, этот Мэнсон отправил в Англию Блада, который помогал нам в беде, а начальником форта назначил бывшего секретаря Роберта Харли! Да этот неженка понятия не имеет, как ведётся война в Новом Свете! Неужели он хочет, чтобы испанцы захватили все английские территории?

— Кто знает..., - Вольверстон многозначительно взглянул на Брэдфорда. — Поэтому Блад просил меня остаться с вами — на случай, если вашей семье понадобится помощь. Ведь я уже не командующий фортом Ямайки. Мэнсон назначил на это место бывшего писака из Сент-Джеймса, который даже пороху никогда в жизни не нюхал! Я задал ему несколько простых вопросов по тактике, на которые легко ответила бы Ваша дочь. Представьте, этот горе-войка не смог произнести ни слова в ответ!

Мужчины переглянулись. У миссис Брэдфорд замерло сердце. И только Арабелла улыбалась счастливой улыбкой, сама не понимая, почему. Наверное, потому что светило солнце, пели птицы и благоухали цветы вокруг, а сама она была юна, радостна и счастлива, и с ней были дорогие ей люди. И ей так не хотелось верить, что впереди её ждут тяжёлые испытания.

Примечания к главе 2:

"Сей достойный джентльмен, пятнадцать лет назад проявлявший чудеса храбрости при переходе через реку Бойн" — имеется в виду битва у реки Бойн — решающее сражение Славной революции, произошедшее в Ирландии между армиями, возглавляемые двумя королями — свергнутым Яковом II и взошедшем на престол Вильгельмом III Оранским.

Сент-Джеймс и Кенсингтон — официальные королевские резиденции.

"У нас с леди Сарой разные взгляды и на кулинарию, и на политику" — имеется в виду Сара Черчилль, фаворитка Анны Стюарт, симпатизировавшая партии вигов.

"Вы, наверное, слышали про историю, которая произошла здесь семнадцать лет назад?"

Британские поселения на Багамских островах несколько раз подвергались нападениям испанцев. В 1684 был разрушен Чарльзтаун, основанный первыми поселенцами и названный в честь короля Карла II. Впоследствии селение было заново отстроено и в 1695 году названа Нассау в честь короля Вильяма III (представителя датского королевского дома Оранж-Нассау). Очередной успешный захват испанцами Нью-Провиденс имел место в 1703 году. В дальнейшем (в основном, 1713–1718 гг) на острове базировались английские пираты (Рэкхэм, Тич и др), грабившие не только испанские, но и английские суда. В 1718 г

губернатором был назначен Вудс Роджерс, осуществлявший активную борьбу с пиратством.

Глава 2. Нежданный гость

Арабелла выбежала на пристань, вознамерившись броситься на шею старому другу. Однако Вольверстон, к её удивлению, лишь склонился в глубоком поклоне.

— Приветствую Вас, мисс Брэдфорд, — хрипловатый голос капитана «Солнца Ямайки» вдруг показался девушке чужим и далёким. — Имею честь представить Вам лорда Уайнтон Мэнсона, посланца Её Величества на территориях Нового Света.

Нарочитая официальность манер старого моряка неприятно поразила девушку. Опустив глаза, она церемонно присела в реверансе.

— Арабелла Брэдфорд, дочь губернатора Джеймса Брэдфорда

— Лорд Мэнсон, — процедил незнакомец, едва взглянув на Арабеллу.

На вид Мэнсону можно было дать лет тридцать пять — тридцать семь. На бледно-желтоватом пухлом лице, украшенном двойным подбородком, тускло поблескивали мутно-голубые глаза, выпуклые и неподвижные, как у рыбы. Бесформенную фигуру облегал серебристо-серый камзол. На мгновение остановившись, он тотчас вновь зашагал по каменным плитам пристани.

Вольверстон многозначительно взглянул на Арабеллу. Сердце её почему-то замерло, будто от дурного предчувствия. Миновав шумную городскую площадь, процессия направилась вверх по крутой каменистой тропинке. Впереди следовал дородный Мэнсон, за ним — Вольверстон и Арабелла — притихшие, словно набедокурившие обитатели приюта перед директором. Редкие прохожие почтительно приветствовали незнакомца. Гордый господин, сопровождаемый эскортом в лице дочери губернатора и лучшего друга его супруги, вызывал невольное уважение. Но королевский посланец, даже не взглянув в их сторону, невозмутимо шествовал по дорожке, а воскового цвета лицо, украшенное двойным подбородком, выражало крайнюю степень высокомерия. Наконец, они достигли вершины холма, где располагался губернаторский дом. Стоявший у ворот юноша-мулат тут же распахнул калитку, и взорам вошедших предстал сам мистер Брэдфорд. Сей достойный джентльмен, шестнадцать лет назад проявлявший чудеса храбрости при переходе через реку Бойн, ныне раздобрел и превратился в весьма солидного господина. Когда-то узкое лицо его со временем приобрело приятную округлость, но на полных подрумяненных щеках по-прежнему виднелись ямочки, придававшие всему облику грозного вояки что-то неумовимо детское и непосредственное. Улыбка Брэдфорда была всё так же искренна и любезна, а в слегка прищуренных карих глазах поблёскивали весёлые искорки. Полковник дружелюбно взглянул на посетителей, но Вольверстон заметил, что он был чем-то встревожен.

— Джеймс Брэдфорд, губернатор Нью-Провиденс. Моя супруга Дженифер.

— Лорд Уайнтон Мэнсон, представитель Её Величества в Новом Свете

— Моя супруга..., — едва успел произнести Брэдфорд, но незнакомец тотчас перебил его:

— Я прекрасно знаю, что Ваша супруга приходится сестрой Джону Черчиллю, — с ноткой неприязни в голосе процедил он. — Не стоит напоминать об этом.

— Я лишь хотел предложить Вам великолепный десерт, приготовленный моей супругой по Кенсингтонскому рецепту, — оправдывался встревоженный губернатор. — Завтра мы празднуем день рождения дочери, и я могу угостить Вас самыми изысканными яствами. Буду рад видеть Вас на нашем празднике.

— Благодарю Вас, но у меня мало времени, — сквозь зубы процедил он. — К тому же я не люблю блюда, которые готовят в Кенсингтоне. У нас с леди Сарой разные взгляды и на кулинарию, и на политику. Где мы можем поговорить наедине?

— Простите меня, мистер Мэнсон. Пройдёмте в беседку.

Яркие тропические цветы благоухали пряными ароматами, но величественно шествовавший по дорожке Мэнсон не обратил на них никакого внимания. Наконец, они достигли беседки — невысокого белого строения с куполом, башнями и арабесками. Слуга уже покидал её, приготовив всё необходимое — мягкие кресла, ром, табак, лимоны и сладости.

— Мистер Брэдфорд, — произнёс Мэнсон, когда затихли шаги удалявшегося лакея. — Наслышан о Вас.

— Хорошего или плохого?

Брэдфорд с гостеприимной любезностью предложил незнакомцу сесть. Тот на мгновение замолчал, устраивая в кресле своё дородное тело, а затем вновь взглянул на собеседника.

— Всякого. Слышал, к примеру, что Вы слишком много позволяете этим флибустьерам, а ведь Её Величество делает всё для борьбы с пиратством.

— Понимаю, мистер Мэнсон, но чем испанские вице-адмиралы, словно пираты, нападающие на английские территории, лучше английских флибустьеров? Вы слышали о том, что произошло здесь семнадцать лет назад?

Гость молчал, невозмутимо глядя на Брэдфорда. Тот, видя, что королевский посланник прислушивается к его словам, продолжал:

— Здесь была страшная бойня. Почти все жители Нассау погибли. Слава Богу, мы с Дженнифер были тогда в Англии. Лишь через полгода Багамы были возвращены Её Величеству, и то благодаря английским пиратам. Так что флибустьеры — это хотя бы какая-то возможность сдержать испанцев. Эти доны до сих пор хозяйничают здесь, и они не менее жадны и жестоки, чем пираты.

Налив рома в хрустальный стакан, губернатор предложил его Мэнсону. Тот, едва взглянув искрящийся на солнце напиток, вновь перевёл взгляд рыбьих глаз на Брэдфорда, затем на окружающий его сад. Тропическое буйство цвета явно было не по душе холодному северному гостю. Взяв стакан, он пригубил немного напитка, брезгливо поморщился и недовольно взглянул на собеседника.

— Многие в Новом Свете считают так, как Вы, — тоном, не терпящим возражений произнёс он, и бесцветные глаза выкатились ещё больше. — Прежде всего, ямайский губернатор Блад, сам в прошлом морской разбойник. Именно он покровительствует всей этой братии, а вслед за ним — все остальные. Но я наведу здесь порядок. Именно за этим я и прибыл к Вам, и намерен представить нового командующего фортom Нассау мистера Джона Сэндерса.

— Разве командующего фортom назначает не губернатор?

Мэнсон нахмурился:

— Если губернатор покровительствует пиратам, я могу его решение. Придётся смириться с этим, мистер Брэдфорд.

— Когда Вы представите мне мистера Сэндерса? — любезно поинтересовался полковник

— Сегодня вечером, но он уже приступил к исполнению своих обязанностей. —

Чиновник попытался изобразить на своём лице гнев, но это лишь усилило свойственное его физиономии выражение надменной брезгливости.

Брэдфорд почтительно молчал. Мэнсон с явным неудовольствием взглянул на беседующего с супругой губернатора верзилу Вольверстона:

— И ещё, мистер Брэдфорд, — добавил он. — Если Вы будете покровительствовать пиратам, в том числе бывшим, придётся отчитаться за свои действия перед Её Величеством. Кстати, господину Бладу я передал требование прибыть в Лондон с первым же попутным судном. Его дело будет рассматривать Адмиралтейский суд.

— Мистер Мэнсон..., - любезно, но твёрдо произнёс полковник, но гость не дал ему завершить фразу

— Никаких возражений, мистер Брэдфорд

— Я хотел просить Вас передать моё прошение об отставке Её Величеству. Мне хотелось бы заняться устройством судьбы моей дочери.

— Пока никакой отставки. У Её Величества нет человека на Ваше место. Трудно найти дворянина, который согласился бы сидеть в такой дыре, как Нью-Провиденс. И научите, пожалуйста, Вашу дочь хорошим манерам — она бегаёт по дорогам как простолюдинка. Для девушки знатного происхождения это неприемлемо.

Мэнсон вышел из беседки и направился к воротам, Брэдфорд почувствовал, как ледяной холод сковывает всё его существо, а сердце замирает от смутного предчувствия беды. Он взглянул на Вольверстона. Тот пожал плечами. Проводив Мэнсона до калитки, Брэдфорд вернулся в сад, где притихший верзила вполголоса беседовал с его женой.

— Как Вы думаете, что теперь будет? — молодая женщина была сильно встревожена. Всё ещё держа в руках цветок, она опустила его головкой вниз, и несколько алых лепестков упали на землю. Но Дженнифер не заметила этого — взгляд расширившихся от страха глаз был устремлён на стоявшего перед ней гиганта в чёрном испанском камзоле.

— Боюсь, Дженнифер, Бладу грозят большие неприятности. Мэнсон пользуется большим влиянием при дворе.

— А что будет с нами?

— Во всяком случае, вы с мужем и дочерью останетесь здесь, а я пока поживу у вас. Мало ли, что может случиться.

— Оставить форты без обороны, без знающих людей, — возмущался подошедший Брэдфорд. — Понимаешь, Нэд, что он наделал?

Бывший пират молчал. Не ожидая ответа на свой, скорее риторический, вопрос, полковник продолжал:

— Представь себе, Нэд, этот Мэнсон отправил в Англию Блада, который помогал нам в беде, а начальником форта назначил бывшего секретаря Роберта Харли! Да этот неженка понятия не имеет, как ведётся война в Новом Свете! Неужели он хочет, чтобы испанцы захватили все английские территории?

— Кто знает..., - Вольверстон многозначительно взглянул на Брэдфорда. — Поэтому Блад просил меня остаться с вами — на случай, если вашей семье понадобится помощь. Ведь я уже не командующий фортом Ямайки. Мэнсон назначил на это место бывшего писаку из Сент-Джеймса, который даже пороху никогда в жизни не нюхал! Я задал ему несколько простых вопросов по тактике, на которые легко ответила бы Ваша дочь. Представьте, этот горе-вожак не смог произнести ни слова в ответ!

Мужчины переглянулись. У миссис Брэдфорд замерло сердце. И только Арабелла

улыбалась счастливой улыбкой, сама не понимая, почему. Наверное, потому что светило солнце, пели птицы и благоухали цветы вокруг, а сама она была юна, радостна и счастлива, и с ней были дорогие ей люди. И ей так не хотелось верить, что впереди её ждут тяжёлые испытания.

Примечания к главе 2:

"Сей достойный джентльмен, пятнадцать лет назад проявлявший чудеса храбрости при переходе через реку Бойн" — имеется в виду битва у реки Бойн — решающее сражение Славной революции, произошедшее в Ирландии между армиями, возглавляемые двумя королями — свергнутым Яковом II и взошедшем на престол Вильгельмом III Оранским.

Сент-Джеймс и Кенсингтон — официальные королевские резиденции.

"У нас с леди Сарой разные взгляды и на кулинарию, и на политику" — имеется в виду Сара Черчилль, фаворитка Анны Стюарт, симпатизировавшая партии вигов.

"Вы, наверное, слышали про историю, которая произошла здесь семнадцать лет назад?"

Британские поселения на Багамских островах несколько раз подвергались нападениям испанцев. В 1684 был разрушен Чарльзтаун, основанный первыми поселенцами и названный в честь короля Карла II. Впоследствии селение было заново отстроено и в 1695 году названа Нассау в честь короля Вильяма III (представителя датского королевского дома Оранж-Нассау). Очередной успешный захват испанцами Нью-Провиденс имел место в 1703 году. В дальнейшем (в основном, 1713–1718 гг) на острове базировались английские пираты (Рэкхэм, Тич и др), грабившие не только испанские, но и английские суда. В 1718 г губернатором был назначен Вудс Роджерс, осуществлявший активную борьбу с пиратством.

Глава 3. Испанцы идут

Не успел лёгкий фрегат, на котором прибыл королевский посланец, скрыться за горизонтом, как вдали показались очертания эскадры. «Наверное, это гости с Барбадоса или Ямайки», — подумал Брэдфорд, — «но почему столько кораблей?». Суда приближались, медленно проходя по узкому проливу, разделяющему острова Хог и Нью-Провиденс. Впереди следовал огромный галеон, красный корпус которого невольно привлекал внимание. За ним — ещё один, поменьше, а в арьергарде двигался фрегат. Чёрные контуры мачт и рей мрачно поблескивали на солнце. Брэдфорда не покидало смутное ощущение беспокойства. За десять лет губернаторства у него выработалась неплохая интуиция, не раз выручавшая в трудных жизненных ситуациях. Вот и сейчас её неумолимый голос подсказывал, что вверенный попечению полковника остров ждут большие неприятности.

Вернувшись в беседку, Брэдфорд взял со стола подзорную трубу и взглянул на корабли. На мачте красного галеона развевалось знамя Кастильи. Брэдфорд тихо подозвал Вольверстона.

— Вы были правы, — задумчиво произнёс тот, за несколько мгновений успевший пересчитать количество орудий на каждом из судов. — Это испанцы. Два галеона по сорок пушек и тридцатипушечный фрегат. Они собираются драться.

Мужчины переглянулись. Даже не взглянув на стоящих поодаль Дженнифер и Арабеллу, они тотчас же ринулись к калитке, едва не сбив отпрянувшего слугу. Раздобревший губернатор едва поспевал за другом. Тот же, несмотря на пятьдесят с лишком, без труда мог дать фору любому юнге, взлетев по вантам до самого грот-брам-рея. Миновав площадь, Вольверстон через несколько мгновений достиг форта.

Новый командующий, толстый неповоротливый коротышка с такими же бесцветными, как у Мэнсона, глазами, внимательно осматривал укрепления. Ему ещё не исполнилось и тридцати, но он уже успел усвоить свойственную своему начальнику холодно-презрительную манеру поведения. Заложив руки за спину, командующий величественно прохаживался мимо артиллерийских батарей. Солдаты, вся одежда которых состояла из не первой свежести рубах и панталон, восхищённо взирали на украшенный крупными жемчужинами наряд знатного господина. За командиром следовал щуплый седовласый человечек в выцветшем сером камзоле.

— Мистер Джеймс, — сквозь зубы процедил бывший придворный, — сколько лет гарнизон был в Вашем подчинении?

— Десять лет, — пробормотал бывший начальник. — И Вы должны понять, что мой опыт...

— Нет, это Вы не понимаете самых простых вещей, Джеймс! Три человека на одну шестифунтовую пушку! Для городской казны это просто непозволительная роскошь.

— Что Вы хотите сказать? — удивился Джеймс.

— Чтобы сократить расходы, поставьте к каждому орудию одного канонира и одного помощника. Этого вполне достаточно.

В серых глазах щуплого человечка застыло недоумение. Он попеременно глядел то на своего начальника, то на пушки, которые тот только что назвал кулевыми.

— Но мистер..., — попытался возразить он. — Для обслуживания одной такой пушки необходимо пять человек!

— Это приказ, Джеймс. Извольте его выполнять, — с сознанием собственной значимости произнёс коротышка. — К тому же Ваши бездельники получают слишком большое жалование. Сократите количество вахт. Пусть стоят у пушек по двенадцать часов в день. Всё равно эти оборванцы только и делают, что болтают друг с другом.

Джеймс молчал, потупив взор и почёсывая жилистой рукой редкую бородку. Возражать было бессмысленно. Новый командующий, высказавший полное отсутствие каких-либо знаний в области артиллерийской науки, был убеждён в своей исключительной правоте. Старый вояка тяжело вздохнул, не зная, что предпринять. Поэтому, не успел бывший флибустьер ворваться в форт, Джеймс обратился к нему, надеясь на поддержку старого друга.

— Но мистер Вольверстон, может быть, хотя бы Вы объясните ему..., - едва успел произнести он, но тут же затих, услышав громовой голос одноглазого великана:

— Испанские корабли подходят к гавани! Готовьте пушки!

Начальник, не сразу поняв, чего же хочет от него этот, словно вихрь примчавшийся в форт незнакомец, тупо уставился на Вольверстона и пожал плечами:

— Какие ещё испанцы? Кто Вы такой? На каком основании здесь распоряжаетесь? — и смешанное чувство непонимания, удивления и презрения отразилось на округлом румянном лице, украшенном таким же двойным подбородком, как у Мэнсона.

— А, мистер Брэдфорд, и Вы здесь? Ваши приказы здесь значат не больше, чем слова Вашего одноглазого приятеля, который больше смахивает на пирата, чем на добропорядочного англичанина.

— Но..., - попытался возразить ему Брэдфорд, указывая на неумолимо приближавшиеся к берегу суда

— Пусть войдут в форт, а мы направим к ним шлюпку с парламентёрами, — брезгливо поджав губы, произнёс командующий, привыкший к неспешности Сент-Джеймса и Кенсингтона.

— Но за это время испанцы..., - вновь подал голос встревоженный губернатор

— Не перебивайте меня, мистер Брэдфорд, — тоном, не терпящим возражений, парировал новый начальник. — Надо выяснить, с какой целью они прибыли в Нассау. Может быть, они желают предложить нам торговую сделку, а Вы предлагаете открыть огонь по их кораблям. Представляете, какое письмо направит тогда Эскуриал Её Величеству? А что сделает с нами Мэнсон?

Брэдфорд молчал. Ему нечего было сказать, как и Вольверстону с Джеймсом. Человеческая глупость, в особенности, глупость начальника, может поставить в тупик даже самого опытного политика или военного, и в этом случае остаётся лишь покориться судьбе. Эскадра медленно входила в гавань Нассау. Натянутые над палубой сетки и открытые пушечные порты не оставляли ни малейшего сомнения в цели визита.

— Зажечь фитили! Над ватерлинией целься! — не раздумывая, выкрикнул Вольверстон

— Не стрелять! Это приказ! — завопил в ответ командующий фортom, пытаясь оттолкнуть его в сторону.

— Молчать, предатель! — Вольверстон мощным ударом в челюсть отправил чиновника в нокдаун. — Огонь!

Несколько пушек рявкнуло. Над батареями вновь раздался хриплый фальцет вскочившего на ноги командующего.

— Не стрелять! Убью каждого, кто ослушается приказа!

— Предатель! — Нэд разрядил пистолет в дородную тушу чиновника. Тот обмяк и мешком рухнул на каменные плиты.

— Огонь! — вновь выкрикнул Вольверстон, но время было потеряно. Мощный залп оглушил всех находившихся в гавани. Над разрушенными укреплениями повисло облако едкого дыма. Лишь крики раненых, доносившиеся из-под развалин, напоминали о том, что здесь только что были люди. Мгновение, ещё залп, — и форт окончательно превратился в руины. Из окрестных домов на пристань сбегались вооружённые мужчины.

— Шлюпки! Скоро они высадутся на берег!

— Где остальные?

— На плантациях! Оттуда не менее получаса верхом!

— Мало людей. Трудно придётся, но всё равно... Питт, помогай!

Вслед за Уоллесом в гавань примчалась босоногая команда мисс Брэдфорд. Лица повзрослевших парней были серьёзны. Раздобыв где-то абордажные сабли, они, казалось, готовы были биться до конца.

— А ты что здесь делаешь? Марш домой! Только тебя здесь не хватало!

Увидев среди мальчишек свою собственную дочь, губернатор выругался и схватил её за руку. Упрямая девушка не унималась:

— Мы будем защищаться, папа!

— Тогда не отходи от меня! Иначе не миновать неприятностей!

Из шлюпок раздались выстрелы, а вскоре на мелководье уже ворвались до зубов вооружённые испанцы. Одним из первых на пристань ступил невысокий смуглый субъект с мутно-голубыми глазами. В правой руке он держал саблю, а в левой — дымящийся пистолет. Жестом остановив готовых броситься в схватку соотечественников, он выкрикнул:

— Где губернатор?

— Это я, полковник Джеймс Брэдфорд. А вы кто такой?

— Дон Педро Альварес. Я представляю интересы испанской короны

— Вы грязный пират, а не королевский посланец.

Испанец грубо рассмеялся в ответ:

— Мне всё равно. Вы немедленно прекратите сопротивление и передадите нам ценности и продовольствие. В противном случае город будет разграблен.

Шлюпки прибывали. Испанцы выбирались из них и, повинаясь приказу Альвареса, выстраивались позади него широким полукругом. В красноватых лучах заходящего солнца сверкали абордажные сабли.

Сжав шпагу в правой руке, левой губернатор выхватил из-за пояса кинжал и ринулся вперёд:

— Убирайтесь отсюда, собаки! — прорычал он. — Ничего вы не получите!

— Зря стараешься, папаша! — выкрикнул Альварес. Раздался звук взведённого затвора, и испанец разрядил пистолет. Брэдфорд, застонав, рухнул наземь. Бросив оружие, Арабелла метнулась к отцу.

— Папа!

— Беги..., — едва успел прохрипеть Брэдфорд. Кровь хлестала из горла, и через несколько мгновений губернатор был мёртв.

— Хватай девку! — заорал капитан. — Связать и ко мне в каюту!

Арабелла отчаянно сопротивлялась, но пятеро налетевших головорезов схватили её и, заломив руки назад, начали связывать бечёвками.

— Арабелла! — прогремел над пристанью густой бас Вольверстона. Замахнувшись саблей, он тотчас же разmozжил голову одному из нападавших. Отбросив ещё двоих, гигант метнулся на помощь Арабелле, но удар камнем по голове заставил его рухнуть наземь.

— Вяжи старика!

— Может, пристрелим?

— Нет, крепкий, пригодится.

Испанцы наступали, как саранча, оттесняя островитян к подножию холма. Ряды защитников редели. С вершины холмы сбегали подоспевшие плантаторы, но силы были слишком неравными.

— Живыми брать англичан! — раздавался над пристанью хриплый голос Альвареса. — Мужчин на «Инфанту», с женщинами делайте всё, что хотите.

Вскоре бой был закончен, и вооружённые головорезы вступили в город. Над Нассау сгущались сумерки. Из разорённых домов до самой темноты слышались истошные женские крики. Так закончился этот день. День, ставший последним для губернатора Нью-Провиденс мистера Джеймса Брэдфорда и роковым для всей его семьи.

Примечания к главе 3.

В эпизоде с пушками истине соответствуют слова командующего Джеймса.

Глава 4. Когда честь дороже жизни

Впервые в жизни губернаторская дочь поняла, что существуют моменты, когда смелость и находчивость не могут уберечь от страшной беды. Девушка ни на минуту не теряла сознание, и в её мозгу запечатлелось каждое мгновение последнего путешествия. Крепко связанные просмоленной верёвкой руки и ноги затекли, и Арабелла почти их не ощущала. Четверо дюжих матросов, пропахших потом, табаком и ромом, несли её на полуобнажённых плечах, перекидываясь друг с другом похотливыми репликами. «Наверняка они уверены, что я не знаю испанского», — подумала она, — «хотя какое им дело до моих чувств? Ведь я — пленница». Арабелла внезапно осознала, что этим людям совершенно безразличны и её переживания, и её судьба. Она для них — красивая игрушка, с которой можно позабавиться, а затем придушить в трюме и выбросить в море. Воображение с ужасающей ясностью рисовало перед ней картину будущей судьбы, по сравнению даже самая страшная смерть станет дорогой и желанной гостьей, сулящей покой и забвение. Матросы уже подошли к пристани, где покачивался на волнах красный сорокапушечный галеон «Инфанта Лусия». В сгущающейся темноте чадил факелы. По узкому трапу медленно поднимались мужчины в разорванных рубашках. Их полуобнажённые спины были исполосованы саблями и плётками испанских матросов.

— Живей! — слышались повсюду злобные окрики погонщиков, — поторапливайтесь, английские свиньи!

Арабелла попыталась повернуть голову, чтобы лучше рассмотреть пленников, но один из матросов грубо окликнул её:

— Лежи спокойно, красотка! — слух губернаторской дочери уловил непонятную фразу, явно обращённую к ней. Девушка никогда ранее не слышала подобных слов, но тон, которым они были произнесены не оставлял никаких сомнений в их содержании, — и не испорти свою нежную кожу, а то капитан Педро нам головы оторвёт!

Воздух вновь огласился нецензурной бранью вперемешку с раскатистым хохотом.

— Да, Педро — капитан что надо! — криво усмехнулся встречавший их у трапа офицер, — а кто болтал, что с новичком всё дело провалим!

— Так то ж раньше было! — парировал один из матросов, — кто ж его знал-то...

Арабелла попыталась взять себя в руки и не шевелиться, чтобы не испортить своё и без того плачевное положение. Тащившие её матросы, отогнав от трапа пленных англичан, начали медленно подниматься на корабль. От подступившего к горлу острого чувства страха и жалости к себе девушке захотелось закрыть глаза и умереть.

— Отпустите её, собаки! — прервал её мысли знакомый голос Питта Уоллеса.

Увидев связанную дочь своего патрона, Питт попытался броситься к ней на помощь. На мгновение ум девушки озарила надежда, но свист испанской плётки и грубая брань вернули её к действительности.

— Хочешь, чтобы я тебя пристрелил, тощий юнец! — выругался погонщик, — за такого как ты нам даже полпесо никто не даст! Так что считай, что я тебе делаю одолжение, да помалкивай, — и кожаная плётка снова прошлась по спине Уоллеса.

Происшествие с Питтом было последнее, что ещё могла видеть Арабелла на берегу. Девушку подняли на палубу, и теперь несли в сторону лестницы, ведущей к занимаемым командой помещениям. У мисс Брэдфорд не было ни сил, ни желания обращаться с

просьбами к своим похитителям, и она лишь наблюдала, как яркие образы, сменяя друг друга, запечатлеваются в её памяти, как последние видения, ещё теплящиеся в мозгу умирающего.

Тяжёлая дверь каюты, скрипнув, отворилась, и матросы опустили её на огромный красный ковёр. Вновь перекинувшись непристойными шутками, они покинули каюту, в которую тут же вошёл худощавый мужчина в синем бархатном камзоле, расшитом крупными жемчужинами.

Чувства Арабеллы притуплялись. Она не различала черт его лица, но сердце болезненно сжалось и замерло от ужаса. Сейчас с ней произойдёт то, что ещё хуже, чем смерть, и ей не дано этого предотвратить. О том же, что случится после, губернаторская дочь не смела даже подумать. Воображение невинной девушки было бессильно представить ту бесчисленную череду унижений, которые могли ждать молодую и красивую пленницу на пиратском судне.

Незнакомец приблизился. Арабелла явственно ощутила исходящий от него запах рома, табака и перегара. Изящным движением тонких пальцев, унизанных дорогими перстнями, он достал из-за пояса кинжал и рассёк верёвки на её запястьях и щиколотках. Руки и ноги девушки болели, но онемение постепенно начинало проходить, и она попыталась незаметно пошевелить затекшими пальцами.

— Жди меня здесь, красотка, — хрипло произнёс капитан, направляясь к двери, — и приведи себя в порядок. Надеюсь, что к моему возвращению ты будешь сговорчивей. Будешь брыкаться — я всё равно своего добьюсь, но только потом пойдёшь на корм рыбам!

Дверь каюты хлопнула, пушечным выстрелом отозвавшись в мозгу Арабеллы. Забыв о том, что онемевшие конечности всё ещё плохо слушались её, девушка вскочила на ноги. Под ней расстилался красный персидский ковёр, который можно было бы назвать великолепным, если бы он не был грязен и на нём бы не оставили след не только сапоги, но и следы обильных возлияний его хозяина. Рядом стояла широкая кровать, на которой в беспорядке были разбросаны многочисленные рубашки и камзолы её владельца. В каюте стоял удушающий смрад, представлявший собой сочетание запахов грязи, вина, табака и перегара.

Нащупав под корсажем отцовский кинжал, который она успела спрятать в тот момент, когда её схватили испанцы, Арабелла зажала его в руке. «Умереть, но не быть опозоренной — вот единственный выход для честной девушки», — пронеслась в её мозгу спасительная мысль, — «Господи, прости мне этот грех. Ведь если я этого не сделаю, мне придётся совершить грех ещё худший, я стану дурной женщиной и мне не будет от Тебя прощения». Сердце её бешено колотилось, она и ждала с нетерпением этой минуты, и боялась её больше всего на свете. Но в мозгу её всё ещё теплилась надежда на чудо...

Капитан дон Педро Альварес вышел на палубу. Это был изящно сложенный смуглый молодой человек, которого можно было бы назвать красивым, если бы не складка в углах его тонких губ, придававшая лицу порочное выражение. Синий камзол его был распахнут, на жилете и рубашке, которая ещё с утра была белоснежной, были заметны пятна от пролитого рома. Мутные голубые глаза тупо глядели на матросов. В одной руке он держал недопитую бутылку рома, в другой — хрустальный стакан.

— Ну что, ребята, — обратился он к пировавшей команде, — девчонка что надо, но уж больно строптивая. Но я и не таких кобылок укрощал. Выпейте же за то, чтобы я хорошенько поразвлёкся, а потом и ваш черёд настанет, — он налил остатки напитка в стакан, залпом осушил его, и, размахнувшись, с силой швырнул на палубу. Раздался звон разбившегося

стекла. Капитан окинул мутным взглядом собравшуюся на шкафуте команду и расхохотался:

— За мой успех! — воскликнул он и вышвырнул пустую бутылку за борт, — а после посмотрим — оставить её или отдать для забавы рыбам!

— Да здравствует капитан Педро Альварес! — Дружный хохот пьяных молодцов ещё раз подтвердил, что капитан был прав, взывая к инстинктам толпы. Эти головорезы, мало чем отличавшиеся от пиратов, именовались командой королевского судна «Инфанта Лусия», а их капитан — доном Альваресом, полномочным представителем испанского королевского дома.

— Наш человек, — вполголоса заметил один из матросов, отхлебнув рома, — а Санчо трепал, что прислали изнеженного аристократа!

— Так он же и есть аристократ! — выругался Санчо, — но всё равно свой парень!

На палубе вновь раздался дружный смех, прерываемый крепкими словечками.

Окончательно осовевший капитан, пошатываясь, подошёл к лестнице с резными перилами. Вдохнув напоённый тропическими ароматами воздух, он медленно спустился вниз, неровной походкой добрёл до двери каюты и открыл её...

Глава 5. Вирази судьбы

Темно и сыро было на нижней палубе. Неровный свет масляного фонаря выхватывал из мрака опухшие бородатые лица двух неопределённого возраста субъектов. Устроившись на перевёрнутых бочках, матросы коротали время за картами и малагой.

— Ну вот, Лео, мы тут трюм сторожим, а другие пируют. Глянь, какой замок на двери-то, а капитан ещё пост выставил. Боится, что взбунтуются? Старый наш, помнишь, ключ всегда с собой носил, а этот... Видать, зелёный ещё. Хотя не ожидал я от него такой прыти. На Багамах ловко управился, и девчонку прихватил.

— А тебе какая разница, Сильвио, — заплетающимся языком пробормотал другой, — выпивки вволю, и всё для нас двоих. Пусть его делает, что хочет, лишь бы про нас не забывал.

— Да Лео, а пирушка у нас знатная. Ну что ж ты... Выкладывай карты, — мрачный субъект вытащил из колоды засаленного туза и выложил его на дно стоявшей перед ними бочки с малагой.

Обладатель звучного имени Леонардо внешне ничем не напоминал царственное животное и являл собою тощего жилистого типа с неопределённым цветом волос. Увидев туза, он почесал в затылке и недовольно поморщился.

— Не нравится? Крыть нечем? Тогда выворачивай карманы.

Лео запустил руку в карман и пошарил там, пытаясь придать своему лицу глубокомысленное выражение. Но увы! Немногое, что там ещё оставалось, уже успело перекочевать к его более удачливому приятелю.

— Мда..., - в задумчивости пробормотал он, а затем умолк, будто прислушиваясь

— Ты что?

— Тише! Идёт кто-то! Наверное, от капитана.

— Ну и что? Все веселятся, и мы тоже, — усмехнулся Сильвио, — быстрее раскошеливайся!

— Тсс! — Леонардо поднёс палец к губам, привстал, покачнулся, и, опершись на стену, заглянул в крошечный мрак коридора.

— Молчи дурень! Это капитан!

В темноте мелькнула худощавая фигура в украшенном серебряном позументом камзоле. Верхнюю часть лица скрывали опущенные поля шляпы, из-под которой ниспадали чёрные локоны парика.

— Дон Педро? — пробормотал Сильвио, — или мерещится мне...

— Не твоё дело, бездельник. Встать!

Оробевшие часовые вскочили с мест, пытаясь удержать отяжелевшие тела в вертикальном положении.

— Может, выпьем, капитан? И ты же нам обещал...

— Что? — угрожающе прохрипел капитан.

— Молчи, дурень, — Сильвио толкнул товарища в бок. Тот тотчас же умолк.

— Что я обещал? Ты...

— Что мы... Ну с девчонкой..., - пробормотал еле живой от страха Леонардо

Капитан усмехнулся, и рука его уверенно заняла место на спусковом крючке подвязанного к поясу пистолета.

— Будет вам девчонка. Ключи от трюма! Живо!

— Что...

— Два раза повторять надо?

Матрос трясущимися руками снял с шеи верёвку с подвешенной на ней связкой и подал капитану. Тот быстро зажал её в руке.

— Сейчас проверю, а то перепутаешь спьяну.

Метнувшись к двери через освещённое пространство, капитан вновь оказался в тени и, развернувшись вполоборота, не упускал из виду стоявших навытяжку стражников. Уверенно вставив в замок один из висевших на связке ключей, он повернул его и, сняв с петель, толкнул дверь. Та поддалась. Внутри слышались крики пленных англичан. Капитан запер трюм, а в лица стражников вновь взглянуло чёрное дуло пистолета.

— Вперёд, — тихо скомандовал Педро.

— Куда?

— В каюту, где девчонка, — усмехнулся капитан. — Или уже не хочешь?

Сильвио толкнул приятеля в бок, но по губам Лео уже расплывалась ехидно-глуповатая улыбка.

— А как же...

— Тогда вперёд, — прохрипел капитан. — Завтра по доске её пустим. Женщина на корабле не к добру.

Поднявшись по лестнице, стражники направились к капитанской каюте. Впереди, пошатываясь и икая, следовал Леонардо. За ним нехотя, брёл Сильвио. Он то и дело оглядывался назад, на замыкавшего шествие дона Педро.

— Ты видел его лицо, Лео? — шепнул Сильвио. — Печёнкой неладное чую

— Иди ты! — отозвался Леонардо. Он уверенно шагнул в приотворившуюся дверь и тотчас услышал за спиной глухой звук и сдавленный голос товарища.

— Ты что...

Матрос обернулся. Сильвио медленно оседал, глядя перед собой бессмысленным взором. Ещё мгновение, и сильный удар в висок погасил последние остатки сознания в мозгу Леонардо. Ноги его подкосились, и он рухнул рядом с товарищем. За сим последовал лязг поворачивающихся в проржавелом замке ключей, а вскоре затихли и шаги в коридоре.

«Кажется, удалось. Теперь главное, чтобы ребята не подвели», — прошептал тот, кого только что называли капитаном Альваресом. Бесшумно спустившись вниз по лестнице, ведущей к трюму, он осмотрелся, повернул ключ и приоткрыл дверь. Из тёмного помещения слышалась крепкая английская брань. Заключённые, толкая друг друга, ринулись к выходу.

— Тише, — шепнул незнакомец и поднёс палец к губам, — есть план, как отсюда выбраться.

— Ты кто? — пробормотал Питт Уоллес. Тусклый свет фонаря казался ему непривычно ярким. Он щурился, протирая глаза разорванным в клочья рукавом окровавленной рубахи и тщетно пытался различить черты стоявшего на пороге человека.

— Разговоры потом. У нас мало времени. Все наверху, а меня принимают за капитана. Нэд, ты здесь? — незнакомец вновь заглянул в крошечный мрак трюма.

— Да, — откликнулся Вольверстон

— Отбери самых крепких. Лучше из тех, кто выходил в море. Держи!

Вольверстон ловко поймал брошенную связку, с которой незнакомец

предусмотрительно снял ключ от двери, ведущей в трюм. Несколько пленников были закованы в кандалы, и, чтобы освободить их, требовалось время.

— Шевелись, Нэд! — нетерпеливо поторапливали его заключённые, — вдруг там кто протрезвеет!

— Сейчас, погоди, вот только Крисперс остался. Хороший парень, пригодится...

— Тише, ребята, испанцы...

Топот сапог на лестнице заглушала бессвязная болтовня. Незнакомец быстро захлопнул дверь. Шаги неумолимо приближались, а голоса были слышны уже совсем рядом.

— В картишки, что ли сыграем, Антонио? — пробормотал один из испанцев. Звук, раздавшийся вскоре после этого, не оставлял никаких сомнений в том, что говоривший с трудом удержался на ногах.

— На что играть-то будем, Марсело? — расхохотался другой, видимо, более трезвый, — ты же всё проиграл спьяну.

— На то, кто первый пойдёт к девчонке. Думаешь, не выполнит обещание капитан?

— Да кто его знает? Аристократ — он и есть аристократ. Хозяин своего слова. Сегодня дал, а завтра возьмёт обратно.

За сим последовали крепкие матросские словечки, заглушаемые грубым смехом и топотом сапог. Испанцы уже почти приблизились к месту, где обычно дежурили караульные. Но вдруг чья-то тень шагнула вперёд из полутёмного помещения.

— Кто тут вспоминает Педро Альвареса?

Осовевшие молодчики замерли на месте, поддерживая друг друга и бессвязно что-то бормоча.

— Забыли, где находитесь? — из-под надвинутой на лицо шляпы гневно сверкнули синие глаза

— Прости нас, капитан, — с трудом выдавил из себя Антонио, — мы просто спьяну.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — прохрипел выдававший себя за капитана незнакомец. — Поразвлекься собирались?

— Ты же сам обещал..., - виновато проворчал Марсело

— Обещал, значит, выполняю, — капитан легко подтолкнул оробевшего Марсело дулом пистолета. — Вперёд! В мою каюту.

Процессия уже почти подошла к каюте, когда один из испанцев обернулся.

— Послушай, Марсело, разве капитан не выше тебя ростом был?

— Так то же на каблуках, наверное, — пробормотал другой

— Нее..., серьёзно...

Неловко развернувшись, Антонио шагнул вперёд, чтобы внимательнее рассмотреть незнакомца, но тот с силой ударил в висок рукоятью пистолета. Тихо охнув, матрос опустился ничком на палубные доски. Протрезвевший Марсело рванулся было к лестнице, но раздавшийся за спиной звук взведённого курка заставил его обернуться.

— Куда? Открывай дверь, и поживей!

Осознав, что наставленное на него дуло не есть плод распалённого хмельным зельем воображения, испанец взял ключ и дважды повернул его в замке. Не отводя пистолет, незнакомец жестом указал на распростёртое на палубе бесчувственное тело.

— В каюту!

Опасливо озираясь и проклиная собственную глупость, матрос начал втаскивать товарища внутрь.

— Ты что, и меня..., - едва успел произнести он, как что-то тяжёлое ударило его в висок. Из глаз посыпались искры, ноги подкосились, и незадачливый испанец рухнул наземь.

— Доброй вам ночи! — тихо рассмеялся незнакомец, — а ночь-то и впрямь будет добрая!

Заперев дверь, он вновь спустился к трюму, где его ждали встревоженные пленники.

— Выходим без шума. Сколько ты отобрал, Нэд?

— Пятьдесят, как ты просил. Может, больше надо?

— Остальные остаются в трюме, Лэндс за главного. Если заподозрят неладное, действуйте на своё усмотрение.

— Не подведём, — сорокалетний верзила-трактирщик, с недоумением уставился на неизвестного человека, только что обратившегося к нему по имени. Но раздумывать было некогда, да и лишних вопросов он задавать не привык.

— Джеймс, спрячься здесь и следи за коридором. Если услышишь что-либо странное, подай знак.

— Есть, капитан! — польщённый доверием тринадцатилетний паренёк занял свой боевой пост у стены, рядом с бочонком с малагой, где только что пировали двое незадачливых стражей.

— Сэм, ты троих возмёшь и в капитанскую каюту. Там четверо молодцов спят, не ровен час проснутся. Остальные со мной! И дай нам Бог удачи!

Стояла тихая безлунная ночь, и лишь горящие на мачтах огни тусклым светом освещали собравшуюся на шкафуте команду. Люди пировали, отмечая удачный рейд. На палубе царило необузданное веселье, и на всём корабле не осталось ни одного мало-мальски трезвого матроса или офицера. Даже часовой, мерно расхаживавший по полубаку, уже не раз приложился к бутылке рома, который вкушали его свободные от вахты собраты под нестройный хор пьяных голосов, горланивших матросские песни.

Никто из испанцев так и не заметил, как бывшие пленники выбрались наверх. Да и наутро, очнувшись в залитой кровью капитанской каюте, они вряд ли они смогли бы вспомнить, что же произошло в эту ночь, и почему корабль, который должен был мирно покачиваться на волнах в гавани Нассау, на всех парусах двигался в неизвестном направлении.

А тем временем шестьдесят с лишним бывших пленников собрались на палубе. Вокруг них, до самого горизонта, простиралось море. Галеон шёл курсом галфвинд, легко скользя по невысоким пенящимся волнам. Дул свежий бриз, а ясное небо предвещало хороший солнечный день. Правда, настроение у большинства было отнюдь не безоблачным.

Окинув квартердек мрачным взором, бывший помощник губернатора Джеффильд покосился на ванты, где копошились двадцать матросов с фрегата «Солнце Ямайки»:

— Что делать будем, господа? Хорошо ещё эти парни уцелели...

— А ты хотел сидеть в трюме, а потом на плантации спину гнуть? — возмутился Крисперс, крепкий мужчина лет двадцати пяти с пшеничного цвета усами

— Да ладно! — поддержал его кто-то из толпы, — из плена выбрались, и то хорошо.

— Вы конечно правы, ребята, — сомневался Джеффильд, — но у нас двадцать матросов, и те на вантах. А если шторм? Да и куда вообще сейчас идти? Хорошо ещё, что Нэд с нами!

— Хм..., - осторожно кашлянул солидный плантатор лет сорока по имени Бэнджамин

Годфри, — я всё же полагаю, господа, что нам надо вернуться назад

— В Нассау? — раздражённо перебил его Крисперс, — да там испанцы хозяйничают!

— Может, на Большой Багам? — предположил Джеффилд, — там нет никаких поселений

— Ты полагаешь, они нас не заметят у себя под носом? Да в Нассау галеон и фрегат с кучей здоровяков и ещё подкрепление подойдёт.

— Думаешь?

— Наверняка кто-то из матросов за борт прыгнул, когда мы их окружили.

— Может, на Ямайку или Барбадос податься?

— Только не на Ямайку, — подал голос дотоле молчавший Вольверстон, — она наверняка в руках у испанцев. Чует моё сердце, Мэнсон не зря людей всюду расставил.

— Так что же нам делать?

Бывшие пленники замолчали, осознав, что попали из огня да в полымя. Вокруг них простиралось лишь бескрайнее море — их спасение, и, вместе с тем, смертельная опасность, сила, способная в считанные мгновения разметать в щепки даже такой крепкий и быстроходный корабль как «Инфанта». Лишь безжизненные скалистые острова то тут, то там дыбились над водой, но встреча с ними была чревата ещё большими неприятностями.

— Всё не так плохо, господа, — вновь подал голос одумавшийся Джеффилд, — с нами Нэд, двадцать матросов, с десятков рыбаков и столько же канониров. До ближайших островов доберёмся. Вот только шкипера нет.

— Я раньше шкипером был, — отозвался Крисперс

— Мы с Сэмом тоже во флоте служили, а Сандерс с Лэндсом в Дувре на судоверфи плотничали.

— Мы тоже в море выходили с Нэдом, — заметил Питт

— Ты может ещё сгодишься, а вот другие... Да самому старшему из вас от силы шестнадцать будет, какой с таких прок?

— Я за ребят ручаюсь, — возразил Нэд, — да и руки лишние пригодятся.

— А Арабелла? — вдруг встрепенулся Питт, обратившись к облокотившемуся на фальшборт незнакомцу, столь ловко вызволившему их из испанского плена. Но тот молча взирал на разгоревшуюся на квартердеке перепалку и он задумчиво вертел огромный розовый бриллиант, украшавший затянутую в перчатку руку.

— Что с Арабеллой, я тебя спрашиваю! Отвечай! Ты её родственник? Тот франт из Лондона?

Несколько человек с силой толкнули Уоллеса в бок — пререкаться с тем, кто только что спас тебе жизнь, было по меньшей мере легкомысленно.

— Нет больше Арабеллы, — хриплым голосом ответил незнакомец. В чертах его действительно просматривалось сходство с дочерью Брэдфорда. Столь же смуглый и синеглазый, ростом он был разве что на пару дюймов выше и, судя по всему, несколько старше Арабеллы. В облике и манерах чувствовались уверенность и хладнокровие. Вряд ли его можно было назвать высокомерным, но, судя по всему, молодой человек намеренно подчёркивал своё аристократическое происхождение. Он был чем-то сильно встревожен — сквозь оливкового цвета кожу явственно проступала бледность, а во взгляде сквозила едва уловимая грусть.

— Я опоздал, — после небольшой паузы добавил он, — Арабелла погибла. Убила себя, чтобы не стать игрушкой в руках этого зверя...

— Врёшь! Почему ты сразу не сказал? Да кто ты сам такой? Ты не ответил...

— Можете называть меня Питер, — сухо ответил незнакомец, — Я её кузен, а родословную мою пересказывать нет ни времени, ни смысла. Если мы не примем решения, то до ближайшего берега не доберёмся. Шкипер у нас есть, плотников двое. Пока нет боцмана. Канониров и вантовых мало, но есть люди им в помощь. Канонирами может командовать Роджерс, он дело знает. Остаётся выбрать капитана и распределить вахты.

— А парень прав, — поддержал Питера Нэд, — молодой, но смышлёный. Боцманом, помнится, Дик был в молодые годы.

Пятидесятилетний Дик Чейнс молчал, уставившись на палубные доски. Казалось, он менее всего желал вспоминать о собственном прошлом.

— Да ладно тебе, Дик, — подбодрил его Нэд, — ну пиратствовал ты, ну и что? Кто тебя здесь за это осудит?

— Послушайте, а может, мы тоже..., — подал голос тринадцатилетний Джеймс Годфри, сын плантатора, ещё недавно предлагавшего всем вернуться в Нассау, — давайте отомстим за всех, а?

— Ты что, парень? — отец залепил не в меру языкастому отпрыску подзатыльник, но слова мальчугана уже возымели действие. Как часто бывает, многим пришла в голову одна и та же мысль, но она была столь дерзкой, что каждому хотелось, чтобы высказал её кто-то другой.

— Послушайте, а ведь он дело говорит, — поддержал его бывший шкипер Крисперс. — На Багамы идти опасно, на Ямайку тоже. Нэд прав, никто не знает, что произошло в других британских колониях. Можно податься на нейтральные территории, но никто не знает, что нас там ждёт. У нас нет ни денег, ни ценных бумаг — ничего, что помогло бы нам стать на ноги, и виноваты в этом испанцы. Но зато в наших руках отличный корабль, сорок пушек и полно мушкетов. Чего ещё желать?

— Молодец, Крис, — с нижних рей раздались одобрительные возгласы вантовых. — Тебе бы политиком быть — говорить хорошо умеешь.

— Предлагаешь мне вспомнить молодость, — усмехнулся Нэд. — А что, в этом есть резон. Правда, дело очень рискованное. Команды нет, да и времена не те. Редко кто из губернаторов свидетельства выдаёт. Хотя есть у меня один приятель. Француз, лет десять как на посту. Если решимся, могу потолковать.

— Я за то, чтобы отомстить испанцам, — решительно промолвил Питт, — я любил Арабеллу. Любил с самого детства, хотя мне не раз говорили, что она мне не пара. Помнишь, Нэд? Миссис Брэдфорд её за Питера сватала, а у него то морская болезнь, то сплин, то хандра...

Бывший пират с тревогой покосился на стоявшего рядом Питера. Тот же, будто невзначай, отвернулся к фальшборту и поднёс к глазу подвешенную на поясе подзорную трубу. Питер по-прежнему казался бледным и заметно встревоженным.

— Не время счёты сводить, Питт, — холодно заметил он, — Нэд, взгляни-ка сюда

Питер указал рукой на возвышающуюся на юго-западе скалу. Среди покрывавшей её невысокой растительности виднелись то ли ветки деревьев, то ли мачты проходившего вдали корабля.

— Марсовой! Что на юго-западе?

Не услышав ответа, капитан запрокинул голову. Наблюдательные площадки на мачтах пустовали. На квартердеке же вновь разгорался спор между бывшим шкипером и

плантаторами.

— Джеймс! — кивнул он в сторону не в меру болтливого Годфри-младшего, — На грот-мачту! Быстро!

Ловкий плантаторский сын в мгновение ока взобрался на смотровую площадку и тут же завопил во всю глотку:

— Верхушки мачт! Флаг испанский! Больше не видно ничего

— Куда идут?

— Нам наперерез.

— В фордевинде, значит. Дай Бог, чтобы не погоня. Попробуем уйти. Не получится — примем бой.

Капитан покосился на Вольверстона. Тот одобрительно кивнул.

— Да ты что, Питер? — возмутился Годфри-отец, — мы же...

— Драться будем в крайнем случае, — оборвал его капитан, — а пока...

На мгновение он замолчал. Смуглое лицо, поначалу встревоженное и грустное, обретало всё более решительное выражение.

— Роджерс и канониры на пушечную палубу! В помощь к орудиям Джеффильд, Майлс, Шейн, Уоррен и Годфри.

Несколько бывших плантаторов, неожиданно для себя оказавшихся в числе орудийной obsługi, с недоумением взирали на юнца, столь бесцеремонно узурпировавшего обязанности капитана. А тем временем с наблюдательной площадки на грот-мачте вновь раздался звонкий голос Джеймса Годфри:

— «Кадис»! Тот, что стоял в Нассау!

— Значит, погоня, — Питер вновь обернулся к Вольверстону. Во взгляде читался немой вопрос. Старый вояка молча кивнул, и воодушевлённой поддержкой аристократ вновь подал голос:

— Подготовиться к повороту!

Вокруг тут же раздались отрывистые выкрики — мачтовые передавали команды на ванты. Зависшие у рей моряки подбирали гитовы и травили шкоты, а Джеффильд и Годфри-отец всё ещё стояли на палубе, споря и не в меру бурно жестикулируя.

— Вот это да, — прыснул в кулак матрос, ещё недавно служивший юнгой на «Солнце Ямайки», — важные персоны у нас в прислугу назначены. Да только вот не рады видать...

Мысль эта показалась ему столь занимательной, а вид высоких особ в сей судьбоносный момент их жизни был столь комичен, что юнга отвлёкся и выпустил снасти из рук.

— Поворот!!! — крепнувший ветер разнёс над волнами голос капитана, но судно, встав против ветра, начало медленно двигаться кормой вперёд, постепенно теряя управление. Собравшиеся на палубе люди испуганно переглядывались, проклиная судьбу, по воле которой они оказались в руках зелёного юнца, ничего не смыслящего в морском деле. В течение нескольких мгновений на корабле воцарился полный хаос. Несколько человек попытались броситься к шлюпкам, другие просто стояли на месте, не зная, что предпринять для собственного спасения. Тем временем порывы усиливающегося ветра начали относить галеон назад, и он всё больше и больше раскачивался на набегавших на палубу волнах.

— На грот-мачте! Паруса перебрасовать на левый галс! Дик, не зевай! — громко выкрикнул ничуть не растерявшийся Питер, — продолжить поворот!

Побледневший виновник происшествия по имени Дик судорожно схватил в руки снасть и принялся исполнять приказ. Заскрипев, судно медленно ложилось на новый курс,

постепенно отдаляясь от преследовавшего его «Кадиса».

— Хорошо бы оторваться, да вот только ветер..., - Питер обернулся к стоявшему рядом с ним Вольверстону. Тот же в ответ кивком указал на палубу, где по-прежнему царил хаос. Годфри и Джеффилд метались по квартердеку, ещё двое бывших плантаторов в оцепенении взирали на происходящее, и даже бывалые рыбаки то и дело оглядывались по сторонам, будто ища поддержки.

— Прекратить панику! — снова выкрикнул Питер, — Сетку натянуть! Канониры — к пушкам! Остальные с мушкетами на квартердек!

Мужчины переглянулись. С другой стороны, этот никому не известный наглец всё-таки прав, да и он, похоже, понимает, что надо делать. Тем более что именно ему пришла в голову мысль о том, как захватить «Инфанту». Выбора не было, и они поспешно бросились исполнять приказания новоиспечённого капитана. Над палубой была натянута защитная сетка, а канониры заняли причитающиеся им места у пушек. А тем временем «Кадис», подгоняемый крепчающим ветром, неуклонно приближался к беглецам, и их шансы на благополучный исход операции таяли с каждой минутой. Первым осознал это

Вольверстон и тут же с сомнением покосился на стоявшего рядом Питера. Столь хрупкий субъект с замашками высокородного аристократа гораздо лучше смотрелся бы на начищенном до блеска паркете Сент-Джеймса или Кенсингтона, чем в разгар боя на корабельной палубе.

— Уверен, что выдержишь? Абордажа не избежать, значит, будет настоящая мясорубка.

— Понимаю, — кивнул Питер, — но разве у нас есть выбор?. Не думаю, что будет хуже, чем в Нассау.

Приблизившись на расстояние пушечного выстрела, испанский фрегат начал маневрировать, постепенно разворачиваясь к «Инфанте» бортом. Судя по всему, он совсем недавно побывал в бою — фок-мачта была переломлена пополам, а в носовой части чуть выше ватерлинии зияла глубокая пробоина. Да и на оснащение его кто-то явно поскупился — крепкие молодцы с трудом управлялись с тяжёлыми неповоротливыми орудиями на верхней палубе, калибр которых явно не соответствовал их габаритам. Ржавые порты на нижней палубе открывались с трудом. «Инфанта» же находилась в отличном состоянии, а после очередного поворота стала в наветренное по отношению к «Кадису» положение, обратившись к нему левым бортом.

— Огонь! — залп мощных бортовых орудий оглушил не привыкших к подобным звукам бывших островитян, а от едкого дыма перехватило дыхание. Чихая, кашляя и бранясь, новоиспечённые матросы проклинали всё — и тупоголового королевского посланца, и испанцев, и злую судьбу, по воле которой они оказались в столь плачевном положении.

На юте раздались крики — шквал мушкетного огня с марсов и квартердека «Кадиса» сразил пятерых, а остальные вяло отстреливались, пытаясь спрятаться за такелажем.

— На квартердеке! — вновь выкрикнул Питер, — прекратить панику! В три ряда перестроиться! Вести непрерывный огонь!

— Отлично, Питер! Вспомним старика Моргана! — громовой голос Вольверстона заглушил последние слова капитана. Взяв в помощники пару опытных матросов, одноглазый верзила направлял мушкетный огонь, используя известную ещё со времён Моргана пиратскую хитрость*.

Тем временем порыв сильного ветра отнёс дымовую завесу в сторону испанца. После удачного залпа англичан фрегат окончательно лишился фок-мачты и теперь неуклюже

маневрировал, пытаясь выйти в наветренное положение. «Инфанта» же, развернувшись, обратилась к неприятелю узкой носовой частью.

— Держитесь, ребята!

Голос Питера потонул в оглушительном грохоте — заговорили пушки «Кадиса». Но ответный залп лишь слегка задел бортовое ограждение корабля и повредил верхнюю часть грот-мачты. Повсюду раздавались радостные возгласы. Первые успехи воодушевили команду, а ведь совсем недавно мало кто верил, что «Инфанта» вообще сможет вести бой.

— Поворот! С правого борта огонь!

Языки пламени вырвались из пушечных портов. С испанского фрегата слышались крики раненых и треск ломающихся снастей.

— Отлично! — завопил Вольверстон, — прямо в руль попал! Трудно теперь им придётся!

На квартердеке отчаянно палили из мушкетов, но ряды стрелков уже изрядно поредели, а юнги не успевали оттащить с палубы убитых и раненых.

— Смотри-ка, Питер, в дрейф ложится, — голос Нэда вновь загрохотал над палубой, но его тут же заглушил очередной залп приблизившегося почти вплотную к «Инфанте» испанского фрегата. Галеон содрогнулся всем корпусом — одно из ядер угодило в пушечный порт.

— Что с канонирами? — выкрикнул изрядно охрипший Питер

— Двое убитых, один ранен, — отозвались снизу

— Держитесь! Теперь с правого борта! По ватерлинии!

Снова залп. Крики испанцев слышались совсем рядом. Раздумывать было некогда.

— Подготовиться к абордажу! Нэд!

— Крисперс, Майлс, Дик..., — опытный Вольверстон отбирал самых крепких, способных выдержать тяжёлую рукопашную схватку. Но не так-то просто было отвязаться от Питта Уоллеса.

— Я с вами, Нэд!

— Молод ещё, — оборвал его старый морской волк

— А он? — Питт кивнул в сторону Питера.

— Этот тем более, — Вольверстон смачно выругался

Спорить с Нэдом было бесполезно, и Питт отступил. Сжав крючья, матросы абордажной группы замерли у фальшборта в ожидании команды, готовые намертво пришвартовать «Инфанту» к потерявшему управление «Кадису».

— На абордаж! — охрипший Питер с трудом перекрикивал мушкетную канонаду. Но всем и без этого было ясно — бой выигран только наполовину. Сжав в руке саблю, капитан метнулся к фальшборту. Мгновение, и «Инфанта», содрогнувшись, тяжело ударилась о борт испанского фрегата. Матросы ринулись на палубу «Кадиса», перепрыгивая через сцепленные фальшборт и истошно вопя.

— Ты куда? — голос Вольверстона был непривычно резок. — Живо назад!

Он с силой оттолкнул капитана, но тот вновь рванулся вперёд и через несколько мгновений перемахнул через бортовое ограждение. Так и не облачившись в кирасу и шлем, он ворвался на шкафут в щёгольском чёрном камзоле и шляпе с остатками сорванного испанской пулей роскошного плюмажа.

Нэд тревожно взглянул на капитана. Ринувшись вперёд, Питер замахнулся саблей на подступавшего испанца и рассёк ему висок. Матрос рухнул, заливаясь кровью. Ещё один...

Он был совсем близко, а клинок его уже рассекал воздух. Мгновение, и рука Питера рванулась к пистолету. Выстрел. Тело тяжело опустилось на палубу. Теперь — ещё двое. Сцепившись с двумя рослыми испанцами, Вольверстон с трудом успевал следить за капитаном. Тот отчаянно отбивался, прорубая дорогу среди наступавших испанцев. Чёрное от копоти лицо побледнело и Питер, казалось, вот-вот лишится чувств. Но вот он качнулся, вцепившись в ванты... Схватив обоих противников за горло мощными ручищами, Вольверстон со всей силы столкнул их лбами и тотчас же швырнул в стороны. На помощь... Надо было остановить, не позволить... На мгновение Нэд понял, точнее, каким-то шестым чувством ощутил, как к горлу Питера подступила мучительная дурнота. Ещё один испанец... Вольверстон замахнулся и, с силой рубанул ему саблей по темени, метнулся к ослабевшему Питеру, на которого уже наступали трое здоровяков. Всего несколько шагов. Чьи-то предплечья, сомкнувшись, стиснули горло. Дотянувшись рукой до подвешенного на поясе пистолета, Вольверстон выстрелил назад — наугад, в повисшего на нём испанца. Руки нападавшего разжались, и обмякшее тело скользнуло по спине. Теперь к Питеру... Вольверстон тщетно искал его глазами, но тот... Страшная догадка мелькнула в мозгу. Неожиданно среди кровавой массы вновь мелькнула знакомая фигура. Питер вновь наступал. Испанцы вновь валились наземь под ударами его сабли, а он, прорубая дорогу, уверенно продвигался вперёд. Вольверстон облегчённо вздохнул и ринулся в бой. Англичане захватили весь квартердек, и теперь теснили испанцев на юте и баке, отвоёвывая каждый дюйм палубы. Питт Уоллес, так же не облачившийся в доспехи, отчаянно размахивал саблей, взбираясь по лестнице, ведущей на ют. Высокий и тощий, как скелет, в рваной окровавленной рубашке, с ниспадавшими на плечи всклокоченными волосами, он внушал ужас одним своим видом. За ним следовал, ловко орудуя двумя саблями одновременно, опытный фехтовальщик Уоррен Крисперс. Ещё с десятков человек теснили отступавших испанцев в сторону лестницы, ведущей к трюму.

— Давай, Крис, ещё немного... Питт! Берегись! Сзади!

Выстрел... Уоллес оглянулся. Позади него было перекошенное от злобы лицо — бледное, неживое. Тело испанца медленно оседало наземь. Рядом с ним стоял Питер, держа в руке дымящийся пистолет. Неужели смерть была так близко? Нет, всё-таки Питер молодец — ещё раз спас ему жизнь. Если они оба переживут этот день, то наверняка станут друзьями. Но вот, кажется победа. Испанцы рванулись к шлюпкам, а зазевавшихся уже теснят к лестнице Нэд и Крисперс с отрядом. Бросив взгляд на залитую кровью палубу, Уоллес снова увидел капитана. Питер стоял у фальшборта, опустив саблю и вцепившись в ванты. Каким бледным, оказывается, может быть его лицо! Эта бледность просвечивала даже через толстый слой копоти. Испанец... На вантах, совсем близко к Питеру... Саблю занёс, ещё мгновение... Выстрел. Капитан обернулся и отпрянул назад. Прямо перед его глазами с вант свалилось тело испанца, а Питт Уоллес, больше похожий на изображение «Весёлого Роджера», чем на себя самого, всё ещё сжимал пистолет.

— Ты спас мне жизнь, — на закопченном лице Питера мелькнула смущённая улыбка

— Да что уж там, это ты... Считаю, мы квиты. И прости меня за то, что...

— Да ладно.

На лестнице мелькнула голова Вольверстона, а вскоре и сам он появился на палубе.

— Хватит вам, ребята, — рассмеялся Нэд. — вы не в Сент-Джеймсе, и бой ещё не закончен. Надо осмотреть трюм и нижние палубы

После битвы команда вновь собралась на квартердеке. Тотчас же был осмотрен и

перенесён на «Инфанту» призовой груз, составивший около пятидесяти сундуков серебра и ещё несколько точно таких же — с изумрудами и жемчугом. Большая часть команды согласилась с Крисперсом, и «Кадис» было решено не затапливать. Командование фрегатом принял Вольверстон. Отправив на «Кадис» три с небольшим десятка матросов и плотника, Нэд предпочёл пока задержаться на «Инфанте».

— А вправду, давайте попробуем, — не унимался Джеймс Годфри, уже почувствовавший себя настоящим морским волком, — ведь нам же удалось победить!

На этот раз Джеймса поддержала большая часть команды. Но Питер медлил, то и дело глядя на хранившего безмолвие Вольверстона.

— Решайся, Питер, — Питт Уоллес предпринял ещё одну попытку убедить товарища. — Ты отличный моряк, и с тобой мы отомстим за всех... И за Арабеллу тоже...

Капитан опустил глаза, а на щеках снова проступила лёгкая бледность.

— Что скажешь, Нэд? — обратился он к Вольверстону. — Сегодня противник был слаб, а удача оказалась на нашей стороне. А если наоборот? Кто готов на это?

Нэд молчал, погрузившись в свои мысли. Да, он был абсолютно уверен, что неопытная команда никогда не сможет победить в бою. Но, с другой стороны, разве это только что не произошло? Разве кучка отчаявшихся беглецов не одержала ещё одну победу?

— С другой стороны, кто из нас может вернуться в Англию? — продолжал Питер. — У кого есть средства? Даже если мы поделим всё, что захватили сегодня. А документы? Как мы сможем доказать, что не погибли в Нассау?

На палубе воцарилось молчание. Конечно, сидя в трюме, каждый мечтал о свободе, но какой она станет, никто не мог предположить. Вчерашние жители Нассау постепенно осознавали, что прошлое окончательно погрузилось в небытие. Каким должно стать будущее? За бортом плескались волны, а ветер постепенно набирал силу. Вечная опасность подстерегала повсюду. Опасность, к встрече с которой никто из них не был готов.

— Ладно, ребята, — вновь заговорил капитан, видя, что его товарищи уже исчерпали все запасы красноречия. — В английские колонии мы идти не можем. Никто не знает, что там произошло после визита Мэнсона. У Нэда есть приятель — губернатор Тортуги. Там нас примут, и не будут расспрашивать. Остров хорошо защищён, и испанцы туда не доберутся. Поделим добычу, а после этого каждый волен поступать как захочет.

— А сам ты что решил? — поинтересовался Крисперс. Предложение Годфри-младшего казалось ему заманчивым. Жалование шкипера королевского флота было невелико, а падение Нассау обратило в прах его надежду в скором времени занять место командующего фортом.

— Пока не знаю, — задумчиво промолвил капитан. — Мне будет трудно доказать свои права, да и найти место в новой жизни, без титулов, и состояний. Всё, что я умею — это кое-как управляться с кораблями. Правда, и в этом я пока что лишь жалкий любитель, не чета Нэду.

Оставалось лишь одно — решить, как поступить с пленными, но разум всё же взял верх над вполне естественным желанием отомстить, и все они были высажены в шлюпки вблизи Большого Инагуа.

* Примечание

Бесперывный огонь — имеется в виду использованный Морганом в ходе Панамской кампании приём, когда стрелки выстраивались в три линии. Пока одни вели стрельбу, остальные перезаряжали оружие. Таким образом, Морган получил возможность практически

беспрерывно обстреливать противника.

Орудийная прислуга (обслуга) — вспомогательный персонал, оказывающий помощь канонирам.

Глава 6. Звезда Тортуги

В Кайонской бухте, как всегда, скопилось множество кораблей. Большую часть их составляли барки и шлюпы с командой не более пятидесяти человек. Рядом гордо высились аристократы — элегантные двадцати- или тридцатипушечные фрегаты с белоснежными парусами. Многие корабли были изрядно потрёпаны в боях. Сломанные мачты и реи, повреждённые пушечными ядрами паруса, вмятины и пробоины в днищах заставляли команду задерживаться на берегу, проводя свободное от работы время в трактирах у пристани. Вокруг судов и на их палубах, словно муравьи, суетились люди, очищая обросшее ракушками дно, латая дыры в бортах и чиня мачты и паруса. Кто-то перетаскивал на палубу брёвна и доски, другие, согнувшись в три погибели, спускали на берег какие-то тяжёлые сундуки. Большинство из них не могло похвастаться великолепием нарядов, довольствуясь лишь изодранной рубахой и панталонами. Маленькое судно не могло захватить хороший приз, и добычи хватало лишь на то, чтобы кое-как свести концы с концами. Поэтому появление сорокапушечного галеона и не менее внушительного тридцатишестипушечного фрегата привлекло внимание не только праздных зевак, но и всех, находящихся в порту. Даже шестеро здоровяков-матросов, тащивших брёвна и, казалось, не замечавших ничего вокруг, оставили свою поклажу и замерли как заворожённые, уставившись на приближающиеся к пристани плавучие крепости. Но вот заскрипели кабестаны, раздался лязг цепей, и тяжёлые якоря медленно погрузились в тёмные воды залива.

— Гляди-ка, какие франты пришвартовались, — ехидно заметил рыжеволосый субъект в расстёгнутой на груди рубахе, — не иначе как из Версаля прибыли.

— Да не из Версаля они дурень, взгляни! — отозвался его товарищ, — посудины-то испанские. Вот бы нам такую... Да только по всему видно, люди они бывалые. Тоже англичане, похоже... Пошли, с Нортоном потолкуем — вдруг заинтересуется.

— Да подожди ты! Посмотрим давай... Если пираты — наверняка добычу делить будут. На берег сбросили концы, спустили трап, и на каменные плиты пристани спустился темноволосый юноша лет семнадцати.

— Точно франт, — прищёлкнул языком пират, — камзол испанский, шляпа с плюмажем. Мало здесь таких, всё больше попроще.

— Молодой что-то очень... Интересно, кто у них капитан?

— Гляди, наверняка тот, с фрегата! Что по трапу сейчас спускается, с повязкой на глазу!

— Мда... Эти уж точно с губернатором поладят...

— Народу немного, зато гляди-ка, сундуков сколько! Тяжёлые — такие здоровяки с трудом тащат!

— А разодеты-то, словно палата лордов! А первый — тот юнец, в чёрном — точно принц, не иначе...

Вскоре на берегу была вся немногочисленная команда. Питер, и в море не пожелавший отказываться от привычек аристократа, настоял на том, чтобы вся команда, от офицеров до юнг, выглядела как можно респектабельнее. Трудностей с пополнением гардероба не возникло — испанские офицеры одевались весьма изысканно.

— Давай, Питт, дели! Кто у нас счетоводом был? — Вольверстон дружески толкнул Уоллеса в плечо. — Кстати... Предлагаю избрать его квартирмейстером.

Возражений со стороны команды не последовало, и вскоре на пристани раздался звон

серебра, ласкавший слух истосковавшихся по хорошим призам членов «берегового братства», каждый из которых, тайно или явно, завидовал вновь прибывшей команде.

Слова «Silver», «Argent» не раз произносились находящимися на пристани пиратами. Услышав их, капитан на мгновение замер, а затем, подозревая Вольверстона, шепнул ему на ухо:

— Сильвер. Я нашёл имя, Нэд.

Вольверстон понимающе кивнул. Оставалось лишь столкнуться с губернатором, тем более, что тот слыл знающим человеком и мог дать им разумный совет. Вольверстон был коротко с ним знаком и не раз навещал — и просто по-дружески, и по поручению ямайского губернатора Блада.

Личность этого замечательного человека, ставшего настоящей звездой на затерянном в морских просторах острове, заслуживает того, чтобы уделить ему немного внимания. Представитель старинного французского рода по имени шевалье Антуан д'Этуаль де Монтенон в своё время не раз был награждён за храбрость, проявленную им в бытность гвардейским капитаном. Безвременная смерть супруги и назойливые притязания придворных красоток заставили его покинуть двор и уединиться в имении. Вскоре он направился в Новый Свет и занял место отбывшего на континент Дю Касса. Тропический климат и возможность проявить себя благотворно сказались на его телесном и душевном здоровье. Дотоле тосковавший губернатор заметно посвежел и повеселел, всецело посвятив себя исполнению своих новых обязанностей. Несмотря на неоднократно поступающие указы правительства о борьбе с пиратством и дружеских отношениях с Испанией, он не раз убеждался в непомерных аппетитах испанцев и пользе сотрудничества с флибустьерами как для Франции, так и, прежде всего, лично для себя. Монтенону удалось вернуть острову репутацию несокрушимой цитадели «берегового братства», пошатнувшуюся с разорением французской Вест-Индской компании. Унаследовав от Дю Касса развалины былой империи, он легко договорился с пиратскими капитанами относительно помещения части их добычи в Королевскую Африканскую Компанию и Ост-Индскую компанию, а также в приобретение собственности в Англии, Франции и Новом Свете. Выгода от подобных операций была обоюдной — помимо традиционной доли в прибылях, де Монтенону доставались неплохие комиссионные, а капитаны получали гарантированный доход для себя и членов своих команд. В доме губернатора всегда было много посетителей — вернув на Тортугу многих капитанов, которые с разорением Вест-Индской Компании перевели свои корабли на базу Пти Гоав, он каждый день принимал добрый десяток представителей «берегового братства». Одиночество его скрашивали две дочери, шестнадцатилетняя Мари Жермен и восемнадцатилетняя Сюзен Элизабет и их четырнадцатилетний брат Анри.

Дом де Монтенона находился в глубине острова, и, чтобы добраться до него, необходимо было воспользоваться повозкой. Погрузив на неё увесистые сундуки и захватив с собой четверых крепких здоровяков, Сильвер и Вольверстон направились к губернатору.

— Бонжур, Нэд, мон ами! — не успел привратник отворить дверь, как навстречу гостям вышел сам де Монтенон — сороколетний жилистый француз в чёрном завитом парике и золотистом камзоле. Дружески обняв Вольверстона, он церемонно раскланялся перед Сильвером, которого Нэд зарекомендовал как подающего большие надежды капитана.

— Искренне сочувствую вам, господа, — вздохнул он, выслушав рассказанную Вольверстоном историю, — вот что бывает, когда чиновники понятия не имеют о том, что такое Новый Свет. Наслышан и о Бlade... Да, припомнят ему пиратское прошлое.

— Вы слышали что-нибудь о нём?

— Нет, к сожалению. Знаю только, что он отбыл в Лондон две недели назад по указанию некоего господина Мэнсона — того, кто устроил эту заварушку. Слышал, у Мэнсона были дела с испанскими иезуитами.

— Вполне может быть, — вздохнул Вольверстон, — без них не обошлось.

— Ничего, может, ещё обойдётся всё. Лучше потолкуем о ваших планах. Думаешь вернуться к старым занятиям? В память о нашей дружбе могу сегодня же выписать каперские свидетельства. Насколько я понимаю, у вас пока нет другой возможности заработать себе на жизнь? Тем более наш милый юноша, по-видимому, человек весьма утончённых вкусов и вряд ли согласится марать руки чёрной работой?

Хитро прищурившись, де Монтенон уставился на Сильвера. Тот выдержал его взгляд и улыбнулся:

— Не хотелось бы ворошить прошлое, скажу лишь, что не могу рассчитывать на титулы и состояние, принадлежавшее моей семье. Сейчас я лишь капитан Питер Сильвер, и не знаю, изменится ли что-либо в будущем.

— У Вас неплохое будущее на этом острове, — заметил губернатор, — взгляните — удача просто идёт к Вам в руки. Ещё не став флибустьером, Вы уже превратились в одного из самых удачливых капитанов. Не считая Блада, конечно же. Как жаль, что я не знал его в те годы, когда он швартовал здесь свой красный галеон. Если я правильно помню, он назывался «Арабелла» в честь его будущей супруги.

— Однако я снова напомнил вам о печальных событиях, — будто извиняясь, произнёс губернатор, — а Вы, молодой человек, всё же подумайте. Могу заверить, что Вы нисколько не опозорите свой род, который, как я осмелюсь предположить, слишком знатен, чтобы говорить о нём в нынешней ситуации. Если понадобится помощь, деньги на оснащение кораблей — обращайтесь ко мне, буду рад.

— Благодарю Вас, рад был знакомству, — улыбнулся Сильвер, — надеюсь, мы будем добрыми друзьями. Правда пока ещё я не принял окончательного решения, да и мои люди тоже. Но всегда буду рад обратиться к Вам за советом.

Губернатор любезно распрощался со своими новыми друзьями, и они бодро зашагали к пристани по узким улочкам Бас-Тера, глядя на снующих туда-сюда моряков, трактирщиков и торговцев и размышляя о собственном будущем.

Глава 7. Право выбора

Натаниэл Хэндс, бывший шкипер двадцатипушечного фрегата «Пеликан», сидел на старом бревне перед раскрытой шахматной доской, на которой были расставлены чёрные и белые фигуры. Партия не удалась. Хэндс слишком хорошо знал собственную тактику, чтобы успешно сражаться с самим собой. В течение целого года он не выходил в море, коротая время за составлением хитроумных диспозиций. Да и шум вокруг мешал сосредоточиться. Как всегда по воскресеньям, на рыночной площади рядом с пристанью было весело и многолюдно. Беспрестанные крики торговцев раздражали его, отвлекая от игры. А может быть, игра не удалась лишь потому, что с самого утра Натаниэл был не в духе? После последней стычки с Дэвисом, капитаном «Удачи», Хэндс ни разу не выходил в море. Все капитаны имели своих шкиперов, а брать на борт известного скандалиста, которому уже за пятьдесят, не желал ни один из них.

Натаниэл ясно помнил свою последнюю ссору с Дэвисом. Увидев, что тот пытается спрятать в каюте сундук с жемчугом, он открыто призвал команду к мятежу, потребовав от

капитана честного дележа добычи. В тот день ему удалось сорвать неплохой куш, но деньги подошли к концу, и старый Хэндс уже с трудом сводил концы с концами. Оторвав взгляд от застывшего на чёрном поле ферзя, шкипер устремил его на площадь.

«Скоро придётся просить милостыню вроде одноногого старика Джейкоба», — мрачно нахмурившись, подумал он, — «годы летят быстро, и через год-другой я уже не смогу выходить в море».

Неожиданно взор его упал на невысокого юношу лет семнадцати в чёрном камзоле и с белоснежным плюмажем на шляпе.

«Вот это франт!», — подумал Хэндс, — «наверное, к девчонке спешит или с поручением от капитана»,

Не сводя глаз с незнакомца, Хэндс передвинул вперёд одну из центральных белых пешек. Юноша шёл, погрузившись в свои мысли и не замечая ничего вокруг.

«Странный тип», — продолжил рассуждения бывший шкипер, — «помнится мне, в его годах был, меня капитан Надсон за покупками посылал. Не такой был совсем — будто на волю из-под замка вырывался. Засматривался на девиц, приценивался к любой мало-мальски стоящей вещи на базаре... А у самого в кармане лишь пара медных грошей была»

За годы, проведённые на Тортуге, Хэндс видел много таких же молодых повес, и каждый, обретая свободу на берегу, спешил насладиться жизнью, кипевшей и бурлившей вокруг него, подобно океану. «Интересно, с какого корабля этот франт?» — подумал Хэндс.

Незнакомец вдруг остановился, будто ища кого-то.

— Эй, юноша! Ты кого-то ищешь? Кто твой капитан? — обратился к нему Хэндс, надеясь, наконец-то, обрести собеседника.

— В каком смысле?

— Ты, наверное, юнга?

— Да, в общем, что-то вроде того, — улыбнулся юноша. Внимательно оглядев бывшего шкипера с головы до ног, он уставился на шахматную доску, будто пытаясь найти решение давно мучавшей Хэндса проблемы.

— Ты с какого корабля? — спросил его старик

— Я с галеона, что на пристани, — кивнул он в сторону гавани, где среди шлюпов и барок высился огромный красный красавец с белоснежными парусами.

— Мой капитан — Питер Сильвер. А Вы кто?

— Сейчас никто, пожалуй, — с горечью усмехнулся старый пират. — Но когда-то я был шкипером на «Удаче». Меня зовут Натаниэл Хэндс,

Старик кивком указал незнакомцу на лежащий рядом обрубок красного мангра

— Присаживайся ко мне, поговорим. О чём ты задумался?

— Да так, о жизни, да и о своей судьбе тоже. Мне надо принять одно важное решение, но никак не придумаю, каким оно должно быть.

— Хочешь, сыграем в шахматы, поговорим.

Морщинистое лицо Хэндса озарила улыбка, а в умных карих глазах мелькнули задорные искорки. Незнакомец явно начинал ему нравиться.

— Надеюсь, ты не спешишь с поручением от своего капитана?

— Нет. Я свободен и могу задержаться настолько, насколько захочу.

— Умеешь играть в шахматы? — спросил шкипер, желая поддержать разговор. Его заинтриговали необычные манеры собеседника, который вёл себя спокойно и с достоинством, что никак не напоминало поведение мальчика на побегушках.

— Это хорошая игра. Она мне нравится, — бесстрастно заметил юноша, вновь устремляя взгляд на доску с фигурами. Чёрный ферзь занимал удобную позицию, угрожая белому королю. Но и сам он находился под угрозой обстрела. Прямо напротив него, на противоположной стороне доски, пристроилась похожая на шлюп белая ладья.

— Это игра мудрецов. Знаешь, почему? — Хэндс пристально взглянул на собеседника. Тот молчал, сосредоточившись на чёрной точёной фигуре ферзя.

— Шахматы — отражение нашей жизни, — не дожидаясь ответа, добавил старик, — мы все — как пешки на чёрно-белой доске.

— Почему? — незнакомец наконец-то оторвал взгляд от ферзя и взял его за талию своими тонкими пальцами. Ферзь на мгновение повис в воздухе, затем уверенно переместился на белое поле, прямо напротив короля. Белая ладья не могла причинить ему вреда — она служила единственной защитой несчастному владыке с большой чёрной диагонали, откуда вёл обстрел слон-канонир.

— Взгляни сюда, — старик, забыв об угрожающей его монарху опасности, указал рукой на расставленные на доске фигуры. — Видишь короля? Он может сдвинуться всего на один шаг. Король бессилен — им правит его окружение — министры, фавориты или фаворитки. Но если ему поставлен мат — партия проиграна. Поэтому мы всегда защищаем короля как символ, независимо от того, любим его или ненавидим. В жизни всё точно так же — вспомни несчастного Карлоса или нашу добрую старушку Анну. Теперь взгляни на ферзя...

Хэндс кивком указал на угрожающую его королю чёрную фигуру, которая по мановению руки юноши в считанные секунды переместилась с одного конца доски на другой,

— Ферзь свободен в своём выборе. Именно он делает политику при королевском дворе — и в шахматах, и в жизни. На Востоке его называют визирь, а в Европе — ферзь или королева. Мужчина или женщина, это тот, кто более других приближён к королю и правит от его имени. Но и он не всевластен. Им управляет тот, кто двигает фигуры. Ферзь может быть убит или подвергнут опале, и тогда его могуществу приходит конец. Ещё есть конь — придворный интриган...

Старик ласково потрепал своим потрескавшимся пальцем деревянную облупившуюся холку белого коня, расположившегося недалеко от своего повелителя:

— Конь выдумывает всякие комбинации, и не знает, что и они часть большой партии. Итог её, в конце концов, зависит не столько от интриг коня, сколько от воли того, в чьих руках фигуры.

Юноша молча слушал, подперев голову рукой, будто слова шкипера затронули тайные струны его души.

— Большинство из нас — пешки, — старик бросил задумчивый взгляд на пристань. — Пешки идут лишь туда, куда ведёт их судьба. Они могут сделать лишь один шаг — вперёд. Многие гибнут, но, если выдержат испытания, то могут стать самой сильной фигурой — ферзём. В жизни точно так же. Провидение ведёт нас по заранее определённым пути, но сами мы не лишены права выбора. Делая очередной шаг, мы решаем, остаться ли человеком или превратиться в человекоподобных зверей, не знающих чести и совести. Как и в шахматах, большего в жизни добивается тот, кто выдержит все искушения — а этого не смог даже сам Морган.

Молодой человек молчал. В воздухе повисла неловкая пауза, прерываемая беспрестанными криками базарных торговцев. Но собеседники их не слышали — юноша был

погружён в свои думы, а Хэндс внимательно рассматривал незнакомца, стараясь уловить ход его мыслей. Немногие из тех, с кем ему довелось беседовать, проявляли такой интерес к его рассуждениям. Большинство считало его обыкновенным чудаком. «Какое же решение он должен принять?» — подумал старик, пытаясь проникнуть взглядом в глубину синих глаз собеседника.

— Скажи, Хэндс, трудно стать шкипером? — юноша, по-видимому, решил сменить тему

— Да, в общем-то, не так сложно, — пожал плечами старик. — Когда я в первый раз вышел в море, мне было четырнадцать. Через шесть лет в схватке с испанцами погиб наш шкипер, и я занял его место. Ты хочешь стать шкипером?

— Нет, я не думал об этом, — в голосе юноши Хэндсу почудились нотки сомнения. — Не знаю, просто, хотел бы я стать флибустьером или искать себя в мирной жизни.

— Не думай, что все флибустьеры — отъявленные мерзавцы. Жизнь всегда оставляет тебе выбор. Помни — в любом случае ты можешь остаться человеком. Если ты вырос в Новом Свете, то наверняка знаешь, что призы берут все — начиная от адмиралов и кончая теми, кто ходит в море на шлюпках, установив на них единственный парус. Даже Колумб и Васко де Гама, открывшие эти земли Европе, не избегали удачи, если она шла к ним в руки.

Молодой человек молчал, полностью погрузившись в свои думы. Наконец, будто бы решившись на что-то, он поднял голову, и взгляд его стал жёстким и властным. Он уже ничуть не напоминал юнгу.

— Какие системы сигналов ты знаешь? — неожиданно спросил он

— Я хорошо знаю инструкции Руперта, Нарборо, Рассела, — удивлённо ответил Хэндс, не ожидавший таких познаний от юноши, которому вряд ли можно было дать восемнадцать

— Какой системой пользуются здесь?

— Когда англичане выходят в море целыми эскадрами, они пользуются инструкциями Рассела. Но у флибустьеров существуют и свои сигналы, которые понятны лишь им.

— А «Парусные и боевые инструкции для флота Ее Величества»? Я слышал, эта система применяется на Ямайской флотилии.

— Знаю, что она появилась, но пока не имел с ней дело, — с недоверием усмехнулся старик. — Наверняка очередное повторение старых песен — всё, что можно было придумать, уже есть в инструкциях герцога Йоркского. Это был настоящий моряк, жаль только, что он оказался папистом. Остальные лишь пользуются плодами его трудов.

— А испанские и французские сигналы?

— Я достаточно неплохо их знаю, ведь я хожу в море с четырнадцати лет, и мы не раз вступали в бой с испанскими эскадрами.

Юноша оглянулся вокруг, будто ища кого-то. Не найдя никого, кроме беспрестанно кричащих торговцев, он снова перевёл взгляд на Хэндса

— Ты хотел бы снова выйти в море?

— Конечно. Но разве ты можешь мне в этом помочь?

— Возможно, — загадочно улыбнулся незнакомец. — Ты сам сказал, что каждый следует по пути, который избирает провидение, но при этом имеет возможность сделать свой выбор. Благодаря нашему разговору я принял окончательное решение. Ты очень помог мне, Хэндс, и я тебе помогу.

— Но как? Ты ведь всего лишь юнга? Или нет? Кто ты на самом деле?

Спокойный властный тон молодого человека никак не вязался с представлением о нём

шкипера.

— Ты производишь впечатление человека вполне обеспеченного, привыкшего отдавать приказы. Может быть, ты — арматор?

— Не надо пытаться угадать, кто я, — с горечью рассмеялся юноша. — Но я уж точно не арматор. Нашего арматора зовут дон Педро Альварес, и он покоится в земле где-то на ближайших испанских территориях. Именно он предоставил нам столь великолепное судно.

— Капитан, куда же ты запропастился? — раздался вдруг рядом с Хэндсом громкий хрипловатый голос, и мощный великан в чёрном камзоле с повязкой, закрывавшей один глаз, вышел из толпы и появился перед старым шкипером. Не успел тот осознать, что же произошло, как великан вновь заговорил, на этот раз с самим Натаниэлом:

— Привет, старина Хэндс! Как ты здесь очутился? В последний раз я тебя видел в мексиканском заливе, когда вы с Дэвисом «Сан-Сальвадор» на abordаж брали!

Шкипер вскочил с места, увидев старого приятеля:

— Привет, Нэд! Я думал, что ты погиб в заварушке на Нью-Провиденс. Слышал, что там была ужасная бойня, и никого не осталось в живых.

— Как видишь, Хэндс, мы спаслись. Всё благодаря этому молодому человеку, — гигант кивнул в сторону юноши. — Хочу представить тебе нашего юного капитана. Его зовут Питер Сильвер.

— А я думал, что это юнга, — смутился старый шкипер. — Прошу прощения, капитан

Сняв чёрную потрёпанную шляпу с сидящей головы, Хэндс, поклонился Питеру. Тот звонко рассмеялся:

— Что делать, если по возрасту я гожусь лишь в юнги? — хитро подмигнул он Хэндсу. — Как тебе теперь моё предложение? У нас два корабля, и на одном место шкипера пока свободно.

— Так вот оно что, — пробормотал Нэд. — Я что-то пропустил?

— Конечно. Пока ты болтал с торговцами, я сделал выбор, и помог мне в этом шкипер Хэндс. Через месяц выходим в море, а сейчас мне надо встретиться с командой

Вскочив с места, капитан быстрыми шагами направился к порту.

— Так чем же закончилась Ваша партия? — спросил удивлённый Нэд.

Хэндс взглянул на доску. За всё время разговора он так и не успел оценить ситуацию, сложившуюся после прыжка чёрного ферзя. Королю некуда было отступать — он был зажат между собственными ладьёй, конём и слоном, а единственный путь к отступлению был перекрыт огнём батареи чёрного слона.

— Он поставил мне мат, — рассмеялся старик. — Удивляюсь, как же я раньше не заметил этой возможности. Всё-таки трудно играть с самим собой.

Друзья направились вслед за Питером, по пути рассказывая друг другу о том, что же произошло с ними с момента их последней встречи.

В тот же день Сильвер собрал свою команду на палубе «Инфанты». Ни для кого из них не была тайной тема разговора. В течение недели они бродили по гавани, беседуя с флибустьерами и заходя в прибрежные таверны. Тем временем слухи об удаче новоявленной команды и её юного капитана уже распространились среди пиратов. Многие желали познакомиться с Сильвером, одни — в надежде заполучить корабли неопытного юноши, другие — желая получить место в эскадре удачливого капитана. Но Сильвер объяснял всем, что окончательное решение пока не принято. Однако надолго затягивать состояние неопределённости было нельзя — желавшие стать флибустьерами могли уйти к другим

капитанам. И вот, наконец, люди собрались на палубе. Сидя на бочках, свёрнутых канатах, а то и просто на палубных досках люди вновь и вновь думали о собственном выборе. Наконец, затянувшуюся паузу прервал голос Сильвера:

— Друзья, — медленно подбирая слова, произнёс он. — Ещё до прибытия на Тортугу мы решили, что каждый самостоятельно принимает решение. Мне же...

На мгновение капитан замолчал, будто в последний раз взвешивая все за и против, но затем уверенно продолжил:

— Мне пока придётся связать свою жизнь с этим островом. Буду рад видеть в команде каждого, но если кто-нибудь захочет сойти на берег, то имеет право забрать свою долю и покинуть корабль.

По палубе пробежал ропот, но вскоре расклад сил прояснился. В Англию отбыть пожелали лишь двое — Годфри и Джеффилд. Оба имели счета в банке, их документы были в полном порядке, а обмен причитающихся им долей на векселя Ост-Индской компании мог ещё более упрочить фундамент будущего благосостояния. Остальные, в подавляющем большинстве, люди небогатые, потерявшие всё имущество после захвата острова испанцами, предпочли остаться на судне. Так судьба, которая, казалось, в щепки разметала жизни горстки оставшихся в живых островитян, неожиданно сделала крутой вираж, заставив их выбрать дорогу, о которой они ранее никогда не помышляли.

Примечания к главе 7.

инструкции Руперта, Нарборо, Рассела — инструкции по мореплаванию в составе эскадр

инструкции герцога Йоркского — имеется в виду Джеймс Стюарт. Автор одного из вариантов инструкций, известный "генерал морей" (т. е. адмирал). Исповедовал католицизм, что привело к его эмиграции из страны.

Глава 7. Право выбора

Натаниэл Хэндс, бывший шкипер двадцатипушечного фрегата «Пеликан», сидел на старом бревне перед раскрытой шахматной доской, на которой были расставлены чёрные и белые фигуры. Партия не удалась. Хэндс слишком хорошо знал собственную тактику, чтобы успешно сражаться с самим собой. В течение целого года он не выходил в море, коротая время за составлением хитроумных диспозиций. Да и шум вокруг мешал сосредоточиться. Как всегда по воскресеньям, на рыночной площади рядом с пристанью было весело и многолюдно. Беспрестанные крики торговцев раздражали его, отвлекая от игры. А может быть, игра не удалась лишь потому, что с самого утра Натаниэл был не в духе? После последней стычки с Дэвисом, капитаном «Удачи», Хэндс ни разу не выходил в море. Все капитаны имели своих шкиперов, а брать на борт известного скандалиста, которому уже за пятьдесят, не желал ни один из них.

Натаниэл ясно помнил свою последнюю ссору с Дэвисом. Увидев, что тот пытается спрятать в каюте сундук с жемчугом, он открыто призвал команду к мятежу, потребовав от капитана честного дележа добычи. В тот день ему удалось сорвать неплохой куш, но деньги подошли к концу, и старый Хэндс уже с трудом сводил концы с концами. Оторвав взгляд от застывшего на чёрном поле ферзя, шкипер устремил его на площадь.

«Скоро придётся просить милостыню вроде одноногого старика Джейкоба», — мрачно нахмурившись, подумал он, — «годы летят быстро, и через год-другой я уже не смогу выходить в море».

Неожиданно взор его упал на невысокого юношу лет семнадцати в чёрном камзоле и с белоснежным плюмажем на шляпе.

«Вот это франт!», — подумал Хэндс, — «наверное, к девчонке спешит или с поручением от капитана»,

Не сводя глаз с незнакомца, Хэндс передвинул вперёд одну из центральных белых пешек. Юноша шёл, погрузившись в свои мысли и не замечая ничего вокруг.

«Странный тип», — продолжил рассуждения бывший шкипер, — «помнится мне, в его годах был, меня капитан Надсон за покупками посылал. Не такой был совсем — будто на волю из-под замка вырывался. Засматривался на девиц, приценивался к любой мало-мальски стоящей вещи на базаре... А у самого в кармане лишь пара медных грошей была»

За годы, проведённые на Тортуге, Хэндс видел много таких же молодых повес, и каждый, обретая свободу на берегу, спешил насладиться жизнью, кипевшей и бурлившей вокруг него, подобно океану. «Интересно, с какого корабля этот франт?» — подумал Хэндс.

Незнакомец вдруг остановился, будто ища кого-то.

— Эй, юноша! Ты кого-то ищешь? Кто твой капитан? — обратился к нему Хэндс, надеясь, наконец-то, обрести собеседника.

— В каком смысле?

— Ты, наверное, юнга?

— Да, в общем, что-то вроде того, — улыбнулся юноша. Внимательно оглядев бывшего шкипера с головы до ног, он уставился на шахматную доску, будто пытаясь найти решение давно мучавшей Хэндса проблемы.

— Ты с какого корабля? — спросил его старик

— Я с галеона, что на пристани, — кивнул он в сторону гавани, где среди шлюпов и

барок высился огромный красный красавец с белоснежными парусами.

— Мой капитан — Питер Сильвер. А Вы кто?

— Сейчас никто, пожалуй, — с горечью усмехнулся старый пират. — Но когда-то я был шкипером на «Удаче». Меня зовут Натаниэл Хэндс,

Старик кивком указал незнакомцу на лежащий рядом обрубок красного мангра

— Присаживайся ко мне, поговорим. О чём ты задумался?

— Да так, о жизни, да и о своей судьбе тоже. Мне надо принять одно важное решение, но никак не придумаю, каким оно должно быть.

— Хочешь, сыграем в шахматы, поговорим.

Морщинистое лицо Хэндса озарила улыбка, а в умных карих глазах мелькнули задорные искорки. Незнакомец явно начинал ему нравиться.

— Надеюсь, ты не спешишь с поручением от своего капитана?

— Нет. Я свободен и могу задержаться настолько, насколько захочу.

— Умеешь играть в шахматы? — спросил шкипер, желая поддержать разговор. Его заинтриговали необычные манеры собеседника, который вёл себя спокойно и с достоинством, что никак не напоминало поведение мальчика на побегушках.

— Это хорошая игра. Она мне нравится, — бесстрастно заметил юноша, вновь устремляя взгляд на доску с фигурами. Чёрный ферзь занимал удобную позицию, угрожая белому королю. Но и сам он находился под угрозой обстрела. Прямо напротив него, на противоположной стороне доски, пристроилась похожая на шлюп белая ладья.

— Это игра мудрецов. Знаешь, почему? — Хэндс пристально взглянул на собеседника. Тот молчал, сосредоточившись на чёрной точёной фигуре ферзя.

— Шахматы — отражение нашей жизни, — не дожидаясь ответа, добавил старик, — мы все — как пешки на чёрно-белой доске.

— Почему? — незнакомец наконец-то оторвал взгляд от ферзя и взял его за талию своими тонкими пальцами. Ферзь на мгновение повис в воздухе, затем уверенно переместился на белое поле, прямо напротив короля. Белая ладья не могла причинить ему вреда — она служила единственной защитой несчастному владыке с большой чёрной диагонали, откуда вёл обстрел слон-канонир.

— Взгляни сюда, — старик, забыв об угрожающей его монарху опасности, указал рукой на расставленные на доске фигуры. — Видишь короля? Он может сдвинуться всего на один шаг. Король бессилен — им правит его окружение — министры, фавориты или фаворитки. Но если ему поставлен мат — партия проиграна. Поэтому мы всегда защищаем короля как символ, независимо от того, любим его или ненавидим. В жизни всё точно так же — вспомни несчастного Карлоса или нашу добрую старушку Анну. Теперь взгляни на ферзя...

Хэндс кивком указал на угрожающую его королю чёрную фигуру, которая по мановению руки юноши в считанные секунды переместилась с одного конца доски на другой,

— Ферзь свободен в своём выборе. Именно он делает политику при королевском дворе — и в шахматах, и в жизни. На Востоке его называют визирь, а в Европе — ферзь или королева. Мужчина или женщина, это тот, кто более других приближён к королю и правит от его имени. Но и он не всевластен. Им управляет тот, кто двигает фигуры. Ферзь может быть убит или подвергнут опале, и тогда его могуществу приходит конец. Ещё есть конь — придворный интриган...

Старик ласково потрепал своим потрескавшимся пальцем деревянную облупившуюся

холку белого коня, расположившегося недалеко от своего повелителя:

— Конь выдумывает всякие комбинации, и не знает, что и они часть большой партии. Итог её, в конце концов, зависит не столько от интриг коня, сколько от воли того, в чьих руках фигуры.

Юноша молча слушал, подперев голову рукой, будто слова шкипера затронули тайные струны его души.

— Большинство из нас — пешки, — старик бросил задумчивый взгляд на пристань. — Пешки идут лишь туда, куда ведёт их судьба. Они могут сделать лишь один шаг — вперёд. Многие гибнут, но, если выдержат испытания, то могут стать самой сильной фигурой — ферзём. В жизни точно так же. Провидение ведёт нас по заранее определённой пути, но сами мы не лишены права выбора. Делая очередной шаг, мы решаем, остаться ли человеком или превратиться в человекоподобных зверей, не знающих чести и совести. Как и в шахматах, большего в жизни добивается тот, кто выдержит все искушения — а этого не смог даже сам Морган.

Молодой человек молчал. В воздухе повисла неловкая пауза, прерываемая беспрестанными криками базарных торговцев. Но собеседники их не слышали — юноша был погружён в свои думы, а Хэндс внимательно рассматривал незнакомца, стараясь уловить ход его мыслей. Немногие из тех, с кем ему довелось беседовать, проявляли такой интерес к его рассуждениям. Большинство считало его обыкновенным чудаком. «Какое же решение он должен принять?» — подумал старик, пытаясь проникнуть взглядом в глубину синих глаз собеседника.

— Скажи, Хэндс, трудно стать шкипером? — юноша, по-видимому, решил сменить тему

— Да, в общем-то, не так сложно, — пожал плечами старик. — Когда я в первый раз вышел в море, мне было четырнадцать. Через шесть лет в схватке с испанцами погиб наш шкипер, и я занял его место. Ты хочешь стать шкипером?

— Нет, я не думал об этом, — в голосе юноши Хэндсу почудились нотки сомнения. — Не знаю, просто, хотел бы я стать флибустьером или искать себя в мирной жизни.

— Не думай, что все флибустьеры — отъявленные мерзавцы. Жизнь всегда оставляет тебе выбор. Помни — в любом случае ты можешь остаться человеком. Если ты вырос в Новом Свете, то наверняка знаешь, что призы берут все — начиная от адмиралов и кончая теми, кто ходит в море на шлюпках, установив на них единственный парус. Даже Колумб и Васко де Гама, открывшие эти земли Европе, не избегали удачи, если она шла к ним в руки.

Молодой человек молчал, полностью погружившись в свои думы. Наконец, будто бы решившись на что-то, он поднял голову, и взгляд его стал жёстким и властным. Он уже ничуть не напоминал юнгу.

— Какие системы сигналов ты знаешь? — неожиданно спросил он

— Я хорошо знаю инструкции Руперта, Нарборо, Рассела, — удивлённо ответил Хэндс, не ожидавший таких познаний от юноши, которому вряд ли можно было дать восемнадцать

— Какой системой пользуются здесь?

— Когда англичане выходят в море целыми эскадрами, они пользуются инструкциями Рассела. Но у флибустьеров существуют и свои сигналы, которые понятны лишь им.

— А «Парусные и боевые инструкции для флота Ее Величества»? Я слышал, эта система применяется на Ямайской флотилии.

— Знаю, что она появилась, но пока не имел с ней дело, — с недоверием усмехнулся

старик. — Наверняка очередное повторение старых песен — всё, что можно было придумать, уже есть в инструкциях герцога Йоркского. Это был настоящий моряк, жаль только, что он оказался папистом. Остальные лишь пользуются плодами его трудов.

— А испанские и французские сигналы?

— Я достаточно неплохо их знаю, ведь я хожу в море с четырнадцати лет, и мы не раз вступали в бой с испанскими эскадрами.

Юноша оглянулся вокруг, будто ища кого-то. Не найдя никого, кроме беспрестанно кричащих торговцев, он снова перевёл взгляд на Хэндса

— Ты хотел бы снова выйти в море?

— Конечно. Но разве ты можешь мне в этом помочь?

— Возможно, — загадочно улыбнулся незнакомец. — Ты сам сказал, что каждый следует по пути, который избирает провидение, но при этом имеет возможность сделать свой выбор. Благодаря нашему разговору я принял окончательное решение. Ты очень помог мне, Хэндс, и я тебе помогу.

— Но как? Ты ведь всего лишь юнга? Или нет? Кто ты на самом деле?

Спокойный властный тон молодого человека никак не вязался с представлением о нём шкипера.

— Ты производишь впечатление человека вполне обеспеченного, привыкшего отдавать приказы. Может быть, ты — арматор?

— Не надо пытаться угадать, кто я, — с горечью рассмеялся юноша. — Но я уж точно не арматор. Нашего арматора зовут дон Педро Альварес, и он покоится в земле где-то на ближайших испанских территориях. Именно он предоставил нам столь великолепное судно.

— Капитан, куда же ты запропастился? — раздался вдруг рядом с Хэндсом громкий хрипловатый голос, и мощный великан в чёрном камзоле с повязкой, закрывавшей один глаз, вышел из толпы и появился перед старым шкипером. Не успел тот осознать, что же произошло, как великан вновь заговорил, на этот раз с самим Натаниэлом:

— Привет, старина Хэндс! Как ты здесь очутился? В последний раз я тебя видел в мексиканском заливе, когда вы с Дэвисом «Сан-Сальвадор» на abordаж брали!

Шкипер вскочил с места, увидев старого приятеля:

— Привет, Нэд! Я думал, что ты погиб в заварушке на Нью-Провиденс. Слышал, что там была ужасная бойня, и никого не осталось в живых.

— Как видишь, Хэндс, мы спаслись. Всё благодаря этому молодому человеку, — гигант кивнул в сторону юноши. — Хочу представить тебе нашего юного капитана. Его зовут Питер Сильвер.

— А я думал, что это юнга, — смутился старый шкипер. — Прощу прощения, капитан

Сняв чёрную потрёпанную шляпу с седеющей головы, Хэндс, поклонился Питеру. Тот звонко рассмеялся:

— Что делать, если по возрасту я гожусь лишь в юнги? — хитро подмигнул он Хэндсу. — Как тебе теперь моё предложение? У нас два корабля, и на одном место шкипера пока свободно.

— Так вот оно что, — пробормотал Нэд. — Я что-то пропустил?

— Конечно. Пока ты болтал с торговцами, я сделал выбор, и помог мне в этом шкипер Хэндс. Через месяц выходим в море, а сейчас мне надо встретиться с командой

Вскочив с места, капитан быстрыми шагами направился к порту.

— Так чем же закончилась Ваша партия? — спросил удивлённый Нэд.

Хэндс взглянул на доску. За всё время разговора он так и не успел оценить ситуацию, сложившуюся после прыжка чёрного ферзя. Королю некуда было отступать — он был зажат между собственными ладьёй, конём и слоном, а единственный путь к отступлению был перекрыт огнём батареи чёрного слона.

— Он поставил мне мат, — рассмеялся старик. — Удивляюсь, как же я раньше не заметил этой возможности. Всё-таки трудно играть с самим собой.

Друзья направились вслед за Питером, по пути рассказывая друг другу о том, что же произошло с ними с момента их последней встречи.

В тот же день Сильвер собрал свою команду на палубе «Инфанты». Ни для кого из них не была тайной тема разговора. В течение недели они бродили по гавани, беседуя с флибустьерами и заходя в прибрежные таверны. Тем временем слухи об удаче новоявленной команды и её юного капитана уже распространились среди пиратов. Многие желали познакомиться с Сильвером, одни — в надежде заполучить корабли неопытного юноши, другие — желая получить место в эскадре удачливого капитана. Но Сильвер объяснял всем, что окончательное решение пока не принято. Однако надолго затягивать состояние неопределённости было нельзя — желавшие стать флибустьерами могли уйти к другим капитанам. И вот, наконец, люди собрались на палубе. Сидя на бочках, свёрнутых канатах, а то и просто на палубных досках люди вновь и вновь думали о собственном выборе. Наконец, затянувшуюся паузу прервал голос Сильвера:

— Друзья, — медленно подбирая слова, произнёс он. — Ещё до прибытия на Тортугу мы решили, что каждый самостоятельно принимает решение. Мне же...

На мгновение капитан замолчал, будто в последний раз взвешивая все за и против, но затем уверенно продолжил:

— Мне пока придётся связать свою жизнь с этим островом. Буду рад видеть в команде каждого, но если кто-нибудь захочет сойти на берег, то имеет право забрать свою долю и покинуть корабль.

По палубе пробежал ропот, но вскоре расклад сил прояснился. В Англию отбыть пожелали лишь двое — Годфри и Джеффилд. Оба имели счета в банке, их документы были в полном порядке, а обмен причитающихся им долей на векселя Ост-Индской компании мог ещё более упрочить фундамент будущего благосостояния. Остальные, в подавляющем большинстве, люди небогатые, потерявшие всё имущество после захвата острова испанцами, предпочли остаться на судне. Так судьба, которая, казалось, в щепки разметала жизни горстки оставшихся в живых островитян, неожиданно сделала крутой вираж, заставив их выбрать дорогу, о которой они ранее никогда не помышляли.

Примечания к главе 7.

инструкции Руперта, Нарборо, Рассела — инструкции по мореплаванию в составе эскадр

инструкции герцога Йоркского — имеется в виду Джеймс Стюарт. Автор одного из вариантов инструкций, известный "генерал морей" (т. е. адмирал). Исповедовал католицизм, что привело к его эмиграции из страны.

Глава 8. Арабелле Брэдфорд — человеку и кораблю

Плотник Сандерс недовольно ворчал, обстругивая доски.

— Послушай, Сильвер! Лучше бы на охоту отправился, дичи настрелял. Пусть другие работают. Те, кому привычней.

— Да ладно тебе, Джек! — взмахнув топором, Вольверстон с лёгкостью расколол мангровое полено. — Пусть помогает. Да и полезно капитану знать, как суда ремонтировать.

— Уговорил! — буркнул Сандерс. — Да вот толку от него... Даром что капитан. Сразу видно, сроду в руки топор не брал. А ты, Питер, прости, я всё так, по-стариковски. Морское дело ты знаешь, в бою не подведёшь, стреляешь метко, но вот это не для тебя.

— Всё в порядке, Джек, — отозвался капитан. Собрав все свои силы, он приподнял один конец бревна и тут же уронил его наземь.

— Да ты камзол-то свой сними, да рукава закатай. Сподручней будет, — рассмеялся силач Крисперс.

— Хватит шутить, Крис, пусть делает что хочет, — возразил шкиперу Вольверстон. — Занимайся-ка лучше делом. А ты, Питер, ко мне иди, будем доски обстругивать. Взгляни как надо...

Смутившийся капитан с интересом уставился на Вольверстона, одинаково ловко владевшим и саблей, и плотницким инструментом.

— Давай я...

— Держи вот, попробуй...

После нескольких неудачных попыток капитану наконец-то удалось обстругать доску.

— Ничего, научишься, — отечески уговаривал его Нэд, — да и вообще... Ты своё дело знаешь, и неплохо. А наши молодцы хотя и сильные, но зелёные ещё. Спасибо Монтенону, что судно нашёл — можно в море выходить.

Так прошёл месяц. Корабли стояли на ремонте. Работами руководил плотник Сандерс, со всей строгостью следивший за тем, чтобы никто не отлынивал от работы. Даже не привычный к подобным занятиям капитан самолично обстругивал доски и забивал гвозди. Поначалу все лишь посмеивались, глядя, как изысканный аристократ, не расстающийся с камзолом и кружевной рубахой, тщетно пытается справиться с работой, что под силу даже самому зелёному юнцу. Но вскоре руки его окрепли, и он уже мог оказывать посильную помощь. Тем более что, в отличие от многих, Сильвер прекрасно разбирался в чертежах. Свободное от работы время проводили в море, на небольшом фрегате, любезно предоставленном губернатором. Ссылаясь на поручение капитана, Нэд нещадно муштровал бывших торговцев, трактирщиков и рыбаков, которые вскоре должны были стать единой командой. Да и сам Питер никогда не упускал возможности выйти в море. Всё это ещё больше укрепило авторитет Сильвера, примирив с некоторыми странностями в его поведении.

Прошёл месяц. Несмотря на возраст и отсутствие опыта, капитану удалось сделать почти невозможное. Перестроенные корабли оказались намного более быстроходными, да и на оснащение их Сильвер изрядно поиздержался, потратив не только свою собственную долю, но и добрую половину доли Вольверстона. С готовностью ссужал капитана и Питт Уоллес, по-прежнему горевший желанием отомстить за возлюбленную.

Отремонтированным судам надо было дать новые имена. «Кадис», капитаном которого

был избран Вольверстон, переименовали в «Старую Англию». Питер долго колебался, какое имя дать «Инфанте», но затем, памятуя о разговоре с губернатором, предложил назвать судно «Арабеллой» в честь мисс Брэдфорд. Большинство поддержало его — отчаянную губернаторскую дочку в Нассау любили все, даже те, кто посмеивался над её мальчишескими повадками. Правда, знающие люди предполагали, что у Сильвера были и другие мотивы. Сплетники говаривали, что на выбор имени повлияли слухи о Бладе и его «Арабелле», и что амбициозный капитан втайне надеялся не просто сравняться с известным мореплавателем, но даже превзойти его. Так это было или иначе, не знал никто — Сильвер не поверял своих мыслей никому, даже Питту и Вольверстону. Но, тем не менее, он с головой погрузился в работу, делая всё возможное, чтобы его корабли и его команда стали самыми лучшими на Тортуге.

Сомнений относительно первого рейда не было ни у кого. Каждый считал своим долгом выбить испанцев с родного острова. Блад находился в Англии. Дела у него, по слухам, шли неважно, поэтому на помощь ямайской эскадры надежды не было. Для рискованной операции необходимо было подкрепление. Однако пока Сильвер неохотно брал в свою команду добровольцев и делал ставку на бывших пленников. Отобрав сорок человек, показавшихся ему наиболее надёжными, капитан собирался действовать силами своей маленькой эскадры и тщательно прорабатывал детали операции.

Последующие события, однако, изменили первоначальные планы. Рано утром, за несколько часов до выхода кораблей из гавани, в капитанской каюте появился вахтенный.

— Карета губернатора на пирсе!

— Что ему надо? — задумчиво пробормотал Вольверстон. — Обычно посыльного отправляет, а здесь...

— Да, — заметил Хэндс. — Не видел ничего подобного. Чтобы сам губернатор...

Сильвер решительно поднялся из-за стола.

— Что-то здесь не так. Передайте, чтобы в мою каюту подали кофе, ром и печенье. Пойду встречать гостя...

— Будь с ним осторожен, Питер, — с тревогой заметил Вольверстон. — Он тёртый калач. Себе на уме... А вдруг понравились кому твои корабли... Помню, у Блада была похожая история...

— Ничего, справлюсь...

Сильвер и Вольверстон вышли на палубу. По пирсу прогуливался щегольски одетый де Монтенон. Заметив капитана, он приветливо махнул ему рукой. Спустившись на пристань, капитан любезно поклонился французу. Когда оба поднялись на палубу, губернатор окинул её взглядом знатока.

— Замечательно, месье Сильвер! Помните, я говорил Вам, что Вы можете стать лучшим капитаном Тортуги? Да и название корабля выбрали запоминающееся... В честь кого, кстати? Дамы Вашего сердца, или же слава Блада не даёт Вам покоя? Помню-помню, ведь это я Вам когда-то рассказывал...

— Я всегда отдавал должное талантам Блада, но видел его лишь однажды, когда мне было лет десять от роду. А корабль мой назван в честь дочери губернатора Нассау. Она была захвачена вместе с нами, и убила себя, не желая быть опозоренной.

Вольверстон заметил, что губернатор тотчас же опустил глаза. Слова Питера возымели на него странное действие. Холёное напудренное лицо будто затуманили тяжёлые думы.

— Печальная история, — промолвил он после недолгой паузы

— Да, — грустно улыбнулся Сильвер. — Надеюсь, что сей факт не повлияет на наши отношения с фортуной.

Губернатор всё ещё казался погружённым в какие-то мрачные мысли. Бросив беглый взгляд на стоявшего перед ним капитана, он вдруг заторопился.

— Пройдёмте в Ваши апартаменты, мой друг. Нам надо побеседовать.

— Буду рад, — кивнул Сильвер. — Поговорим, выпьем по чашечке кофе с ромом...

Вольверстон последовал за ними, опасаясь подвоха со стороны старого лиса. Спустившись вниз, они вскоре оказались в просторной капитанской каюте. После ремонта она мало чем напоминала то помещение, что стало свидетелем недавних трагических событий. Заменяв ковры, Питер лично подобрал в тон им обивку для стен. Шкуры леопарда, небрежно брошенные посередине каюты, придавали жилищу лёгкий оттенок мавританской роскоши. В центре, где когда-то стояла широкая кровать, расположились четыре мягких кресла, диван и столик. Шкаф с книгами и коллекция боевого оружия довершали убранство парадной части каюты. В дальнем углу, за плотной бежевой занавеской, Сильвер разместил свои личные апартаменты, состоявшие из двух ярусов. Верхний служил постелью, а внизу помещались небольшой рабочий стол и приборы для умывания. Полностью задрапированное помещение было скрыто от посторонних глаз, и входящие даже не подозревали о нём.

Гостей встретил нарядный и подтянутый Майкл Стилл. Бывший трактирщик совмещал обязанности вахтенного офицера и кока, надеясь вскоре передать последние своему семнадцатилетнему помощнику.

— Не желаете ли ещё чего-нибудь?

— Нет, спасибо. Нам надо поговорить наедине.

Губернатор заметно волновался. Устроившись в мягком кресле, он вперил неподвижный взгляд в покрывавший стол зелёный бархат. Унизанные кольцами пальцы слегка дрожали. Капитан приветливо улыбнулся, но на сердце у него было беспокойно. Надо было начинать разговор, а тема его, судя по всему, обещала быть не из приятных.

— Я весьма признателен Вам за визит, месье де Монтенон, — осторожно произнёс он, — но думаю, что Вас привела на моё судно не только вежливость. Надеюсь, Вы не против, если Нэд будет присутствовать при нашем разговоре?

Губернатор молча кивнул. Питер сделал глоток кофе и закусил его печеньем с корицей.

— Попробуйте печенье. Мой кок был трактирщиком в Нассау, и не раз потчевал знатных особ. Он знает даже секреты кенсингтонской кухни.

— Отменное печенье, да и кофе превосходный, — будто бы вскользь заметил губернатор. — Мы, французы, знаем толк в подобных вещах... Да и в кораблях тоже...

На мгновение оторвав взор от зелёного бархата стола, губернатор поднял глаза на сидевшего перед ним капитана. Тот, по-видимому, осознав смущение гостя, решил взять инициативу в свои руки.

— Но всё же — что привело Вас на мой корабль?

Вольверстон внимательно следил за собеседников. Губернатор всё ещё не решался начать разговор. Краем глаза взглянув на Питера, он нервно закурил трубку. Пальцы его дрожали. Сделав затяжку, Монтенон откинулся в кресле и взглянул на поднимающееся вверх колечко дыма.

— Надеюсь, что наш разговор останется в тайне. У меня к Вам очень деликатная просьба...

— Постараюсь выполнить любую просьбу своего дорогого друга. Надеюсь, это в моих

силах...

— Вы, наверное, знаете мою младшую дочь, Мари Жермен. Ей всего шестнадцать, а в этом возрасте, как Вы понимаете, в голову лезет всякая ерунда...

На мгновение губернатор замолчал, видимо, осознав, что сидящей перед ним человек лишь немногим старше его дочери

— Простите меня, капитан, — смущённо произнёс он. — Я имел в виду романтические истории, испанские страсти, в общем — всякую любовную чепуху. Вы, конечно же, сами очень молоды, но, по-моему, слишком серьёзны для таких глупостей.

На лицо капитана набежала мрачная тень.

— Я видел, к чему это приводит, — тихо произнёс он. — К сожалению, я не успел предотвратить трагедию...

— Тем более, мой друг, Вы наверняка поймёте, чего хочет тридцатипятилетний ловелас от моей юной дочери. Вы слышали про Жана Анри Перэ, капитана «Парисьен»?

Питер молча кивнул. Вольверстон знал, что он редко бывал в тавернах, но истории о соблазнённых женщин и их обманутых мужей доносились и до его ушей.

— Вы понимаете, капитан, что у меня с ним дела. Так же, как и с Вами, и со всеми другими... Я губернатор, и я не могу не принимать его, но он так вскружил голову моей дочери, что каждый раз она оставляет его на ужин, а затем гуляет с ним в саду до позднего вечера. О чём они там шепчутся, не знает никто

Сильвер откинулся на спинку дивана. Вольверстону показалось, что он испытал некоторое облегчение. Во всяком случае, его лично эти дела не касались.

— Сочувствую, месье де Монтенон. Но я чем могу помочь? Разве что... Правда, повода для дуэли у меня нет...

— Сам не знаю, чем Вы можете помочь мне. Просто мне показалось, что Вы — человек находчивый... Я же всего лишь бедный отец, дочь которого вот-вот совершит роковую ошибку...

— Постойте, месье, — неожиданно перебил он де Монтенона. — Скажите, а каков он в бою?

— Отличный вояка, но рассеян. Да и предать может, если выгодно.

— Я планирую рейд на Багамы, и мог бы предложить ему сделку. Экспедиция продлится месяца два, а за это время многое может произойти. К примеру, Вы познакомите её с достойным человеком.

— Но выгодно ли это Вам?

— Думаю да, но мне необходимо обсудить это с командой. Нэд, ты не против?

Вольверстон кивнул. Он был полностью согласен с Сильвером — выступление в составе союзной эскадры могло стать выходом из тупика. Рейд на Нассау трудно было осуществить силами двух кораблей, но набирать добровольцев казалось делом рискованным. Конечно, Перэ и сам мог нарушить договор и атаковать своего компаньона, но в этом случае всегда оставалась возможность использовать для защиты все семьдесят шесть пушек «Арабеллы» и «Старой Англии».

Де Монтенон слабо улыбнулся:

— Вы подарили мне надежду, капитан. Жду Вас сегодня вечером. Перэ тоже приглашён, так что захватите с собой парочку друзей — мало ли что случится.

— Думаете, будет повод для дуэли?

— Кто знает, — пожал плечами губернатор. — И всё же хотелось бы всё же, чтобы

Ваша экспедиция затянулась месяца на два-три...

Проводив француза до трапа, Питер пригласил к себе Питта и Крисперса и рассказал им о состоявшейся беседе.

— Этому Монтенону нельзя доверять, — с сомнением заметил Вольверстон. — Он мой приятель, но уж слишком хитёр... Собрался устранить француза твоими руками. А может, просто договорился с Перэ, который хочет заполучить наши корабли? Хотя сам план мне нравится. А ты, Питер, что думаешь?

— Может, Перэ и плохой союзник, но Нассау в одиночку не взять, да и губернатор нам нужен. Сколько кораблей у французов?

— Два — «Парисьен» и «Женевьев». Оснащены неважно, да и люди все кутилы. Правда, дерутся отменно, но на следующий день всю добычу в кабаках спускают

— А сам губернатор? Ведь ты его знаешь, Нэд?

— Себе на уме. Если где-то запахло деньгами, своего не упустит. Делает лишь то, что приносит доход.

— Тем не менее, выбора у нас нет. Два корабля — это слишком рискованно.

— А если дуэль? — с сомнением поинтересовался Нэд. — Питер, сможешь ли ты его победить?

Сильвер встал из-за стола и погладил рукоятку сабли.

— Как всегда, надеюсь на госпожу удачу. Пока она меня не подводила

Вольверстон и Крисперс покинули каюту. Уоллес и Сильвер остались вдвоём. Неловкое молчание повисло в воздухе. Питт нервничал, то и дело искоса поглядывая на капитана. Станные мысли не давали ему покоя. Они впервые посетили его на «Инфанте», когда он впервые увидел Сильвера. Но эти мысли были столь дерзки, что Питт страшился даже подумать о том, что его предположение может оказаться правдой. И вот, наконец, он почти решился. Но Сильвер, по-видимому, даже не подозревал о мыслях, терзавших квартирмейстера. Он спокойно глядел на Уоллеса, и на губах его играла улыбка.

— Питер, я давно хочу узнать у тебя кое-что, — прервал неловкое молчание Уоллес. — Я знаю, что ты кузен Арабеллы, и что ты прибыл на остров за два дня до нападения испанцев. Но откуда ты знаешь всех нас? Ты же из комнаты не выходил?

Сильвер хитро прищурился. Казалось, он ожидал подобного вопроса и заранее решил, каков будет ответ.

— Понимаешь, Питт. Мне не хотелось бы обсуждать эту тему. Какая разница, кто я? После того, что случилось, у меня нет ни титулов, ни богатства, ни имени. Я просто Питер Сильвер, капитан пиратского судна. Всё, что у меня есть — это эти два корабля и вы, мои друзья и моя команда. Вот и всё.

— Но ты знаешь морское дело. Откуда у тебя это? Ведь ты совсем молод?

— Учителя были хорошие, — Питер рассмеялся, но губы его искривились в какой-то странной усмешке.

— А Арабелла? Ты встречался с ней? Вы так похожи...

— Не надо ревновать меня к ней, Питт, — сухо заметил капитан, глядя куда-то в сторону. — Всё кончено. Её нет, и никто больше не станет её супругом.

— Так ты сын Джеймса Стюарта? Значит, не зря тебя здесь принцем прозвали? Да и манеры у тебя королевские.

Сильвер встал из-за стола и резко выпрямился, встряхнув локонами чёрного парика. Он словно пытался сбросить со своих хрупких плеч неожиданно свалившуюся на них тяжёлую

ношу

— Да уж... Насчёт королевских манер... Не будем об этом, Питт. Кстати, ты теперь квартирмейстер. Кто знает, что нас ждёт впереди? Советую поучиться. Начнём?

Питт вздохнул. Нет, сегодня явно не его день. Сильвер ловко ушёл от ответа, сменив тему. Хотя... В общем, он прав — аристократические привычки никогда не повредит. Так что всё оставшееся до обеда время Уоллес провёл в капитанской каюте со своим другом, изучая премудрости светского этикета.

Глава 9. Обед у губернатора

Урок хороших манер пришёлся кстати. На обеде у губернатора Сильвер и его команда являли собой полную противоположность хамоватому Перэ. Питт с удивлением косился на француза, с трудом разбиравшегося со столовыми приборами. Одежда капитана «Парисьен» являла собой образец того обычно приписываемого пиратам стиля. Не первой свежести синий камзол и красные панталоны, две крупные жемчужины в правом ухе, выдавшая виды помятая шляпа с плюмажем. Рубаха под камзолом была расстёгнута и обнажала волосатую грудь. С Перэ на обед пришли два помощника — атлетически сложенный, но какой-то помятый, с отёчными глазами Андрэ Пети и маленький юркий вечно смеющийся жилистый брюнет Жак Люсьен.

Хорошенькая Мари Жермен, юное создание с золотистыми завитыми кудряшками, одетое во что-то белое и воздушное, как и она сама, вначале метала влюблённые взгляды на Перэ, но потом её серые смеющиеся глаза всё чаще стали задерживаться на Питере. Расчёт отца был справедлив — молодость и изящество Сильвера выгодно контрастировали с дурными манерами её возлюбленного, раньше казавшегося ей образцом мужественности.

Весь вечер Питт наблюдал за капитаном. Сильвер был сдержан и немногословен, но легко поддерживал беседу на различные темы, что было не по плечу французу. Наконец, Перэ, видя, что соперник может лишиться его очередной победы, встал из-за стола.

— Надеюсь, Вы пришли сюда не для того, чтобы соблазнить чужую невесту. Мы собирались говорить о делах, но Вы, видимо, слишком молоды для серьёзных разговоров.

Лицо губернатора оживилось, и он с интересом взглянул на Перэ, затем на Питера. Сильвер был спокоен и холоден. Француз же возбуждённо жестикулировал. И без того красное лицо его от гнева стало похоже на перезрелый помидор.

— Я обращаюсь к Вам, Сильвер, — голос Перэ звучал всё громче, срываясь на крик, — Насколько мне известно, Мари не любит таких зелёных юнцов, как Вы.

— Месье Перэ, — нарочито спокойно произнёс Сильвер, глядя в глаза теряющему самообладание сопернику. — Надеюсь, Вы пришли в этот дом не для того, чтобы затеять ссору. Если угодно, мы можем выяснить отношения за воротами.

— Успокойтесь, господа, — попытался помирить их Монтенон, поначалу делавший всё, чтобы противники перегрызли друг другу горло. — Я знаю, что у Вас есть какой-то план, месье Сильвер?

— Рейд на Багамы — Нью-Провиденс и Хог.

— А что в них толку? — отрывисто рассмеялся Перэ. — Там нет ничего — испанцы вырезали всех англичан и разграбили остров.

— Но они собираются там обосноваться и начали перестраивать форты. Острова хорошо защищены, а мимо них проходят испанские галеоны. Я слышал, они собираются выгружать там всё перед отправкой на континент, и что уже сейчас там много золота. Да и форты ослаблены — ремонт завершить они так и не успели.

— Идея неплохая, Питер, — пробормотал француз, и в его маленьких лисьих глазках мелькнуло сомнение, — твои предложения, как это сделать?

Сильвер кратко изложил план операции. Перэ усмехнулся:

— Ты не такой уж зелёный дурак, как я думал. Я согласен, но моей команде полагается три четверти добычи.

— Насколько я знаю, у тебя два корабля? — Питер изобразил на лице недоумение. Вполне ожидая подобного вопроса, он сделал вид, что никак не рассчитывал на столь дерзкие требования французской стороны.

— Да, но у меня больше людей, — возразил Перэ, на стороне которого был не только опыт, но и негласные традиции «берегового братства».

— У нас больше пушек, а корабли только что отремонтированы и заново оснащены, — спокойным, но не терпящим возражений тоном произнёс Сильвер. — Согласен делить только пополам. Если будешь отказываться, мы проведём операцию самостоятельно.

Питт и Вольверстон согласно закивали головами. Перэ же отбросил в сторону скомканную салфетку. Он сжал мощные кулачищи и с трудом сдерживался, чтобы не стукнуть одним из них об стол.

— Я не согласен с твоим предложением, — прохрипел он. — Делай что хочешь, мальчишка. У тебя нет опыта, и из твоей затеи ничего не выйдет. Я же вернусь к этому делу после того, как испанцы потопят твои хвалёные судёнышки.

Сильвер метнул быстрый взгляд на Монтенона. В глазах губернатора мелькнуло отчаяние, но Питер по-прежнему был холоден и непреклонен:

— Хорошо. Согласен. Каждый действует сам по себе. Погода нам благоприятствует, и мы можем выйти в море сегодня, а ты поступай как знаешь. Твоё участие помогло бы быстрее захватить Нассау, но мы справимся и без твоих людей,

Сильвер встал из-за стола. Уоллес и Вольверстон поднялись вслед за ним и довольно переглянулись. События развивались по заранее разработанному плану.

— До свиданья, месье де Монтенон. Моё почтение, мадемуазель Мари. До встречи, господин Перэ

Отвесив церемонный поклон губернатору, его дочери и французам, Сильвер сделал вид, что направляется к выходу. Питт и Вольверстон последовали за своим капитаном. Увидев, что англичане собираются покинуть гостиную, Мари Жермен вскочила, словно порываясь броситься им вслед:

— Месье Сильвер, не покидайте нас. Месье Перэ будет рад сотрудничеству.

— Сомневаюсь, что месье Перэ изменит свою позицию

Француз ведь покраснел от негодования.

— Мальчишка! Жду тебя за воротами, там и поговорим!

Попрощавшись с втайне довольным губернатором и встревоженной Мари Жермен, компания покинула гостеприимный дом.

Глава 10. Англичане и французы

На улице было жарко, солнце ещё стояло в зените. Редкие прохожие мелькали на улице, норовя проскользнуть в тени деревьев.

— Постой, Питер, — Вольверстон остановился, — поговорить надо.

Капитан недовольно нахмурился и покосился на шествующих чуть поодаль французов.

— Что с тобой, Нэд? Некогда мне сейчас...

— погоди, Питер, — Нэд отвёл Сильвера в сторону, жестом остановив подошедшего было квартирмейстера, — а ты отойди, Питт, дай нам потолковать

— Да что вы там? — раздражённо крикнул Перэ, — струсил, что ли ваш малолеток? Будет знать, как задирать бывалых моряков.

— Всегда к Вашим услугам, месье! — Сильвер шагнул вперёд, отстранив всё ещё пытавшегося остановить его Вольверстона. Француз сбросил камзол и выхватил саблю

— Надо же, какой боевой! Ничего, сейчас живо притихнешь!

— Я готов! — Сильвер стал в позицию. Тёмно-синий камзол его был, по-прежнему, застёгнут на все пуговицы, а на груди и под подбородком пенилось тончайшее кружево. Перэ расхохотался.

— Не жарко тебе, малец? Солнце-то припекает. Это тебе не Сент-Джеймс!

— Это тебе сейчас будет жарко!

Вольверстон с плохо скрываемым беспокойством наблюдал за противниками. Молниеносный выпад француза заставил старого вояку вздрогнуть, но Сильвер отвёл его, отскочил в сторону и тут же набросился на соперника с левого фланга. Не ожидавший такой прыти Перэ едва не пропустил удар. Питер наступал.

Сделав ложный выпад, он метнулся вправо и атаковал вновь. Сабли, лязгнув, скрестились. Сильвер увернулся и тут же вновь ринулся вперёд.

— Взгляни, Нэд, а капитан у нас молодец! — рассмеялся Уоллес.

— Помолчи, Питт! — раздражённо одёрнул его Вольверстон.

Перэ отскочил и тотчас же бросился в контратаку. Мгновение, и клинок просвистел прямо над головой Сильвера. Нэд побледнел. Ещё выпад... Питер шагнул назад.

Среди французов раздались одобрителные возгласы. Перэ всё более теснил отчаянно сопротивлявшегося Сильвера, с лёгкостью отражая его контратаки.

— Слева нападай, слева! — подбадривал соотечественника Андре.

— Покажи этому щенку, Жан! Пусть знает, что здесь ему не Лондон!

Вольверстон судорожно сжал рукоять сабли.

— Да что с тобой, Нэд? Ты же сам говорил, что нельзя вмешиваться.

— Да, но...

Сильвер отступал. Беспреданно меняя тактику, Перэ обрушил на него целый шквал ударов.

Ещё один обманый манёвр, и он едва не задел руку Питера:

— Тебе конец, парень!

— Посмотрим ещё! — ловко увернувшись, Питер перевернулся на правый фланг. Перэ отскочил, но сабля Сильвера едва не полоснула по его надплечью. Теперь уже Питер теснил противника, легко отводя сыпавшиеся на него со всех сторон удары.

— Получай! — Перэ рванулся вперёд в глубоком выпаде, но Сильвер, пригнувшись и

отскочив, вновь ринулся в атаку и молниеносным контрударом рассёк противнику плечо.

На рукаве выступила кровь. Сильвер опустил оружие.

— Продолжим?

— Ты ещё своё получишь, щенок! Повезло тебе! — морщась от боли, Перэ перехватил саблю левой рукой, но Жак остановил его. Кровь капала на мостовую, а лицо французского капитана становилось всё более бледным. Опершись на руку Андре, Перэ направился к пристани, разражаясь проклятиями в адрес дерзкого юнца.

Наутро Сильвер отправил Уоллеса справиться о здоровье Перэ. Француз чувствовал себя лучше и предложил, не теряя времени, обсудить багамскую экспедицию. Несмотря на возражения Вольверстона, капитан согласился нанести визит на «Парисьен» и в час пополудни все трое уже поднялись на борт тридцатипушечного фрегата. У трапа их встретили старые знакомые — Андре и Жак, рядом с которыми столпились мрачные типы в пёстрой одежде. Каждый из них был перепоясан ремнём из буйволиной кожи, из-под которого торчали внушительные пистолеты. Вокруг царил полнейший беспорядок. Палуба была грязна и неубрана, то тут, то там валялись пустые бутылки. Более пристальный взгляд, однако, обнаруживал безупречное состояние такелажа, а небрежно одетые вахтенные были абсолютно трезвы и находились на своих постах при полном вооружении.

Гостей проводили в капитанскую каюту. Она чем-то отдалённо напоминала апартаменты Педро Альвареса, но отделка её была куда менее роскошной, а сама комната — значительно более грязной. В середине помещения, стены которого были увешены оружием и картами, располагался деревянный стол. Неубранные остатки завтрака — галеты и солонина — привлекали назойливых мух. Тут же стояла недопитая бутылка рома. Вдоль стола находились две длинные скамьи, чуть дальше — широкая кровать. Обнажённый до пояса капитан с подвязанной на косынке рукой полулежал поверх красного атласного одеяла.

— Привет, Сильвер! — француз приподнялся с разбросанных в изголовье подушек, — а с тобой, молокосос, можно иметь дело

Сильвер холодно кивнул.

— Обсудим условия? — продолжал Перэ, — может, всё-таки согласишься на треть добычи?

— Нет, — невозмутимо отозвался Питер, — только половина. Если позволит ветер, выходим не позднее послезавтрашнего дня.

— Ну ты и пряткий, парень. Ещё зелёный совсем, а туда же. А если я откажусь?

— Будем действовать сами. Что касается возраста, то, как видишь, он ничуть не помешал мне...

— Ладно, твоя взяла, — перебил Сильвера француз, едва заметно подмигнув стоявшим рядом Жаку и Андре, — твой план, тебе и карты в руки. А мы пойдём в кильватере.

Через день эскадра из четырёх кораблей — «Парисьен» и «Женевьев» под командованием Перэ и «Арабелла» и «Старая Англия» под командованием Сильвера взяли курс на Багамские острова. Дул лёгкий бриз, скорость была невелика, а на горизонте не было видно ни одного корабля. По юту «Арабеллы» нервно прохаживался шкипер Уоррен Крисперс. Он был не в духе — ещё не окончательно оправившийся от ранения Перэ не смог прибыть на флагман, поэтому совещание офицеров было перенесено на «Парисьен».

— Долго ещё они там, — недовольно пробурчал Крисперс, — наверняка этот пьяница устроил пирушку, а наш принц, конечно же, не умеет пить.

— Что с тобой, Уоррен? — поинтересовался подошедший вахтенный офицер Стилл, — чем опять недоволен?

— Да вот совещание затянулось, — задумчиво промолвил шкипер, глядя на ровно скользящий по невысоким волнам фрегат, — как бы нам в беду не попасть. Вот уже целый час они там.

— Думаешь, совещание лишь предлог?

— Кто знает..., — шкипер вновь бросил взгляд на «Парисьен», — наши красавцы наверняка не пили ничего крепче шоколада, так что быстро захмелеют.

— Но там же Нэд, — осторожно возразил вахтенный офицер, — он не допустит этого.

— Да что может твой Нэд, — буркнул Крисперс, — ты же знаешь, какой характер у капитана. Он никого не будет слушать.

— Тем более, Уоррен, — уверенно произнёс Стилл, — ничего с ним не случится. Зачем ему неприятности? Если уж он нам пить запрещает, то сам и тем более не будет.

Крепнувший ветер заполоснул паруса. Прикрикнув на мачтовых, вахтенный направился в сторону бака. Крисперс же продолжал глядеть на палубу «Парисьен», на которой, казалось, не происходило ничего особенного. Вантовые, словно муравьи, копошились у рей, офицеры громко отдавали им распоряжения, боцман важно прохаживался по баку, окидывая такелаж хозяйским взглядом. Шкипер задумался. Оставив службу на королевском флоте, он надеялся начать спокойную жизнь на берегу, обзавестись женой, детьми, домом. И вот теперь он снова на палубе корабля, но только будущее его ещё более туманно и неопределённо, чем раньше. Правильно ли он поступил, решив войти в команду? Был ли у него выбор? Возможно, он мог бы устроиться плотником или лоцманом на Тортуге, или отбыть в Англию вместе с покинувшими «Арабеллу» Джеффильдом и Годфри. Но что бы ждало его в этом случае? И что ждёт его теперь, когда судьба несёт его от гавани к гавани, от острова к острову, и он не знает, что будет завтра? Крисперс вновь взглянул на мерно покачивавшийся на невысоких волнах «Парисьен». «А Питер», — вдруг подумал он, — «вот кто действительно потерял всё», — шкипер хмыкнул, почесал в затылке, — «странный парень этот наш капитан. Интересно, кем он был раньше, и почему не вернулся в Англию?».

Пока шкипер предавался размышлениям на палубе «Арабеллы», в капитанской каюте на «Парисьен» шли ожесточённые споры. Ещё не окрепший Перэ бодрился. То и дело прикладываясь к бутылке, он отчаянно задирал хрупкого красавца Сильвера.

— Ты что, Питер, сможешь провести корабли между Нассау и Хог? — насмешливо пробасил он, — да мы сядем на мель, а испанцы будут палить по как по мишеням!

— Пролив проходим для семидесятипушечных галеонов — невозмутимо возразил Питер

— Но там же рифы! Нам нужен лоцман! Думаешь, что испанцы дадут нам своего?

Громкий смех, огласивший капитанскую каюту, служил явным доказательством того, что французские офицеры были на стороне Перэ.

— А что ты предлагаешь, Анри? — с едва заметной иронией заметил Питер, — идти сушей? Думаешь, что у них нет часовых?

— Высадимся вблизи Нассау, — уверенно произнёс Перэ, — ночью нас не заметят, и мы сможем подойти к городу и захватить его.

— Ты хотя бы раз был на Нью-Провиденс? — в голосе Питера слышались металлические нотки, — знаешь местность, расположение постов?

Перэ молчал. Он несколько раз проходил близ Багамского архипелага, но не знал ни подходов к острову, ни, тем более, рельефа местности.

Нью-Провиденс, располагающийся между большим островом Андрос и узкой полоской протянувшейся с северо-востока на юго-запад Эльютерой, самой природой был неплохо защищён от нападения. На северо-востоке, за островами Большой Багам и Абако, пролегал торговый путь от испанской Гаваны до Атлантического океана. Окружающие Нью-Провиденс территории были практически не заселены, поэтому вряд ли испанцам, одновременно атаковавшим крупнейшие британские колонии в Новом Свете, хватило бы судов и людей для создания поселений на почти что необитаемых островах. Да и расстояние между этими территориями и Нью-Провиденс было слишком велико. Опасность могли представлять лишь испанские корабли, курсировавшие между колониями, или их базы на мелких островах близ западной части Нассау, прикрытого с севера, будто щитом, узкой полоской острова Хог, вытянутого с северо-востока на юго-запад.

— Так ты предлагаешь идти с востока? — примирительно произнёс француз

— Конечно, ведь если мы пойдём с запада, нас могут подстеречь за Араваком, — в голосе Сильвера ещё слышались нотки иронии, но он уже немного смягчился, — главное, чтобы испанцы не обосновались на острове Хог. Именно оттуда нас могут ждать неприятности.

— Что ты предлагаешь?

— На подходе к Нассау разделимся, «Арабелла» и «Старая Англия» пойдут к Нассау, а «Парисьен» и «Женевьев» обследуют южное побережье Хог и присоединятся к нам позже.

— Значит, ты основную часть берёшь на себя? — удивлённый Перэ, прохаживавшийся по каюте, остановился.

— Мы хорошо знаем и гавань, и форт, — улыбнулся Сильвер, — к тому же у нас с ними личные счёты.

Перэ удовлетворённо хмыкнул.

— Неплохо, Питер, — пробормотал он, — но не думай, что я такой дурак.

— Что ты имеешь в виду?

— Попробуй только скрыть хотя бы эскудо, — ухмыльнулся француз, — помни, что подсчитывать денежки мы будем вместе.

— Главное, чтобы ты об этом помнил, — насмешливо отозвался Питер, — надеюсь, ты не забыл условия договора?

Перэ и французские офицеры согласно закивали головами. Соповещение было окончено.

Через несколько дней на горизонте появились очертания восточной части Нью-Провиденс. Однако не успели англичане и французы разойтись, как марсовой «Арабеллы» заметил приближающиеся с севера испанские корабли, медленно огибающие граничащий с Хогом островок.

Подгоняемые попутным ветром, сорокапушечные галеоны «Мадрид» и «Кастилья» быстро двигались в сторону острова Нью-Провиденс. Их сопровождали шедшие в арьергарде фрегаты — «Санта-Крус», «Фелипе» и «Инфанта». Сильвер просигналил отбой.

Но не успели французские корабли вернуться на прежний курс, как с «Парисьен» отчалила шлюпка, а вскоре на палубе «Арабеллы» появился и сам Перэ. Взбешённый француз отборно бранился и бурно жестикулировал, постоянно забывая о ранении, тут же напоминавшем о себе острой болью в плече.

— Вот что значит иметь дело с мальчишкой! Ты же утверждал, что острова плохо защищены!

— Разве не так? — Сильвер старался казаться невозмутимым, — Ты что, видел корабли

в проливе? Эти идут с севера и завернули только потому, что заметили нас.

— Ты так полагаешь? Ты же планировал эту операцию! Ты должен был предвидеть это!

Сильвер молчал. Его опыт в подобных делах был не слишком велик, но на его стороне были все бывшие жители Нассау, и каждый из них горел желанием отомстить. Поэтому он спокойно взглянул на раздражённого Перэ и пожал плечами:

— Отлично. У них пять кораблей, у нас — четыре. Повернём к северу и атакуем с наветра. Главное — не дать им войти в гавань.

— Нет, дорогой Сильвер, — возмущался изрядно вспыхнувший Перэ, — посулил мне золотые горы, а теперь заманил мышеловку! Сам разбирайся с ними, а мы тотчас же уходим из этого проклятого места

Приподняв руку, француз словно собирался стукнуть мощным кулаком о воображаемый стол, но лицо его исказила гримаса боли. Бессильно выругавшись, он направился было к трапу, но Сильвер остановил его.

— Взгляни, Анри. Если мы развернёмся сейчас, то успеем занять выгодную позицию.

— Нет уж, английская каналья! Разбирайся сам! О ревуар, принц!

— Нет уж, Анри. Ты подписал соглашение...

Круто развернувшись на каблуках, Перэ решительно подошёл к фальшборту, но к его величайшему удивлению шлюпки, в которой он прибыл, на месте не оказалась.

— Где она? — целый шквал отборных французских проклятий обрушился на головы ни в чём не повинных матросов «Арабеллы». Бешено жестикулируя левой рукой, капитан тщетно пытался объяснить с ни слова не понимавшими англичанами. Наконец один из них, уяснив себе, чего хочет этот не в меру распалившийся субъект, указал на уносимое течением крохотное судёнышко.

— Канальи! Почему не привязали шлюпку?

— Но..., - тщетно пытался оправдаться молодой матрос

— Да какие из вас вояки, когда...

— В чём дело, Анри? — вмешался подоспевший Сильвер, — ах да, понятно...

Взгляд француза, провожавшего взглядом отплывающее судёнышко, был красноречивее всяких слов.

— Но ты же не взял с собой матросов!

Перэ задумался. И вправду, он проявил величайшее легкомыслие, взяв с собою лишь своего помощника, да ещё и забыл привязать шлюпку к трапу.

— Капитан! — взволнованный голос Пети прервал тираду, которой разразился осознавший последствия собственной беспечности француз.

— Чего тебе ещё?

— Испанцы близко. Если возьмём другую шлюпку и попытаемся добраться до «Парисьен», то окажемся на расстоянии мушкетного выстрела от «Мадрида».

Сильвер стоял поодаль, с явным удовольствием наблюдая за действиями незадачливого союзника.

— Что ты наделал, юнец паршивый! Теперь я должен торчать на твоём корабле, — сжав кулаки, Перэ едва не накинулся на Питера, но тот лишь усмехнулся в ответ.

— По-моему, у тебя нет выбора. К тому же твои корабли уже готовятся к бою. Взгляни сам!

Найдя, наконец, применение подзорной трубе, которую дотеле использовал как некое подобие жезла, француз со всей ясностью убедился — команды «Парисьен» и «Женевьев»,

пребывали в полнейшей уверенности, что их капитан поддерживает исходящие с флагманского галеона приказы.

— Каналья! — бессильно выругался он, глядя как прибавивший парусов «Парисьен» оказался в кильватере замедлившей ход «Арабеллы». Матросы на кораблях уже натянули сетку над палубой и теперь готовили к бою тяжёлые пушки. Перестроились и испанцы, сосредоточив в центре более мощные галеоны. Лёгкие фрегаты в авангардах обеих эскадр уже находились друг от друга на расстояние пушечного выстрела.

— Мы у них под ветром, — недовольно пробурчал Крисперс, покосившись на беспрестанно метавшегося по палубе француза, и всё из-за того, что...

С палубы испанцев уже слышались отрывистые окрики. Канониры на верхней палубе в полной боевой готовности стояли у пушек. Крисперс взглянул на капитана.

— Пора?

— Не время, — отозвался Сильвер, — сигнал прибавить парусов!

Вытянувшись в две сходящиеся друг с другом линии, эскадры быстро сближались. Наконец, расстояние между ними сократилось до полкабельтова.

— Огонь!

Раздался пронзительный звук горна. Грянул орудийный залп, и суда скрылась за облаком сгустившегося дыма. С палубы испанцев донеслись крики и треск ломающегося такелажа.

— Сигнал поворот! Заряжай картечью!

Плотная пелена окутала корабли. Всюду слышались кашель и отборная матросская ругань.

— Не видно ничего...

Пушки испанцев рывкнули, но англо-французская эскадра уже успела развернуться к противнику узкой носовой частью. Пройдя за дымовой завесой, корабли сделали поворот и, обогнув противника, оказавшись с наветра, мощным орудийным залпом ударили по испанцам, в щепки разнёся фок-мачту на «Санта-Крус» и бизань на «Фелипе». Одно из ядер попало в борт «Мадрида» и он, получив пробоину ниже ватерлинии, дал крен. Ещё один залп, и чёрный корпус «Инфанты» начал медленно погружаться в воду. Команда спешно спускалась в шлюпки. Ровный строй судов сбивался, всё более напоминая «общую свалку».

— По такелажу, картечью! — срывая голос, орал Сильвер

Воспользовавшись, наконец-то, подзорной трубой Питера, Перэ изо всех сил пытался рассмотреть, что же происходит за вновь окутавшей суда дымовой завесой. Он молча глядел, как «Арабелла» и «Парисьен», идя борт о борт, постепенно входят в разрыв между испанскими галеонами, как сжимают в руках крюки застывшие у фальшборта матросы «Арабеллы», как «Женевьев» и «Старая Англия», обойдя отошедшие к северу галеоны, приближаются к сцепившимся друг с другом «Санта-Крус» и «Фелипе», и как перекатываются волны по палубе уже почти затонувшей «Инфанты». Нельзя сказать, чтобы французский капитан не был рад исходу боя, но то, что не он одержал эту победу, заставляло его мрачнеть всё больше и больше. Сомнения закрадывались в его сердце, и он сам не знал, чего он сам желает — одержать верх над испанцами или проучить дерзкого капитана «Арабеллы», который по возрасту годился ему в сыновья. Тем более, Сильвер сам напрашивался на неприятности. Сжимая в руке абордажную саблю и опоясавшись шёлковым шнурком, на котором были подвязаны пистолеты, Питер первым перепрыгнул на борт наименее пострадавшей «Кастильи»...

Глава 11. Deja vu

Испанский губернатор острова Нью-Провиденс, дон Фернандо де ла Коса, ещё нежился в мягкой постели, когда его разбудили яркие солнечные лучи. Поднявшись с постели, дон Фернандо направился к окну, чтобы впустить в комнату свежий морской воздух, но вдруг заметил медленно движущиеся по проливу корабли.

«Флаг испанский», — подумал он, — «значит, свои, но... Нет, всё-таки что-то здесь не так». Губернатор не понимал, откуда взялось это странное ощущение тревоги, но интуиция упрямо нашёптывала, что он должен больше доверять чутью, чем собственным глазам.

«Но что же не так?», — недоумевал дон Фернандо, тщетно борясь с одолевавшим его желанием немедленно отдать приказ о нападении, — «надо вызвать командующего фортом».

Вскоре офицер прибыл в губернаторские покои. Усиленно протирая глаза, он недоумевающее глядел на дону Фернандо, вызвавшего его ни свет ни заря.

— Взгляни, — губернатор указал на медленно приближающиеся корабли

— Испанская эскадра, — невозмутимо отозвался командир форта, — мне доложили, что они дали бой пиратам и взяли их корабли на абордаж.

Дон Фернандо задумался.

— Ты точно знаешь?

— Разумеется. Иначе и быть не могло — у нас численный перевес, да и оружия больше.

— Тем не менее, прошу запомнить — корабли могут быть пиратскими. И сообщи мне всё, что ты знаешь о вчерашнем сражении.

Командующий фортом потупил глаза. Он что-то слышал об этом от одного из дозорных, но сам в тот день не был на боевом посту, предпочтя провести день в компании юной Луизы, дочери помощника губернатора.

— Разрешите идти? — надеясь избежать более подробного объяснения, поинтересовался командующий.

— Быстро на пост! — рявкнул губернатор, заметив смущение своего подчинённого, — и подготовьтесь к защите! Лично проверю!

Вспомнив о своём служебном долге, командующий со всех ног рванул в сторону гавани.

Тем временем Питер в задумчивости стоял на палубе «Арабеллы». Вокруг сновали люди, натягивая сетку и готовя пушки к атаке. Капитан же, будто бы размышляя о чём-то, молчал и всматривался в хорошо различимые очертания городских укреплений. Внезапно раздавшаяся стрельба означала, что первоначальный план быстрого захвата форта с треском провалился, но у него оставался ещё один, самый главный козырь...

В форте Нассау царило всеобщее смятение. Командующий с недоумением взирал на корабли, на мачтах которых развевались испанские флаги. У пушек с зажжёнными запалами стояли канониры, но никто так и не решился дать команду к атаке. Прибавив парусов, двадцатипушечный фрегат «Санта-Крус» отделился от остальных судов и быстро направился к гавани. Пройдя точно посередине между двумя пришвартованными в ней судами, он, вместо того, чтобы остановиться, продолжал двигаться вперёд. Видя, что происходит нечто странное, канониры зажгли фитили и уже собирались поднести к запалам, как вдруг «Санта-Крус», тяжело ударившись килем о грунт, взорвался, словно бочка, наполненная порохом. Пламя перекинулось на стоявшие в заливе корабли. Они пылали, разбрасывая вокруг себя

горящие обломки рангоута и такелажа и окутывая клубами дыма городские укрепления. Взорвавшись на борт не тронутого пламенем галеона, отчаянные головорезы носились по палубе, поджигая такелаж. Огонь пожирал снасти, постепенно подбираясь к трюмам, где хранились запасы пороха. Опомнившиеся матросы пытались схватить нападавших, но тщетно — глаза застилал густой дым, а языки пламени лизали одежду. Через несколько мгновений все они оказались за бортом — галеон превратился в один гигантский костёр, разбрасывающий горящие искры по всему побережью. Началась паника, солдаты побросали пушки и бросились прочь. В это время заговорили пушки «Кастильи» и «Арабеллы», и остатки укреплений превратились в груды развалин...

Дон Эстебан фехтовал отменно. Этот тридцатипятилетний здоровяк слыл одним из лучших вояк испанского гарнизона. С лёгкостью расправившись с несколькими противниками разом, он набросился на Сильвера, пытавшегося прорваться к губернаторскому дому. Обрушив на противника целый шквал сабельных ударов, и постоянно меняя тактику, Сильвер оттеснил дона Эстебана прямо к воротам. Рядом сражался Вольверстон. Улучив мгновение, он бросил взгляд на капитана и тотчас заметил, как в глазах Сильвера мелькнула затаённая боль. «Тот самый дом, — подумал Вольверстон. — И беседка всё та же... Будто и не случилось ничего. Тяжело, наверное, капитану». Выстрел. Пуля едва не задела плечо Сильвера. Отскочив в сторону, он вновь ринулся вперёд. Дон Эстебан с лёгкостью отвёл удар и бросился в контратаку. Раздался лязг скрестившихся сабель. Прыжок, и Сильвер уже метнулся на левый фланг, но и здесь его клинок наткнулся на оборону неуязвимого испанца. Ещё... Справа... Замахнувшись что есть силы, Сильвер рубанул по надплечью противника. На рубашке испанца появилась кровь. Он выронил оружие.

— Надеюсь, наш поединок закончен? — со всей мыслимой в подобной ситуации любезностью поинтересовался Сильвер,

— Нет, щенок! Выхватив пистолет левой рукой, испанец разрядил его в голову капитана. Питер пригнулся. У Вольверстона замерло сердце. Теперь... Надо не упустить свой шанс. Давай, капитан! Спускай курок! Ещё выстрел... Раненый в ногу дон Эстебан покачнувшись, но, устояв, вновь выстрелил, целясь капитану в грудь. Питер отскочил и приготовился к обороне. Но лицо противника уже покрыла смертельная бледность. Чувствуя, что силы оставляют его, он наклонился, поднял лежащую на земле саблю, переломил об колено и тут же упал как подкошенный.

Теперь путь свободен. Сильвер стремглав ринулся в ворота губернаторского дома. Вольверстон тотчас же бросился за ним. Прошрое... Скоро оно встанет перед их глазами, как наваждение. Капитан уже был у беседки, когда воздух огласил истошный женский крик. Он доносился из окна второго этажа, из комнаты, которую когда-то занимала мисс Брэдфорд. Дверь... Стрелой взбежав по полуразрушенной лестнице, пираты миновали коридор. Вольверстон вышиб ногой дверь. Скрипнув, она медленно отворилась...

На широкой кровати, где так любила нежиться мисс Брэдфорд, сидела девушка лет шестнадцати. Иссиня чёрные волосы разметались по смуглым плечам, чуть прикрытым белым домашним платьем. Чёрные миндалевидные глаза расширились от ужаса.

Поджав под себя ноги, она сидела неподвижно и прямо, будто видела перед собой змею. Рядом с ней с вытянувшимися от страха лицами стояли две худенькие девушки-служанки. Седой мужчина с благородным лицом и бородой-эспаньолкой сидел в кресле, накрепко привязанный к нему верёвками. Во рту, словно кляп, торчали обрывки окровавленной

рубахи.

— Смотри, старый дон, — прорычал бывший портной Джеф Сайтон, — сейчас ты увидишь, что твои люди сделали с моей младшей сестрой!

Одежда пирата была в крови, правая рука висела, подобно плети, а в левой он держал окровавленную саблю. За спиной Джефа толпилось не менее десяти вооружённых до зубов флибустьеров, вид которых не оставлял ни малейших сомнений в их намерениях. Злобно расхохотавшись, Сайтон отбросил саблю в сторону и начал медленно приближаться к девушке. Испанка отодвинулась назад, и в глазах её сверкнул гнев, смешанный со страхом.

— Не бойся, красотка! — скользнув по щеке, рука пирата сжала её плечо. Девушка рванулась прочь, но силач Сайтон уже крепко держал её в объятиях.

Вольверстон замер. Воспоминания о прошлом мелькнули в его мозгу. Он жалел девушку, но понимал и Сайтона — судьба женщин Нассау болью отдавалась и в его сердце.

— Ни с места, Джеф, или я убью тебя! — гневный хрипловатый голос раздался прямо за спиной Вольверстона. Нэд обернулся. Сильвер — бледный, с перекошенным лицом, приближался к матросу, держа в вытянутой руке пистолет.

— Ты что, капитан? — возмущённо пробасил Сайтон, — забыл, как они поступали с нашими женщинами?

— Отпусти её или..., - Сильвер ткнул дулом в спину мятежного матроса. Раздался звук взведённого затвора. Стоявшие в комнате пираты молча взирали на происходящее. Многие в душе поддерживали Сайтона, но играть в рулетку со смертью не желал никто.

— Ты отпускаешь её или нет?

— Но ты же знаешь, Питер, что они сделали...

— Ты заключил договор, Джеф, — ледяным голосом произнёс капитан. — Всякий, причинивший зло порядочным женщинам, будет убит. К тому же, что неповиновение капитану в бою приравнивается к мятежу. Ну как, Джеф, ты её отпускаешь?

Побеждённый, но так и не остывший флибустьер молча отшвырнул саблю и, круто развернувшись на каблуках, направился к двери. Несколько человек попытались задержать бунтовщика, но Питер остановил их.

— Не надо, ребята, — голос капитана смягчился. — Он не успел причинить ей зло. Я прощаю его. Мы все понимаем, что он пережил.

Сильвер грустно взглянул на сидевшую на кровати испанку. Подняв глаза к небу и сложив руки на груди, девушка благодарила Мадонну за своё чудесное спасение.

— Моя сестра убила себя, чтобы не оказаться в руках негодяя, — сухо добавил капитан, отвернувшись к окну, чтобы скрыть застилающие глаза слёзы.

Потупившийся Сайтон, так и не решившийся покинуть комнату, молчал. Наконец, он вновь взглянул на Сильвера, но уже без прежней ненависти и злости:

— Прости меня, капитан, — пробормотал он, — я не знал об этом.

— Арабелла Брэдфорд была моей двоюродной сестрой, — с горечью произнёс Сильвер.

Вытащив из-за пояса кинжал, он подошёл к старому испанцу. Тот взглянул на него из-под ошетилившихся густых бровей со смесью ненависти и благодарности.

— Вы свободны, дон..., - Питер замолчал, не зная, как обратиться к собеседнику.

— Дон Фернандо де ла Коса, — ответил тот, — благодарю Вас за спасение моей дочери.

— Можете быть уверены, что никто не причинит ей зла. Тем не менее, вы оба — мои пленники. Будете пока в этой комнате, под охраной моих людей.

— Что с нами будет? — с тревогой произнёс испанец

— Мне придётся внести за Вас залог, чтобы Вы с дочерью и служанками перешли в мою личную собственность, — спокойно ответил Питер, — тогда я смогу доставить Вас туда, куда Вы пожелаете.

— Что это значит? — воскликнула девушка, внезапно осознав, что становится собственностью другого флибустьера. Сильвер отвесил испанцам лёгкий поклон, всем своим видом высказывая уважение

— Это значит, что если у Вас есть родственники на одном из островов, находящихся на близлежащих испанских землях, Вы будете доставлены туда на моём корабле, но не раньше, чем мы закончим свои дела на этих островах. Пока же вы останетесь в этой комнате под охраной моих людей

Развернувшись, он в последний раз окинув взором спальню Арабеллы Брэдфорд и направился к выходу. Отдав распоряжения стоявшим у дверей офицерам, Сильвер спустился в гостиную. Вольверстон последовал за ним. Почти вся его команда уже была там — никто так и не смог найти следов своих родных. Все молчали, потупив взоры. Тяжёлые думы одолевали всех бывших островитян, и даже стоящие в центре залы тяжёлые кованые сундуки с награбленным добром не радовали глаз. Решение было принято немедленно — укрепиться на островах, отстроить форты и, курсируя на кораблях между фортом и островом Аравак, ждать прибытия новых кораблей противника. Люди Перэ, вполне довольные добычей, не возражали против подобного плана. Временное командование разместилось в губернаторском доме, когда-то принадлежавшем Брэдфордам.

Питт Уоллес бродил по дому, словно тень. Несколько раз он пытался заговорить с Сильвером, но тот избегал разговора, ограничиваясь лишь короткими односложными репликами. Однако вскоре дела насущные взяли верх над воспоминаниями, а Перэ, и вовсе испытывавший сентиментальных переживаний, пожелал немедленно посетить винный погреб. Вернулся он неожиданно быстро, держа за руку перепуганную девчушку лет пятнадцати.

— Вот, в погребе нашёл, — недовольно пробурчал он, с опаской косясь на устроившегося в кресле Сильвера. Историю с Сайтоном знали уже все, и никто не желал следовать его примеру.

— Надеюсь, ты не трогал её? — пистолет в руке Сильвера чуть шевельнулся. Вольверстон с тревогой взглянул на капитана.

— Ну что ты, Питер, я же знаю, что ты...

Если бы Перэ в ту минуту внимательней взглянул в лицо капитана, то заметил бы, что его охватило сильное волнение. Бледный, со спущенными на лицо локонами чёрного парика, он тщетно силился унять дрожь в пальцах.

— Мэри Кэт? — срывающимся голосом спросил он.

— Да, — испуганно ответила девушка, — я была служанкой у Брэдфордов, а потом спряталась в винном погребе. Слава Богу, меня не нашли.

Вольверстон заметил, что Сильвер немного успокоился, и теперь ласково глядел на Мэри.

— Не бойся. Мы не причиним тебе зла. Понимаешь, нам надо узнать что-нибудь о судьбе бывших владельцев этого дома.

— Ах, это так ужасно, так ужасно! — жалобно всхлипывала Мэри, — дочь Брэдфорда, мисс Арабеллу унесли на свой корабль испанцы, они так хохотали, когда схватили её, — и

девушка расплакалась, утирая сжатым кулачком ручьём стекающие по щекам слёзы, — мистера Брэдфорда убили сразу, и всю прислугу убили.

— А миссис Брэдфорд? — Так и не убрав с лица спадающие на него локоны, Питер крепко сжал сплетённые между собою пальцы рук.

— Миссис Брэдфорд много плакала, а потом какой-то испанский гранд, кажется, хороший человек, долго с ней говорил, и она успокоилась. Он говорил ей что-то доброе по-испански, я не поняла, что. А потом они поженились где-то здесь, в Нью-Провиденс, и она уехала с ним.

На лбу Сильвера вдруг выступил пот, но он изо всех сил старался выглядеть спокойным и уверенным. Вольверстон облегчённо вздохнул. За долгие годы его дружбы с Дженнифер он привязался к ней и не раз размышлял о её судьбе, о тех муках, что довелось ей пережить перед смертью. И вот, наконец, жива! Вот ещё бы Сильвер... Капитан по-прежнему ласково глядел на девушку, силясь подавить охватившее его волнение.

— Всё хорошо, Мэри. Мы не причиним тебе зла. Ты говоришь, что миссис Брэдфорд жива, и что она в Испании?

— Наверное, в Испании, или где-нибудь здесь на островах. Кажется, он что-то говорил про Испанию, — девушка сжалась в комочек и вся тряслась от страха.

— А как звали этого испанца?

— Синьор Аламейда, герцог Антонио Аламейда. Он, кажется, состоит в родстве с королём. Мистер, Вы точно ничего мне сделаете? Я порядочная девушка.

— Не волнуйся, Мэри, — вновь повторил Сильвер. — Обещаю, что подумаю, как устроить твоё будущее. Никто из моих людей не причинит тебе зла, иначе я убью его своими собственными руками.

Девушка расплакалась. Питер взял её руку и погладил её.

— Мне можно идти? — всё ещё дрожа, спросила она.

— Да, иди, ты свободна. Но не уходи из дома. Я же обещал помочь тебе.

Девушка бросилась бегом из комнаты.

Сильвер, Вольверстон и Уоллес переглянулись. Во всяком случае, миссис Брэдфорд жива, и её можно найти, даже если для этого придётся отправиться в Испанию. Вот только разузнать бы, где можно найти этого герцога Аламейду. Но имеют ли они право вмешиваться в жизнь Дженнифер, и что они могут ей предложить взамен? Жалкое существование в лачуге на побережье? Судьбу матери или жены флибустьера? Перспектива далеко не радужная, а ведь эта благородная, привыкшая к роскоши дама, сейчас, несомненно, ведёт жизнь королевы. Вот только бы убедиться, что она счастлива с этим герцогом, и не собирается возвращаться назад. Только бы взглянуть на неё и удостовериться в её полном благополучии. Сомнения одолевали обоих, но Питер быстро взял себя в руки:

— Отлично, — с металлическими нотками в голосе произнёс он, — надо допросить пленных, — и он кивнул стоящему рядом Майку Пирсону, — Приведите их к нам по одному. Надо узнать, где может быть этот Антонио Аламейда.

Но в этот день им не суждено было ничего узнать. Не успел Майк выйти из комнаты, как в неё вбежал дозорный, сообщая о приближении новой эскадры. Она состояла из четырёх кораблей и двигалась под английским флагом.

— Может быть, это манёвр испанцев? — предположил Питт Уоллес.

— Разумеется. Мы должны ударить первыми, — высказал своё мнение Перэ.

Питер взял подзорную трубу. Флагман эскадры находился в двух милях от форта.

— Подготовить к выходу «Старую Англию». Я буду на борту через пять минут, — распорядился он, — Вольверстон и Питт, вы остаётесь вместо меня, — и он тихо шепнул на ухо Уоллесу:

— Не дайте Перэ себя одурачить. Без меня никакой делёжки.

Тот молча кивнул. Бегом спустившись по лестнице, Питер миновал сад и через несколько мгновений уже был на пристани.

Менее чем через полчаса «Старая Англия» подошла к западной оконечности острова Хог. Флагман незнакомой эскадры, на котором развевался английский стяг, находился на расстоянии пушечного выстрела. Сильвер отправил двух парламентёров, поручив им приветствовать судно, уточнив путь его следования и имя капитана. Однако, в последний момент, следуя какому-то непонятному наитию, Сильвер сам вскочил в уже готовую к отплытию шлюпку и, едва она ударилась о борт корабля, начал взбираться по трапу, приказав своим товарищам оставаться на месте.

Глава 12. Прошлое, настоящее и будущее

Вице-адмирал Блэкстоун задумчиво глядел на подплывающую к борту незнакомую шлюпку. На мачте полоскался английский флаг. Такое же знамя реяло и над фортом Нассау. Но почему? Ведь по его сведениям, Багамы были захвачены испанцами? Блэкстоун поднёс к глазу подзорную трубу. Да, форт определённо разрушен. Значит, полученное Её Величеством донесение полностью соответствовало истине. Что же случилось? Кто эти неизвестные друзья, и как им удалось выгнать испанцев с Нью-Провиденс? Вице-адмирал задумался. Шлюпка уже покачивалась у борта, трап был спущен, а по нему ловко взбирался щуплый матросик. Судя по всему, он был ещё совсем мальчишкой, может, даже юнгой. Хотя нет, юнгой вряд ли — судя по одежде точно из благородных. Наверняка офицер. Взобравшись на палубу, неизвестный склонился перед Блэкстоуном.

— Капитан Питер Сильвер

— Блэкстоун, вице-адмирал эскадры, помощник капитана Питера Блада, губернатора Ямайки

Блэкстоун, не отрываясь, глядел на молодого моряка. Он давно уже привык не удивляться ничему, но это лицо... Неужели два человека могут быть так похожи?

— Я хотел бы видеть адмирала, — голос незнакомца был спокоен, но, похоже, упоминание о Бlade взволновало его.

— Он сейчас выйдет на палубу, — невозмутимо ответил Блэкстоун, — Вы представляете правительство Англии?

— На этот вопрос я отвечу только адмиралу, после того как смогу убедиться, что это действительно он

Блэкстоун искоса взглянул на собравшихся вокруг матросов. Те с неподдельным интересом наблюдали за собеседниками.

— Вы знаете мистера Блада?

— Наслышан о его подвигах, — ответил Сильвер. — Разумеется, рад был бы познакомиться с ним лично.

Блэкстоун молчал. Неожиданно умолк и юноша. Казалось, он был чем-то сильно поражён. Забыв о правилах хорошего тона, он, не отрывая взгляда, смотрел вперёд, по-видимому, в сторону лестницы. Блэкстоун обернулся. На верхнюю палубу вышел адмирал. Странное чувство охватило вдруг Блэкстоуна. Казалось, время то ли остановилось, то ли, наоборот, ускорило свой бег. Будто перед ним очутилось зеркало, в котором отражается то ли юный Блад, то ли внезапно постаревший Сильвер. «Парню едва ли шестнадцать будет», — подумал Блэкстоун, — «такой же смуглый, те же манеры, а лицо... Не может быть...». С трудом оторвав взор от лица Сильвера, Блэкстоун перевёл его на адмирала. Да, именно таким, наверное, станет этот мальчишка лет через двадцать. Тот же овал лица, тот же нос, но горбинка более заметна, те же синие глаза, те же ниспадающие на смуглое лицо чёрные волосы. Но только на лбу пролегли глубокие морщины, из-под парика выбился седеющий чёрный локон, а в глазах — едва заметная усталость. Оба моряка недвижно стояли на палубе, глядя друг другу в глаза.

Первый пришёл в себя Блад:

— Извольте доложить, капитан, на каком основании Вами захвачены острова архипелага? — адмирал говорил спокойно и ясно, как будто бы не было этой немой сцены, и

лишь бледность выдавала его волнение.

— Они отбиты мною у испанцев, которые захватили их почти два месяца назад, — молодой капитан, по-видимому, также был не на шутку взволнован, хотя изо всех сил старался выглядеть невозмутимым. — Я и моя команда — почти все уроженцы острова Нью-Провиденс. Мы были взяты в плен испанским судном «Инфанта Лусия», но нам удалось захватить корабль, а затем — ещё один испанский фрегат — «Кадис»

Блад внимательно слушал, и Сильвер, после небольшой паузы, продолжил свой рассказ:

— Не думаю, что Вам надо долго думать, чтобы предположить нашу нынешнюю профессию, но в качестве первой нашей военной операции мы решили вернуть Англии захваченные острова и попытаться найти следы своих родных.

— Если я не ошибаюсь, губернатором острова был мистер Брэдфорд? — вопрос был задан Бладом лишь по долгу службы, но Блэкстоуну померещилась в них странная тревога.

— Да, господин адмирал, но он убит, — с горечью произнёс Сильвер.

— А его жена? — по лицу Блада пробежала тень

— Мы только что узнали, что миссис Брэдфорд уехала с герцогом Антонио Аламейдой, который предложил ей руку и сердце. Думаю, её не стоит осуждать — ведь альтернативой был позор и смерть.

— Знаете ли Вы что-либо о его дочери? — тень на лице адмирала стала ещё заметнее, казалось, он был чем-то сильно опечален.

— О её судьбе я могу рассказать Вам подробно, но вначале хотел бы узнать, почему Вас это так интересует, — Питер взглянул прямо в глаза адмиралу. Адмирал, не отрываясь, смотрел на него. Оба будто пытались разгадать какую-то тайну.

— Господин адмирал, — прервал немой диалог Питер, — всё, что имеет отношение к судьбе Арабеллы — это долгая история, поэтому думаю, нам всё-таки надо решить неотложные дела. После этого у нас будет достаточно времени для разговора. Пока же позвольте мне вернуться на «Старую Англию», а то мои люди могут подумать, что меня захватили испанцы, плавающие под английским флагом.

Блад кивнул, и Питер, поклонившись, спустился в мерно покачивающуюся на невысоких волнах шлюпку. Блэкстоун же провожал глазами отплывшую к берегу шлюпку. Рядом с ним, погрузившись в размышления, стоял Блад.

Вскоре эскадра бросила якорь в гавани Нассау. На пристани их встретил Сильвер, и оба капитана направились в форт. Их сопровождал Блэкстоун — адмирал желал сохранить разговор втайне. Беседа состоялась в одном из уединённых бастионов, сохранившихся после нападения испанцев. Более часа Блэкстоун прохаживался у двери. Наконец, она отворилась, и он услышал дрогнувший от волнения голос Блада.

— Возьми моё кольцо, Питер. Пусть оно станет талисманом твоей удачи. Правда, я не очень верю в талисманы, но всё равно. Мне хотелось бы, чтобы ты носил его, хотя бы как память о нашей встрече.

Блэкстоун заглянул внутрь. Юный капитан, забыв о сдержанности, бросился адмиралу на шею. Блад с нежностью обнял его. Несколько мгновений они молчали, но затем до ушей вице-адмирала донёсся голос Сильвера.

— Я никогда не забуду Вас. До встречи, теперь я буду чаще заходить на Ямайку, чтобы видеть Вас.

Вскоре оба капитана покинули бастион. Лишь на мгновение Блэкстоуну почудилось, что в глазах юного моряка блеснула слеза.

— До встречи, Питер Сильвер. Вы можете оставить остров — он будет возвращён Англии. Тебя же ждёт награда, какая — я ещё не решил. Разумеется, всё, что захвачено вами у испанцев, принадлежит вам. Надеюсь, английского имущества вы не трогали? — словно вспомнив о чём-то, строго спросил он.

— Наш договор с Перэ именно это и предусматривал. Извольте осмотреть остров?

— Надеюсь, ты будешь со мной?

— Не думаю, чтобы это было необходимо. То, что поразило нас при встрече, увидят другие.

— Ты прав. Лучше не давать почву для разговоров. Поручу это Блэкстоуну. И ещё — надо найти Аламейду. Надеюсь, тогда мы сможем отыскать миссис Брэдфорд. Если она пожелает вернуться, я сделаю всё, чтобы устроить её жизнь на Ямайке.

— Спасибо. Надо ещё пленных допросить, — смутился Сильвер, — может, всё же захотите присутствовать?

— Мы же договорились. Тем более, ты сам прекрасно справишься. Тебе уже не нужна моя помощь, хотя ты всегда можешь на неё рассчитывать, — Блад отечески обнял юношу, — и передай своему приятелю Вольверстону, чтобы он заглянул ко мне, пока твои суда ещё стоят в гавани. Пусть знает, что нехорошо забывать старых друзей.

Адмирал ещё на мгновение задержал в своей ладони изящную руку Сильвера, а потом быстрыми шагами направился к пришвартованному в гавани кораблю.

Глава 13. История адмирала Блада

Что же произошло с губернатором Бладом в Англии, и почему он вернулся адмиралом — этот вопрос вправе задать каждый, кто читает эти строки. Ведь Мэнсон приложил все свои усилия, чтобы уничтожить Блада, поставив на его место своего человека. Однако сама судьба помогла капитану. Случай, роковым образом вмешавшийся в жизнь семьи Брэдфорд, оказался спасительным для ямайского губернатора. Прибыв в Лондон, Блад остановился на постоялом дворе, намереваясь наутро же прибыть в Сент-Джеймский дворец. Но как человек воспитанный, он посчитал своим долгом в тот же день навестить своего старинного знакомого, лорда Джулиана Уэйда, письмо от которого он получил за неделю до прибытия Мэнсона. В нём лорд Джулиан сообщал об интригах, ведущихся против Блада некоторыми приближёнными Её Величества, и приглашал к себе во дворец на чашечку английского чая, чтобы обсудить все новости и вместе поохотиться в его беркширских угодьях. Принадлежа к одной из боковых ветвей рода герцогов Норфолкских, Уэйд унаследовал средневековый замок в Беркшире, недалеко от Лондона. Расположенный на высоком холме дворец был выстроен в том же стиле, что и величественный Арундель, где проживали наследники герцогского титула. Серый, с высокими резными башнями, он хранил тайны многих веков, призывая своих гостей задуматься о бренности человеческого существования. Однако, несмотря на всю торжественность своего обиталища, лорд Джулиан имел вид цветущий и довольный. Когда-то хрупкий светловолосый юноша располнел и превратился в дородного румяного джентльмена. Он радостно, по-дружески обнял Блада, и его весёлость и радушие немного облегчили душу приготовившегося к тяжёлым испытаниям капитана.

— Как дела? Я рад, что ты жив, а то до меня доходили слухи, что ты погиб в сражении на Сен-Каталине, — улыбнулся он старому другу

— Я был тяжело ранен, и мало чем отличался от убитого, и выжил только благодаря ловкости моего хирурга, которого когда-то сам обучал медицине, — Блад пытался острить, но тревожный взгляд синих глаз выдавал с недавнее его волнение.

— Что заставило тебя вернуться к нашим дождям и туманам? — участливо спросил Джулиан, поняв, что за маской ироничной светской любезности, которую напустил на себя его товарищ, таится плохо скрываемое беспокойство. Блад молчал. Пройдя по аккуратно выложенной камнями тропинке, и миновав резные ворота, мужчины оказались во внутреннем дворе. Уэйд снова взглянул в глаза капитана и был поражён тем выражением безотчётного страха, которое ему почудилось в их мерцающей глубине.

— Что с тобой, Питер? — спросил он, обняв старого друга за плечи, — что случилось? Ведь ты никогда ничего не боялся?

— Самое страшное, Джулиан, — Блад тяжело вздохнул, — это когда ты не в силах предотвратить беду, которая грозит твоим близким. Я несколько не боюсь за то, что может случиться со мной в Лондоне, и я с лёгким сердцем могу принять всё, даже смертный приговор. Но, находясь здесь, я ничего не могу сделать для защиты своих родных и друзей в Новом Свете, а я уверен, что им грозит серьёзная опасность.

— Кажется, ты попал в настоящую переделку, — ободряюще улыбнулся Джулиан, — пройдем ко мне в кабинет, поговорим. Может быть, я что-нибудь смогу сделать для старого друга, — и он весело подмигнул загрустившему Бладу.

Мужчины устроились в уютном небольшом кабинете, помещавшемся в одной из башен,

и Блад подробно рассказал товарищу о событиях, произошедших на Ямайке.

— Поведение Мэнсона выглядит более чем странным, — покачал головой Уэйд, — он близок к королевскому двору и, насколько мне известно, в последнее время ведёт какую-то интригу, основная цель которой — убрать тебя с должности губернатора. У меня есть связи в Адмиралтейском суде, и я слышал, что от Мэнсона поступило не менее пяти доносов. Он писал о твоих дружеских отношениях с пиратами и той выгоде, которую ты якобы от этого получаешь.

— Возмутительная ложь! — Блад выругался, — я действительно считаю, что пираты помогают нам защищаться от набегов испанцев, поэтому я лояльно отношусь к их присутствию на Ямайке, но я никогда не вступал с ними ни в какие сделки и не получал от этого никакой выгоды.

— Я знаю, что у тебя безупречная репутация, но Мэнсон ненавидит тебя. Думаю, у него есть для этого основания. Несколько лет назад он был послом Её Величества в Испании, и вёл какие-то дела с иезуитами и некоторыми приближёнными короля. Подозреваю, что он заключил там тайную сделку, цель которой — добиться перехода британских колоний под протекторат Испании. Твой рассказ ещё раз подтвердил мои подозрения — твоё присутствие в Новом Свете мешает ему осуществить свой план.

— Что мне делать? Я должен завтра прибыть ко двору Её Величества, чтобы отчитаться за свои действия. Но самое главное, Джулиан, я абсолютно уверен, что, пользуясь моим отсутствием, испанцы могут напасть на Ямайку, да и на другие острова тоже. Мне страшно подумать, что может произойти с моей семьёй, ведь подобное не однажды случалось в Новом Свете, где колонии порой переходят из рук в руки.

— Советую тебе встретиться с герцогом Джоном Черчиллем, герцогом Мальборо командующим сухопутными войсками, — задумчиво произнёс Уэйд, — я понимаю, что ты не хочешь его видеть, но его близость с королём Яковом — это прошлая история, а ты, насколько я знаю, дружен с его родственниками в Новом Свете.

— Я подумаю об этом, Джулиан, — в глазах Блада промелькнуло сомнение.

— Здесь не о чем думать, Питер, — Уэйд продолжал горячо настаивать на своём, — Ты должен сегодня же встретиться с герцогом. То, что ты мне сейчас рассказал, для любого военного — полнейший абсурд, и герцог сразу поймёт это. Однако человек, не знакомый с военным делом, может стать на сторону Мэнсона.

Блад молчал, о чём-то размышляя. Лорд Джулиан нетерпеливо взглянул на него:

— Едем сейчас же. Я хорошо знаю герцога, и он не откажет мне в просьбе. Тем более что ты хорошо знаешь его младшую сестру Дженнифер.

— Ты имеешь в виду миссис Брэдфорд? — слова Уэйда вывели Блада из состояния полузабытья

— Да. Ведь ты дружен с Брэдфордами. Или я неправ?

— Мы действительно часто виделись, — рассеянно произнёс Блад. Его сердце вдруг сжалось от какого-то смутного предчувствия беды.

— Что с тобой, Питер? — с тревогой спросил Джулиан

— Я вспомнил, что Мэнсон собирался к Брэдфордам. Неужели испанцы смогут захватить острова? Что тогда будет с миссис Брэдфорд и её дочерью?

— Если мы не примем никаких мер, им грозит большая беда, да и твоей семье тоже — ведь ямайский гарнизон будет таким же беззащитным. Нельзя, чтобы планы Мэнсона осуществились. Едем немедленно.

Блад всё ещё колебался, не желая обращаться к министру своего заклятого врага. Но Уэйд, видя нерешительность друга, приказал седлать коней, искренне надеясь, что визит к герцогу Мальборо поможет спасти положение.

Резиденция Мальборо находилась в Венстминстере, рядом с Сент-Джеймским дворцом, и путешествие их заняло не менее получаса. Наконец, они подъехали к роскошному двухэтажному замку из красного кирпича, окружённому изящной кованой изгородью. У ворот их встретил расфранчённый привратник, похожий скорее на мелкопоместного дворянина, чем на слугу.

— Господин герцог сейчас занят, — равнодушным голосом произнёс он. Просители были не редкость в замке могущественного королевского фаворита, и слуги считали хорошим тоном заставлять их ждать, — Он беседует со своей супругой, которая только что прибыла из Кенсингтона.

— Если Вы не узнали меня, Джон, то я Вам напоминаю, что меня зовут лорд Джулиан Уэйд, — раздражённым голосом произнёс Джулиан, — Со мной мистер Блад, губернатор Ямайки. Передайте, пожалуйста, господину герцогу, что у нас очень срочное дело.

— Лорд Джулиан, у господина герцога сейчас леди Сара Черчилль, его супруга, — невозмутимым голосом произнёс привратник, — Она прибыла, чтобы сообщить ему распоряжения Её Величества. Как только леди Сара покинет кабинет герцога, я сразу же сообщу ему о Вашем прибытии. Пока же пройдите в дом и подождите внизу. Герцогиня не любит, чтобы беспокоили её супруга, когда она разговаривает с ним, — и он открыл ворота, пропуская друзей внутрь.

— Хорошо, мы подождём, — нехотя согласился Джулиан и тут же шепнул на ухо Бладу:

— Как только мы встретимся с герцогом, я скажу ему, чтобы он научил свою прислугу себя вести. А то все они мнят из себя не меньше чем графов или маркизов.

Двор представлял собой широкую аккуратно вымощенную площадку, усаженную яблонями и розовыми кустами. Деревья уже отцвели, и были, словно ели на Рождество, увешены небольшими зелёными плодами. «Вот бы ещё хоть раз в жизни увидеть яблони в цвету», — неожиданно подумал Блад, вспомнив свой давний разговор с лордом Уиллогби и ван дер Кэйленом. Он уже привык к жизни в тропиках, но воспоминания о северных цветах заставили его вновь ощутить щемящую тоску по своей родине. Отогнав воспоминания, он сосредоточился на висящей в холле картине Джона Клостермана, изображавшей супругов Мальборо вместе с детьми. Но и это занятие не успокоило его — увидев голубые глаза и высокий лоб Джона Черчилля, он вспомнил Дженнифер. Семейное сходство было несомненным.

«Что происходит сейчас с ней и с её дочерью?», — будто кинжалом, кольнуло в его сердце, но, к счастью, на лестнице вдруг появился слуга. Стараясь придать своему голосу особую важность, он сообщил:

— Герцог согласился принять вас, но у него очень мало времени. Он должен сегодня же прибыть к Её Величеству.

— Вот удача! — шепнул Уэйд капитану, — его ждёт Её Величество, значит, он может передать ей нашу просьбу.

Не успели они миновать залу, как герцог Мальборо сам появился на ступенях покрытой красным ковром лестницы. Это был полноватый джентльмен с несколько округлившимся добрым лицом и живыми светло-голубыми глазами, приветливо глядящими на собеседника. На нём был простой тёмно-серый домашний камзол. Он быстро сбежал вниз и по-дружески

обнял Уэйда.

— Здравствуй, Джулиан! Что-то срочное? Кто это с тобой?

— Здравствуй, Джон, — Уэйд дружил с Черчиллем, и они были на «ты», — Позволь представить тебе губернатора Ямайки Блада. У него к тебе очень важное дело. Настолько важное, что я счёл возможным просить тебя замолвить за нас словечко перед Её Величеством.

— Пройдёмте ко мне в кабинет, — радостно произнёс герцог и, обратившись к стоящему рядом слуге, добавил: — принеси нам кофе и виски, Джеймс.

Кабинет герцога размещался на первом этаже, в западном крыле замка. Внутренняя отделка дворца недавно была обновлена, и Черчилль с гордостью показывал друзьям своё жилище. Он ввёл их в просторный кабинет, украшенный картиной Годфри Неллера, изображавшей герцога во всём блеске его воинской славы. Мужчины разместились в мягких креслах за небольшим столом, на который услужливый Джеймс уже поставил виски и три чашки свежесваренного кофе.

— Выпейте виски, господин губернатор, — с улыбкой обратился он к Бладу, — вы там, на Ямайке, наверное, ничего не пьёте кроме рома?

— Бывает, пьём и виски, и малагу, — рассмеялся капитан. Он старался казаться весёлым, но сердце его по-прежнему щемило от смутного страха за то, что может произойти в его отсутствие, и что он не в силах был предотвратить.

— Рассказывайте, мистер Блад, что там произошло на Вашей Ямайке? — улыбнулся герцог, и его глаза приветливо взглянули на капитана

Блад подробно рассказал о событиях, последовавших за прибытием Мэнсона, не упустив ни одной детали. Лицо герцога становилось всё более мрачным. Он нахмурился и покачал головой:

— Да, мистер Блад. Вы как человек военный, поймёте меня. Если бы такой Мэнсон появился в моей армии, я бы предал его суду за измену. Полностью разделяю Вашу тревогу. Командир, поступающий так, как он, или не представляет себе, каким делом он занимается, или же преследует другие цели, не совместимые с интересами английской короны. Едем немедленно. Её Величество назначила мне аудиенцию на три часа пополудни, и через полчаса я должен быть в Кенсингтонском дворце.

— А я думал, она в Сент-Джеймсе, — удивился Блад, не знавший ни королевы Анны, ни её окружения

— Её Величество слаба здоровьем, и ей необходим свежий воздух, — герцог тяжело вздохнул, — Сент-Джеймский дворец слишком тесен для неё. Вы прибыли в карете?

— Нет, верхом. Мы очень спешили, — вмешался в разговор Уэйд.

— Тогда я тоже поеду верхом, тем более что Её Величество уже ждёт меня, — направляясь к выходу, произнёс Черчилль.

Почти загнав лучших арабских скакунов из конюшни Черчилля и обрызгав уличной грязью не только зазевавшихся прохожих, но и собственные костюмы, мужчины прибыли в Кенсингтон, когда до аудиенции оставалось всего несколько минут. Почти бегом миновав длинные дворцовые коридоры, отделанные красным бархатом, они, наконец, достигли королевских покоев. Но у плотно закрытых дверей их встретил молодой виконт Сент-Джон, с явным недружелюбием взиравший на Черчилля.

— Господин герцог, Её Величество сегодня никого не принимает, — холодно сообщил он.

— Мне было приказано прибыть ровно к трём. Моя супруга, Сара Черчилль, передала мне повеление Её Величества, — попытался возразить герцог.

— Самочувствие Её Величества ухудшилось ровно полчаса назад, и она никого не может принять. У неё личный врач и миссис Сара, — Сент-Джон взглянул на герцога с сознанием собственного превосходства. Он упивался властью, данной ему, пусть даже и на время болезни королевы.

— Но дело очень срочное, — настаивал Черчилль, всё ещё не оставлявший надежды попытаться оттолкнуть виконта, заслонявшего собой дверь в королевские покои.

— Никаких срочных дел до завтрашнего утра. Её Величество не может никого принять, — Сент-Джон бросил ещё один презрительный взгляд на герцога и его спутников, на камзолах и сапогах которых оставила свои следы дорожная грязь. Спешка, с которой они прибыли во дворец, не дала им возможность привести себя в порядок или хотя бы раз взглянуть в зеркало. Второпях Черчилль даже не надел парадный камзол и теперь стоял перед расфранчённым благоухающим Сент-Джоном одетый, как простой мелкопоместный дворянин. Да ещё и эта грязь — улицы Лондона были размыты вчерашним дождём. Черчилль вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

— Могу я хотя бы видеть свою супругу? — с видимым раздражением произнёс он и подумал «Ох уж этот Сент-Джон — он так и норовит приблизиться к Её Величеству и показать свою власть»

— Разумеется. Она сейчас выйдет, — желание видеть супругу было вполне законным, даже если она занята у королевы, и здесь Сент-Джон не мог чинить препятствий Черчиллю. Ему ничего не оставалось, как зайти в дверь и передать его просьбу Саре. Через пару мгновений герцогиня, миловидная русоволосая женщина лет сорока пяти, появилась в коридоре. Она тревожно взглянула на супруга и его спутников.

— Что случилось, Джон? — усталым голосом спросила она

— У меня срочное дело к Её Величеству. Со мной лорд Уэйд и губернатор Ямайки Питер Блад.

— Она действительно очень нездорова, Джон, и до завтрашнего дня ей лучше не станет. Мне придётся остаться в замке на ночь, — она вздохнула и ласково взглянула на мужа, — Так или иначе, каким бы срочным не было дело господина Блада, до завтрашнего утра оно может подождать. Её Величество не сможет принять никого, в том числе и врагов капитана, — и она, грустно улыбнувшись мужу и его спутникам, вновь исчезла в проёме захлопнувшейся двери, перед которой, словно Цербер, стоял молодой подтянутый Сент-Джон.

— К сожалению, сегодня я не смогу ничего сделать, — пожал плечами герцог, — здоровье Её Величества как барометр — реагирует на любые изменения погоды, а в Лондоне, кажется, опять собирается дождь. Так что неудивительно, что ей опять хуже. Где Вы остановились, капитан, — обратился он к Бладу

— На постоялом дворе Джона Харвиса, в нескольких шагах от Вестминстера, — ответил он.

— Я предлагаю Вам провести несколько дней у меня в замке, если только лорд Уэйд не собирался предложить Вам то же самое, — Черчилль рассмеялся и весело подмигнул друзьям, — даже если мы не можем помочь капитану, то хотя бы весело проведём время за стаканчиком виски. Когда же Её Величеству станет лучше, мы сможем выехать немедленно — Сара обязательно пришлёт мне весточку. Разумеется, я приглашаю не только капитана, но

и мистера Уэйда. Надеюсь, Джулиан, ты сможешь ради меня отказаться от нескольких дней охоты в беркширских предместьях? Ведь я буду в полном одиночестве — мои дочери живут в имениях своих мужей, а супруга, судя по всему, проведёт несколько ночей в королевском дворце.

— С радостью, господин герцог, — Джулиан Уэйд, казалось, был счастлив такому повороту дел. Ведь их берёт под покровительство сам герцог Мальборо, муж фаворитки Её Величества.

После ужина, поданного Джеймсом, герцог вновь пригласил друзей к себе в кабинет. Потрескивали дрова в камине, за окном слышались завывания ветра, а мужчины сидели у огня, вполголоса беседуя об интригах Мэнсона. Ни Уэйд, ни тем более Блад не ожидали, что произошедшее в Новом Свете может вызвать такую тревогу у герцога, который видел во всём этом лишь часть большой политической игры.

— Мэнсону покровительствуют Сент-Джон и Харли, которые сейчас ведут интригу против нас с Сарой, — тяжело вздохнул он, — Сент-Джона не устраивают ни наши военные победы, ни наш образ жизни. Сам он не пропускает ни одной юбки и пытается навязать Её Величеству некоего юношу, дальнего родственника Стюартов. Но, слава Богу, у королевы, так же, как и у нас с Сарой, крепкая и дружная семья. Главное только, чтобы здоровье её супруга не ухудшилось — он сильно страдает от подагры и болезни печени, а его любовь к виски давно стала притчей во языцах.

Оставшись один, Блад долго не мог уснуть. Харли, Сент-Джон, королева Анна и её муж — оказывается всё, что происходило с ним, было лишь небольшой частью интриги, направленной против Джона Черчилля и его жены. Вот и он, капитан Блад, сейчас просто пешка в чужой игре. Пешка, которую могут легко уничтожить, если это надо для того, чтобы достичь своей цели — абсолютной власти в английском королевстве, власти над людьми и над самой королевой, обыкновенной слабой и больной женщиной. Неужели этому Сент-Джону абсолютно безразлично, что из-за Мэнсона может погибнуть много людей — Брэдфорды, его собственная семья, которую ему пришлось оставить на Ямайке, семьи плантаторов, торговцев и бедняков, населяющих Новый Свет? Значит, этот бывший министр короля Якова — не такой уж плохой человек, просто жизнь в своё время не оставила ему иного выбора, и он должен был служить Якову, как служил бы любому другому королю, находящемуся на английском престоле.

Наутро, так и не получив никаких вестей от леди Сары, друзья галопом направились в Кенсингтон. Но судьба вновь помешала им увидеть королеву.

— Её Величество всё ещё нездорова, — столь же невозмутимым голосом, как и накануне, произнёс Сент-Джон. Казалось, ему доставляет особое удовольствие отказывать в аудиенции мужу Сары, — она желает никого видеть.

Однако ловкие служанки уже заметили герцога и сообщили миссис Черчилль, что её муж вновь прибыл во дворец. Из дверей показалось хорошенькое личико Сары. Она осунулась и была необыкновенно бледна, а тёмные, почти чёрные тени под глазами выдавали в ней человека, который перенёс тяжёлую бессонную ночь.

— Прости меня, дорогой, но пока она никого не принимает. Ей уже немного лучше, и к завтрашнему дню вы можете рассчитывать на аудиенцию. Пока же мне вновь придётся остаться во дворце на ночь — Её Величество не желает меня отпускать.

Герцог Мальборо нервничал. На континенте шла война, и его задержка в Лондоне могла повлиять на её исход. Супруга будто бы читала его мысли:

— Не волнуйся, Джон. Завтра после полудня Вы уже будете на месте. Пусть командующие фронтами проявят себя в деле, — и она исчезла за дверью, проводив мужа ласковым взглядом.

Блад наконец-то смог осмотреться. Вокруг праздно прогуливались нарядно одетые дамы и джентльмены. Некоторых из них он давно знал и, ещё в бытность пиратом, выручал из испанского плена. Спешащий куда-то лорд Уайтингтон приветливо кивнул капитану, но, видя его нетерпеливое ожидание у дверей королевских покоев, предпочёл этим и ограничиться. Многие незнакомцы, видя рядом с Бладом могущественного королевского фаворита, подобострастно приветствовали ямайского губернатора, другие же, более посвящённые в придворные интриги, насмешливо перешёптывались друг с другом. Блад был искренне рад покинуть королевский двор, надеясь более не возвращаться, разве что для встречи с королевой. Ему ничего не оставалось, как провести ещё один день в замке Мальборо. Герцог с Уэйдом решили выехать во владения Черчиллей в оксфордских предместьях, чтобы немного поохотиться, и Бладу пришлось присоединиться к ним, несмотря на то, что его настроение ничуть не располагало к подобному времяпрепровождению. Охота не удалась. За четыре часа, проведённые в бесконечных скитаниях по лесу, герцогу удалось подстрелить всего одну утку, Уэиду — зайца. Блад был в дурном расположении духа и вообще не надеялся на какой-либо трофей, но единственный сделанный им выстрел уложил небольшую лань. В Лондон вернулись только к вечеру, и за ужином вновь обсуждали придворные новости. Черчилль опять рассказывал об интригах Сент-Джона, которого поддерживали Харли и некий Джеймс Саунтон, совсем ещё юный молодой человек, дальний родственник Стюартов. Обладая смазливym личиком и изящной, почти девически стройной фигурой, Саунтон настойчиво пытался добиться благосклонности Её Величества, супруг которой в последние годы слишком много пил виски и не отличался хорошим здоровьем.

— Слава Богу, что Её Величество верна своему мужу, — с горечью произнёс он, — если бы она была столь же любвеобильна, как и Елизавета, то, при её характере, в Англии уже давно правили бы Сент-Джоны и Саунтоны.

Беседа продолжалась далеко за полночь, поэтому во дворце никто не спал, когда из Кенсингтона прибыл гонец, сообщивший, что больная чувствует себя лучше, и что она согласится принять Мальборо и Блада. На рассвете оседлав коней, они приехали к тому часу, когда Её Величество имела обыкновение совершать утренний туалет. Но у входа в королевские покои их вновь их встретил Сент-Джон со своей неизменной улыбкой, то ли любезной, то ли ядовитой.

— Простите, герцог, но Её Величество снова не может принять Вас, — и он поклонился с присущей только ему холодно-презрительной вежливостью

— Но мне сообщили, что она ждёт меня с утра, — удивился герцог

— У неё сейчас некий мистер Джонсон. Его дело не терпит отлагательств и займёт не менее часа.

У покоев Её Величества толпились придворные, ожидая возможности поздравить королеву со счастливым выздоровлением. Мальборо заметно нервничал, но это не мешало ему обсуждать присутствующих с Уэйдом и Бладом

— Это герцог Шрусбери, — кивнул он, показав на стоящего неподалёку джентльмена. Он начинает пользоваться всё большим влиянием, но, насколько я знаю, порядочный человек. А это, — его взгляд остановился на ещё одном незнакомце, вполголоса

беседовавшем с одной из дам, — министр Её Величества, граф Роберт Харли. Отъявленный подлец, сподвижник Сент-Джона. Обладатель столь нелестной характеристики с улыбкой поклонился Мальборо, — я не раз писал Саре, чтобы она остерегалась его, поскольку он — худший из людей. Он только с виду услужлив, на самом деле способен уничтожить даже собственную мать, — заметил герцог и тяжело вздохнул:

— Слава Богу, господин Блад, что Вы обитаете в Новом Свете. Там, может быть, больше опасностей, но Вы хотя бы знаете своих врагов в лицо. При дворе всё по-другому — здесь не знаешь, кто из тех, кто тебе льстит, пока ты на высоте, может уничтожить и растоптать тебя. Именно поэтому я предпочитаю находиться в армии, предоставив первенство в придворных делах моей супруге. Женщины более удачливы в интригах.

Наконец, никому не известный господин Джонсон вышел из покоев Её Величества. Это был то ли торговец, то ли моряк, одетый в простой домотканый коричневый камзол. Он с интересом взглянул на Блада, как будто хотел ему что-то сказать, но Сент-Джон уже пригласил их к королеве. Анна была ещё слаба и принимала посетителей, полулежа на тахте, обитой серым китайским шёлком. На ней было ярко-алое платье с неглубоким декольте. Полное лицо выглядело усталым, а на щеках горел неестественно яркий румянец, который она даже не пыталась скрыть белилами. Королева тревожно взглянула на посетителей. Те приветствовали её глубоким поклоном.

— Здравствуйте, герцог. Я ждала Вас. Но, как я вижу, у Вас ко мне дело, не имеющее отношение к армии?

— К сожалению, Ваше Величество, моё дело напрямую связано с армией, но с не теми войсками, которыми я имею честь командовать. Разрешите представить Вам губернатора Ямайки господина Блада. Лорда Джулиана Уэйда Вы хорошо знаете.

Королева пристально взглянула на Блада. Опытный придворный, герцог заметил сомнение во взгляде монархини. Если бы Анна была знакома с делом ямайского губернатора только по доносам Мэнсона, она как человек далёкий от военных дел, не стала бы сомневаться в его виновности. В этом случае Джону пришлось бы долго убеждать её, что Блад — не проворовавшийся колониальный чиновник, а истинный защитник британских интересов в Новом Свете. Но королева показалась ему сильно встревоженной и опечаленной, и, судя по всему, она была более склонна вынести оправдательный приговор. «Что же всё-таки произошло? Кто этот Джонсон, почему он так странно смотрел на Блада, и почему для Анны беседа с этим простолудином важнее, чем с командующим сухопутными войсками?» — подумал Черчилль, пытаясь разгадать эту странную загадку.

— Лорд Мэнсон сообщал мне о Ваших делах с пиратами, капитан, и я уже собиралась передать Ваше дело в Адмиралтейский суд. Однако, принимая во внимание события, произошедшие в Новом Свете, я считаю необходимым выслушать Вас лично, — Её Величество пыталась придать своему голосу твёрдость, но она была ещё слишком слаба для подобных разговоров.

— Что произошло? — Блад внезапно побледнел, и лицо его покрылось холодным потом, — испанцы напали на английские колонии?

— Откуда Вы это знаете, капитан? — королева пристально всматривалась в лицо губернатора, пытаясь понять, каким образом этот странный человек мог узнать то, о чём она сама слышала лишь несколько минут назад, и что пока являлось строжайшей государственной тайной

— Лорд Мэнсон, про которого Вы изволили упоминать, прибыл в Новый Свет около

месяца назад, — несмотря на свойственное Бладу самообладание, голос его дрожал, — Он снял с должности командующего фортом Ямайки опытного моряка и поставил на его место человека, который ничего не смыслит в военном деле. Насколько я знаю, он собирался отдать подобные же распоряжения гарнизонам других британских владений. Он убеждён, что борется с пиратством, но на самом деле просто ослабляет английские поселения, делая их уязвимыми и легко доступными для испанцев.

— Вы правы, мистер Блад. Но, к сожалению, Вы прибыли слишком поздно, — Анна тяжело вздохнула и обмахнулась носовым платком, который держала в руке, — Три недели назад испанцы захватили Багамские острова. Ямайский гарнизон пока держится, но только потому, что ваш бывший сподвижник Нэд Огл просто пристрелил обоих ставленников Мэнсона — командующего фортом и исполняющего обязанности губернатора. Он сделал это, когда они приказали не открывать огонь по приближающейся испанской эскадре, сказав, что скорее отправится на виселицу за убийство, чем даст испанцам захватить остров. Солдаты, на глазах которых это произошло, открыто поддержали ослушника. Только поэтому Ямайку пока захватить не удалось.

У Блада отлегло от сердца. Слава Богу, его семья вне опасности. Он хорошо знал Огла и понимал, что он смог бы дать бой даже Непобедимой Армаде, пояись она вдруг близ берегов Ямайки. Это был один из тех отчаянных головорезов, которые в своё время помогли Бладу стать единственным из пиратских капитанов, ни разу не испытавшим поражения.

— Что произошло с губернатором Брэдфордом и его семьёй? — вопрос был задан герцогом Мальборо, но в глазах Блада королева увидела тревогу ничуть не меньшую, чем у Черчилля.

— К сожалению, господа, Брэдфорд убит. Его супруга и дочь, а также бывший командующий Ямайско-губернаторским гарнизоном Вольверстон захвачены испанцами, как и все остальные оставшиеся в живых жители Нью-Провиденс. Когда Сильверон сел в случайно оставленную у берега шлюпку, в руках у испанцев был уже весь архипелаг.

— Надо было мне пристрелить этого Мэнсона, — с отчаянием произнёс Блад и крепко, по-матросски, выругался, — простите меня, Ваше Величество, я не смог сдержать эмоций. Лучше было поступить как Пирсон и даже быть повешенным, чем допустить то, что произошло.

— Не надо так волноваться, капитан, — устало произнесла королева, для которой любое нервное потрясение было губительно, — так Вы утверждаете, что лорд Мэнсон собирался заменить всех командующих фортами в Новом Свете?

— Насколько мне известно, да, и это люди, ничего не смыслящие в военном деле. На моё место был временно назначен писака из Сент-Джеймса. Он даже в сухопутных войсках не служил, не говоря уже о Новом Свете. Мне же было приказано прибыть в Лондон к Вашему Величеству и представить объяснения, почему я недостаточно хорошо воюю с английскими пиратами. Теперь Вы видите, что они менее опасны для нас, чем испанцы?

— Приходится согласиться с Вами, капитан, — во взгляде Её Величества почувствовалась нерешительность, и она взглянула на Черчилля, — а Вы что думаете, герцог?

— Вы, конечно, Вы можете подумать, что на моё мнение повлияло то, что произошло с моей сестрой, но господа Джулиан Уэйд и Блад подтвердят Вам, что я изначально предполагал именно это. Мне кажется, что Мэнсон мог состоять в сговоре с испанцами и действовал намеренно, чтобы ослабить острова и сделать их лёгкой добычей. Кстати, эти

господа придерживаются того же мнения, — он кивнул в сторону своих спутников.

— Действительно, похоже на сговор. Тем более, что Мэнсон представлял Наши интересы в Испании, и там у него осталось много друзей, — Анна на мгновение замолчала, будто задумавшись о чём-то важном, а затем кивнула стоящим рядом мужчинам, — оставьте меня, пожалуйста, господа, и подождите в приёмной. Мне необходимо посоветоваться по Вашему делу. Разумеется, герцог, Вы остаётесь, — она взглянула на Черчилля и, взяв маленький колокольчик, стоявший рядом с её ложем, встряхнула его. Раздался мелодичный звон, дверь кабинета приоткрылась, и в него вошёл подтянутый красавец Сент-Джон.

— Что Вам угодно, Ваше Величество? — спросил он, с лёгкой иронией взглянув на замерших у королевского ложа мужчин.

— Сент-Джон, передайте, чтобы пригласили Сару и Георга, — слабым голосом произнесла Анна

Черчилль, Сара и супруг Анны Георг были неизменными участниками всех королевских совещаний, и Анна никогда не принимала решений, не посоветовавшись со своими доверенными лицами. Беседа с ними продолжалась около часа, после чего в королевские покои были вызваны члены кабинета министров, глава Адмиралтейства и несколько наиболее влиятельных членов Адмиралтейского суда. Наконец, Анна вновь пригласила Блада к себе. Она была спокойна и казалась абсолютно уверенной в своём решении:

— Господин губернатор, я считаю, что Вы были абсолютно правы. Нельзя оставлять английские территории без людей, способных их защитить. Я даю Вам полное право принимать любые решения, относящиеся к защите английских владений в Новом Свете. Вы назначаетесь адмиралом Ямайской эскадры и командующим королевской флотилией в Новом Свете. Первый приказ, который Вы должны исполнить — это вернуть английской короне Багамские острова.

— Это для меня — дело чести, Ваше Величество, — Блад спокойно, с достоинством, поклонился королеве, — разрешите задать ещё один вопрос?

— Да, пожалуйста, господин адмирал, — устало произнесла королева. Она была ещё слишком слаба, и неожиданные неприятности окончательно выбили её из колеи

— Ваше Величество, когда я прибыл в Англию, я видел в порту хорошие быстроходные корабли, которые могут нести тяжёлую артиллерию.

— Да, адмирал, это современные линейные корабли, — ответила она. Супруг королевы занимал должность лорда-адмирала, поэтому Анна неплохо разбиралась в судостроении.

— Но у нас на Ямайке мы лишь однажды видели такие. Вся флотилия оснащена маломощными фрегатами, которые, может быть, и маневренны, но не способны нести хорошее вооружение. Даже пираты, и те порой оснащены лучше — что уж говорить об испанцах. Кроме того, наши корабли, как и наши пушки, слишком стары. Конечно, мы регулярно их ремонтируем, но строительство настоящих верфей требует очень больших средств.

— Мой супруг, лорд-адмирал Георг уже направлял к Вам три линейных корабля, и все они были хорошо вооружены, — с недоумением произнесла королева

— Когда это было? — с не меньшим недоумением спросил Блад. За всё время его губернаторства ни одно судно не было прислано для укрепления ямайской флотилии, а немногочисленные линейные корабли, появляющиеся в водах Карибского моря, принадлежали частным лицам. Лишь однажды подобное судно появилось вблизи Ямайки. Восьмидесятипушечный корабль «Король Генрих» был захвачен у французов английскими

пиратами. Дальнейшая судьба великолепного судна оказалась плачевной — вскоре «Король Генрих» был потоплен испанским капером.

— Я лично отдавала распоряжение лорду-адмиралу, и это было около полугода назад, — королева наморщила лоб, будто вспоминая что-то, — в то время за отправку кораблей отвечал двоюродный брат Мэнсона. Деньги были отправлены на тех же кораблях под его личную ответственность. Тогда это меня сильно удивило, но он сам пожелал передать в Ваше ведение эти суда. Он же ходатайствовал о назначении Мэнсона на должность нашего полномочного представителя в Новом Свете.

Анна на несколько мгновений задумалась, но затем морщинки над переносицей разгладились, и она уверенно произнесла:

— Господин Блад, теперь я понимаю, куда пропали и деньги, и корабли. К сожалению, я не могу вернуть Вам то, что прибрала к рукам эта семейка, но я выделю ямайской флотилии ещё лучшие суда, — и она вновь позвонила в маленький серебряный колокольчик, но уже дважды. Вошёл седой мужчина лет шестидесяти и почтительно поклонился своей повелительнице

— Мне срочно нужен Георг. Надеюсь, он ещё в Кенсингтоне, — собрав последние силы, произнесла она. Камердинер немедленно вышел. Вскоре в кабинет вошёл грузный мужчина лет пятидесяти пяти, красное лицо которого представляло собою явное доказательство его склонностей и привычек.

— Извини, Георг, — вздохнула Анна, не вставая с дивана, — насколько я поняла, ни один из линейных кораблей не достиг Ямайки. Вместе с ними пропали и те средства, которые я выделила на оснащение флотилии. Наверняка это дело рук Мэнсона и его семьи. Прошу тебя, помоги адмиралу. Он должен отбыть из Англии на новых кораблях и с той же суммой денег, которая была выделена ему на переоснащение флотилии полгода назад. Устало откинувшись на цветные шёлковые подушки, королева кивнула вслед уходящим мужчинам:

— До встречи, господа. Передайте лорду Мэнсону, что я с нетерпением жду его объяснений. Он должен прибыть в Лондон первым же попутным судном.

Распрощавшись с друзьями и получив письменное распоряжение лорда-адмирала о выделении ему трёх восьмидесятипятипушечных линейных кораблей, ошастливленный Блад вернулся в Дувр, а оттуда направился обратно на Ямайку во главе флотилии из новых кораблей и своего выдавшего виды двадцатипушечного фрегата. Так закончилась неудачная попытка врагов губернатора сместить его со своего поста.

Примечания к главе

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, известный военный и политический деятель Англии, имеющий репутацию самого выдающегося полководца в истории этой страны. В юности служил во флоте под началом Джеймса, герцога Йоркского, брата короля Якова. Определённую протекцию ему оказывала сестра Арабелла Черчилль, официальная любовница Джеймса. В 1677–1678 вступил в брак с Сарой Дженнингс. В годы правления королевы Анны, фавориткой которой была Сара, играл ключевую роль в политической жизни страны. Известен своими крупнейшими военными победами в войне за Испанское наследство. Принадлежал, как и его супруга, к партии вигов. Публичный разрыв между Сарой и Анной и большие потери Англии при Мальплаке (1709-1710-е годы) значительно усилили влияние тори (союз Харли-Сент-Джон), и в 1712 году Черчилль был отправлен в отставку и обвинён в растрате государственных средств. Вернулся в Англию после смерти

Анны Стюарт. Отношения Джона Черчилля и его супруги обычно характеризуется как чрезвычайно крепкий союз, в котором рука об руку шли любовь и деловое сотрудничество. Несмотря на то, что в пьесе Эжена Скриба "Стакан воды" Сара Черчилль увлечена Мэшемом, большинство источников утверждает, что у Сары и Джона была крепкая семья.

Роберт Харли, первый граф Оксфорд — видный политический деятель эпохи Анны Стюарт, с 1704 года возглавлявший министерство иностранных дел в правительстве Годольфина, а с 1711 года занимал должность лорда-казначея. Активно покровительствовал литераторам, в том числе Джонатану Свифту, но, в то же время, активно использовал придворные интриги для достижения политических целей (в том числе и через посредничество Абигаиль Мэшэм-Хилл). Принадлежал к партии тори. Резкие высказывания Черчилля о Харли вполне соотносятся с содержанием его переписки с супругой Сарой и характеризуют чрезвычайную напряжённость их взаимоотношений как политических противников. Например "This villainy has been insinuated by Mrs. Masham by the instigation of Harley, who certainly is the worst of men"

Генри Сент-Джон (с 1712 — виконт Болингброк) — один из крупнейших политических деятелей эпохи Анны Стюарт, политическая деятельность которого начинается с 1700 года. После 1710 года стал самым влиятельным человеком в английской политике. Известен своей литературно-философской деятельностью, а также склонностью к придворным интригам. Отношения с Харли носили противоречивый характер — от дружбы до ведения интриг друг против друга (последнее — уже после бегства Черчилля).

Джеймс Саунтон, герцог Йоркский — вымышленный персонаж. Несмотря на то, что в пьесе Эжена Скриба Анна Стюарт увлечена бароном Мэшемом, большинство источников свидетельствуют, что единственной любовью Анны был её супруг Георг.

-Глава 14. Судьба миссис Брэдфорд

— Послушай, Нэд, ты помнишь, сколько гостей они принимали? — задумчиво произнёс Стилл, — у меня в трактире каждый раз работы было невпроворот — миссис Брэдфорд требовала, чтобы всё как в Сент-Джеймсе...

— Вот только где она теперь? — Вольверстон тяжело вздохнул

— Да уж..., - пробормотал боцман, — такие люди, а нами, простолюдинами не брезговали, на праздники приглашали.

— Моего старшего миссис Брэдфорд сама грамоте учила...

— Жаль. Так и кажется, вот-вот в дверь войдут, спросят, как дела...

Офицеры умолкли. Мрачный, как туча, Питт Уоллес молча прохаживался по обеденной зале. Вольверстон тревожно поглядывал то на него, то на затихшего в кресле Сильвера.

— А что нам теперь делать? — подал голос стоявший у окна Крисперс, — оставаться здесь, или...

— Хм..., - закашлялся плотник Сандерс, — да уж, ребята, ввязались мы в историю. Кому теперь охота с Адмиралтейским судом разбираться?

— Не собираюсь я здесь оставаться, — Уоллес остановился и сжал кулаки, — неужели вы...

— Успокойся, Питт, — перебил его Вольверстон, — давайте дождёмся Блэкстоуна и поговорим...

— И вправду, Нэд? — поддержал квартирмейстера боцман, — мы были здесь счастливы, а что теперь? Бедная моя Кэт! Я до сих пор помню — меня связали, а её — прямо на моих глазах... Питт прав, мы должны отомстить.

В зале послышались возгласы одобрения. Лишь Вольверстон по-прежнему тревожно глядел на погружённого в свои мысли Сильвера.

— А как рисовала миссис Брэдфорд! — Стилл снял со стены натюрморт, — только взгляните!

— Вот только портреты Арабеллы пропали, — недовольно буркнул Уоллес. Остановившись у камина, он придирчиво окинул взглядом комнату

— Вот здесь, помню, один из них был.

— Какая разница, куда они делись, — равнодушно отозвался один из новичков, — может испанцы прихватили? А вообще ты у капитана спроси — он здесь как дома. Ночь в спальне Брэдфордов провёл, не то, что мы...

— Хватит болтать! — гневный окрик Сильвера заставил наглеца умолкнуть, тем более, что палец капитана тотчас же переместился на спусковой крючок пистолета, — скоро здесь будет Блэкстоун. Нашли о чём рассуждать!

Уоллес буркнул что-то себе под нос, развернулся и отошёл к окну. Вольверстон собирался направиться следом, но в дверь вбежал запыхавшийся юнга:

— Блэкстоун! Идёт!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вскоре появился и сам офицер — высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. Приветствовав Сильвера лёгким полупоклоном, он кивнул всем присутствующим и пружинистой походкой направился к стоявшему в углу креслу. Вскоре опасения команды рассеялись — новый представитель британской короны ни в коей мере не интересовался

родом занятий окруживших его людей. Поблагодарив их за помощь в освобождении Нью-Провиденс, и обещав направить соответствующее ходатайство в Адмиралтейский суд, Блэкстоун выразил желание побеседовать с пленными испанцами. Удовлетворённые исходом беседы флибустьеры покинули залу. С Блэкстоуном остались лишь Сильвер и Вольверстон. Вскоре ввели первого пленника. Это был раненый дон Эстебан Риверо бывший начальник гарнизона Нью-Провиденс. Испанец держался вызывающе, время от времени бросая вокруг презрительные взгляды, словно демонстрируя, что дух его сломить так и не удалось. Допрос начал Блэкстоун:

— Известно ли Вам что-либо о судьбе миссис Брэдфорд?

— Да, — с вызовом ответил Риверо, и губы его искривились в недоброй усмешке, — ещё не успев овдоветь, она тут же вышла замуж за капитана «Карлоса» герцога Антонио Аламейду, капитана галеона «Карлос». У герцога жена недавно умерла, и ему было всё равно, что ваша миссис, что любая портовая девка. Считайте, повезло ей — попался порядочный человек.

Последние слова Риверо заглушил его грубый смех.

— Да как ты смеешь, собака! Убью! — Сильвер вскочил с места, но Блэкстоун остановил его.

— Надеюсь, не стоит напоминать Вам, капитан, что интересы короны представляю здесь я, поскольку меня уполномочил известный Вам адмирал Блад.

Сжав кулаки, Сильвер опустил в кресло, а Брэкстоун невозмутимо продолжал допрос.

— Дон Риверо, я убедительно прошу Вас не оскорблять подданных Её Величества.

— Это же грязные оборванцы и пираты, — недовольно пробурчал Риверо, — а Ваша миссис Брэдфорд поступила как обыкновенная девка.

Услышав последние слова испанца, Сильвер вновь рванулся вперёд.

— Ещё одно слово, и я пристрелю тебя, негодяй! — в наступившей тишине раздался звук взведённого курка.

Риверо с довольной ухмылкой глядел на разъярённого капитана. Казалось, он вот-вот произнесёт слова, которые заставят Питера выполнить свою угрозу. Блэкстоун встал и медленно направился к Сильверу.

— Успокойся, Питер, — голос его звучал мягко и даже как-то по-отечески ласково, — если ты убьёшь его, то никогда не узнаешь, где находится миссис Брэдфорд.

Довод оказался весьма убедительным — гневно сверкнув глазами, юный капитан погрузился в кресло, но палец его так и остался на спусковом крючке направленного в сторону дона Риверо пистолета. Блэкстоун же по-прежнему был спокоен и невозмутим.

— Дон Эстебан, — продолжал он, — что произошло с миссис Брэдфорд после встречи с герцогом?

— Они обвенчались в католической церкви, недалеко от Нассау, а через неделю отправились в Испанию на галеоне «Карлос».

Сильвер заметно нервничал. Время от времени бросая тревожные взгляды на Вольверстона, он по-прежнему сжимал в руке оружие.

— Известно ли Вам, где можно найти герцога в Испании?.

— У него большое имение и замки в Мадриде и в Кадисе. Его нетрудно найти. Вам-то, конечно, туда уж точно не добраться!

Пленный испанец расхохотался.

— Это моё дело, удастся или нет, — раздражённо выкрикнул Сильвер, — я всё равно

найду её! Уведите этого наглеца!

Блэкстоун улыбнулся. Капитан вновь невольно узурпировал его полномочия, но он, казалось, вовсе не был оскорблён.

— Не стоит горячиться, Питер, — спокойно отозвался он, — давай лучше послушаем, что скажут нам остальные.

Все допрошенные испанцы подтвердили слова Риверы. Большую часть времени Аламейда проводил в своём замке в Мадриде, где, вероятно, и должна была находиться ставшая его супругой миссис Брэдфорд. Сын и дочь герцога от первого брака уже имели свои семьи. Дочь проживала в замке у мужа, а сын предпочитал находиться в имении на севере Испании, редко появляясь при дворе. Из других жителей Нассау не уцелел никто. Вскоре Блэкстоун с Сильвером и Уоллесом направились на корабли, чтобы осмотреть захваченное имущество, а на следующий день флибустьеры покинули губернаторский дом, в котором отныне размещалась временная резиденция адмирала Блада. Его заботам были предоставлены и пленные испанцы. Единственное исключение было сделано для выкупленных Сильвером губернатора де ла Косы, его дочери, её подруги Луизы и двух служанок, которых Питер клятвенно пообещал доставить к родственникам, проживавшем на острове Сен-Мартен.

Маленькая эскадра нуждалась в небольшом ремонте, и пиратам пришлось задержаться на архипелаге ещё несколько дней. Сильвер несколько раз спускался на берег, посещая адмирала в его временных апартаментах. Содержание их бесед осталось тайной как для окружения адмирала, не допускавшего к себе в эти часы никого, кроме Блэкстоуна, так и для пиратов, никто из которых так и не увидел Блада. Снимаясь с якоря, Питер приказал отсалютовать адмиральской эскадре. Та дала ответный залп. Так закончилась встреча капитана Сильвера с адмиралом Бладом.

Глава 15. Silver — гамбит, или о пользе маленьких островов

Том Лэндс, четырнадцатилетний уроженец Нью-Провиденс, забрался на грот-бом-брамрей «Арабеллы» и, держа в руке подзорную трубу, внимательно всматривался в расстилавшееся вдаль голубоватое море. Со своего поста он легко мог видеть не только узкий пролив, разделявший острова Хог и Нью-Провиденс, но и невидимые для марсовых морские просторы, простиравшиеся за небольшими коралловыми островами. Один из этих островов назывался Аравак, другой же был столь мал, что вообще не удостоился какого-либо имени. Ветер всё ещё дул с востока, эскадра двигалась по направлению к западному выходу из пролива, а Лэндс высматривал вдаль силуэты испанских кораблей, курсировавших между Гаваной и Старым Светом.

Всего лишь два месяца назад Том, сын повара и его помощницы и супруги, не подозревал о том, что ждёт его в столь недалёком будущем. Отец пристроил его в таверну, где он выполнял мелкие поручения своего патрона и прибирал за изрядно перебравшими клиентами. Потом мать убили испанцы, а чудом спасшийся отец расстался с жизнью в сражении с галеоном «Кадис». Сильвер опекал смышлёного сироту, зачастую поручая ему весьма ответственные задания. Вот и на этот раз, вопреки возражениям бывалых моряков, он поручил ему наблюдать за акваторией с самой высокой реи грот-мачты.

Эскадра во главе с «Арабеллой» уверенно следовала на запад по узкому проливу, разделявшему острова Нью-Провиденс и Хог. Неровное дно его и скрытые под обманчиво гладкой водной поверхностью высокие скалы представляли опасность даже для опытных мореплавателей. Но Сильвер оказался весьма искусным лоцманом. Он аккуратно обходил мели и ловко лавировал между многочисленными подводными рифами.

— Как это тебе удаётся, Питер? — поинтересовался свободный от вахты Крисперс, видя, как «Арабелла» успешно миновала самое опасное место пролива, словно между Сциллой и Харибдой, пройдя между двумя гигантскими подводными грядами.

— Ты о чём? — невозмутимо спросил капитан, и тут же выкрикнул:

— К северу бери! К северу! Там рифы!

Крисперс с недоумением хмыкнул. Под гладкой поверхностью моря скрывалась невидимая глазу скала, и знать об этом мог лишь тот, кто не раз проводил суда между Нью-Провиденс и Хог.

— Я о том, что ты знаешь пролив как свои пять пальцев, — шкипер удивлённо поднял выгоревшие брови, — я три года служил на флоте и ещё полгода работал Нассау, но я не раз сел бы на мель, пока добрался до Аравака. Ты же ни разу не был здесь, но с лёгкостью обходишь все рифы. Не понимаю, как у тебя это получается.

Капитан хитро прищурился:

— Почему ты думаешь, что я никогда был здесь, Уоррен? Может, я тоже вырос на Нью-Провиденс?

— Да вот, говорят, что тебя никто никогда не видел в Нассау, — задумчиво ответил тот.

— Какая разница! — оборвал его Сильвер, — опять глупости болтаешь! Если свободен, иди в каюту.

— Эскадра на горизонте к югу от Андроса! — раздался сверху громкий голос Лэндса. Шкипер, уже намеревавшийся спуститься по лестнице, замер на месте.

— Сколько судов? — отозвался Сильвер

— Двадцать, из них восемь галеонов! На северо-восток идут.

— Крис! Питт! Ко мне!

Крисперс и Уоллес тотчас же подбежали к капитану. Тот тщетно силился разглядеть вдали очертания кораблей, но густая растительность, в изобилии покрывавшая острова, не позволяла видеть море за Араваком.

— Этого я и опасался, — задумчиво промолвил Сильвер. В его эскадре было уже десяти судов, все они нуждались в серьёзном ремонте, а состояние захваченных в гавани Нассау галеона «Милагроса» и барки «Санта-Каталина» было столь плачевным, что Питер надеялся, по случаю, использовать их в качестве брандеров. Принимать открытый бой было опасно, тем более что Сильвер не был уверен в том, как воспримет подобное предложение его союзник.

— Ложимся в дрейф! — выкрикнул он, — сигналь остальным следовать моим манёврам!

Вскоре к «Арабелле» причалила шлюпка с французским капитаном.

— Что происходит? Почему ты сигналишь ложиться в дрейф? Нам надо уходить из этого бутылочного горлышка, а не тянуть время!

Сильвер хитро подмигнул компаньону:

— Испанцы на подходе — двадцать кораблей, из них восемь галеонов. Наверняка везут в Нассау королевские сокровища.

Расчёт капитана оказался верным — едва услышав о сокровищах, Перэ и его помощник Пети переглянулись, и на лицах их отразилась вся гамма чувств, начиная от недоумения и сомнения и заканчивая осторожным согласием и, наконец, полным одобрением. Подумав ещё немного, Перэ пробормотал:

— Так ты хочешь подкараулить их здесь, Питер? Неплохая идея, — и на красном округлом лице расплылась довольная улыбка.

Сильвер молчал, и лишь лукавые искорки, сверкнувшие в синих глазах, могли выдать истинные мысли капитана, для которого испанские сокровища были лишь предлогом для начала операции. Понимая, что форт Нассау разрушен, а эскадра Блада слишком слаба, чтобы дать должный отпор испанцам, он планировал помешать новой атаке на Нью-Провиденс.

— Что ты предлагаешь? — поинтересовался Перэ, не подозревая о том, какие мысли владели его союзником

— К северу от Аравака расположен маленький коралловый остров, — Питер указал рукой на узкую полосу земли между Араваком и Хогом, — спрячем там пушки, а испанцев заманим в пролив.

— Но если они всё-таки прорвутся? — засомневался Перэ, — их много, а на каждом галеоне не менее семидесяти пушек.

— Затопим в проливе «Милагросу», — пролив и без того неглубок, так что испанцы легко сядут на мель

— Хорошая идея, — хмыкнул французский капитан, — а нам что предлагаешь делать?

— Ждать за Араваком, — улыбнулся Питер, — есть ещё один неглубокий пролив между ним и северным островком. Фрегаты смогут попытаться пройти этим путём. Но надо расположить корабли так, чтобы они не были видны испанцам.

— Хороший сюрприз ты им готовишь, — довольный Перэ потирал руки, — тем более

что мы ничего не теряем. Будем ждать, пока они скушают наживку.

Менее чем через час глазам испанских дозорных предстала странная картина. Маленькая барка под английским флагом в почти упор расстреливала испанский галеон, который отвечал лишь одиночными залпами и, наконец, отступил в пролив за пределы видимости марсовых. Подойдя ближе, они обнаружили ту же самую барку, спокойно занимавшуюся рыбным промыслом прямо у острой западной оконечности острова Хог, вблизи маяка. Судно, по-видимому, было совсем недавно захвачено англичанами — на её борту всё ещё значилось название «Санта-Каталина». Немного поразмыслив, адмирал эскадры предположил, что барка наверняка принадлежит английским пиратам, которые, если их не проучить, непременно нападут на Нью-Провиденс, занимавший важное место в стратегических планах вице-короля обеих Индий. Полагая, что даже если столь нахальное судно является частью эскадры, то у пиратов всё равно не наберётся более шести кораблей, адмирал принял решение зайти в гавань и познакомиться с наглецами, осмеливающимися рыбачить в водах, принадлежащих Его королевскому величеству. Подав сигнал к повороту и смене курса, он направил эскадру к проливу между островом Хог и безымянным коралловым островком. Несмотря на узость этого прохода, глубина его, по уверениям неплохо знавшего здешние воды шкипера, была вполне достаточной, и мощные семидесятипушечные галеоны не должны были сесть на мель. Барка, увидев погоню, тут же подняла все паруса и вскоре исчезла за скалами, но затем вновь появилась, но уже во внутренних водах вблизи острова Хог. Адмирала одолевали сомнения — странное поведение судна заставляло думать, что это ловушка, но отступать он не привык. Всё ещё надеясь на огневую мощь галеонов, он продолжал вести эскадру прямо в узкий пролив, не обращая внимания на доводы капитана флагманского судна, считавшего, что лучше бы, обогнув Нью-Провиденс, войти в гавань с востока. Очутившись в промежутке между островом Хог и коралловым островком, он вопреки советам шкипера, повёл корабли кратчайшим путём в надежде скорей проучить наглеца, но барка, словно издеваясь над превосходившим её по силе противником, развернулась и снова вышла им навстречу. Подобные манёвры, свойственные либо безумцу, либо, напротив, вполне разумному человеку, держащему за пазухой весьма увесистый камень, ещё более насторожили адмирала, и он уже собирался отдать приказ развернуть эскадру, но было уже поздно. Именно в том самом месте, где, по уверениям шкипера, они никак не могли сесть на мель, дно флагманского галеона упёрлось в препятствие, которое могло быть или грунтом, или остовом затонувшего корабля. Следовавшие за ним суда, не успев сбавить скорость, врезались в снасти бушпритами, повреждая паруса и такелаж и заставляя матросов разразиться грубой бранью. Нахальная барка приблизилась на расстояние пистолетного выстрела, будто дразня попавших в западню испанцев. Не обращать внимания на подобное поведение было недостойно адмирала королевской эскадры, и он приказал канонирам подготовиться к атаке. Расстояние между кораблями было слишком близким, и распоряжение наверняка было услышано на барке, но она не собиралась ни убираться восвояси, ни открывать огонь по столь некстати севшему на мель противнику. Подняв паруса, барка двинулась прямо на стоящие недалеко от рифов галеоны и, подойдя почти вплотную, взорвалась, разбрасывая вокруг себя обломки мачт, рей и парусов. Поняв, что шедшие в авангарде галеоны подверглись атаке брандера, фрегаты развернулись, обогнули островок и попытались войти в узкий пролив между ним и Араваком. Но едва последнее судно оказалось между двумя полосками земли, как пушечные залпы грянули из невысокого кустарника. Попавшие в ловушку корабли попытались открыть

огонь, но неведомый противник опередил их. Выстрелы из крупнокалиберных пушек вывели из строя четыре судна, пробив в их бортах дыры на уровне ватерлинии. Осознав, что попали в ловушку, и не имея ни малейшего понятия о численности врага, фрегаты дали ещё один залп и попытались развернуться, но на берегу заговорили пушки, заряженные картечью, и матросам ничего не оставалось, кроме как высадиться в шлюпки и скрыться в направлении острова Аравак.

Тем временем корабли англо-французской эскадры спокойно стояли вблизи его восточной оконечности, не подвергая опасности ни себя, ни находящиеся в их трюмах ценности, отобранные в ходе атаки на Нью-Провиденс. Убедившись, что испанская эскадра окончательно разгромлена, пираты высадились в шлюпки и, подойдя к уже наполовину погружившимся под воду кораблям, перенесли на борт всё содержимое их трюмов. Отбуксировав тонущие суда ближе к коралловым рифам, Сильвер осторожно провёл эскадру через пролив, и эскадра покинула Нью-Провиденс. После этого кто-то из бывших островитян в шутку предложил назвать безымянный северный островок именем Сильвера. Капитан от души посмеялся, но название, тем не менее, вскоре обрело популярность и прижилось — вначале на Тортуге, а затем и на всех английских территориях Нового Света.

Примечание

Примечание

Современное название острова Хог — Парадайз (райский остров)

Безымянный островок рядом с островом Аравак называется Silver Cay (серебряный коралловый остров)

Глава 16. Ловушка для капитана

К полудню эскадра, миновав западную оконечность острова Хог и пройдя между Эльютерой и Абако, вышла в открытое море. Ветер усиливался, подгоняя суда, скользившие по невысоким волнам и уверенно оставлявшие позади узкую береговую полосу острова Кэт. Бывший трактирщик, а ныне вахтенный офицер Майкл Стилл нёс службу на юте, то и дело поглядывая на копошившихся на вантах матросов. Рядом с ним, заложив руки за спину и устремив взгляд на чисто выдраенные палубные доски, прохаживался Питт Уоллес. Квартирмейстер был погружён в свои мысли и хмур, как грозовая туча.

— Что с тобой, Питт? — поинтересовался Стилл

— Да так..., - нехотя пробормотал Уоллес и отвернулся к фальшборту.

— А где капитан?

— Всё у себя, — недовольно буркнул Питт, — уже Эльютеру прошли, вот-вот Кэт минует, а он всё в своей каюте... Будто подменили его после Аравака...

— Так вот в чём дело, — задумчиво промолвил бывший трактирщик, — все мы изменились за эти месяцы, дружище... Да и наша жизнь — что уж говорить... Правда у Питера, кажется, всё серьёзней...

— Хочу сказать тебе кое-что, Майкл, — квартирмейстер говорил очень медленно, будто размышляя о чём-то, — не знаю, стоит ли... Но Нэд на «Старой Англии», а ты — самый старший из нас...

— Ты о чём?

Питт вновь взглянул на простирающееся за кормой море. Ветер крепчал, волны становились всё выше, и их пенящиеся гребни рассыпались на тысячи мелких жемчужных брызг. Стилл ободряюще взглянул на юношу и крепко сжал его руку.

— Можешь довериться мне, Питт. Ты знаешь — я никогда не подведу. Как бы не сложились наши отношения с капитаном, я сохраню твои слова в тайне.

— Понимаешь, Майкл, — задумчиво произнёс Уоллес, — до нападения испанцев я что-то слышал о прибытии кузена Арабеллы, но ни разу не видел Питера. Мы познакомились в тот день, на «Инфанте». С тех пор я помню его решительным, дерзким, порою даже жестоким. Но сейчас... Он стал другим, будто погрузился в себя. Даже после боя он тотчас же ушёл, не сказав никому ни слова...

— Да, ты прав, Питт. Он действительно изменился. Надеюсь, он не пристрастится к спиртному...

— Не думаю, Майкл, — квартирмейстер вновь замолчал, — но что-то с ним не так... Будто в нём — два совершенно разных человека... А его лицо... Неужели все Черчилли так похожи?

— Что ты имеешь в виду, Питт? Не темни, выкладывай. Хочешь сказать, что наш капитан сильно смахивает на дочку Брэдфордов?

— Не знаю, Майкл..., - задумчиво процедил Уоллес, — иногда в его манерах мелькает что-то знакомое... Будто наваждение... Не буду скрывать, Майкл — я любил Арабеллу, и до сих пор не могу её забыть... А это сходство... Порой я даже начинаю ненавидеть Питера. Он — мой друг, но он — ещё и живое напоминание о ней, вечно стоящее у меня перед глазами...

Стилл молча глядел на искажившееся лицо юноши, на котором оставила свой отпечаток

острая, невыносимая душевная боль. Как он мог поддержать его? Лишь позволив ему высказать всё, что накопилось в его сердце...

Питт продолжал:

— Иногда меня охватывает странное чувство, Майкл... Будто надежда появляется... Скажи, она была отчаянной девчонкой...

— Что ты хочешь сказать, Питт? — с тревогой спросил Стилл, взглянув прямо в лицо возбуждённому квартирмейстеру, — да ты и впрямь нездоров...

— Прости, Майкл, — Уоллес тяжело вздохнул, — ты прав — Питер совсем другой — сильный, мужественный. Будто всю жизнь провёл в море... Когда я вижу его, мне вспоминается Джеймс Стюарт... Она часто говорила, что он был настоящим моряком... Питер в бою похож на него, но всё же...

Стилл дружески обнял Уоллеса за плечи, и несколько мгновений они стояли, глядя с кормы на убегающие вдаль морские волны.

— Бедный мальчик, — задумчиво промолвил Стилл, — ты всё ещё любишь её и тешишь себя бесплодными надеждами... Забудь о ней, как я забыл о своей дорогой Кэт... Нам никогда не вернуть наших любимых, но мы обязательно отомстим за них...

— Не дай тебе Бог снова влюбиться, Майкл, — с горечью промолвил Уоллес, — это чувство сжигает меня изнутри, а тут ещё и Питер...

Неторопливую беседу на квартердеке прервал громкий крик марсового:

— Семь галеонов на юг-запад-западе, у Сан-Сальвадора! За ними фрегаты!

— Ну вот, дотрепались..., — с досадой пробурчал Питт, взглянув в подозрную трубу, поданную тут же подбежавшим Лэндсом. Мальчик всё ещё стоял рядом, с восхищением глядя на понурого квартирмейстера.

Вынырнув из-за острова Сан-Сальвадор, испанская эскадра уверенно двигалась наперерез шедшим в крутом бейдевинде пиратским судам. Фрегатов было не меньше пяти — вслед за замыкавшим колонну двадцатипятипушечным красавцем из-за прибрежных скал медленно выплывали контуры бушприта следующего в его кильватере корабля.

— Со скоростью семь узлов идут, в фордевинде, — мрачно заметил Питт, — у нас всё дно в ракушках, больше пяти узлов не вытянем. Тем более что мы у них под ветром. Что будем делать?

— Как только их занесло к Сан-Сальвадору? — удивлённо пожал плечами Лэндс

— Нам-то что до этого, — промолвил бывший трактирщик, — Надо драться или быстрее уходить.

Питт молча взглянул на следующие в кильватере пиратские корабли. За «Арабеллой» шли «Парисьен» и «Женевьев», за ними тащились изрядно потрёпанные бывшие испанцы — «Кастилья», «Фелипе», «Гранада», и «Сан-Антонио», с трудом выдерживавшие натиски крепчающего встречного ветра. В арьергарде гордо шествовала почти не повреждённая «Старая Англия».

— Предупреди Питера, — кивнул он Стиллу, — хотелось бы верить, что он не пьян...

Майкл быстро сбежал вниз по лестнице и вскоре вернулся назад. Вахтенный офицер выглядел заметно обескураженным.

— Капитан скоро выйдет, — доложил он после недолгой паузы, а затем, опустив глаза, тихо добавил:

— Меня беспокоит его состояние, Питт. Нам лучше уходить. Питер не сможет командовать боем.

Уоллес с недоумением взглянул на потупившегося Стилла

— Что случилось? Он пьян?

Стилл стоял, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь поднять глаза на обеспокоенного квартирмейстера.

— Нет, он не пьян... Но ты был прав — с ним что-то не так. Я несколько раз стучал в дверь. Он не ответил, но каюта была не заперта, и я вошёл...

— Что с ним?

— Он сидел за столом, обхватив голову руками. Я несколько раз окликнул его, но он молчал...

— Может, просто задумался?

— Поначалу мне тоже так показалось. Но потом, когда я подошёл и заглянул ему в лицо... Он смотрел куда-то вдаль, а выражение глаз было такое странное... Он не в себе, Питт, это точно...

— Он понял, что нам наперерез идёт эскадра?

— Да... Он даже сказал, что сейчас поднимется, но всё же...

— Хорошо, Майкл. Иди на своё место, — задумчиво пробормотал Питт, — и позови Крисперса. Надо посоветоваться.

Бывший трактирщик направился на свой боевой пост, а квартирмейстер тем временем размышлял, что предпринять и кому — ему или Крисперсу — взять на себя командование эскадрой. Но, едва подошедший шкипер перекинулся с Питтом несколькими словами, как на палубе появился капитан.

Ничто в его облике не напоминало о той глубокой задумчивости, в которой он пребывал менее четверти часа назад. Он всё ещё не надел кирасу и шлем, но был подтянут и собран, а на губах играла улыбка победителя. Окинув взглядом шкафут и бак, он уверенно поднялся на ют и выслушал сообщение квартирмейстера.

— Эскадра, говоришь? Дай-ка взгляну.... Ну что ж...

Питт с тревогой глядел в лицо друга, вспоминая свои недавние сомнения.

— Приготовиться к бою! — уверенно выкрикнул Сильвер, — Сигналь перестроение! Всем держать линию!

На грот- и бизань-мачтах «Арабеллы» взмыли жёлтые полотнища с чёрными перекрещенными полосами. На палубах засуетились матросы, натягивая сетку и брасопя паруса. На марсах, баке и квартердеке выстроились вооружённые мушкетами люди.

Уоллес и Стилл молча переглянулись. Капитан словно преобразился. Глаза, совсем недавно безразлично уставившиеся на стену каюты, горели азартом. Бывший трактирщик ободряюще улыбнулся уголками глаз.

— Видишь, Питт...

Уоллес молча кивнул. Шкипер же с явным неодобрением следил за действиями Сильвера. Флагман эскадры был на расстоянии в два кабельтовых от «Арабеллы». Времени для разворота почти не оставалось...

— Не ввязывайся в авантюру, Питер, — заметил Крисперс, — их больше, да и идут с наветра...

— Прекрати! — оборвал Крисперса Сильвер, — слушай приказ! Сигналь французам обходить с хвоста! Не стрелять, пока не подойдём на полкабельтова! «Старой Англии», «Сан-Антонио» и «Гранаде» в бой не вступать!

— Ты что, Питер? — возмутился шкипер, — собираешься идти наперерез?

— Может, тебе шлюпку спустить или..., - рука капитана коснулась висевшего на поясе пистолета

— Ладно, будь по-твоему, — буркнул в усы Крисперс, — не мне же за всё отвечать...

«Арабелла» прибавила парусов и уверенно двинулась наперерез головному концу испанской эскадры. В её авангарде ошестинился семьюдесятью пушками «Сан-Августин». Корабли неуклонно сближались. На «Арабелле» уже отчётливо слышались отрывистые возгласы испанцев.

— Заряжай картечью! — выкрикнул Сильвер, — целься по такелажу!

Подпустив пиратов на расстояние в четверть кабельтова, «Сан-Августин» разразился мощным залпом. «Арабеллу» окутали клубы дыма, а вскоре громкие всплески донеслись до слуха обеих команд. Пущенные испанцами ядра упали в воду — пиратский корабль вошёл в неподбойную зону, оказавшись прямо перед носом «Сан-Августина».

— Огонь!

В воздухе раздался оглушительный залп, и вскоре с палубы «Сан-Августина» послышались крики раненых и отборная испанская брань.

Уоллес, бледный от волнения, стоял на четвердеке. Беседа со Стиллом не выходила у него из головы. Он с тревогой глядел на капитана, который то бегом сбегал на шкафут, то стремглав взлетал на бак, отдавая распоряжения команде. «А что, если...», — думал он, — «впрочем нет, Майкл прав — я схожу с ума. Но я никогда его раньше не видел... Значит он — сын её тётки и герцога Джеймса? И вправду, в нём есть что-то такое... Королевское... Действительно, принц. Неужели она любила его? Ведь она без конца говорила о Стюарте?»

Охрипший от напряжения голос капитана вернул Питта к действительности.

— Поворот! — выкрикнул Сильвер, и «Арабелла», скрипя снастями, медленно развернулась и перешла в наветренное положение, почти в упор разрядив мощные пушки левого борта. Облако дыма, окутало «Сан-Августин». С палубы испанца послышались крики раненых и треск ломающихся снастей. Матросы на юте и марсах «Сан-Августина» предпринимали отчаянные попытки наказать дерзкое пиратское судно, обрушив на четвердек «Арабеллы» шквал мушкетного огня.

— Берегись, Питер! — Уоллес попытался заслонить Сильвера, но тот отстранил его и метнулся на ют. Пули свистели вокруг, но капитан будто бы не замечал этого.

— Молодцы! Отличный выстрел! — срывая голос, заорал он, увидев, как рухнул на палубу капитан «Сан-Августина».

— Стилл ранен!

— Лэндс! На ют к раненому!

— Паруса заполоснули! Сваливаемся под ветер!

— Ближе к ветру держи!

Выровняв курс, «Арабелла» двигалась вперёд, постепенно сближаясь со следующей в кильватере флагмана «Санта-Барбарой»

— Огонь!

Оглушительный залп бортовых пушек «Арабеллы» лишь на несколько мгновений опередил испанских канониров. «Арабелла» содрогнулась всем корпусом, и начала медленно оседать.

— В пушечный порт угодил!

— Плотников в трюм! Откачивать воду быстро!

— Грот-марсель пробит!

— Теперь ниже ватерлинии! Огонь! — едва успел крикнуть вцепившийся в перила капитан, как новый залп раздался с уже подошедшего ближе испанца. Пролетевшее мимо ядро едва не задело направлявшегося к лестнице Сильвера. Уоллес ещё более побледнел, и на его лбу выступил холодный пот. Вновь забыв о своих обязанностях, квартирмейстер молча взирал на возбуждённого капитана.

— Джек Майлз убит, — доложил запыхавшийся и почерневший от дыма Том Лэндс, — на двух пушках разорвало канаты.

— Кто принял командование канонирами?

— Черри, — немного отдышавшись, отозвался чумазый, как негритёнок, юнга

— Пусть закрепит пушки, — крикнул Питер, — держитесь ребята. Мы всё равно победим!

Глаза капитана вспыхнули, сверкнув холодным стальным блеском. Сомнения, терзавшие квартирмейстера, окончательно рассеялись. «Нет, этого просто не может быть. Я должен забыть о ней, и забыть окончательно...», — подумал он, пытаясь рассмотреть скрывшиеся за дымовой завесой суда. «Парисьен» и «Женевьев», обогнув арьергард, двигались навстречу «Арабелле». Следующие за ними «Фелипе» и «Кастилья» уже начали разворот, чтобы повторить манёвр.

Сильвер всё ещё стоял на квартердеке рядом с квартирмейстером, пристально вглядываясь вдаль.

— «Кастилья» и «Фелипе» в опасности! — раздался с марса грот-мачты охрипший голос Винтерса, — «Кастилья» дала крен, вот-вот затонет. Нэд выслал шлюпку, чтобы подобрать людей.

— Молодец, Нэд, — спокойно заметил капитан, — а что с «Фелипе»?

— Не вижу... Снесло грот-мачту... Дали сильный крен... Смотри-ка, Питер...

Необычайной силы взрыв заглушил последние слова марсового, но и без них картина происшедшего была вполне ясна. Тридцатипушечный «Фелипе», едва успевший выйти в наветренное по отношению к испанским судам положение, вспыхнул, словно просмолённый факел.

— Ядро в пороховой погреб попало! — вновь выкрикнул Винтерс, — Нэд подбирает людей

— Ничего, — спокойно отозвался адмирал, — Крис, сигнал «Фелипе», держать ближе к ветру и готовить запалы.

— Они не увидят, — попытался возразить шкипер, — «Фелипе» весь в дыму

— Сигналь, Крис! Нэд продублирует.

Действительно, над «Старой Англией» вскоре взлетел точно такой же вымпел. Увидев сигнал, на пылающем «Фелипе» засуетились люди, пытаясь удержать паруса и направляя судно на сваливающийся под усиливающийся порывистый ветер испанский арьергард. Огненные языки в считанные мгновения перекинулись на испанские корабли, а оставшиеся на «Фелипе» матросы, забросив абордажные крючья, быстро спрыгнули в воду, где и были подобраны посланными Вольверстоном шлюпками.

«Сан-Августин» и «Санта-Барбара» уже успели развернуться и достигли «Арабеллы» обстреливая такелаж и заставляя пиратов вести огонь на оба борта. Однако вскоре та же участь постигла и самих испанцев — на подмогу подоспели «Парисьен» и «Женевьев». Началась «общая свалка» — корабли скучились и потеряли строй, сваливаясь под порывистый ветер и с трудом избегая столкновения. Над полем битвы повисло густое облако

чёрного дыма. Испанцы всё ещё были заметно сильнее — их пушки утюжили палубы пиратских судов. Грохот выстрелов, треск сломанных мачт и рей, крики и многоязычная брань слышались со всех сторон.

Глядя на царившее вокруг разрушение, Крисперс сжал кулаки.

— Вот влезли в авантюру...., - пробормотал он, бросив гневный взгляд в сторону юта, где распоряжался Уоллес, — выберемся — несдобровать капитану...

Но Питт не слышал его слов. Нетерпеливо глядя на окутанную дымом палубу, он теперь думал лишь о том, чтобы переломить ход боя.

— Где Нэд? — крикнул он марсовому

— Идёт на помощь, за ним — «Гранада» и «Сан-Антонио»

— Отлично, — ответил Винтерсу уверенный голос капитана. Питер, только что стоявший на баке, уже взбегал по лестнице на квартердек

— Крис! Сигналь Нэду развернуться! «Сан-Антонио» и «Гранаде» в бой пока не вступать!

Снова прогремел оглушительный выстрел — заговорили пушки «Санта-Барбары», но «Арабелла» и «Парисьен» тут же дали ответный залп, и испанец начал медленно крениться набок — одно из ядер угодило ниже ватерлинии, а другое снесло половину грот-мачты. На «Сан-Августине» метким выстрелом была снесена бизань.

— «Кастилья» выровнялась! — радостно крикнул Винтерс, — и ещё залп дала, чтобы помнили.

— Молодец, Сандерс! — воскликнул Питер, — вот это плотник! Залатал-таки дыры в бортах!

Тяжело покачиваясь на волнах, «Кастилья» медленно отходила от пылающих испанских фрегатов и пришвартованного к ним догоравшего «Фелипе». Едкий дым щипал глаза, но за прошедшие несколько месяцев бывшие жители Нассау уже успели привыкнуть к канонаде. Щурясь и кашляя, они изумлённо глядели, как почти не получившая повреждений «Старая Англия» развернулась и, пройдя между «Сан-Августином» и «Санта-Барбарой», разразилась мощным залпом, который в щепки разнёс квартердек испанского флагмана.

Уоллес вопросительно взглянул на капитана.

— Неужели побеждаем?

— Рано, Питт, — сухо заметил Сильвер и тут же выкрикнул:

— Сигналь готовиться к абордажу, Крис!

На грот-мачту «Арабеллы» взлетел ярко-алый вымпел, тут же продублированный другими судами эскадры. Даже едва уцелевшая в бою «Кастилья» поддержала остальных, тяжело ударившись наполовину снесённым фальшбортом о фальшборт «Санта-Барбары»...

Рукопашная схватка оказалась недолгой, и вскоре шлюпки с оставшимися в живых испанцами отчалили в сторону острова Сан-Себастьян. Когда Крисперс, возглавивший призовую команду, вернулся на «Арабеллу», Сильвер уже спокойно стоял на квартердеке, ожидая новостей с захваченных кораблей. Шкипер, ещё недавно грозивший адмиралу отставкой, теперь довольно улыбался, вытирая пот с чёрного от копоти лба

— Смотри, капитан! — он вытащил из-за пазухи аккуратно сложенный пакет, — нашёл в кармане одного из убитых

— Что это? — Питер разорвал конверт и, развернув бумагу, быстро пробежал её глазами. Усталое лицо внезапно осветилось радостью

— Взгляни-ка, Крис! — воскликнул он. — Подтверждение полномочий королевского

представителя в Новом Свете! Бумага на имя Диего Альвареса,

— Значит, мы поквитались с братцем дона Педро? — удивлённо поднял брови шкипер. Окружившие капитана матросы, не понаслышке знакомые с Педро Альваресом, громко расхохотались. Питер с горечью усмехнулся и спрятал документ за пазуху.

— Выходит, что да... Может быть, пригодится ещё... Кстати, куда опять подевался наш квартирмейстер? — неожиданно добавил он, окинув палубу рассеянным взглядом

— Да вот он идёт, — улыбнулся шкипер, — смотрите-ка! Даже чернильницу с прихватил!

Питт Уоллес, без камзола, в разорванной на плече рубахе, осторожно перебирался через сцеплённые друг с другом фальшборты «Арабеллы» и «Сан-Августина». В руках его были судовой журнал и прибор для письма.

— Шкуры и какао — вот и вся добыча, Крис..., - задумчиво промолвил он, глядя на шкипера, но в серых глазах играла хитрая улыбка

— Так это всё? — раздались вокруг возгласы разочарованных моряков

— Значит, поверили? — рассмеялся Питт, — да там ещё пять сундуков с изумрудами! Спускайте шлюпку, ребята! Взгляну, что за улов на других кораблях.

Глава 17. Дневник Питта Уоллеса

Питт Уоллес сидел в своей каюте на «Арабелле», подперев голову рукой. Задумчивый взор его был устремлён на карту, висевшую на дощатой стене и служившую единственным украшением скромного обиталища квартирмейстера. Перед ним, на столе из чёрного мангра, стояла чернильница и лежал раскрытый судовой журнал. На чистых белоснежных листах его пока не было ни единой буквы, лишь жирная точка красовалась в самом начале верхней строки.

Питт окунул перо в чернильницу, и аккуратные мелкие строчки, словно бисер, рассыпались по дотоле нетронутым листам. Квартирмейстер обладал хорошим слогом и любил делать записи, с дотошностью банкира или историка подмечая малейшие детали событий. Но Питт был слишком молод, а неокрепшая душа его находилась в плену романтических чувств, то и дело одерживающих верх над педантичностью исследователя. Превратив журнал в некое подобие личного дневника, Уоллес изливал переполнявшие его чувства на ни в чём не повинных листах главного судового документа. Подобная откровенность вызывала недовольство шкипера, считавшего ведение журнала своей обязанностью и предпочитавшего традиционную форму изложения событий.

Стоит добавить, что сей любопытный документ до сих пор хранится в том самом музее, с которого и началось наше повествование. На его выцветших от времени страницах читатель найдёт не только подробные описания экспедиций, составленные знающими своё дело шкипером и квартирмейстером, но и размышления этих весьма неординарных личностей. Заметки Крисперса, меткие и ироничные, порой содержат достаточно острую критику действий Сильвера. В то же время внимание романтических особ несомненно привлекут эмоциональные сентенции безнадежно влюблённого квартирмейстера и его многословные тирады в адрес своего капитана — то восторженные, то наполненные горечью, болью и даже ненавистью.

Однако на этот раз Уоллес вполне достойно изложил события, произошедшие вблизи острова Аравак и подробно описал битву у Сен-Себастьяна. Подумав ещё немного, Питт вновь обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать.

"Всего захвачено девять тысяч триста фунтов серебра, восемьдесят фунтов золота, а также жемчуга, изумрудов и товаров на общую сумму..." — квартирмейстер пролистнул страницу назад, чтобы вновь воскресить в своей памяти стоимость всех взятых призов, но рука его словно замерла. Он невольно вспомнил недавние события, и мысли о них назойливо вертелись в его голове, мешая сосредоточиться на подсчёте.

«И ещё сегодня я поссорился с капитаном», — неровным почерком добавил он.

Бой только что закончился, и захваченные "Арабеллой" ценности были перенесены на палубу для составления описи. Сильвер, ненадолго спустившись к себе, чтобы снять кирасу и шлем, вновь появился на палубе. Капитан был рассеян и задумчив. Едва взглянув на доверху заполненные монетами и драгоценными камнями сундуки, он тут же направился в сторону бака. Уоллесу вдруг почудилось, что капитан выглядел одиноким и потеряннным. А ведь ещё недавно он был совсем другим...

У Питта защемило сердце. Сражение у Сен-Себастьяна окончательно развеяло былые подозрения, но образы прошлого то и дело всплывали перед его мысленным взором. Яркие краски Нью-Провиденс, счастливое семейство Брэдфорд, и, конечно, его возлюбленная —

вечно радостная, смеющаяся, будто наполненная солнечным светом...

Значит, её больше нет, и они с Питером одиноки на этом свете... Питер... Неужели он тоже любил её? Ведь такое часто встречается между кузенами? Да и не слишком ли часто вспоминала девушка возлюбленного своей тётки Арабеллы, знаменитого автора «Инструкций по мореплаванию, составленных герцогом Йоркским»? Может, она просто думала о его сыне?

Питт отложил перо и снова взглянул на дощатую стену. Воспоминания о прошлом мешали ему сосредоточиться... Отец Арабеллы... Радужный, с вечной улыбкой и детскими ямочками на щеках... Ласковые глаза миссис Брэдфорд... Они искренне любили его — белобрысого, дочерна загоревшего рыбацкого сына, вечно болтавшегося в губернаторском саду... Однажды, когда ему было всего лишь шесть лет, они собрали в саду окрестную ребятню, чтобы составить компанию обучающейся грамоте дочери... С тех пор Питт стал у них частым гостем. Он подолгу засиживался в гостиной, слушая, как маленькая Арабелла читает свои любимые книги с картинками... Но дети выросли, и вот уже героями юной леди стали средневековые рыцари и отважные мореплаватели. Она всегда щедро делилась с друзьями своими бесценными сокровищами — хранящимися в её комнате толстыми позолоченными фолиантами. Юный Питт читал запоем, и вскоре истории рыцарей, хранивших верность своим возлюбленным до конца дней, вскружили ему голову. Ему было всего двенадцать, когда он понял, что влюбился окончательно и бесповоротно. Долгие часы проводил он в одиночестве, сидя на прибрежных камнях и мечтая о том, что когда-нибудь станет для своей возлюбленной таким же верным и преданным слугой, как эти рыцари из старых романов... А она в это время мечтала о нём — своём принце, сыне герцога Джеймса... Но вот теперь принц тоже одинок, и их обоих несёт по волнам жестокая судьба, отнявшая у них возлюбленную... Тяжело вздохнув, он снова взялся за перо, чтобы поделиться с журналом своей душевной болью, поведав о событиях, произошедших в тот день на палубе «Арабеллы»...

«Значит, он тоже думает о ней», — подумал Питт, увидев одинокую фигуру у фальшборта, — «ему так же плохо, как и мне сейчас...». Поднявшись на бак, Уоллес осторожно приблизился к Питеру. Тот всё ещё был погружён в свои мысли, не замечая ни громких распоряжений боцмана, ни радостных криков обступивших добычу пиратов, ни огромных сундуков с изумрудами, которые охранял уже успевший прийти в себя после ранения Стилл.

— Что с тобой? Думаешь о Арабелле? — спросил Питт, тронув рукой плечо Сильвера. Капитан неожиданно вздрогнул и обернулся, будто увидел перед собой змею. Смуглое лицо покрыла внезапная бледность, сменившаяся лёгким румянцем. Будто пробудившись от сна, капитан с недоумением взирал на стоявшего перед ним квартирмейстера. Но лишь несколько мгновений прошло, и Питер вновь обрёл прежнее спокойствие.

— Я думаю о прошлой жизни, Питт, о той жизни, в которой мы были так счастливы, — задумчиво произнёс он и тяжело вздохнул.

Странное поведение капитана насторожило Уоллеса. Нет, этого просто не могло быть... Выдержать такой страшный бой... Но что же тогда происходит с Питером? Почему он так посмотрел на него, а глаза вдруг расширились — то ли от боли, то ли от удивления, то ли от ужаса?

— Ты любил её? — с замиранием сердца произнёс он, — ты приехал в Нассау, чтобы жениться на ней?

Сильвер, уже справившийся с внезапным проявлением слабости, равнодушно пожал плечами:

— Нет. Да и вообще, Питт, какое это теперь имеет значение? Нам её вернуть, и никто больше не станет её супругом в этом мире.

— Как ты думаешь, она могла бы спастись? Что бы было тогда с ней сейчас?

Питер даже не повернул головы.

— Думаю, что не произошло бы ничего хорошего, — холодно промолвил он, — у неё был лишь один выход, чтобы защитить свою честь. Им она и воспользовалась.

Слова капитана, а ещё больше тон, которым они были произнесены, показались Уоллесу в высшей степени оскорбительными. Он вдруг подумал, что Питер намеренно собирался причинить ему боль. Кровь прилила к лицу, и он схватился за рукоять сабли:

— Что ты хочешь сказать? Как ты можешь так говорить о Арабелле? — голос квартирмейстера срывался на крик, а в серых глазах неожиданно вспыхнула ненависть.

Питер обернулся и спокойно взглянул в глаза другу.

— Ты считаешь, что ей лучше бы было работать в таверне «У французского короля»? — с едкой иронией произнёс он, изящно поправляя сбившийся локон парика и, казалось бы, не проявляя ни малейшего интереса к предмету разговора

— Мы бы обвенчались, и она жила бы, как королева! Даже если бы ты захотел отнять у меня Арабеллу, тебе пришлось бы вначале убить меня, — в порыве гнева Питт выхватил саблю и теперь стоял, готовый наброситься на своего друга и капитана

— Брось оружие, Уоллес, — улыбнулся Сильвер, кивнув словно обезумевшему квартирмейстеру, — неужели мы с тобой поссоримся из-за девчонки?

— Защищайся! Ты должен ответить за то, что оскорбил её!

— Брось оружие, — холодно, с металлическими нотками в голосе, произнёс капитан. Он уже развернулся и теперь неподвижно стоял спиной к фальшборту, скрестив руки на груди. Невозмутимость Сильвера ещё более распалили квартирмейстера, и Уоллес, размахнувшись, занёс саблю, чтобы нанести удар.

— Брось оружие, Питт, — голос Питера был по-прежнему бесстрастен, а сам он не сделал ни единого движения, чтобы защититься от нападения. Невозмутимость капитана и его повелительный тон гипнотически подействовал на Уоллеса. Пальцы его разжались, и в наступившей тишине раздался лязг упавшего на палубу оружия. Квартирмейстер по-прежнему стоял напротив своего Сильвера, глядя ему в глаза. Окружившие их матросы, не проронив ни слова, взирали на происходящее со смешанным чувством удивления и восхищения.

— Пойми меня, друг, — примирительно произнёс Питер, улыбнувшись оторопевшему Уоллесу, — я не хочу ссориться с тобой из-за девушки, даже если это моя сестра. Что до твоих слов, то ты должен понять, что жизнь на Тортуге для женщины далеко не безопасна. Представь, ты будешь в море, а к ней явился десяток до зубов вооружённых пиратов?

Питт Уоллес неподвижно стоял, пораженный словами капитана. Он понимал его правоту, но был возмущён цинизмом, с которым Сильвер обсуждал судьбу своей погибшей кузины.

— Прости меня, Питер, — пробормотал он и направился в свою каюту.

Питт тяжело вздохнул и вновь взглянул на висевшую на стене карту. Рука его выводила на чистых страницах ровные аккуратные строки. «Опять не сдержался... Интересно, что написал Крисперс», — Уоллес пролистал несколько страниц назад и пробежал глазами

оставленную шкипером запись. «Операция взятия острова проведена превосходно, а поединок с доном Эрнандо мог бы украсить руководство по фехтовальному искусству», — заметил на полях законченный скептик, завершив подробное описание взятия Нью-Провиденс.

Питт улыбнулся. «Если уж даже Крисперс... Да, Питер действительно необыкновенный человек», — подумал он, — «наверняка он сын герцога Джеймса...». Однако следующие строки вновь заставили квартирмейстера вздохнуть:

«Всё же наш принц дал маху», — значилось в самом конце страницы, — «если он не покончит со своим донкихотством и потащит нас в лапы к испанцам из-за девчонки, я скорее подниму мятеж, чем соглашусь следовать за ним».

Кровь прилила к лицу Питта, и он быстро захлопнул журнал. Нет, сейчас не время ссориться с капитаном. Что бы не случилось в прошлом, сейчас они должны быть вместе и поддерживать друг друга. Да, Питер сильно рискует из-за этой испанки... Может быть, поэтому он так печален? Питт снова вздохнул и направился на палубу. Изящная фигура капитана выглядела ещё более одинокой на фоне суесящихся вокруг такелажа матросов. Уоллес приблизился и тронул Сильвера за плечо.

— Прости меня, Питер, — произнёс он, — я слишком вспылел.

— Я не держу на себя зла, Питт, — улыбнулся капитан, — но очень надеюсь, что ты не будешь всю оставшуюся жизнь тосковать из-за Арабеллы Брэдфорд.

— А ты сам, Питер?

— Мы должны найти миссис Брэдфорд, — сухо произнёс он, — а потом...

Сильвер на мгновение задумался.

— Потом я должен вернуть то, что принадлежит мне по праву. Когда это произойдёт, тогда и буду искать себе достойную пару.

— Но сейчас? Ведь многие...

— Я не признаю отношений на один месяц или один год. Для меня возможен только законный брак. Пойми, это никак не связано с Арабеллой. У нас с ней никогда ничего не могло бы быть. Иди к себе, Питт. Мне надо немного побыть одному.

Капитан вновь отвернулся к фальшборту. Поняв, что разговор окончен, Уоллес медленно пошёл в сторону лестницы.

Глава 18. Испанские гранды

Наутро эскадра достигла малых Антильских островов. Лёгкий бриз наполнял паруса, а на невысоких волнах играли переливающиеся солнечные блики. Нэд Вольверстон, тем не менее, пребывал в крайне дурном расположении духа. Насупившись и заложив руки за спину, он прохаживался по баку взад и вперёд, бросая сумрачные взгляды то на следовавшие в авангарде суда, то на шкипера, занятого очередной шахматной головоломкой. Наконец, будто найдя решение долго мучившего его вопроса, он остановился.

— Эй, Натаниэл! — грозно выкрикнул Нэд, но уже через несколько мгновений на обеспокоенном лице невольно расплылась улыбка. Старина Хэндс со всей прыти рысил по шкафуту, едва заметно припадая на одну ногу. Взбежав по лестнице, ведущей на бак, шкипер перевёл дыхание и бодро отрапортовал:

— Слушаю, капитан!

— Да ладно тебе, приятель! — Вольверстон всё ещё улыбался, но в голосе его звучала тревога, — я ведь просто потолковать хотел об одном деле. Взгляни сюда!

Хэндс поднёс к глазу подозрную трубу. Двенадцать кораблей шли, вытянувшись в три параллельные линии. «Старая Англия» двигалась в авангарде левого фланга, а в центре, чуть впереди остальных, уверенно следовала «Арабелла». «Парисьен» и основные силы французов занимали весь правый фланг. Французские корабли располагались и в самом центре левой колонны, которую замыкало старое корыто под названием «Сан-Антонио». Последний, может быть, лет двадцать назад и мог считаться двадцатипушечным фрегатом, но на сей момент годился разве что на роль брандера. До самого горизонта не было видно ни единого корабля.

— Да вроде нет никого, — задумчиво хмыкнул шкипер, — одни идём.

— Да я не об этом, — перебил его Вольверстон, — сдаётся мне, на «Арабелле» беспокойно.

— Не видно ничего, — пробормотал Хэндс, — да и что тут увидишь? Говорил я Сильверу, что половину затопить надо, а ему всё мало.

— Посмотри ещё, — настаивал Нэд, — что у них на юте? Боюсь, нарвётся мальчишка на неприятности. Ведь предупреждал! Дались ему эти испанцы!

Хэндс ещё раз взглянул в трубу.

— Да, ты прав. Что-то не то, да и народу слишком много. Спускаем шлюпку?

— Да, но только мы с тобой вместе пойдём. Здесь без нас пока справятся, а там вдруг подкрепление понадобится. Возьмём четверых матросов на вёсла. Хорошо ещё, что ветер слабый. Вот только успеть бы...

На палубе «Арабеллы» и впрямь было беспокойно. На квартердеке собралось более сотни пиратов. Все ожесточённо спорили, вокруг стоял невообразимый гвалт, то и дело перемежаемый крепкими матросскими словечками. Лишь окружённый плотным кольцом матросов Сильвер спокойно стоял, опершись рукой о перила, и равнодушно взирал на будто бы взбесившуюся команду.

— Ради чего ты тащишь нас в западню, Питер?

— Добро бы за золотом, а то из-за испанской девки!

— Забыл, что они с нами сделали? Да твоя же сестра...

— В шлюпку их, а дальше — не наше дело!

— Правильно, Сэм! Пусть убираются на все четыре стороны!

— Не доплывут до берега — туда им и дорога!

Крепкими локтями растолкав собравшихся, вперёд вырвался Майкл Черри. Невысокий брюнет с дочерна загорелой, задубевшей от ветра и солёной морской воды кожей, он был скорей похож на испанца, чем на англичанина. Майкл потряс жилистым кулаком прямо перед носом всё ещё хранившего безмолвие Сильвера.

— Будешь защищать их, Питер — садись ними в одну шлюпку! Милости просим отсюда! Да не один капитан...

Ропот недовольных становился всё громче. Наиболее дерзкие уже схватились за сабли, но пока ещё не решились пустить их в ход, ограничиваясь угрозами вперемежку с нецензурной бранью.

— Тихо, парни! — выкрикнул Крисперс. Бунтовщики расступились. Сжав кулаки и играя желваками на скулах, шкипер вышел вперёд и, глядя прямо в лицо капитану, процедил сквозь зубы:

— Мы избрали тебя, но не теряй головы. Мы не шутим. Потацишь нас в пасть к испанцам из-за девки — будет мятеж. Сам знаешь, чем это кончится!

На мгновение Крисперс умолк. Оглянувшись вокруг, он увидел людей, большинство из которых знал уже не один год — в той, мирной жизни. Но теперь в глазах их сверкала ненависть. Память о кровавой резне в Нассау и следах испанских плёток на спинах была слишком свежа. Но ведь Сильвер — он же тоже один из них... Как он мог?

Мысль шкипера вернулось к исходной точке. Сильвер. Но если бы не он, то не видать бы им свободы. Нет, надо ещё раз поговорить с ним, прежде чем...

— Подумай, Питер, кто останется с тобой? Уоллес, Вольверстон и Хэндс? И то лишь потому, что они — твои приятели? Но поверь, даже они не захотят лезть в пекло...

— Он прав, Питер, опомнись! — выкрикнул Уоллес, тщетно пытаясь растолкать пиратов, чтобы протиснуться к капитану.

— Да пустите же! Вы же сами его выбрали...

Последние слова квартирмейстера заглушил ропот недовольных. Сам же Уоллес так и не смог пробраться сквозь плотную толпу, и так и остался на юте, у самого фальшборта.

— Да что ты с ним церемонишься, Крис! — слышались вокруг возмущённые окрики.

— Будем голосовать!

— Выберем нового капитана!

— Хватит нам под началом зелёного мальчишки ходить! Мало того, что в монахов нас превратил своим кодексом, ещё из-за девки на смерть идти заставляет!

— Зачем столько развалюх с собой набрал! Что будешь с кораблями делать, адмирал? На доски пустишь?

— Эскадру ему подавай! Видите ли, принц нашёлся! Да только нет здесь твоего дядюшки!

Тем временем шлюпку с Вольверстоном и Хэндсом отнесло назад, к следовавшему в арьергарде «Женевьев». С флагмана же явственно доносились громкие выкрики.

— Слышишь, что там, — тревожно покосился на друга Нэд, — можем не успеть

— Быстрее гребите, ребята! А ну-ка, Нэд, давай и мы стариной тряхнём!

Вольверстон и Хэндс взяли за вёсла. Шлюпка двинулась вперёд чуть быстрее.

Между тем по шкафуту «Женевьев» прохаживался довольный Перэ. Волнения на флагмане были ему на руку — в последнем бою ему удалось припрятать в собственной

каюте два сундука с изумрудами, утаив их от бдительного ока Питта Уоллеса.

— Ну что, Анри, нам ветер в корму дует! — капитан ткнул в бок стоявшего рядом Пети, — если мальчишку низложат, то и дружок его на хозяйстве не удержится. А это значит, что добыча наша!

— Допрыгался парень! — заметил офицер, — дерзок не по годам. Правила какие-то придумал — то нельзя, это нельзя. Не команда, а монастырь! Даже при дворе, и то меньше запретов.

— Да уж... Гляди-ка, шлюпка! Вольверстон с Хэндсом! На помощь спешат старые волки, но видно опоздали. Дело-то кончено, голосуют уже.

— Да нет, это кто-то один руку поднял, — возразил Пети, — а мне жаль парнишку. Капитан из него что надо! Молод совсем, а в морском деле толк знает. Да и отделал тебя хорошо, скажешь, нет?

Перэ поморщился. Он не любил вспоминать о поражениях на поединках.

— Да ладно..., - недовольно буркнул он, смотри, причаливают. Вот только кто трап им спускать будет?

Подошедшая шлюпка ударилась о корпус «Арабеллы». Вольверстон встал задрал голову вверх, пытаясь рассмотреть, что происходит на палубе.

— Трап спускайте! Живо! Что у вас там?

Один из матросов бросился к верёвочной лестнице, намереваясь сбросить её вниз.

— Отставить! — выкрикнул Крисперс, — сами разберёмся!

Гул одобрения пронёсся над квартердеком.

— Низложить капитана!

— Долой!

— Не делайте глупостей, — попытался образумить товарищей Уоллес, но его голос вновь потонул в возмущённых возгласах собравшихся матросов и офицеров.

— Подождите, парни! — остановил всех мятежный шкипер, — дайте мне ещё немного времени.

Вновь взглянув на будто бы оцепеневшего Сильвера, он предпринял последнюю, отчаянную попытку достучаться до его сознания:

— Что с тобой, Питер? Что молчишь? Не понимаешь, что против тебя выступила вся команда?

В воздухе повисла пауза, нарушаемая лишь тихим плеском кильватерной волны. Лицо Сильвера было спокойно, и лишь на щеках проступил едва заметный румянец. Неожиданно тишину прорезал его чуть хриловатый голос:

— Уоррен!

Снова пауза... Крисперс вздрогнул. Взгляд его встретился с взглядом Питера. В нём не было ни страха, ни сомнений — скорее, уверенность и непреклонность.

— Будешь командовать эскадрой, Крис, — продолжал Сильвер, — наделяю тебя адмиральскими полномочиями. Ты этого хотел?

Шкипер удивлённо поднял выгоревшие от солнц брови:

— Ты что, Питер? Неужели вправду уходишь из-за девчонки?

Внизу по-прежнему гремел голос Вольверстона. Капитан «Старой Англии» который раз требовал трап. Крисперс с недоумением взглянул на Сильвера.

— Так что, спускаем?

— Кто говорил, что сами разберёмся? — усмехнулся Питер, — да ладно, Крис, спускай!

Я и так всё решил.

— Так ты уходишь? — растерянно повторил шкипер. Ещё недавно отставка Сильвера казалась ему неотвратимой, но вдруг он остро осознал, что это вновь может изменить их жизнь, и далеко не в лучшую сторону.

На лице капитана заиграла ироничная полуулыбка.

— А ты как думал, Крис? Конечно, ухожу. На «Сан-Антонио» с Уоллесом, Вольверстоном и Хэндсом. Испанцев берём с собой. Мне нужны тридцать человек команды. Если захватим приз, они получают вознаграждение вдвое больше обычного, нет — выделю им из своей доли.

— Так ты остаёшься в команде?

— А вы что думали? Я принимаю командование этим рейдом, вот и всё. Итак, кто мной, парни?

На четвердеке вновь воцарилось молчание. Всего лишь несколько минут назад все были уверены, что бунта не избежать. Всё ещё разгорячённые после недавнего спора, они изумлённо глядели на капитана.

— Что же ты молчал? — пробормотал шкипер, — а нам казалось, что ты...

— Надо было всё обдумать, — перебил Крисперса Сильвер, — операция слишком рискованная, но дело того стоит. Тем более что мы с Питтом весь риск берём на себя.

— Правда, почему бы нет? Может, проживем на Сен-Мартене? — Черри махнул загорелой рукой, — слышал я, будто за Морганом ещё не такие делишки водились!

Вслед за Майклом идти на Сен-Мартен пожелали ещё сорок новичков, набранных Сильвером на Тортуге из числа местных пиратов. Спустившись в шлюпки, добровольцы направилась к «Сан-Антонио», и вскоре на «Арабеллу» прибыла старая команда, а старый фрегат взял курс на Сен-Мартен.

Донья Изабелла де ла Коса раздражённо прохаживалась по крошечной каюте, нервно ломая в руках веер. Мало того, что этот наглец осмелился заявить, что она переходит в его собственность, он ещё и переселил их из просторного обустроенного помещения в грязную дыру! На стенах никакой обивки, одни голые доски. Кровать — да как назвать кроватью это жёсткое узкое ложе! На нём разве что матросам спать можно!

— Успокойся, дочка, — уговаривал её бывший губернатор, — сама понимаешь — могло быть хуже.

— Наглец! Ещё смеялся, когда заявил, что нам придётся потерпеть!

— А по мне так он весьма галантен! — подала голос её подруга Луиза, — ты же помнишь, он освободил нас.

— Но это не даёт ему право быть мужланом. Если хочет выглядеть как дворянин, пусть учится обращаться с дамами.

— И вправду, Изабел, — заметил отец, — я видел лица его людей. Они ненавидят нас. Не думаю, что ему легко было нас защитить.

Девушка закусила губу и отвернулась. В дверь осторожно постучали. Маленькая щуплая служанка отперла дверь, и в неё просунулась любопытная физиономия Лэндса

— Капитан сказал, что Вы можете выйти на палубу. Подходим к Сен-Мартену.

— Пойдём, папа! — воскликнула Изабелла, — здесь так душно и дурно пахнет!

Вскоре они были наверху. Свежий морской ветер играл чёрными кудрями девушки. Вдали узкой полоской виднелась земля. Облокотившись на фальшборт, испанцы с надеждой глядели в сторону приближавшегося острова. Неожиданно кто-то тронул бывшего

губернатора за плечо.

— Дон Фернандо?

Де ла Коса обернулся. Рядом с ним стоял Сильвер.

— Спасибо Вам, капитан! Я не ожидал...

— Всё в порядке, дон Фернандо. Я лишь хотел напомнить Вам, что вёл себя как джентльмен. А это значит, я вправе ожидать от Вас подобного же отношения к себе и своим людям. Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга?

Лицо Сильвера было серьёзным, а левая рука лежала на рукоятке пистолета.

— На берег сойдём под руку, как лучшие друзья, — продолжал он, — но помните — если что не так...

Де ла Коса молча кивнул. Выбора у него не было.

Тем временем фрегат неумолимо приближался к острову, расположенному в северной части восточных Карибских островов, вдали от других испанских колоний. Сен-Мартен несколько раз переходил из рук в руки. Ещё недавно занятый франко-голландскими колонистами, остров уже пять лет находился в собственности Испании, а губернатор дон Педро Рамирес успешно отражал все попытки его захвата английскими и французскими флибустьерами.

Тем временем капитан снова и снова обдумывал детали операции. Форт Сен-Мартен, пусть и неплохо защищённый, был недостаточно вооружён для отражения атаки с моря. Однако в гавани стояли испанские корабли, и сражение с ними не сулило «Сан-Антонио» ничего хорошего. Именно поэтому предполагалось проводить пленников к губернатору, а потом, под предлогом неотложного поручения адмирала эскадры, вернуться на судно. Казалось бы, тактика была продумана до мелочей, но одна мысль не давала Сильверу покоя.

— Послушай, Майкл, — кивнул он Черри, отдававшего распоряжения матросам у фок-мачты, — а что, если...

— Хочешь заставить губернатора поделиться, Сильвер? — усмехнулся Черри, обнажив свои жёлтые от табака зубы, — рискованное дело, но ты ведь у нас везунчик...

— Почему бы нет? — в глазах капитана мелькнули озорные искорки, — главное — войти в дом, а там уж как дела пойдут... Хотя с другой стороны — нехорошо всё это... Забудь, Майкл, не нравится мне эта затея.

— Боишься, что ли? — покачал головой Черри, выкрикнув очередное распоряжение матросам

— Да нет, — задумчиво произнёс Питер, — просто как-то нехорошо это, неправильно... Не по-джентельменски, что ли...

— А как они с нами — по-джентельменски? — неожиданно вспыхнул Уоллес, — вспомни резню в Нассау!

— Замолчи, Питт! Надоели твои упрёки, — Питер резко развернулся на каблуках, — я капитан, и я принимаю решения.

— Но всё же будь осторожен, — задумчиво произнёс Вольверстон, — не стоит рисковать лишь для того, чтобы показать свою храбрость.

Питер молча отвернулся, вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух.

Бортовая пушка «Сан-Антонио» тут же разразилась приветственным залпом. Приблизившись к берегу, судно вошло в небольшую гавань, где уже стояли два двадцатипушечных фрегата. На пристани, внешний вид которой вполне соответствовал статусу Сен-Мартена как самой мелкой и незначительной испанской колонии, тут же

засуетились матросы, привязывая сброшенные концы, чтобы принять неожиданно нагрянувших гостей.

Спустившаяся на берег компания производила впечатление людей мирных и весьма дружелюбных. Впереди следовал юный капитан под руку с доном Эрнандо. Беседа их была столь непринуждённой, что никто из очевидцев не смог бы заподозрить, что пальцы спрятанной под камзолом руки Питера покоились на спусковом крючке пистолета. За ними следовали Луиза, дочь помощника губернатора, и две насмерть перепуганные служанки. Но даже если бдительный страж обратил бы внимания на страх, явственно читавшийся на лицах девушек, он вполне бы мог объяснить сей факт страданиями, которые они испытывали в английском плену. Ещё более успокаивал вид сияющей Изабеллы, опирающейся на руку разряженного в пух и прах Уоллеса, больше походившего на изнеженного графского сына, нежели на английского флибустьера.

У трапа компанию встретили два смуглых худощавых господина в чёрных камзолах.

— Мы — дон Диего Альварес и граф Педро Санчес, — на превосходном кастильском наречии произнёс Сильвер, отвесив лёгкий поклон офицерам, — мы захватили пиратский корабль и освободили из плена дону Фернандо и его дочь Изабеллу. Нам надо проводить дону Фернандо к губернатору и сразу же отбыть в Пуэрто-Бельо. Мы спешим, и должны доставить туда очень важный груз.

— Добро пожаловать, господа, — произнёс офицер, — губернатор острова желает видеть вас у себя дома.

— Мы были бы рады принять приглашение, но нас ждут неотложные дела, — Питер указал рукой в направлении мерно покачивающегося у причала «Сан-Антонио», — не позднее чем через полчаса мы должны выйти из гавани.

— Прошу Вас, господа, — настойчиво уговаривал их офицер, — его Превосходительство хотел бы с вами побеседовать.

Питер и Уоллес переглянулись. На душе их было беспокойно — пока всё шло по плану, но малейшая ошибка, и за их жизни никто не даст и ломаного гроша. Непринуждённо болтая с провожавшими их офицерами, друзья медленно шествовали по направлению к губернаторскому дому — белоснежному одноэтажному строению с лёгкими колоннами, находившемуся неподалёку от набережной. В саду их встретил низенький весёлый крепыш лет тридцати с небольшим. Расплывшееся в добродушной улыбке красное лицо его напоминало небольшой спелый помидор.

— Губернатор острова, дон Педро Рамирес, — радушно улыбнулся он входящим, — прошу Вас к своему столу. Угощайтесь, господа. У меня сегодня большая радость — жена родила сына, которого мы назвали Филиппом, в честь нашего любимого короля. Прошу вас, выпейте со мной за его здоровье!

Дон Фернандо вопросительно взглянул на губернатора, но выразительный взгляд Питера и лёгкий тычок в бок дулом пистолета заставил старого испанца опустить глаза.

— Простите, дон Фернандо, совсем о Вас забыл, — не умолкал громкий голос Рамиреса, — не утруждайте себя беседой — отдохните немного. После всего, что Вы пережили, Вам нужно хорошенько отоспаться. Родриго, — губернатор кивнул стоявшему неподалёку слуге, — проводи сеньора и его спутниц в их комнаты.

— Спасибо Вам, дон Рамирес, — тяжело вздохнул старый отец. Он был слишком щепетилен в вопросах чести, поэтому в душе его боролись два чувства — ненависти к английским пиратам и благодарности к спасителям собственной дочери. Не желая

присутствовать на трапезе, к которой обманом присоединились флибустьеры, он молча последовал за губернаторским слугой.

Друзья же, вслед за доном Рамиресом, проследовали в обеденную залу и, усевшись за стол, приступили к еде. После месяца, проведённого на корабле, они с наслаждением вкушали изысканные яства, которыми потчевал их гостеприимный чиновник, а мысль о выкупе казалась им всё более гнусной и отвратительной.

— За здоровье юного Филиппа Рамиреса, — произнёс Сильвер и снова поднял свой бокал, но осушать его не стал, ограничившись одним небольшим глотком.

— Здоровье моих дорогих гостей! — возбуждённо пыхтел раскрасневшийся дон Педро, опрокинув налитый доверху бокал и вновь наполнив его до краёв какой-то беловатой прозрачной жидкостью.

Питер внимательно посмотрел на губернатора. Рамирес, по всей видимости, не раз успел отметить радостное событие с местными плантаторами и принял в себя изрядную дозу спиртного. Пальцы его слегка дрожали, лицо раскраснелось, а речь была торопливой и сумбурной, сам же он то и дело покачивался из стороны в сторону. Но вдруг глаза Сильвера встретились с его глазами — маленькими заплывшими жиром щёлочками, настороженно глядящими по сторонам. В них не было и тени той мутности и бессмысленности, что свойственна всем пьяным, независимо от рода потребляемых ими напитков.

«Значит, ты не так уж и пьян, дружище», — капитан искоса взглянул на сидящего напротив Уоллеса. Тот незаметно кивнул, переведя взор на содержимое собственного бокала. Жидкость, до краёв наполнявшая сосуд из желтоватого стекла, имела рубиново-красный оттенок.

«Воду он пьёт, что ли?», — подумал Питер, вновь мельком взглянув на своего друга, — «Надо бы осторожней быть с этой лисой. Пусть думает, что мы тоже пьяны».

Веселье за столом становилось всё более буйным и непринуждённым, шутки сыпались как из рога изобилия. Наконец, будто бы случайно вылив себе на камзол добрую часть хмельного напитка, Питер возбуждённо рассмеялся:

— Синьор Рамирес, Вы слышали старый анекдот про короля Генриха?

— Вы имеете в виду историю с прелестницей Габриэлью д'Эстре? — раскрасневшийся губернатор осушил бокал, и опять налил в него бесцветную жидкость

— Нет, это история о молодой мельничихе из Брабасты и её обманутом муже, — лицо Питера исказила пьяная ухмылка, и он поднял бокал, будто бы намереваясь осушить его до дна. Но непослушная рука снова дрогнула, и очередная порция зелья пролилась на камзол.

— Простите меня, дон Рамирес, — смущённо пробормотал он заплетающимся от хмеля языком, — знаю, что питух из меня никудышный. Может быть, нальёте мне немного из Вашего бокала? Вы пьёте текилу?

— Нет, синьор Альварес, — язык губернатора слушался столь же плохо, сколько и языки его дорогих гостей, — это специальная настойка, которую готовит мне моя обожаемая супруга.

Ужасная гадость, но для печени полезна, а здоровье у меня уже не то... Вы же, господа, пейте ром, пока молоды, и наслаждайтесь всеми прелестями нашей короткой жизни...

Питер кивнул, взял бутылку и попытался налить в бокал, но рука его, как нарочно, не слушалась, а жидкость снова вылилась на скатерть.

— Ещё раз прошу прощения за мою неловкость, синьор Рамирес. Говорят, морская удача благоволит лишь тем, кто хорошо умеет пить. Я же пить не умею, вот и плаваю на

своём старом корыте...

— Не печальтесь, синьор Альварес, — улыбнулся губернатор, — расскажите лучше Ваш анекдот — никогда не слышал историю про мельничиху.

— Как же так, господин губернатор? — пробормотал Питер, вновь пролив на скатерть изрядную порцию рома, — это премилая история. Однажды, когда Генрих был ещё только королём Наварры...

Капитан поднёс бокал к губам и вдруг замолчал, будто пытаясь вспомнить что-то важное. Так и не пригубив вино, он поставил сосуд на стол. Маленькие чёрные глазки Рамиреса внимательно следили за каждым движением своих гостей, и Сильвер окончательно убедился в том, что испанец ничуть не пьян.

— В каком же году это было? — дрогнувшим голосом произнёс Питер, старательно изображая подвыпившего сеньора, — никак не припомню. Не так уж важно, в конце концов... В общем, он со своими гугенотами спасался от ревнителй истинной веры и остановился на ночлег у какого-то мельника.

— Так что же там случилось, дон Альварес? — ехидно улыбнулся губернатор, не сводя глаз со своих гостей

Питер, будто не заметив его взгляда, глупо рассмеялся:

— Бедный малый! Вернуться из города раньше времени и застать супругу на сеновале, наедине с королём! Такому счастью не позавидуешь!

— Что же было дальше?

— Говорят, что он схватил ружьё и попытался выстрелить в короля, но прекрасная Мадлен, — Питер вдруг замолчал, снова пытаясь что-то вспомнить, — кажется, её звали именно так, — так вот — прекрасная Мадлен бросилась между ними и заявила, что уйдёт от мужа, если он хотя бы пальцем тронет её возлюбленного.

— Да, человеческое вероломство не имеет границ, — многозначительно произнёс губернатор и снова внимательно взглянул на Сильвера. Тот смотрел на него, стараясь придать своему взгляду как можно более бессмысленное выражение, а затем, качнувшись, произнёс:

— Никаких границ, синьор губернатор — в особенности королевское вероломство...

Рамирес же, который, по-видимому, уже давно понял, с кем имеет дело, ловко вёл игру, отпуская весьма двусмысленные шутки обо всех известных ему царственных особах.

Тогда Питер решил сменить тактику. Без сомнения, губернатор в чём-то подозревает их, но в чём? Сильвер, стараясь не выходить из амплуа благородного, но изрядно подвыпившего сеньора, спросил:

— А как английские пираты — не сильно беспокоят Вас, дон Рамирес?

— Да нет, — губернатор, казалось, несколько протрезвел, — стараюсь быть бдительным.

— Неужели за всё время ни одного нападения, ведь ваш остров практически не защищён? — удивился Сильвер

— Ни одного, дон Альварес, ни единого случая. И всё потому, что я прекрасно знаю все их уловки.

— Но как Вам это удаётся?

— Знаете, дон Альварес, — дон Педро выглядел уже вполне трезвым, — все они уверены, что если они поднимут испанский флаг и запасутся украденным документом, то смогут обвести меня вокруг пальца. Но уж я-то хорошо знаю эти старые как мир трюки!

Положение было хуже некуда. Обменявшись взглядами с Уоллесом, Сильвер продолжил игру, в лучшем случае сулившую им тюрьму, а в худшем — виселицу на рыночной площади.

— Неужели? Но как Вы отличаете их от соотечественников? Если они решаются на подобные трюки, то наверняка владеют испанским? Или же притворяются глухонемыми?

— Нет, конечно, милый мой Альварес, — снисходительно взглянул на собеседников губернатор, — Я просто стараюсь напоить их хорошим вином. Обычно они напиваются как свиньи, а для особо проницательных всегда есть запасной вариант.

Сильвер взглянул вверх. Люстра висела невысоко — даже он при своём далеко не гулливеровском росте мог, подпрыгнув, ухватиться за неё. Но куда дальше? В окно? Наверняка рядом не менее четырёх головорезов. В дверь? То же самое. Рамирес знал о них, едва они ступили на берег. Принять бой? Пожалуй, но силы уж слишком неравны. Их всего двое, а испанцев наверняка человек двадцать. Но нет, главное пока — казаться невозмутимым. Вот и Уоллес тоже держится. Молодец. Изобразив на лице неподдельное любопытство, Питер вновь обратился к Рамиресу:

— Так какой же запасной вариант Вы им готовите? Может быть, я тоже смогу им воспользоваться?

— Верные слуги в губернаторском доме! — губернатор рассмеялся и громко хлопнул в ладоши. Из боковых дверей появились два офицера. Сильверу почудилось, что он видел их лица в том бою, когда ему в руки попала бумага Диего Альвареса.

— Ну что, господа пираты! — Рамирес не скрывал радости, — попались? Думаете, испанцы все простаки? Ну уж нет. Извольте отдать моим людям ваше оружие. Ловушка захлопнулась!

Да, на этот раз ловушка действительно захлопнулась. Губернаторский дом был окружён со всех сторон офицерами портового гарнизона. В зале, помимо самого дона Педро и офицеров с недавно захваченного Питером флагманского галеона, находилось ещё четверо испанцев с обнажёнными саблями, а за дверями их наверняка ждал ещё десяток таких же молодцов.

Уоллес растеряно взглянул на Сильвера, но тот вдруг рассмеялся.

— Да уж, дон Рамирес, Вы действительно искусно нас заманили. Но позвольте мне...

— Ни шагу, Питер Сильвер, — перебил его губернатор, — Ваше оружие, и немедленно. В руках офицеров сверкнули пистолеты.

— Что поделать? — хладнокровно пожал плечами Сильвер, — но я принадлежу к королевской фамилии и могу сдать только лично представителю короля Испании, то есть Вам. Надеюсь, Вы окажете мне эту маленькую любезность?

— Ах вот оно что! — ухмыльнулся Рамирес, — вот только потом Его Высочеству придётся провести ночь в тюремной камере. Надеюсь, это не оскорбит королевское достоинство?

— Ничуть, — ответил Питер, намеренно долго отстёгивая саблю вместе с перевязью, — многие отпрыски знатных фамилий провели в Тауэре не один год.

Уоллес окинул взглядом комнату. Выхода не было. Офицер подходил всё ближе, а Питт вовсе не был настроен сдаваться. Уж лучше умереть с оружием в руках. Но почему же тогда Сильвер так хладнокровен? Что-то здесь не так... Снял перевязь вместе с саблей, даже на колено опустился. Да что это с ним такое? А на губах улыбка, будто всё это — лишь маскарад.

— Прощу Вас, — в голосе Сильвера слышался оттенок светской церемонности. Взяв е

правую руку перевяжь, он протянул её Рамиресу, а левой едва заметно скользнул по поле камзола.

Вот оно что! Питт быстрым движением схватился за рукоять сабли, словно пытаясь выхватить её из ножен. Раздался звук взведённого курка.

— Даже не пытайтесь! — усмехнулся Рамирес, взглянув на отчаянного квартирмейстера, — лучше последуйте примеру...

Вдруг он осёкся, и Уоллес заметил, что все офицеры как-то странно застыли на месте, а взоры их устремлены в сторону губернатора. Стараясь не упустить из вида направленный на него пистолет, Питт осторожно повернул голову. Сильвер уже поднялся с колен, и теперь стоял рядом с Рамиресом, держа его под руку и уткнув ствол прямо в откормленный бок дона Педро.

— Разве можно быть таким рассеянным! — улыбнулся Сильвер, — а ведь я не первый пират, воспользовавшийся этим старым, как мир, трюком. И запомните — если что-нибудь случится с моим квартирмейстером... Питт, поди сюда! Надо помочь дону Рамиресу, а то он на ногах не держится.

Через несколько мгновений губернатор в сопровождении поддерживающих его с двух сторон друзей направились в сторону гавани. Начальник гарнизона, повинуясь указаниям губернатора, помог его слегка подвыпившим друзьям подняться по трапу. На борту Рамиреса встретил Вольверстон, с почтением проводивший гостя в капитанскую каюту. Через несколько часов туда же был доставлен подарок для дорогого друга Диего Альвареса — десять кованых сундуков, доверху наполненных золотом и серебром. Придирчиво осмотрев содержимое, Уоллес заметил:

— Насколько я понимаю, стоимость всего этого оценивается в пять или шесть тысяч фунтов стерлингов?

— Примерно так, — ответил один из матросов, доставивших груз

— Насколько я понял капитана, разговор шёл о сумме семь тысяч фунтов стерлингов?

— Да, но это примерно то же самое, если учитывать соотношение фунта стерлингов к испанскому дублону.

— Господа, что Вы обо мне подумаете, если губернатор вернётся на остров тяжело раненым? — вмешался в разговор Питер

— Что Вы нарушили данное слово, — не задумываясь, ответил матрос, — а я слышал, что Вашему слову можно верить.

— Так почему же Вы сами пытаетесь меня обмануть? — возразил капитан, — разговор шёл о сумме семь тысяч, поэтому я настаиваю на точном соблюдении условий договора.

Остальная часть выкупа была доставлена в течение получаса. «Сан-Антонио» поднял паруса и беспрепятственно вышел из гавани, после чего губернатор, едва судно отдалилось на безопасное расстояние, отправился назад в шлюпке, сопровождаемый теми же самыми матросами, что вносили на палубу недостающие сундуки.

Примечания

"Ещё недавно занятый франко-голландскими колонистами, остров уже пять лет находился в собственности Испании"

В действительности, объединённые усилия французских и голландских колонистов успешно противодействовали попыткам его захвата, и в 1648 году остров был официально поделён между Францией и Нидерландами.

Описанный в главе порядок следования судов в эскадре Сильвера соответствует

общепринятому в те времена построению в «три эскадры» — белую, синюю и красную (цвет — в соответствии с обозначениями на планах сражений).

Должность капитана на пиратских кораблях была выборной. В случае недовольства применялась процедура его низложения (голосованием команды). Низложенный капитан должен был покинуть корабль или занять менее высокий пост — по решению команды.

Про кодекс Сильвера будет в следующих главах. В каждой команде применялись свои правила, но, по обыкновению, пираты не имели права пить на судне, играть в азартные игры и находиться на палубе в ночное время (вне вахты). Для кодекса Сильвера взяты за основу правила, имевшие место на эскадре Бартоломью Робертса (Чёрный Барт, он же — благочестивый пират). О самом Чёрном Барте и о другом пиратском капитане Тиче будут упоминания в дальнейшем как о современниках Сильвера. Но, на самом деле, оба они «промышляли» уже в годы правления короля Георга (где-то около 1718–1720 — автор обязательно проверит даты).

Глава 19. Рокировка в длинную сторону

Капитан Себастьян Родригес стоял у фальшборта, задумчиво глядя на расстилающиеся перед ним морские просторы. Вот уже в течение двух недель его фрегат «Сен-Томас» скитался районе Малых Антильских островов в поисках добычи. Запасы продовольствия подошли к концу, и среди членов команды зрело недовольство. Наиболее отчаянные матросы и офицеры предлагали поделить груз изумрудов, который «Сен-Томас» должен был доставить в Пуэрто-Бельо, и Родригесу едва удалось удержать их от этого. Тяжёлые думы одолевали капитана. Он мысленно проклинал тот день, когда его вспыльчивость послужила причиной ссоры с Педро, братом восходящей звезды испанского флота, молодого адмирала Диего Альвареса. Вскоре после этого Родригес получил назначение на самый ветхий из всех имеющихся на флоте фрегатов, а жалование команды было сокращено до столь мизерных размеров, что дон Себастьян принужден был заняться таким сомнительным делом, как каперство. Появление на горизонте двадцатипушечного фрегата немного улучшило настроение дона Родригеса, тем более что неуклюже маневрировавший корабль обещал стать лёгкой добычей. Казалось, удача сама плыла ему в руки, но по мере сближения судов капитан постепенно осознавал, что существуют, по меньшей мере, два обстоятельства, мешающих осуществлению его планов. Во-первых, фрегат шёл под испанским флагом. Нападение на соотечественников не входило в планы дона Себастьяна, состоящего на королевской службе, но воспоминание о том, сколь унижительны для дворянина размеры его капитанского жалования, казалось ему весьма веским доводом, побуждающим вступить на путь пиратства. Возможно, колебания капитана не были бы столь долгими, если бы не второе обстоятельство, заключавшееся в том, что находившиеся в трюме жалкие остатки боеприпасов не позволяли ему вести серьёзное сражение. Вчерашний бой с английским капером, оказавшийся самым неудачным для Родригеса, не принес ему ничего, кроме потери пятнадцати человек и большей части находящегося на «Сен-Томасе» запаса ядер и пороха. Родригес изо всех сил пытался найти выход из сложившейся ситуации. Ища поддержки, капитан взглянул на стоящего рядом квартирмейстера. Дон Санчо Мендоса, импозантный молодой брюнет с маленькой острой бородкой и аккуратно выстриженными усами, принадлежал к древнему, но обедневшему роду и выглядел весьма внушительно, несмотря на то, что его расшитый золотом и жемчугом красный бархатный камзол хранил следы вчерашней переделки. Аристократические манеры юноши навели капитана на дерзкую, но, как ему показалось, спасительную мысль. Посоветовавшись с Мендосой и ещё раз обдумав созревший в его голове план, Родригес направил «Сен-Томас» наперерез незнакомцу. Тот спокойно шёл курсом бакштаг, и, казалось бы, не замечал странных манёвров своего соотечественника. На его баке, прямо у фальшборта стояли два изысканно одетых молодых господина и о чём-то беседовали. Когда суда сблизились, один из них, одетый в светло-серый камзол, выкрикнул в рупор:

— Что Вам надо?

— Куда Вы следуете? — поинтересовался Родригес, переглянувшись с Мендосой

— В Пуэрто-Бельо, — невозмутимо ответил молодой господин

— Наше судно следует в Картахену, но у нас на борту губернатор Пуэрто-Бельо, поэтому мы просим Вас доставить его в этот город, — вежливо, но настойчиво, произнёс капитан, кивнув на стоящего рядом Мендосу. Тот с соответствующей его статусу долей высокомерия

приветствовал собеседников. Однако высокий сан губернатора, по-видимому, несколько не удивил стоящих на палубе молодых людей.

— К сожалению, господа, на нашем фрегате находится адмирал Диего Альварес, и мы должны доставить его в Картахену, — ответил один из них, облаченный в изящный серый камзол. Выдержав короткую паузу и убедившись в том, что упоминание о высоком положении гостя произвело должное впечатление, юноша добавил:

— Господин Альварес очень спешит, а наш корабль не отличается маневренностью, кроме того, мы везём весьма ценный груз, который должны как можно скорее доставить в Пуэрто-Бельо. Мы будем очень благодарны за содействие, если Вы примете к себе на борт господина Альвареса.

Упоминание имени Диего Альвареса оказало магическое воздействие на Родригеса. Рассчитывая получить максимальную выгоду от сложившейся ситуации, он пока ещё не мог понять, что будет лучше — потребовать за Альвареса выкуп или же, воспользовавшись случаем, произвести благоприятное впечатление на влиятельного молодого адмирала, о близости которого к королевскому двору ходили легенды. Однако, в обоих случаях появление Альвареса на «Сен-Томасе» сулило капитану неплохую выгоду. Перекинувшись взглядом с квартирмейстером, он с почтением произнёс:

— Хорошо, господа. Мы примем дона Альвареса.

— Тогда спускайте шлюпку! Наши нуждаются в ремонте, — ответили с корабля, и от корпуса «Сен-Томаса» отделилась шлюпка с четырьмя гребцами. Спустившись в неё, нарядно одетые молодые люди непринуждённо расположились на корме в ожидании встречи с губернатором Пуэрто-Бельо и капитаном «Сен-Томаса». Их встретил вахтенный офицер, за спиной которого выстроились одетые в потрёпанные камзолы матросы.

— Рад приветствовать Вас, дон Альварес, на борту «Сен-Томаса», — произнёс тот, обратившись к одному из них — невысокому голубоглазому брюнету. Тот высокомерно кивнул, как и подобало особе его происхождения и положения, и представил своего спутника — молодого человека в светло-русом парике и сером камзоле.

— Дон Педро Санчес, капитан «Сан-Антонио», — и тут же добавил, увидев, какое впечатление на столпившихся вокруг смуглых южан произвела неестественная бледность его спутника:

— Дон Педро потерял много крови во время недавней стычки с пиратами. Ещё вчера он не вставал с постели, а сегодня, как видите, вновь на боевом посту.

Подобное объяснение вполне удовлетворило вахтенного офицера, и тот любезно произнёс:

— Капитан Родригес и губернатор Пуэрто-Бельо дон Мендоса с нетерпением ждут Вас в своей каюте, господа.

Молодые люди прошли через два ряда стоящих на палубе матросов и направились в богато украшенную капитанскую каюту, отделанную китайским шёлком. За столом, склонившись над картами, сидели два господина. Один из них, стройный и очень смуглый брюнет лет тридцати аккуратно вычерчивал линию, соединяющую точки на карте. Другой, шатен лет сорока пяти, без парика и в распахнутой на груди белой рубахе, сидел рядом с ним. Увидев вошедших, оба настороженно переглянулись.

— Ваше превосходительство, господин Альварес, — произнёс капитан, чеканя каждое слово и мысленно соображая, что же всё-таки сулит ему большую выгоду — дружба с королевским представителем или же его захват в плен, — будьте так любезны, я хотел бы

видеть документ, удостоверяющий Ваши полномочия.

Незнакомец сунул руку за пазуху, достал мятый листок бумаги, на котором застыла жирная кровавая клякса, и молча протянул его капитану. Тот быстро пробежал его глазами. Содержание письма не оставляло никаких сомнений в том, что податель сего, его превосходительство дон Диего Альварес назначается полномочным представителем короля Испании на всех территориях Нового Света.

— Вы ранены, Ваше Превосходительство? — участливо спросил капитан, всё более и более склонявшийся к идее захватить своего нежданного гостя. Рука его осторожно потянулась к пистолету, но посетители, казалось, не заметили этого жеста.

— Да, капитан, — произнёс молодой брюнет, — пользуясь случаем, прошу Вас разрешить нам с доном Педро сесть. Моя рана ещё кровоточит, и это ещё одна причина, по которой я хотел бы скорее прибыть в Картахену.

— Простите, господа, — капитан засуетился, но рука его уверенно заняла место на рукоятке пистолета, — садитесь, — и он кивком головы указал незнакомцу на стул, стоявший рядом с ним.

Тот, небрежно откинув полы камзола, опустился на предложенное ему место.

— Разрешите взглянуть, каким путём Вы собираетесь добраться до Картахены, капитан? — поинтересовался он, положив правую руку на стол и потянувшись к лежавшей на столе карте. Родригес, не отрывая взгляда от собеседника, осторожно вынул пистолет из-за пояса и уже хотел поднести его к виску незнакомца, как тот быстрым движением левой руки перехватил оружие. В тот же миг капитан ощутил в боку металлический холодок и услышал столь знакомый ему звук взведённого курка. Надеясь найти поддержку в лице квартирмейстера, Родригес взглянул налево и увидел, что глаза Мендосы неестественно раскрыты, а Педро Санчес, дружески обняв его за плечи правой рукой, левую держит под полкой своего серого камзола.

— Господин Родригес, всего одно движение, и Вы с Вашим помощником окажетесь на небесах, — спокойно произнёс дон Диего, — вы собирались захватить нас в плен, но теперь наши роли переменились, и я настоятельно прошу Вас и Вашего квартирмейстера проследовать на наш корабль. Сколько ценностей на «Сен-Томасе»?

Капитан был застигнут врасплох. Он даже не сообразил, что незнакомец никак не мог знать, что губернатор Пуэрто-Бельо и его квартирмейстер — одно и то же лицо, поэтому сердито буркнул:

— Говори, Мендоса! Мы с тобой в ловушке.

— Так вот оно что, — усмехнулся незнакомец, — значит, губернатор Пуэрто-Бельо временно исполняет обязанности Вашего квартирмейстера? Попались, господа пираты! Неужели вы хотите поближе познакомиться с правосудием Его Королевского Величества?

Квартирмейстер быстро, скороговоркой, перечислил всё содержимое трюмов «Сен-Томаса» и немедленно вызвал вахтенного офицера, передав ему приказ королевского представителя Альвареса доставить на борт «Сан-Антонио» все имеющиеся на борту ценности. Удовлетворённый незнакомец, крепко сжав Родригеса в объятиях и легонько подталкивая его спрятанным под камзолом пистолетом, направился к двери. Тем же путём проследовали и дон Педро с квартирмейстером. Спустившись в последнюю из отходящих от «Сен-Томаса» доверху нагруженных шлюпок, все четверо устроились в ней с самым невозмутимым видом. Себастьян Родригес и Санчо Мендоса дрожали от страха, с нетерпением ожидая развязки. Их спутники, не разжимавшие объятий, казались внешне

спокойными, но по лбу их струился холодный пот. Наконец, борт шлюпки тяжело ударился о «Сан-Антонио», и вся компания поднялась на палубу, оказавшись в окружении собравшихся вокруг матросов. К удивлению дон Родригеса и его спутника, со всех сторон слышалась английская речь.

— Что это значит, дон Альварес? — с недоумением спросил он, — разве это не испанский корабль?

Незнакомец весело улыбнулся.

— Разрешите представиться, господин Родригес, — произнёс он, — меня зовут капитан Питер Сильвер, а это мой квартирмейстер Питт Уоллес. Благодарю Вас за столь любезно предоставленную возможность посетить Ваш корабль, — и юноша церемонно поклонился испанскому капитану, который в ответ смог произнести лишь крепкое матросское словечко. Окружившие их флибустьеры громко расхохотались.

— Дон Родригес, — Сильвер прервал воцарившееся на «Сан-Антонио» веселье, — Вы с Вашим квартирмейстером вернётесь на свой корабль, едва мы отойдём от «Сен-Томаса» на безопасное расстояние. Кстати, могу сообщить Вам, что эскадра Диего Альвареса разгромлена в схватке с моими кораблями, а сам он убит.

Капитан «Сен-Томаса» молчал, удивлённо глядя на собеседника. Тот, непринуждённо облокотившись о фальшборт, махнул рукой вахтенному офицеру, и «Сан-Антонио» начал медленно разворачиваться, чтобы разойтись с испанским кораблём, команда которого и не подозревала о переделке, в которую попал их капитан.

— Вы играете в шахматы, дон Родригес? — вдруг спросил он, словно вспомнив о чём-то

— Да, конечно, — ответил тот, — но, надеюсь, Вы понимаете, что сейчас не время играть партию?

— Разумеется, — задумчиво промолвил Сильвер, спокойно глядя на испанца, — но если судьбе будет угодно, чтобы мы с Вами совершили более длительное совместное путешествие, я непременно познакомлю Вас со своим шкипером Натаниэлом Хэндсом. Он большой знаток шахмат и с радостью объяснит Вам все преимущества, которые может дать удачно проведённая рокировка.

Тем временем попутный ветер уносил фрегат всё дальше и дальше, и Родригес с Мендосой уже готовились спуститься в шлюпку. Любезно поклонившись им, Питер вновь улыбнулся:

— Весьма рад был встрече, капитан.

Тот молча кивнул, и скоро шлюпка с испанцами превратилась в маленькую точку, продолжая следовать в направлении «Сен-Томаса», на борту которого уже не осталось ничего, что можно было бы захватить в качестве приза, а сорок головорезов с Тортуги, взятые Питером на борт «Сан-Антонио» от души радовались находчивости своего капитана.

В то время как «Сан-Антонио» выходил из гавани острова «Сен-Мартен», Уоррен Крисперс нервно прохаживался по юту, глядя на приближающуюся к «Арабелле» шлюпку. Вот уже второй день начинался с визита на флагман французского капитана, упорно пытающегося убедить союзников, что их адмирал покоится на морском дне.

Крисперс всегда считал себя закоренелым скептиком, способным опровергнуть даже прописную истину и разнести в прах любую «блестящую» идею начальства. Обладая острым критическим умом, он с лёгкостью замечал чужие ошибки и просчёты. За это многие его недолюбливали, но, тем не менее, уважали, неизменно прислушиваясь к высказанному им мнению.

За время своего шкиперства на «Арабелле» Уоррен уже не раз остро критиковал действия адмирала, подчас вступая с ним в открытый конфликт. Но неожиданное решение Сильвера повернуло всё вверх дном. Осуждать было некого, да и сомневаться он более не имел права. С той минуты, как за горизонтом скрылся силуэт «Сан-Антонио», решения должен был принимать именно он, Уоррен Крисперс. Он же должен был отвечать и за судьбу англо-французского альянса, который трещал по всем швам и уже не раз готов был развалиться из-за постоянного недовольства французского компаньона.

«Да...», — задумчиво пробурчал шкипер, — «не думал, что так несладко быть в шкуре Питера. Чего только надо этому французу? Дуэль ту, что ли, никак забыть не может?»

В словах Крисперса была доля правды — Перэ всё ещё терзало чувство обиды. Потерпеть поражение от какого-то безусого мальчишки! Да ещё какое! Наверняка до сих пор об этом на всём побережье судачат... Но не только это побуждало капитана к решительным действиям. Во время последней схватки с испанцами Перэ ловко сумел воспользоваться возникшей на палубе «Парисьен» суматохой и незаметно перетащить в капитанскую каюту три доверху наполненных изумрудами кованых сундука. Об этом знал лишь один человек — его приятель Пети. Именно он и помогал ему нести сокровища, которые тут же были спрятаны в личном тайнике капитана. Утаив добычу от бдительного ока Питта Уоллеса, Перэ надеялся, что случай поможет ему тайно перенести её на берег, и не ошибся. Внезапное отбытие адмирала предоставляло ему именно такой случай, упустить который казалось ему величайшей глупостью. Поэтому французский капитан был настроен весьма и весьма решительно, а Крисперс, ещё не видя лица поднимающегося по трапу Перэ, уже услышал его громовой голос:

— Долго ещё будем ждать, Уоррен? Поднимай паруса! Мальчишка всё равно не вернётся!

— Почему ты так думаешь, Анри? — Крисперс сбежал с лестницы и в считанные минуты был возле трапа, встречая непрошенного гостя.

— Да потому, приятель, что твоему сопляку испанцы уже галстук на шее затянули! — и на английского шкипера обрушился целый поток смачных французских ругательств.

Крисперс молчал, тщательно взвешивая в уме каждое слово. Что он мог сказать, когда сам едва ли верил в возвращение Питера? Но обещание было дано, и надо было сдержать своё слово. Назначенный срок истёк лишь сегодня, так что чудо всё ещё могло произойти... Правда, в чудеса Крисперс не верил, как и все законченные скептики.

— Надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Зачем дразнить испанцев? Мы обросли ракушками так, что скоро с места не сдвинемся! Как ты будешь вести бой, Крис, подумай!

Шкипер снова взглянул на красное лицо бурно жестикулирующего француза. Конечно же, он прав, и прав во всём. Будь он, Уоррен Крисперс, просто шкипером «Арабеллы» — наверняка бы стал на его сторону. Но сейчас, когда от него зависит судьба эскадры... Нет, только не сейчас... Крисперс глубоко вздохнул, и солёный морской воздух придал ему силы.

— Мы заключили договор, Анри, — медленно произнёс он, умело придавая голосу оттенок авторитетности, — и не имеем право его нарушить. Кроме того, Питер мой друг, и я не собираюсь его предавать. Срок истёк лишь сегодня, и я думаю, надо подождать ещё дня два-три.

— Но Крис, он же не вернётся! — возмущённо выкрикнул ещё более раскрасневшийся Перэ, — ты же сам всё прекрасно понимаешь.

— Чего ты боишься, Анри? — спокойно поинтересовался шкипер, — у нас шесть кораблей, и мы хорошо вооружены. Появятся испанцы — дадим им бой.

Вокруг спорящих уже собрались свободные от вахты матросы и офицеры. Их присутствие ещё более распалило Перэ, и он, с изрядной долей позёрства, продолжал:

— Разве не ты хотел поднять мятеж против Сильвера? Все на эскадре знают, почему ваш мальчишка пошёл на «Сан-Антонио», да ещё в компании отпетых головорезов! Так почему же ты, Крис, не пошёл с ним, если ты ему так веришь?

Удар был не в бровь, а в глаз. Шкипер выдержал небольшую паузу, но затем спокойно парировал:

— Да, я думал, что он поведёт нас к испанцам в пасть. Не хотелось умирать из-за девчонки. Но теперь-то мы ничем не рискуем! А Питер рискует жизнью, и мы должны хотя бы как-то его поддержать...

— Это лишь доказывает, что ваш Сильвер — донкихот и круглый дурак, — громко рассмеялся Перэ, упершись в бока своими огромными ручищами.

— Давай посмотрим правде в глаза, Уоррен, — с горечью заметил помощник шкипера Кристофер Шейн, — с ним, помимо Питта, Вольверстона и Хэндса пошли одни новички с Тортуги. Это отпетые головорезы, которые мать родную пристрелят ради пригоршни золотых, не говоря уж о корабле. Так что Питер со своими дружками наверняка до Сен-Мартена не добрались. Выбросили их за борт эти ребята, и все дела!

— Может быть, ты и прав, Крис, — вздохнул Крисперс, взглянув на невысокие пенящиеся волны, — но всё равно я считаю, что мы должны ждать. Три дня ничего не изменят, а нам быть честными с Питером. Разве ты не помнишь — это ведь он выручил нас из беды. А что сделали мы? Мы просто предали его из-за собственной трусости, а ведь наша эскадра спокойно могла бы выдержать любое сражение.

Матросы на палубе хранили молчание. Суровая морская жизнь ещё не успела ожесточить их сердца, поэтому почти все остро переживали происходящее.

— Может быть, ты чем-нибудь и обязан своему Сильверу, а я и мои люди — нет, — ухмыльнулся Перэ, представив себе блеск изумрудов, спрятанных под его огромной кроватью, — ждём до вечера, и если «Сан-Антонио» не появится на горизонте, немедленно возвращаемся на Тортугу.

— Поступай как знаешь, Перэ, но запомни хорошенько, — невозмутимо парировал Крисперс, постепенно входящий в свою новую для себя роль адмирала, — тырываешь договор до окончательного подсчёта захваченного имущества. Понимаешь, что это значит?

Шкипер вежливо кивнул собеседнику, развернулся и направился в сторону бака, искоса поглядывая на внезапно побледневшего француза. Но не успел Крисперс сделать несколько шагов, как услышал за спиной примирительный голос Перэ:

— Ладно, Крис. Согласен — ждём до завтрашнего утра. Но если Питер не появится, вернёмся к нашему разговору.

Ночь прошла в тяжких раздумьях. Шкипер не спал всю ночь, стоя у фальшборта и напряжённо всматриваясь вдаль в надежде рассмотреть во мраке очертания «Сан-Антонио». Но ночь прошла, забрезжил рассвет, а фрегат так и не появился. С восходом солнца Перэ вновь поднялся на борт «Арабеллы», и многие офицеры, отчаявшиеся дождаться своего адмирала, поддержали французского капитана.

Крисперсу пришлось выдержать бурное объяснение с командой. Проявляя чудеса ораторского искусства, он с трудом сумел убедить союзников подождать ещё один день.

Если бы не весьма скромное происхождение, шкипер «Арабеллы» вполне мог бы стать выдающимся человеком своего времени — политиком, адвокатом или служителем церкви. Но Крисперс был всего лишь сыном рыбака из Дувра и с детства бредил морем...

Да и не желал он иной судьбы, когда впервые нанялся юнгой на королевский флот, втайне мечтая о должности шкипера, казавшейся ему тогда столь недостижимой...

Прошёл ещё день, и ещё одну бессонную ночь провёл Крисперс на палубе, высматривая вдали нескладный силуэт «Сан-Антонио». Шкипер уже окончательно разуверился в том, что когда-нибудь вновь увидит старых друзей, и яростно боролся с ловкачом-искусителем, нашёптывавшем ему на ухо сладкие слова об его, Крисперса, адмиральском будущем.

«Конечно же, я хотел бы, но не такой ценой...», — бормотал он себе под нос, вцепившись в поручни и глядя, как пламенеющий диск восходящего солнца расплёскивает по морю алые брызги, — «нет, я дождусь Питера, чего бы мне это не стоило...»

Сумерки постепенно отступали, и яркие лучи разгоняли мрак, сгустившийся в душе шкипера. Он взглянул на небо и перекрестился. «Господи, помоги им вернуться. Я не хочу, чтобы они погибли!», — подумал он, глядя, как от «Парисьен» медленно отплывает шлюпка с упрямым французским капитаном.

Рассвет принёс с собой добрую весть — едва Перэ ступил на палубу «Арабеллы», как на горизонте появились едва различимые очертания фрегата. Шкипер по-прежнему был спокоен и твёрд, и вновь горячо убеждал союзника дожидаться прибытия адмирала.

— Видишь, — многозначительно взглянул он на француза, указав на приближающееся судно, — он жив и он возвращается!

— Рано радуешься, — пробурчал тот, — может быть, это вовсе не «Сан-Антонио»

Крисперс тихо вздохнул. В душе он по-прежнему не верил в возвращение Сильвера, и был убеждён, что приближающийся фрегат — всего лишь какой-нибудь очередной испанец, отбившийся от основной эскадры. Но ночь, проведённая в мучительных сомнениях, не прошла даром. Он уже по-новому смотрел на те обстоятельства, в которых оказался по воле случая. Теперь ему надо было лишь выдержать положенный срок, хотя бы для того, чтобы остаться честным не только со своими друзьями, но и с самим собой.

Задумчиво устремив взгляд на медленно приближающийся корабль, ходовые качества которого явно оставляли желать лучшего, Крисперс тихо пробормотал:

— Посмотрим, кто из нас окажется прав, Анри, — и вновь замолчал, погружившись в невесёлые размышления.

— Это «Сан-Антонио»! — раздался сверху возглас марсового. Радостные крики огласили палубу «Арабеллы». Фрегат, следуя курсом бакштаг, быстро приближался, и вскоре с палубы флагмана уже можно было различить стоящую на полубаке мощную фигуру Вольверстона.

— Ну вот, Анри, — урезонил француза Крисперс, — кто из нас двоих оказался прав?

Так закончилось ещё одно приключение Питера Сильвера и Питта Уоллеса, которое едва не стоило им жизни. После этого случая друзья получили ещё одно прозвище — их стали называть испанскими грандами.

Глава 19. Светские беседы

Несмотря на раннее время, в таверне «У французского короля» было многолюдно и шумно. Многочисленные посетители кутили, играли в карты и в кости, проматывая нажитое добро.

— Эй, хозяин, дай-ка нам ещё рома! — прохрипел изрядно перебравший Джек Нортон,

капитан шлюпа «Ласточка», три дня назад возвратившегося из очередного рейда.

— Зачем тебе ещё, Джек? И так хорош, — со смехом парировал владелец таверны дядюшка Жорж. Этот добродушный румяный толстяк слыл известным балагуром и любителем рассказывать невероятные байки, якобы услышанные им от местных пиратов.

— А я говорю давай, папаша Жорж, — Нортон стукнул по столу пустой бутылкой и потянулся за пистолетом

Дядюшка Жорж, смекнув, что отказ сулит его заведению весьма неприятные последствия, сделал знак мальчишке-помощнику, и тот тут же исчез за перегородкой.

Дверь скрипнула, и в таверну вошли четверо здоровенных детин во главе с долговязым худым брюнетом.

— Привет, Робер, и ты здесь? — рассмеялся Нортон, — а где же твой капитан? Месье де Вернон, как обычно, занят делами?

Долговязый откинул полы светло-зелёного камзола, уселся за столик и недовольно фыркнул:

— У моего капитана дела, а у тебя, как я вижу, снова шкуры да какао? Привёл бы лучше в порядок свою «Ласточку», а то я слышал, что принц шесть кораблей да полные трюмы золота привёз.

— Отстань, Жиль, — Нортон нахмурился и сжал кулаки, — чуть что — всё принц да принц... Надоело... Повсюду только о нём и разговоры...

— Завидуешь, Джек? — подал голос один из спутников Жилия Робера, хмурый субъект с чёрной повязкой на глазу, — а то смотри, вот он идёт — прямиком к губернатору. У них свои счёты — гляди, какая колымага за ним едет...

Нортон нехотя взглянул в маленькое грязное окошко. По пыльной дороге, покачиваясь, ехала телега с сундуками, а по обе её стороны медленно шествовали два здоровенных молодца. Капитан «Ласточки» взял со стола поданную ему бутылку, опрокинул её, отхлебнув несколько глотков хмельного напитка, и тупо уставился на тяжёлую мангровую дверь. Пауза оказалась недолгой — дверь вскоре распахнулась, и на пороге появился крепкий субъект лет тридцати в коричневом камзоле. Нельзя было назвать его красавцем, но весь его облик дышал какой-то особенной, спокойной уверенностью. Гордо посаженная голова, откинутые назад русые волосы, длинная шпага, болтающаяся на простой кожаной перевязи выдавали в нём человека отчаянной профессии.

Сидящие за столиками пираты почтительно приветствовали вошедшего, но он ответил им лишь лёгким кивком головы и тут же взглянул на сидящего за столиком Нортон.

— Привет, капитан! — процедил сквозь зубы незнакомец, — опять горе спиртным заливаешь?

— Как видишь, Гарри, — буркнул Джек, уставившись в стол

— Хочу попросить тебя об одной любезности.

— Снова в драку ввязался, Уайт? Не надоело?

— Повздорил тут с одним франтом, из новичков. Будешь моим секундантом?

— О чём ты говоришь, Гарри? Ты же видишь, не могу я сейчас. Бери Олдрайта и Уилсона. Когда дуэль?

— После полудня, на пристани. Приходи — посмотришь, как я уложу этого дерзкого мальчугана.

За сим незнакомец кивнул окончательно осовевшему капитану, пытающемуся пробормотать себе под нос нечто не вполне внятное, и вышел вон, громко хлопнув дверью.

Закончив делёж добычи, Питер первым делом направился в дом губернатора. Надо сказать, что возвращение молодого капитана оказалось поистине триумфальным. Всего несколько дней прошло с того момента, как эскадра бросила якорь в Кайонской бухте, а его имя уже было у всех на устах. Слухи о победах, многократно преувеличенные их непосредственными участниками, мгновенно разнеслись по острову. Поэтому, не успев удачливый капитан миновать таверну, где попивал ром расстроенный собственными неудачами Нортон, как вездесущие мальчишки уже донесли весть о его прибытии до ушей самого месье де Монтенона. Губернатор встретил старого приятеля с распростёртыми объятиями, тем более что Сильвер, как обычно, не ограничился устными заверениями в вечной дружбе, а прихватил с собой десятую часть захваченных командой ценностей.

— Рад снова видеть Вас, месье де Монтенон, — с улыбкой приветствовал капитан обрадованного француза, встретившего его у самых ворот

— Здравствуйте, дорогой мой капитан, — де Монтенон шаг за шагом увлекал Питера вглубь сада, бросая нетерпеливые взгляды на крепких молодцов, с трудом вытаскивающих из кареты тяжёлый неповоротливый сундук.

— Испанские дублоны, — Сильвер кивнул в сторону медленно приближавшегося эскорта, — и ещё немного драгоценностей. Надеюсь, Вашим дочерям они понравятся.

— Зачем же так, месье Сильвер? Мы с Вами старые друзья, — де Монтенон смущённо улыбнулся, но глаза его предательски косили на сундук

Питер поклонился губернатору с налётом насмешливо-почтительной церемонности и хитро подмигнул:

— Наша дружба бесценна для нас обоих, месье де Монтенон. Мой скромный подарок — лишь слабая попытка отблагодарить Вас за Ваше неизменное покровительство и добрые советы. Улов отличный, и я с радостью поведаю Вам все подробности, если Вы того пожелаете. Кстати, как здоровье Ваших прекрасных дочерей?

— Пройдёмте в беседку, — де Монтенон подал руку юноше, — я хотел бы поговорить с Вами без посторонних ушей. Бездельники слуги всюду суют свой нос, а мне не хотелось бы огласки.

Питер молча кивнул, и оба медленно направились в центр сада по вымощенной камнями дорожке. Надо заметить, что небольшая беседка в стиле раннего короля Людовика 14 отличалась крайне удачным расположением. Находящийся в ней счастливчик имел возможность созерцать даже самые отдалённые участки губернаторского сада, но ни один любопытный, будь то слуга или член семьи, не мог подойти к ней, не будучи замеченным. Этой особенностью лёгкого и весьма романтично украшенного строения не раз пользовалась Мари Жермен во время тайных встреч с капитаном Перэ. Когда лёгкая дверь застеклённого павильона закрылась, губернатор хитро прищурился и осторожно поднёс палец к губам:

— Прошу меня извинить, капитан, но я настоятельно прошу Вас сохранить в тайне наш маленький заговор. Ах, если бы Вы знали, какую неоценимую услугу Вы мне оказали...

Питер с недоумением взглянул на собеседника и пожал плечами:

— Так что же произошло? Мари Жермен вышла замуж?

— Пока нет, но, может быть, в скором времени это и произойдёт. Недавно к нам прибыли два важных вельможи из Версаля — граф Анри де Жуайен и шевалье Франсуа де Нуатре. Судно графа стоит на ремонте, и они с шевалье вот уже три недели развлекают девочек милой светской болтовнёй. Оба весьма образованы, богаты, и самое главное — симпатизируют моим дочерям.

Питер внимательно слушал, всем своим видом выражая удовлетворение счастливым исходом дела, когда-то сулившего губернатору большие неприятности.

— Как не радоваться отцовскому сердцу! — закончил де Монтенон, похлопав Питера по плечу, — Отобедайте с нами, месье Сильвер, присоединитесь к приятной компании. Вы человек светский, а граф хорошо известен при дворе. Так что узнаете все последние новости, и прямо из первых рук.

Сильвер на мгновение задумался. Немедленное согласие отобедать могло быть истолковано не в его пользу.

— Месье де Монтенон, — осторожно обратился он к широко улыбающемуся губернатору, — мои корабли серьёзно пострадали и нуждаются в срочном ремонте. Поэтому я должен дать распоряжения команде.

— Ничего, милый мой Питер, — губернатор снова похлопал Сильвера по плечу, — можно мне иногда Вас так называть — чисто по-дружески?

— Конечно, мы же старые друзья, — немного смутившийся капитан кивнул

— Так поручите ремонт своему квартирмейстеру, мой дорогой, а сами разделите с нами трапезу, — настаивал губернатор, поправляя спускающиеся на лицо завитые локоны надушенного парика, — а то эти парижские франты ставят меня в крайне неудобное положение.

— Неужели?

— Большинство моих приятелей-капитанов всего лишь простые парни, а их матросские байки слишком грубы для утончённых светских львов. Есть, конечно же, де Фонтейн и де Вернон, но один в море, а другой только и ждёт попутного ветра, чтобы покинуть гавань. Как ни крути, мне ничего не остаётся, кроме как уговорить милого друга Сильвера. Надеюсь, Вы не откажете развлечь гостей и поведаете им о своих последних приключениях. Пусть эти аристократы поймут, что и на этом острове можно найти приличную компанию.

Закончив фразу, де Монтенон метнул быстрый взгляд в сторону своего дома. Матросы уже покидали его, оставив сундуки со всем их содержимым на просторной веранде.

— Ладно, — рассмеялся Питер, — согласен. Надеюсь, моё присутствие не помешает доблестным кавалерам завоёвывать сердца Ваших дочерей.

— Нет, нисколько. Думаю, их сердца уже похищены графом и шевалье. Надеюсь, и Вы не пожалеете о том, что согласились. Обсудите светские сплетни, новинки французской литературы. Идём?

Выйдя из беседки, они прошли по саду и вскоре оказались в гостиной, отделанной в стиле раннего Людовика 14. За большим столом щебетали две юные леди — лёгкая и воздушная Мари Жермен, и её сестра Сюзан Элизабет, жгучая брюнетка с чёрными миндалевидными глазами, скорее похожая на испанку, чем на француженку. Напротив них сидели молодые месье — обладатель роскошных усов и эспаньолки, граф де и Жуайен и совсем юный голубоглазый шевалье де Нуатре. Беседа была в самом разгаре. Обсуждали сочинения Жана Батиста Руссо.

— Месье де Нуатре, — церемонно произнесла Сюзан, вертя в руках вилку, на которую был насажен маленький кусочек папайи, — как Вам последние его стихи? Не кажется ли Вам, что они несколько скучноваты?

— Нет, мадемуазель, — шевалье взглянул на девушку влюблёнными глазами, — его сочинения очень свежи и оригинальны. Ими зачитываются многие придворные, в том числе и особы, весьма приближённые к Его Величеству.

— Неужели? — встрепелась Мари Жермен. Я слышала, что он влюблён в графиню де Суасси.

— Это только слухи, — вмешался граф, — на самом деле его сердце давно занято прекрасной Жюльен де ла Мот, сестрицей своего непримиримого оппонента, и лишь соперничество с её братом Антуаном удерживает несчастного от проявления чувств.

— Однако он пользуется большой популярностью среди дам. Говорят, маркиза де Ламбер посвятила ему один из своих стихов, — будто бы вскользь заметил шевалье де Нуатре.

— Но она же ему в матери годится? — удивлённо надула губки Сюзан Элизабет

— Пути любви неисповедимы, мадемуазель Сюзан, и иногда под стареющей оболочкой скрывается горячее и страстное сердце, — де Нуатре с нежностью взглянул на собеседницу, но та надула губки с видом знатока:

— Всякий глупец найдет еще большего глупца, который станет им восторгаться. Вот Вам ответ Никола Буало. Да и вообще, все эти рассуждения о том, кто прав — древние или наши современники, непреодолимо скучны. Куда лучше просто наслаждаться жизнью, а не философствовать.

Питер, стараясь не прерывать беседы, скромно занял место в самом дальнем углу стола, но хозяин дома неожиданно помпезно представил его гостям:

— Господа, позвольте мне познакомить Вас с капитаном Питером Сильвером, грозой испанских судов в Новом Свете. Несмотря на юный возраст, на счету капитана уже несколько блистательных побед, которые сделали бы честь знаменитым флибустьерам.

Молодые люди, прервали приятный во всех отношениях разговор и с интересом взглянули на Питера. Тот встал, поклонился присутствующим и снова занял своё место.

Шевалье поклонился в ответ, а граф ответил на приветствие Питера лишь лёгким кивком головы, церемонным жестом взяв со стола несколько кусочков засахаренной папайи:

— Месье Сильвер, мы наслышаны о Ваших приключениях от господина д'Этуала. Расскажите нам о Вашей последней экспедиции, — нехотя процедил он сквозь зубы, измерив взглядом юного пиратского капитана, на щеках которого вдруг вспыхнул едва заметный румянец. С трудом сдерживая подступающее к горлу желание достойно ответить на высокомерие графа, Питер попытался выдержать дружеский тон:

— Вообще-то флибустьер я не более полугода, — весело рассмеялся он, — до этого мы с ребятами были мирными жителями Нью-Провиденс. После захвата Нассау испанцами и гибели наших семей нам ничего не оставалось, кроме как начать зарабатывать на жизнь подобным образом. Но мы расплатились с испанцами их же монетой — теперь Багамы вновь принадлежат Англии.

— Не скромничайте, капитан, — подбодрил Сильвера губернатор, — а то наши гости подумают, что это — не Ваша заслуга. К тому же мне тоже интересно услышать всё из Ваших уст — ведь в тавернах всякое болтают — не различишь, где правда, а где и прихвастнули ребята...

Питер коротко, стараясь не утомлять гостей, поведал им о своих последних операциях, упомянув при этом и имя ямайского губернатора.

— Так Вы видели адмирала Блада? — прощепетала восторженная Мари Жермен

— Да, я беседовал с ним и с мистером Блэкстоуном. Блэкстоун проинспектировал острова и принял всё находящееся на них имущество английских и французских подданных. Испанское же золото, да и всё остальное имущество испанцев было поделено поровну между

моей командой и моими французскими партнёрами, — Питер предпочёл не упоминать при гостях о негласной традиции выделять губернатору десятую долю всей захваченной добычи.

— А адмирал Блад — как он выглядит? — не унималась Мари Жермен. Она была наслышана о приключениях бывшего пирата, в своё время также проводившего много времени на Тортуге, в том же самом губернаторском доме, занимаемом тогда предшественниками её отца

— Ему за сорок, но он строен и гибок как юноша. Возраст выдаёт лишь лицо, да выбивающиеся из-под парика седые локоны. Одет безупречно, в соответствии с последней модой, — Сильвер намеренно не упоминал о сходстве, поразившем не только его, но и сподвижников Блада.

— А ещё? Какие у него глаза, какое лицо?

— Не обратил внимания, — сухо произнёс Сильвер

— Все вы, мужчины, такие, — обиженным голосом произнесла Мари Жермен, не услышавшая самых интересных подробностей, относящихся к внешности знаменитого адмирала, — не замечаете самого главного, — или вам кажется, что привлекательней вас никого нет?

— Нет, конечно, — в тоне Сильвера послышались игривые нотки, — скорее это свойственно дамам. Каждая из вас желает быть самой привлекательной. Однако, — он улыбнулся и подмигнул Мари Жермен, — мадемуазель д'Этуаль де Монтенон, Ваше имя соответствует истине — Вы действительно прекрасны как звезда.

Юная мадемуазель, вполне удовлетворённая комплиментом, сменила тему разговора:

— А как этот противный господин Перэ? Он не досаждал Вам?

— Нет, не досаждал. Это было не в его интересах. Мы с ним заключили такой договор, что это было просто невозможно — он потерял бы половину прибыли.

Господин де Монтенон удовлетворённо улыбнулся. Да, дочь уже не грезит пиратским капитаном, напротив, она считает его несносным. Неплохо для начала. Кажется, она симпатизирует графу де Жуайену. «Однако, слишком уж много внимание этому Сильверу», — неожиданно для себя отметил он, — «надо вмешаться в разговор».

— Граф, а какие Ваши планы на будущее? — обратился он к де Жуайену.

Граф, уже начинающий чувствовать недовольство из-за потери внимания к своей персоне, радостно улыбнулся:

— Через месяц. Я хотел провести здесь немного времени в Вашем обществе, ведь в Новом Свете так редко встречаются столь осведомлённые во всех отношениях французы. Большинство — либо огрубевшие плантаторы, либо пираты, торговцы или рыбаки, — и он брезгливо поморщился и поправил сбившийся на лицо локон парика, демонстрируя присутствующим великолепное кольцо с бриллиантом.

— Замечательно, — де Монтенон довольно улыбнулся, — мои дочери давно просили показать им соседние острова. Вы не против небольшой морской прогулки?

— Разумеется, нет, — оживился граф, — морская прогулка в обществе таких прекрасных дам — что может быть лучше. Мы уже закончили ремонт, и я мог бы сняться с якоря уже завтра. Вы будете нас сопровождать?

— Нет, у меня, к сожалению, много дел. Мой сын Анри с радостью этим займётся — он, как и все жители Нового Света, бредит морем.

— Кстати, дорогие дамы, на судне Вы найдёте чем занять свои прекрасные головки, — шевалье также был рад привлечь к себе внимание, — там есть книги Антуана де ла Мота,

Буало, а также лютня и ноты, в том числе последние сочинения Рамо. Он сейчас очень моден при французском дворе. Кстати, месье Сильвер, — с явным пренебрежением взглянул он на Питера, — Вы слышали про Пьера де Ронсара?

— Вы имеете в виду его стихи или подробности его взаимоотношений с дамами? — будто бы вскользь заметил Питер, казалось, не замечавший презрительной нотки в голосе де Нуатре

— Я говорил о его поэзии. Вы с ней знакомы? — насмешливо улыбнулся шевалье

— Он до сих пор популярен, а романсы на его стихи просто бесподобны. В редкие часы досуга я иногда развлекаюсь тем, что подбираю к ним музыку. Однако мне пора, господа. Не буду занимать Ваше время. Счастливой прогулки, — Питер встал, откланялся и направился к выходу.

— Месье Сильвер, — остановил его граф, в голосе которого слышалась нескрываемая ирония, — не будете ли Вы так любезны... Мы все горим желанием послушать Ваши сочинения на стихи де Ронсара.

— Не хочу занимать Ваше время, господа, — с холодной церемонностью произнёс Сильвер, которого, по-видимому, задела тонкая насмешливость графа, — но, если уж Вы так меня просите, я исполню одно из них. Заранее прошу прощения за то, что мой голос не способен передать всю прелесть этих строк — он слишком огрубел за эти месяцы.

Взяв в руки поданную шевалье лютню, Питер спел один из куплетов, посвящённых Кассандре. Его бархатистый голос, слишком низкий для тенора и слишком высокий для баритона, звучал великолепно. Месье де Нуатре, уже не раз пожалевший, что начал этот разговор, произнёс:

— Спасибо, господин Сильвер. Вы, оказывается, превосходный музыкант и знаток французской поэзии. Однако мы действительно занимаем Ваше время.

В серых глазах графа мелькнуло плохо скрываемое раздражение. Питер же лишь улыбнулся в ответ.

— Нисколько, напротив, это я Вам досаждаю. Счастливой прогулки, дамы и господа. Попрощавшись, капитан быстро вышел из комнаты.

«И почему этим расфранчённым месье так хочется показать, что они лучше всех на свете», — подумал он, с трудом сдерживая охватившее его раздражение, — «мои ребята, хотя и бывшие рыбаки, гораздо лучше. Взять хотя бы Уоллеса. Да они мизинца его не стоят». Мысль об Уоллесе вернула Сильвера к действительности. Питт, едва сойдя на берег, завязал ссору с Гарри Уайтом, матросом с «Ласточки» Нортон. Вся команда этого известного своей жестокостью капитана имела репутацию отъявленных драчунов и кутил. «Надеюсь, он не успел свести с ним счёты, ведь Уоллес не так хорошо владеет шпагой», — и Питер ускоренным шагом направился к причалу, но, стоило ему завернуть за угол, как в конце улицы показался Гарри Уайт. Этот тридцатилетний здоровяк, будучи простым матросом, пользовался не меньшим уважением, чем большинство лордов и капитанов. Даже сам Джерри Нортон побаивался Уайта, отличавшегося крутым нравом и имевшего на Тортуге прозвище «непобедимый Гарри». Уайт спокойно и неторопливо шёл по улице, весело посматривая на проходящих мимо девиц и насвистывая матросскую песенку. На нём был простой коричневый камзол, а на кожаной перевязи болталась длинная шпага, представлявшая в руках своего обладателя оружие столь грозное, что мало кто из пиратов решался задирать Гарри. Питер с облегчением вздохнул. Значит, поединок всё ещё не состоялся и ещё есть возможность предотвратить его. Приняв как можно более

высокомерный вид, вполне подобающий полученному им на Тортуге прозвищу, Питер стряхнул пылинки с камзола и направился вниз по узкой дорожке, окидывая презрительным взором невысокие хижины, которые, словно бедняки на базаре, толпились по обеим сторонам улицы. Сблизившись с Уайтом, Питер будто бы невзначай задел его плечом и уже собирался продолжить путь, но был остановлен Гарри, железной рукой схватившим его за шиворот:

— Ты что, принц, настолько зазнался, что никого вокруг себя не видишь? — грубо пробасил он, легко приподняв невысокого и худощавого Сильвера и сильно встряхнув его. Питер изо всех сил толкнул его в грудь. Уайт разжал руку, и капитан наконец-то ощутил под ногами твёрдую землю.

— Тебе надо научиться хорошим манерам, Гарри Уайт, — холодно произнёс Сильвер, едва его облачённые в мягкие сапоги ноги коснулись песка. Он решительным жестом отстранил «непобедимого Гарри», будто бы собираясь продолжить путь.

— Это тебе надо понять, что ты не в Англии, и что здесь твои титулы ничего не значат! — разгорячился тот, — Так что ты, мальчишка, должен был уступить мне дорогу!

— Почему же? — удивлённо поднял брови Питер, — разве ты — здешний губернатор?

— Может быть, я и не губернатор, — раскатисто рассмеялся Уайт, преграждая ему дорогу, — но я не позволю какому-то щенку задевать меня плечом, а потом ещё учить хорошим манерам!

— Надеюсь, что кто-нибудь всё-таки научит тебя вести себя в обществе, — ехидно улыбнулся Сильвер, пытаясь отстранить Гарри, — тогда буду рад с тобой побеседовать о жизни. Пока же извини — я очень спешу.

— Куда это спешит наш принц? — грубый смех, которым снова разразился уже начинающий терять самообладание Уайт, убедил Питера, что он находится на правильном пути

— Мы выходим в море через несколько часов, — не моргнув глазом, соврал Сильвер, — у меня мало времени, и я не хочу его тратить на пустую болтовню с такими невежественными оборванцами как ты. Так что встретимся когда-нибудь потом, когда найдётся тот, кто научит тебя хорошим манерам.

— Неужели принц боится? — с едкой иронией усмехнулся Уайт, окончательно заглотивший наживку, — тем лучше для меня. Через час у меня должен был состояться поединок с Вашим квартирмейстером, но, так уж и быть, проявлю уважение к аристократическому происхождению, Ваше Высочество! — Уайт насмешливо поклонился Сильверу и положил руку на рукоятку сабли, — защищайтесь, иначе Вам ничего не останется, кроме как признать себя трусом!

Питер ответил на вызов лёгким кивком головы и, расстегнув верхнюю пуговицу камзола, с нарочитым изяществом выхватил саблю из ножен. Не ожидавший подобного начала, Гарри едва не пропустил удар, но тут же отскочил и метнулся в молниеносном ответном выпаде. Сабли, скрестившись, лязгнули. К месту поединка уже сбежались окрестные мальчишки. Привлечённые шумом, из прибрежных таверн выходили пираты и присоединялись к наблюдателям. Среди них было не меньше десятка членов обеих команд, с интересом следящих за передвижениями соперников. Все дуэли «непобедимого Гарри» не только представляли собой увлекательное зрелище, но и могли послужить неплохим уроком для опытных фехтовальщиков.

— Берегись, Гарри, — усмехнулся Сильвер, — сейчас буду учить тебя хорошим

манерам.

Рванувшись вперёд, он с силой рубанул саблей, но та лишь просвистела над головой пригнувшегося Гарри. Не давая противнику опомниться, Сильвер отскочил и тут же атаковал с другой стороны. Уайт с трудом увернулся и метнулся вперёд. Лезвие сабли вновь скрестилось с клинком Питера. Сильвер несколько раз менял тактику, делал ложные выпады и осыпал «непобедимого Гарри» градом ударов, которые тот, несмотря на славу искусного фехтовальщика, отражал с большим трудом.

— Получай, дерзкий мальчишка! — Гарри прыгнул вперёд в глубоком выпаде, но сабля отскочившего Сильвера скользнула по его левому предплечью. Поморщившись, Уайт вновь ринулся на Сильвера. Тот отразил атаку.

— Осторожней, Уайт! — рассмеялся Сильвер, — и левый бок прикрой!

Метнувшийся влево Питер замахнулся саблей, но Уайт отразил удар и рванулся вперёд.

— Отлично, старина! — выкрикнул едва увернувшийся Сильвер, — вот только со мной тебе не справиться!

Сильвер терял дыхание. Едва переведя дух после столь длинной тирады, он ринулся на противника, но в глазах вдруг стало темно.

— Получай! — Уайт рубанул саблей. Сильвер отскочил в сторону. С силой сжав рукоять, он изо всех сил пытался справиться с внезапно нахлынувшей слабостью. Ещё один удар... Гарри прыгнул вперёд, замахнулся. Сильвер взметнул руку вверх, отводя атаку. Ну вот, кажется теперь всё в порядке. Он вновь твёрдо стоит на ногах. Главное — держать дыхание. Глубокий выпад, замах слева... Рубящий удар... Сабля выпала из ослабевшей руки Уайта.

— Подлый щенок! — Гарри схватился за локоть, пытаясь остановить хлынувшую потоком кровь. На помощь ослабевшему Уайту тут же бросилось несколько человек.

— Не трогай моих ребят! Понял! — Сильвер развернулся и направился к пристани.

— Зря ты связался с ним, — подхватив за руку едва не упавшего наземь товарища, заметил Олдрайт, — лучше бы дрался с Уоллесом — я слышал, что он не слишком хороший фехтовальщик.

— Ты прав, Джек, — Гарри оперся на плечо друга. Ноги его подкашивались, — но всё-таки я отомщу ему. Не знаю, когда, но обязательно отомщу, — и они медленно направились в сторону пристани.

Примечания

"Этот тридцатилетний здоровяк, который, будучи простым матросом, пользовался не меньшим уважением, чем большинство лордов и капитанов" — лордами называли пиратских офицеров. В русскоязычной литературе это слово практически не используется, т. к. не согласуется с теми достаточно демократичными принципами, которые существовали среди пиратов. В моём романе термин "лорды" всё же будет использоваться (в частности, в главе "лорды и пэры")

Ещё одно примечание.

На самом деле, в основе эпизода с Уайтом лежит реальная история, имевшая место в несколько более поздний исторический период (в царствование Георга). Об этом будет рассказано чуть позже, в примечаниях.

Глава 20. Неожиданная встреча

Ранним утром «Старая Англия» вышла из гавани, держа курс в направлении южной оконечности Кубы. Узкая полоска берега таяла в предутреннем тумане, а вместе с ней постепенно отступало и снедавшее квартирмейстера тягостное чувство обиды.

— Как ты, Питт? — стоявший на шкафуте Стилл ободряюще взглянул на потупившегося Уоллеса.

— Да так...

— Всё забудется. Ещё хорошо, что в море вышли. На ремонте ты совсем бы затосковал.

— Но зачем он это сделал? Зачем затеял с ним ссору?

— Не думай об этом, Питт. Он капитан, и знает, что делает. Одно скажу — тебе, парень, крупно повезло. Если бы не Питер, может, тебя и в живых бы не было. Знаешь же, что говорят в тавернах про Уайта.

Питт взглянул в сторону юта. Сильвер стоял у лестницы, облокотившись на перила. Ветер трепал чёрные кудри парика. Рядом с ним высился мощный торс Вольверстона.

— Опять он с Нэдом, — прошептал Уоллес.

— Ещё бы, — спокойно заметил Стилл, — ведь капитан «Старой Англии» — Нэд, а не Сильвер. К тому же он опытный моряк. Хорошо, что Питер прислушивается к его советам.

— Нет, Майкл, не то это. Вспомни, как он вчера после дуэли вернулся. Нам приказал нам готовиться к выходу в море, а сам заперся с Нэдом в его каюте. И так до самого вечера. О чём они только там говорили?

— Не бери в голову, Питт. Тебе-то что — это их дела.

— Нет, точно Нэд что-то знает. Мне надо в этом разобраться.

— Лучше иди к себе, парень, отдохни немного. У тебя же сегодня ночная вахта. Расстроенный Питт развернулся и направился к лестнице.

Мари Жермен жмурилась, подставляя лицо солнцу. Голова немного кружилась — то ли от качки, то ли от ощущения, что рядом с ней — красавец де Жуайен. Изысканный, одетый в отороченный серебром камзол, он деловито прохаживался по палубе и зычным голосом отдавал распоряжения матросам. Те тотчас же мчались исполнять приказ. И как только она могла думать об этом пирате, об этом хаме и невеже Перэ! Опять-таки, граф свой человек при дворе... Конечно, не это главное, но всё же... Он ей нравился, определённо нравился, а воображение то и дело будоражили картины придворной жизни. Блеск Версаля, сверкание драгоценностей и она сама, опирающаяся на руку придворного щёголя. Интересно, какой он, король Людовик? Отец рассказывал, что в молодости он был дамским угодником. Может, и он обратит на неё внимание? Но о чём это она? Ведь её мечта — граф де Жуайен...

— О чём задумалась прекрасная мадемуазель Мари? — бархатный голос, раздавшийся над окаймлённым золотой прядью ушком, заставил девушку густо покраснеть.

— О том, что я никогда не смогу увидеть Версаль, — надула губки Мари, — отец отсюда никогда не уедет.

Де Жуайен всё ещё стоял сзади, но она всем существом чувствовала его нежный взгляд.

— Кто знает, может быть Вы... Смею ли я надеяться, мадемуазель?

Мари Жермен отвернулась к фальшборту. Смущение нахлынуло горячей волной, заливая краской лицо, шею и руки. Наверняка он видит, как густо она покраснела... Неужели...

Голос графа был мягок, но настойчив, и от каждого звука его замирало сердце.

— Вы рождены, чтобы блистать при дворе, а Ваш отец водит дружбу со всякими проходимцами. Взять хотя бы этого Сильвера. Неужели его действительно считают аристократом?

Волна отступила. Почувствовав, что лицо её вновь обретает свой обычный цвет, девушка обернулась. Де Жуайен был совсем рядом, и от его дыхания вдруг стало невыносимо душно. Мари Жермен опустила глаза и игриво возразила, теребя в руках ленту от платья.

— Мне Сильвер показался изысканным и образованным.

Красивые черты графа искажила презрительная ухмылка.

— Да что Вы! — нахмурился он, — пират он и есть пират. Проходимец.

— Говорят, он — настоящий принц.

Граф недовольно поморщился. В памяти всплыли события вчерашнего дня. Зачем только папаша де Монтенон притащил этого пижона! Весь обед испортил, а ведь он только собирался серьёзно поговорить с ним о женитьбе. Что за хлыщ! Да пусть этот Сильвер из кожи вон лезет, пытаясь изобразить из себя аристократа! Благородство не купишь, даже если трюмы кораблей ломятся от награбленного золота — оборванец всегда останется оборванцем.

— Мало ли, что в тавернах болтают! — недовольно процедил он, — сами посудите — что принцу делать на пиратском корабле?

— Но Сильвер такой...

— Не защищайте его, Мари, — мягко возразил граф, — этот проходимец не стоит Вашего внимания. Ваше место при дворе, вместе...

Граф протянул руку, пытаясь обнять девушку. Горячая волна вновь захлестнула, и она отвернулась, устремив мечтательный взгляд к горизонту, где виднелся чёрный остов движущегося судна.

— Смотрите, граф! — вскрикнула она, обрадовавшись, что может прервать разговор, — Корабль! Большой, как у Сильвера!

Де Жуайен наклонился к фальшборту и ещё теснее прижался к Мари Жермен, указывая вдаль вытянутой рукой:

— Взгляните — на мачте испанский флаг. Это судно называется галеон. В Европе вместо них строят линейные корабли. Они более маневренны, чем галеоны.

— Вы будете драться? — Мари попыталась отстраниться, но рука графа уверенно заняла место на её талии.

— Зачем? — спокойно возразил он, — король Филипп — брат Людовика, а мы с Испанией — союзники. Вот если бы в Англии вновь воцарилась бы католическая династия, тогда закончились бы эти бесчисленные кровопролитные войны. Вы слышали, что сын Джеймса Стюарта — маршал Франции?

— Опять Вы за своё, граф, — обиженно процедила Мари, тщетно пытаясь отстраниться, — Вы и дальше собираетесь морочить мне голову этой политикой?

— Вы хотите сказать, когда мы с Вами...

Нет, это уже переходило все возможные границы. Вырвавшись из ставших слишком нескромными объятий, Мари Жермен решительно направилась к лестнице.

К полудню заштормило. Чёрные рваные тучи носились по небу, то разлетаясь, подобно испуганным птицам, то сливаясь в одно сплошное мрачное месиво. Волны, как гигантские горные хребты, то вздымали вверх крохотную деревянную скорлупку, именуемую судном, то низвергали её в бурлящую и пенящуюся бездну. Шквалистый ветер рвал мокрые от дождя

паруса. Казалось, они вот-вот сорвутся с рей и умчатся прочь, уносимые пронизывающим солёным вихрем.

— Нам бом-кливер нирал! Бом-кливер долой! — охрипшим голосом орал шкипер, пытаясь перекрычать звуки аврала.

— На грота гитовы и гордеки!

— Грот убрать!

Промокшие до нитки матросы вцепились в фалы. Руки скользили, а тела, казалось, вот-вот сорвутся в грохочущую бездну. Судно скрипело, как будто жалуясь на злосчастную судьбу, заставившую его покинуть тихую гавань и пуститься во все тяжкие.

— Впереди рифы! — раздался сверху крик марсового.

Тягостно застонали снасти. Зарывшись носом в волну, корабль медленно развернулся, чтобы обойти опасное место, но налетевший порыв ветра едва не вернул его на прежний курс. Судно накренилось. Гигантская волна захлестнула палубу, смывая с неё всё, что не было закреплено. Повсюду слышались крики людей, уносимых прочь нахлынувшим потоком. Шкипер схватился за ванты. С трудом удерживаясь на юте, он тщетно пытался рассмотреть что-то, скрывающееся за густой пеленой дождя и мелькавшее между громоздившимися друг на друга волнами.

— Марсовой! Что на северо-западе?

— Вижу мачты!

— Сколько?

— Три! Большой корабль.

— Галеон?

— Не разберу. Идёт нам наперерез.

— Флаг виден?

— Нет пока.

Полумрак сгущался. Море по-прежнему оставалось бурным, но ливень постепенно утихал. Неизвестное судно то исчезало из вида, то вновь появлялось, вздымаясь на гребень волны.

— Флаг испанский — раздалось с марса

— Неплохо, — пробормотал шкипер, — хотя...

На лице его вдруг отобразилось беспокойство.

— Где капитан? — крикнул он вахтенному.

Чуть поодаль раздался грубый смех, и чей-то насмешливый голос прохрипел:

— В каюте, где же ему ещё быть!

— Зовите его! Живей!

Глядя в подозрную трубу, шкипер бормотал себе под нос: «Три кабельтова! Испанец! А если он захочет познакомиться поближе? Надо предупредить капитана. Пусть сам разбирается»

— Сигнал подняли! — вновь завопил марсовой, — на судне адмирал! Приказали лечь в дрейф и выслать шлюпку!

Беспокойство, ещё недавно лишь мелькнувшее на лице шкипера, стало заметно сильнее.

— Капитана зовите, бездельники! — заорал он

Скользя по мокрой от дождя палубе, юнга бросился в сторону лестницы. Вскоре на юте появился капитан. Это был невысокий крепыш лет сорока. Вальяжные манеры выдавали в нём скорее изнеженного эпикурейца, чем отчаянного морского волка.

— Кого это несёт в такую погоду! — пробурчал он, недовольно глядя на шкипера, — приказали в дрейф — ложись в дрейф!

— Но как ты объяснишь...

— Не стану я объясняться! Золото в трюме, пленников туда же запрём. Думаешь, станет адмирал руки марать?

— Как знаешь. Моё дело предупредить.

Незнакомое судно приближалось. Сигнал по-прежнему полоскался на рее, но на этот раз с юта выкрикнули:

— Адмирал требует шлюпку! Немедленно!

Шкипер вновь взглянул на капитана. Тот молча кивнул. Однако не успела шлюпка коснуться воды, как на палубе находившегося в четверти кабельтовых незнакомца раздался невообразимый гвалт. Матросские дудки, трубы свистели, визжали и выли, а барабанная дробь заглушала даже самый зычный голос.

— Отставить шлюпку! — попытался крикнуть шкипер, но приказ его утонул в царившей вокруг немыслимой какофонии. Взглянув на дрейфовавшее рядом судно, шкипер замер на месте. Испанский флаг, ещё недавно полоскавшийся на ветру, в считанные мгновения сполз с грот-мачты, а вместо него взмыло золотистое полотнище с двумя перекрещенными саблями и короной. Не успел шкипер осознать, что произошло, как в фальшборт и снасти впились абордажные крюки.

— Картечью заряжай! Картечью! — сквозь шум и гам донёсся до испанцев громовой голос великана, мощная фигура которого высилась на юте незнакомца.

— Пираты! — крики ужаса раздавались со всех сторон. Измотанные борьбой со стихией и оглушённые непереносимо громкими звуками, матросы ринулись к шлюпкам. Над кораблём взмыл белый флаг.

Почти без боя захватив палубу, пираты бросились вниз по лестнице. Дверь в трюм была заперта. Вольверстон замахнулся висевшим на стене ломом и со всей силы ударил по замку. За дверью послышались звуки, напоминающие мычание.

— Там люди!

Следующий удар Вольверстона оказался более успешным. Замок с грохотом упал на палубные доски, а дверь, скрипнув, медленно отворилась. Сильвер рванул было вперёд, но тут же отпрянул. На грязном, залитом кровью полу сидели его старые знакомые — граф де Жуайен и шевалье де Нуатре. Изысканные господа имели весьма плачевный вид. Лица были черны от дыма, всклокоченные волосы слиплись, а во рту вместо кляпа торчали свёрнутые обрывки ткани. Кисти и щиколотки стягивали просмолённые верёвки. Чуть поодаль лежал, широко раскинув руки, Анри де Монтенон. Он был бледен, а на лбу расплылось багрово-синее пятно. Кружева ещё недавно щёгольского жабо прилипли к краям глубокой кровоточащей раны.

— Где дочери губернатора? — голос Сильвера срывался на крик. Сжав рукоятку сабли, он будто желал наброситься на неведомого, но грозного противника.

Ответом было лишь мычание.

— Займись им, Нэд! — кивнув на лежавшего без чувств юношу, Сильвер ринулся к лестнице, едва не столкнувшись с Хэндсом.

— Что с Вами, капитан?

— Монтенон..., - едва успел произнести Сильвер. Метнувшись к двери капитанской каюты, он с силой толкнул её. Дверь была не заперта, и Питер тотчас же ворвался внутрь.

Поперёк широкой, накрытой цветастым одеялом кровати в неловких позах лежали связанные дочери губернатора.

— Господи! — пробормотал Сильвер, — кажется, мы успели вовремя.

Вытащив из-за пояса кинжал, капитан рассёк кинжалом верёвки на щиколотках.

— Мадемуазель Мари! Мадемуазель Сюзан!

— Оставьте нас, прошу..., - еле слышно прошептала Сюзан

— Это капитан Сильвер, — склонившись над девушкой, Питер изо всех сил пытался придать срывающемуся от волнения голосу оттенок ласковой любезности.

Ресницы девушки задрожали. Шевельнув рукой и убедившись, что её кисти свободны от пут, Сюзан открыла глаза.

— Капитан..., - тихо вскрикнула она и тут же села, поджав под себя ноги и полным ужаса взглядом уставившись на отпрянувшего назад Сильвера.

Осознав, что находится в каюте наедине с пиратом, Сюзан залилась краской и ещё дальше отодвинулась от Питера, который предусмотрительно передвинулся на самый край постели, всем видом своим высказывая почтение к дамам.

— Не бойтесь, мадемуазель Сюзан. Всё в порядке. Вы скоро будете дома. Как Вы здесь очутились?

— Мы были на палубе, — голос Сюзан Элизабет ещё дрожал, — когда вдали появился корабль. Граф не собирался вступать в бой, но они напали на нас.

— Вас взяли на абордаж?

Девушка молча кивнула.

— Когда граф понял, что испанцы готовятся к сражению, он велел нам запереться в каюте. Потом нам было очень страшно. Мы забрались в самый дальний угол и молились о спасении, но они выбили дверь, связали нас и унесли на другой корабль. До сих пор помню этого противного типа с чёрными усами. Он так жутко смеялся... А потом кто-то крикнул, что ему надо на палубу. Он сказал, что ещё вернётся. От ужаса я тут же потеряла сознание.

В синих глазах капитана мелькнула грусть.

— Слава Богу, я успел вовремя, — повторил он.

Запрокинув назад голову Мари Жермен, он осторожно похлопал по прозрачно-бледным щекам. Девушка пошевелилась. Сестра тут же склонилась над ней:

— Всё в порядке, Мари. Нас освободил капитан Сильвер.

— Не волнуйтесь, мадемуазель, — Питер легко пожал руку Мари Жермен, взиравшей на него полными страха глазами, — всё будет хорошо. Мы возвращаемся к Вашему отцу.

Белокурая красавица вновь побледнела и упала без чувств.

— Займитесь ей, Сюзан, — кивнул он уже пришедшей в себя сестре, — мне пора. Надо осмотреть судно.

— Что с нашим братом? — будто вспомнив что-то, промолвила Сюзан Элизабет

— С ним Вольверстон. Он разбирается в медицине, так что всё будет в порядке. Пойду распоряжусь, чтобы вам приготовили что-нибудь.

Питер встал с кровати и, развернувшись на каблуках, направился к двери. Вбежав на ют, он столкнулся с Уоллесом, по-хозяйски проверявшим содержимое вынесенных на палубу сундуков.

— Ты ранен? На тебе лица нет.

— В капитанской каюте были дочери губернатора, — шепнул Сильвер, но чуткий слух дотоле недвижно лежавшего на палубе юного отпрыска де Монтенона уловил слова

капитана.

— Что с моими сёстрами? — вскрикнул он. Встрепенувшись, он попытался подняться, но тут же рухнул наземь, издав протяжный стон.

— Успокойся, Анри. С ними всё в порядке, — кивнул Вольверстон. Он сидел на коленях рядом с мальчиком и аккуратно орудовал длинным кинжалом, очищая раны юноши от грязи и прилипших к ней обрывков ткани и пороха. Рядом стояли бутылки с пресной водой и ромом и валялись обрывки тряпья. Чуть поодаль на пустых бочках восседали освобождённые от пут месье.

Уоллес задумчиво взглянул на капитана:

— Как они?

— Слава Богу, всё кончилось благополучно. Ты примешь командование, Питт? Я не хочу

отпускать Нэда. Он будет заботиться о нашем юном приятеле

Питер ласково взглянул на губернаторского сына, который стоически терпел доставляемые ему острым пиратским кинжалом мучения

— Конечно. Девчонок можно в мою каюту.

— Да нет, Питт. Лучше пусть они у меня останутся, а я пойду к Нэду.

— Но нас всего сорок пять человек, — возмутился вовремя подросевший Хэндс, — лучше потопим испанца. Нам не справиться с таким огромным кораблём.

Питер окинул задумчивым взором палубу захваченного галеона и вдруг неожиданно звонко, почти по-детски, рассмеялся.

— Попросим помочь господ французов, — насмешливо взглянул он на уставившихся в пол графа и шевалье, — сколько людей де Жуайена осталось в живых?

— Тридцать, да ещё эти двое, — Хэндс кивнул на изрядно потрёпанных светских львов.

— Итого тридцать два — неплохая подмога, — распорядился капитан, — бери половину людей со «Старой Англии» и семнадцать французов.

— Что Вы имеете в виду, месье Сильвер? — возмущённо отозвался де Нуатрэ, с откровенным неодобрением наблюдавший развернувшуюся перед ним сцену

— То, что слышали, — невозмутимо ответил тот, — Вам с графом придётся помочь команде моего нового судна.

— В качестве кого? — раздражённо буркнул граф

— В качестве матросов вантовой команды. На моём судне паруса ставить некому, и я не могу дать возможность бездельничать двум опытным морякам. Думаю, Вы без труда справитесь, господа.

Граф и шевалье, стиснув зубы, молча кивнули. Участь раба на испанской плантации была, несомненно, ещё более унижительной.

— Возвращаемся на Тортугу, и чем скорее, тем лучше, — крикнул Питер вахтенному. Абордажные крючья были убраны, корабли медленно расходились, а на палубе бывшего испанца уже раздавался уверенный голос Уоллеса.

— Де Жуайен! К парусам — на грот-бом-брам-рей! Де Нуатрэ! На фор-марс! Живо!

Скрепя сердце, господа придворные занимали причитающиеся им места.

Уоллес же всю ночь всматривался в темноту. «Старая Англия» следовала в авангарде, и неровный свет её кормового фонаря выхватывал из мрака две стоявшие рядом фигуры. Нэд и Питер... Что связывает их, и почему они снова вместе? Что за разговор ведут они в безмолвии тропической ночи?

С рассветом подошли к гавани, и счастливый отец принял в свои объятия уже пришедших в себя отпрысков. Команды получили свои доли, и лишь месье придворные в крепких выражениях вспоминали капитана Сильвера. Их остро мучило чувство обиды — в полной мере вкусив все прелести тяжёлого матросского труда, они даже не были допущены до дележа добычи. На следующий день оба придворных явились в губернаторский дом, потребовав как можно скорее отправить их во Францию. Но ловкий дипломат де Монтенон попросил их остаться, а сёстры были по-прежнему с ними любезны, так что господа французы, недолго поразмыслив о своей нелёгкой судьбе, решили ещё немного задержаться на Тортуге.

Примечания

*В данной главе описана тактика, получившая впоследствии название «психическая атака» и впервые применённая пиратом Уолтером Рэйли в экспедиции лорда Эссекса против Кадиса в 1596 году. Однако в случае с Рэйли данная тактика была реализована в несколько ином варианте — Рэйли прошёл через строй мелких испанских кораблей, на каждый залп отвечая лишь звуками горна, и, бросив якорь напротив галеонов, три часа обстреливал их из всех орудий. Когда испанцы выбросились на берег, посадив галеоны на мель, Рэйли расстрелял их из пушек

Грот-бом-брам-рей — самый высокий рей на грот-мачте (центральной мачте) корабля.

Марсовая площадка (марс) — наблюдательная площадка на мачте. Оттуда также вели мушкетный огонь стрелки. Фор-марс — наблюдательная площадка на передней (фок-) мачте. Марсовой — матрос, ведущий наблюдение с марса.

Глава 21. Тень Арабеллы Брэдфорд

Уже почти год минул с того момента, как в Кайонской бухте бросили якорь испанские корабли, захваченные бывшими жителями Нассау. Стояли жаркие июньские дни, штормовые ветры нещадно трепали склонявшиеся до земли апельсиновые деревья и обрушивали волны на поросшее мангром побережье. Пиратские корабли с зарифленными парусами покачивались на безопасном мелководье гавани. Словно погружившиеся в дрёму гигантские птицы, они грезили о том счастливом моменте, когда, подгоняемые свежим бризом, вновь начнут рассекать волны, направляясь в бескрайние морские просторы.

В сезон штормов в таверне «У французского короля» было особенно многолюдно. Пираты маялись от безделья, коротали время за выпивкой и игрой, гуляли, ссорились, дрались на дуэлях и заигрывали с легкомысленными прибрежными красотками. Дядюшка Жорж ликовал — золото, ещё недавно покоившееся в крепко запертых пиратских сундуках, постепенно перекочёвывало в его закрома. Крепкие сыновья и аппетитные юные помощницы беспрестанно сновали между столиками, поднося местным кутилам еду и выпивку.

— Привет, папаша, — раздался у двери знакомый хрипловатый бас, и атлетически сложенный небритый субъект в коричневом камзоле направился к столику у окна. Трое сидевших за ним юнг, захватив остатки галет и наполовину опустошённую бутылку малаги, предусмотрительно сменили дислокацию и присоединились к расположившейся неподалёку компании молодых парней. Месье Жорж приветливо повернул голову. Сам Гарри Уайт вновь почтил его своим присутствием. Зная о крутом нраве посетителя, трактирщик лично направился к нему, чтобы принять заказ.

— Что желаешь, Гарри?

Матрос «Ласточки» едва взглянул на почтительно склонившегося перед ним француза

— Выбор невелик, Жорж, — мрачно огрызнулся он, — бутылку рома, галеты и букан. В кармане-то ветер свищет. Разве что ты угостишь...

— Поди сюда, Мадлен, обслужи гостя! — махнул рукой трактирщик, и пышная девица восемнадцати лет от роду приблизилась к столику и склонилась в реверансе, открыв взору Гарри то, что и так почти не прятало соблазнительно глубокое декольте.

— Тарелку черепахового супа за мой счёт, — распорядился Жорж, — и ещё галеты, букан и ром. Но только чтобы букан хороший был, а не...

Девушка вновь присела в реверансе, сверкнула белозубой улыбкой и удалилась, ловко лавируя между столиками.

— Спасибо, папаша, — кивнул трактирщику Гарри, провожая красотку взглядом, — я в долгу не останусь — ты же знаешь...

Дядюшка Жорж спешно ретировался. К столику, где сидел Уайт, направлялась целая компания голодных головорезов, а угощать их за свой счёт никак не входило в его планы.

— Как дела, Гарри? — приветствовал приятеля долговязый тощий матрос в потрёпанном зелёном камзоле. С завистью взглянув на стоявшую перед Уайтом тарелку супа, он запустил руку в карман и, вытащив оттуда несколько мелких монет, сунул их подбежавшему помощнику трактирщика.

— А, это ты, Робер! — пробасил Гарри, — сам-то как? Свободен, как ветер?

Усевшийся рядом с товарищем француз с горечью усмехнулся:

— Почти все ребята с «Луизы» во Францию подалась, за капитаном. С собой ещё и «Версаль» забрали — тот фрегат, из-за которого и случилась дуэль..., - он вдруг замолчал. Прислушавшиеся к разговору посетители сочувственно закивали головами.

— Да, кто бы мог подумать, что ваш Луи де Вернон..., - задумчиво буркнул Гарри себе под нос, но Робер перебил его

— А нам, гугенотам куда деваться? Теперь сидим, ждём у моря погоды и думаем, к кому бы в кильватер...

— Есть предложения?

— Пока нет.

— Может, к нам на «Ласточку»?

— Нет уж, если бы ты капитаном был — другое дело. А к Нортону... У него не заработаешь, да и жуликоват... Думаю, к принцу подамся. Эскадра большая — шесть кораблей, добычу делит честно... Говорят, у каждого из них на счету хорошие деньги лежат...

Гарри нахмурился и сжал кулаки. Опять этот мальчишка! Именно по его вине на репутации непобедимого фехтовальщика вот уже год красовалось даже не пятно, а жирная чернильная клякса. Даже Жиль Робер, старый приятель, и тот...

— Да он же сноб — все это знают, — огрызнулся Уайт, — таких, как мы, на дух не переносит. Разряжен вечно, надушен, словно девчонка...

— Завидуешь, Гарри, — подал голос один из спутников Робера, сорокалетний плечистый здоровяк, — всё дуэль ту простить не можешь. А парни его сейчас кампешевое дерево рубят, мясо заготавливают... Никто без дела не сидит. Не то, что мы...

— Есть чему завидовать, — ещё больше нахмурился Уайт, — ни выпить, ни в карты, а уж погулять... Монастырь, и то лучше... Даже долю свою не потратить — всё несёт губернатору, а взамен бумаги какие-то даёт... То Ост-Индской, то Африканской компании... Конечно, бумагу продать можно, но зачем? Деньги-то всё равно в сундучок лягут... Одним словом — золотая клетка... А мы люди вольные.

— Но ни один из них не ушёл, — подал голос Робер, — ребята сыты, одеты во всё новое... Да ведь и у нас на «Луизе» тоже было — не забалуешь. Лучше так, чем гулять вволю, а под старость милостыню просить... Вот Джейк — какой шкипер был, а как постарел да ногу потерял... Что уж говорить....

— Слышал, Чёрному Барту кодекс принца понравился, — ехидно заметил один из матросов, — как в капитаны выбился, хотел было у себя ввести, да не решился, смягчил... А принц даже на стоянке к портовым красоткам на милую не подпускает. Говорит, от них лишь разоренье да болезни...

— Да потому что сам ни на кого не смотрит. Ему знатных особ подавай, под стать его высочеству, — обидчиво буркнул Гарри, — чуть услышит, что какая из них в беду попала — сразу бросается выручать. Говорят, у него команда чуть было не взбунтовалась из-за какой-то испанки...

— Это правда? — с нескрываемым интересом полюбопытствовал Уайт

— Да точно... Мне Черри когда-то рассказывал. Они тогда с Багам возвращались...

— А сам-то принц, говорят, домик себе прикупил, — усмехнулся матрос, — ему, значит, позволяет кодекс? Почти каждую ночь сходит на берег... Что только он там делает?

Уайт задумался и почесал в затылке. Как и большинство обитавших на Тортуге пиратов, он не был силен в интригах.

— Да говорят, не покупал он его, — возразил Робер, — домишко брошенный был, хозяева на континент отбыли. Долго стоял пустой, даже окна выбиты — сам видел... А как принц дочек губернаторских освободил, так в домике и поселился, отстроил — просто загляденье. Думаю, презент это от нашего любезного де Монтенона, плата за услугу...

— Ну вот, Робер — ехидно заметил Уайт, — никому нельзя, а принцу можно. Ему всё с рук сходит. Как только его люди терпят?

— Зря ты так, Гарри, — осадил его француз, — не навечно же... Год-другой, и денег накопить можно, а там и на берег. Главное — делит честно, да и у квартирмейстера всё на счету...

— Насчёт добычи согласен, — поддержал товарища матрос, — у белобрысого франта ни песо не затеряется... Раньше счетоводом был, говорят... Вот и терпят, скрепя сердце... Знают, что ненадолго...

— Глянь-ка, квартирмейстер собственной персоной! — рассмеялся один из молодых парней, — Лёгко на помине! Смотри, как вырядился — чистый граф... Не зря их «палатой лордов» называют...

Дядюшка Жорж хмыкнул, приободрился и шепнул несколько слов подбежавшему парнишке-разносчику.

В дверном проёме показался Питт Уоллес. Одетый в светло-серый камзол, юноша стоял, небрежно облокотившись о косяк обитой железом мангровой двери. Светло-русые волосы мягкими волнами падали на плечи. Рука в серебристой шёлковой перчатке спокойно лежала на рукоятке шпаги, а на пальце красовалось кольцо с крупным розовым бриллиантом.

— Привет, папаша Жорж! — приветливо кивнул он трактирщику, — налей-ка тарелочку черепахового супа и стаканчик малаги. Да пулярку пожирнее...

— Богато живёшь, Питт, — хмыкнул Робер, — где пропадает твой капитан? Давно его не видно.

— Всё дела, — довольно отозвался Уоллес, — недавно какао продал, а сегодня насчёт мебели пошёл договариваться. В последнем рейде захватили.

Посетители таверны дружно рассмеялись. Несмотря на распри между капитанами, ненависть к испанцам была намного сильнее.

— А правда, что он — настоящий принц? — поинтересовался любопытный юнга, уплетавший галеты за соседним столиком, — всякое здесь болтают... Говорят, он то ли из Стюартов, то ли из Болейнов...

— А разве не Тич из Болейнов? — возразил сидевший рядом с ним молодой матрос, — да только не похож Тич на аристократа, вот принц — другое дело...

— Хватит вам, ребята! Дайте поесть! — Питт весело махнул рукой и принялся за наваристый суп, который Мадлен уже успела подать на его столик.

— Осторожно, парни, а то сам принц объявится, — вполголоса хмыкнул Гарри, — уж он-то оторвёт вам уши, бездельники.

— Да нет его, — ехидно заметил юнга, хитро подмигнув соседям по столику и тихо присвистнув, — он сейчас в своём домике. Как-то я мимо проходил, да заглянул в окошко. У него там такая девчонка в комнате... Красотка! По всему видно — настоящая леди, не то, что некоторые, — парень презрительно покосился он на заигрывающую с Робером Мадлен.

Питт поперхнулся и вскочил с места. Испуганный малец вылупил глаза и уставился на перекошенное лицо квартирмейстера.

— Да нет, месье Уоллес... Померещилось мне, темно там было... Не видел я никого...

— Ну и молчи, — отрезал Питт, — надоело болтовню вашу слушать...

Аппетит вдруг пропал. К вящему удовольствию вечно голодных мальчишек, Уоллес оставил на столе добрую половину супа и нетронутую пулярку. Громко хлопнув дверью, он вышел из таверны и направился в гавань, где стояли на якоре корабли Сильвера.

Большинство членов команды ещё работали — кто на ремонте, кто на заготовке леса. Свободные от дел пираты, разбившись на группы, совершенствовались в фехтовальном искусстве прямо на палубе. Бросив сумрачный взгляд на азартно дерущихся парней, квартирмейстер направился к себе в каюту.

Надо сказать, что слава молодого капитана среди «берегового братства» в этот период неуклонно приближалась к зениту. Даже необычная внешность и манеры не раздражали флибустьеров. Изящество, с которым хрупкий юноша отдавал приказ атаковать очередной испанский галеон, вызывали не меньшее восхищение, чем остроумие, с которым он планировал очередную военную операцию. Храбрость его граничила с безрассудством, но он слыл везунчиком, которому всегда удавалось выходить невредимым из самой опасной схватки.

Во время стоянки Сильвер частенько удалялся в свой домик на берегу, чтобы отдохнуть от суеты на корабле, и проводил там порою несколько ночей подряд. Как правило, в эти дни его сопровождал Вольверстон, не позволявший никому входить в дом без разрешения капитана. Командование эскадрой в это время столь же неизменно поручалось Питту Уоллесу, которому надлежало неотлучно находиться на кораблях, в случае необходимости отправляя за капитаном посыльного.

В остальное время за жилищем присматривала Мэри Кэт. Эта невзрачная девушка, появление которой внезапно осветило уже окончательно погрузившееся во тьму прошлое семьи Брэдфорд, была взята Питером в дом в качестве служанки и занимала в отдельный флигель. Поначалу ходили слухи о возникшей между ними симпатии, но Питер имел репутацию человека, равнодушного к женщинам, а Мэри Кэт была до крайности некрасива. Поэтому эта история вскоре забылась, и лишь однажды произошедшие на острове события на какое-то время воскресили к ней интерес.

Захлопнув за собой дверь каюты, расстроенный квартирмейстер тут же повалился на кровать. В мозгу его всё ещё звучали слова юнги, а сердце жгла обида. Питт сам не отдавал себе отчёта в том, что произошло. Может быть, это было окончательное крушение прежних надежд, пусть даже тайных? Но он ведь уже и так почти расстался с ними.... Уоллес и Сильвер были неразлучными друзьями, и квартирмейстер не раз пристально всматривался в лицо товарища, ища в знакомых чертах подтверждение давних подозрений. Случайный жест, вскользь обороненное слово, озорные искорки, мелькнувшие в глубине синих глаз — и в сердце Питта вновь оживала вера в невозможное.

«Будь настойчив, поговори с ним», — тихо шептала ему на ухо упрямая надежда, — «подобное сходство не может быть случайностью...»

Как не пытался квартирмейстер заглушить в себе это странное чувство, назойливые мысли вновь и вновь возвращались. Но потом на горизонте появлялась очередная испанская эскадра, и капитан отчаянно бросался в бой. Глаза его вспыхивали холодным блеском, а выражение почерневшего от копоти лица становилось жёстким и непреклонным. «Не может этого быть», — думал Питт, вглядываясь в черты друга, среди дыма и канонады забывавшего о грозившей ему смертельной опасности, — «Нет и ещё раз нет... Только представь себе, как дерзко рассмеётся Питер в ответ на твои слова»...

Нет и ещё раз нет... Но почему же такой болью отозвались в его душе слова портового мальчугана? Почему он вдруг почувствовал, что лучший друг его предал? Да почему же предал? Разве Питер не имел право строить свою жизнь заново? Разве должен он всю оставшуюся жизнь оплакивать погибшую кузину?

В дверь постучали, и на пороге появился Крисперс.

— Эй, адмирал-бездельник, вставай! — буркнул он, — Принимай вахту. Питер тебя уже битый час искал — всё найти никак не мог. Они с Нэдом на берег сошли.

— Опять на целую ночь? — Уоллес сел и сделал вид, что протирает заспанные глаза, стараясь, чтобы шкипер не заметил его волнения.

— А тебе-то что? Захотел и ушёл — всё равно мы здесь стоим на приколе. Марш на палубу, адмирал!

Крисперс, дружески похлопав квартирмейстера по плечу, удалился. Питт, как ошпаренный, вскочил со своего ложа.

Так вот, значит, что! Развлекаться пошёл... А может быть, и вправду...

Мысли, словно перепуганные птицы, в панике носились в голове квартирмейстера, стараясь перекричать друг друга и громко хлопая невидимыми крыльями. Уоллес сжал руками голову. «Спокойно, Питт», — подумал он, — «главное — не показать волнения. Надо во всём разобраться». Поправив помявшийся камзол и пристегнув саблю, он вышел из каюты и поднялся на палубу.

Вскоре над островом сгустились сумерки, и свободные от вахты моряки направились спать. Неожиданно на баке раздались громкие крики и брань. Уоллес взглянул в сторону, откуда доносились звуки. Майкл Черри и один из новичков горячо спорили о чём-то, размахивая руками. Питт быстрым шагом направился к ним, но не успел он произнести хотя бы слово, как спорщики выхватили сабли и бросились друг на друга. Пытаясь остановить драчунов, Уоллес прибег ко всем известным ему способам убеждения, но соперники были непреклонны — рассудить их может лишь капитан.

«Вот что значит счастливый случай», — подумал Питт, — «сегодня я навещу твой дом, дружище Питер. Посмотрим, что ты там прячешь».

Ещё одно счастливое совпадение ждало его у калитки — Вольверстона в саду не было. Со всей осторожностью направился Питт по засыпанной песком дорожке. Подойдя к дому, он обошёл его со всех сторон, тщетно пытаясь заглянуть в плотно занавешенные глухими шторами окна. Окончательно отчаявшись найти разгадку, квартирмейстер уже собирался постучать, как вдруг увидел, как в маленьком окошке, выходящем во двор, зажёгся мерцающий свет. Снедаемый любопытством, Питт заглянул в маленькую щёлку между портьерами, и вдруг остановился как вкопанный. За белоснежной кисейной занавеской мелькнул профиль девушки, одетой в белоснежную сорочку. Сердце Питта словно остановилось — профиль, движения, манеры — всё до такой степени напомнили ему Арабеллу Брэдфорд, что он замер, широко раскрытыми глазами уставившись в окно. Девушка быстро развернулась и, видимо поняв, что за ней наблюдают, лёгким движением задёрнула занавес и прикрыла ту самую щёлку, в которую удалось заглянуть любопытному квартирмейстеру.

Сердце несчастного влюблённого бешено колотилось. Мысли его путались, а надежда, мелькнув на мгновение, тут же исчезла, уступив место бурно вскипавшему в душе гневу. Забыв о терзавших его в течение года подозрениях, Питт недвижно стоял, сжав кулаки и уставившись в плотно занавешенное окно. Так вот, какой он — его друг и капитан Питер

Сильвер! Значит он, заставив всех дать страшную клятву не прикасаться к женщинам, сам без зазрения совести нарушал её, предаваясь любовным утехам в компании Арабеллы Брэдфорд. Конечно! Но как он мог так ошибиться! Ища разгадку тайны исчезновения тела погибшей возлюбленной, он просто пошёл не по тому пути... Значит, она действительно жива, а Питер обманул всю команду, и прежде всего его, Питта! Значит, вся его грусть была лишь искусным притворством?

Но какова она! Отважная, бесстрашная девушка, способная дать фору любому матросу! Почему она позволяет держать себя взаперти? Какую власть над ней имеет её кузен? Квартирмейстер твёрдо решил потребовать ответа на мучившие его вопросы. Развернувшись, он направился к двери и уверенно постучал в неё кулаком. На стук вышел Вольверстон. Он был спокоен, и в ответ на высказанное в далёких от дипломатического протокола словах требование впустить его к капитану, с нарочитым равнодушием произнёс:

— Питер сейчас выйдет.

— Где Арабелла, Нэд? — выкрикнул Уоллес, — Где её прячет этот предатель?

Квартирмейстер твёрдо решил не откладывать момент окончательного объяснения с тем, кого с полной уверенностью считал сообщником лжеца.

Вольверстон удивлённо пожал плечами и отечески взглянул на разъярённого квартирмейстера.

— Что с тобой, Питт? Успокойся, мой мальчик. Ты же знаешь, что здесь нет никакой Арабеллы. Тебе больно слышать это, но ты же знаешь, что она умерла

Питт сжал кулаки и с трудом сдерживался, чтобы не броситься на собеседника:

— Хватит лгать, Нэд! Вы спрятали её здесь, и Питер с ней развлекается. Здесь, в этом самом доме! Он — клятвопреступник. Я подниму людей и буду требовать суда.

— Что за бред несёшь, Питт! — нахмурился Вольверстон, — ты что, пьян?

— Я не пьян, Нэд, а вы оба — бессовестные лжецы! Я видел её собственными глазами. Здесь, в этом доме, в одном из окон. Она была в ночной сорочке и держала в руках зажжённую свечу. Увидев меня, она плотно завесила шторы.

Вольверстон молчал. Внешне спокойный, он стоял в дверном проёме и глядел в лицо разъярённому Уоллесу. Единственный глаз странно поблёскивал в темноте, и во взоре его отражались неуверенность и сомнения. Питт был абсолютно уверен — старый вояка скрывает какую-то страшную тайну. Неловкая пауза повисла в воздухе, но вдруг из глубины дома раздался звонкий голос Питера.

— Здесь нет Арабеллы, Питт, и ты не мог её видеть

Капитан вышел из комнаты, широко открыл дверь и стал возле неё, облокотившись на косяк с таким расчетом, чтобы Уоллесу было видно всё, находящееся внутри. Он был в неизменном чёрном камзоле, а щёгольски расправленные кружева служили весомым аргументом того, что их владелец занимался своим внешним видом не менее десяти минут. На перевязи болталась сабля — предмет, в значительной степени затрудняющий галантное времяпрепровождение. Питт удивлённо уставился на капитана. Похоже, он действительно просто сидел у себя в комнате, предаваясь чтению или размышлениям. Но ведь он видел Арабеллу! Видел своими собственными глазами! Неужели он мог так обмануться?

— Я видел её так же ясно, как вижу тебя!

Питер молчал. Смуглое лицо казалось совершенно бесстрастным, лишь в глазах появился странный блеск. Разбушевавшийся квартирмейстер несколько раз порывался выхватить саблю, но каждый раз пристальный взгляд капитана будто приковывал его к

месту.

— Ты лгал мне, Питер! Ты обманул нас всех. Зачем ты её прячешь? Ты же знаешь, что она могла бы быть членом нашей команды, а не сидеть взаперти в этом доме!

Отстранившись от косяка, Питер жестом указал на окончательно открывшийся дверной проём, словно приглашая друга проследовать внутрь:

— Заходи, Питт. Осмотри всё — комнаты, погреб и всё, что хочешь. Мы с Нэдом будем ждать здесь. Только не забудь проверить, нет ли в доме потайных дверей, которые открываются случайным поворотом ручки или лёгким нажатием руки.

Капитан грустно улыбнулся, но несчастному ревнивцу было не до шуток.

— Не раньше, чем ты ответишь за свою ложь и за свой гнусный поступок! — выкрикнул Питт. Выхватив оружие, он вбежал на веранду и бросился на капитана. Реакция Сильвера была мгновенной — сабли скрестились.

— Будем драться, пока один из нас не умрёт, — прорычал разъярённый квартирмейстер

— Как тебе угодно...

Питт яростно нападал, а Сильвер защищался холодно и бесстрастно, намеренно осуществляя лишь те атаки, которые его противник мог отразить.

— Не смей вести себя как учитель фехтования! — возмущённо крикнул Уоллес, — я вызвал тебя на дуэль и требую удовлетворения!

— А я и даю тебе это удовлетворение, — усмехнулся Питер, сделав обманный манёвр и легко уколыв друга в руку, — разве ты не почувствовал?

— Прекрати играть со мной в поддавки! — голос Уоллеса срывался от охватившего его гнева, — я сейчас же убью тебя!

Вольверстон молча наблюдал за схваткой, в которой сцепились двое его лучших друзей. Наконец, поняв, что капитан совсем ослабил оборону, бросился между ними:

— Прекратите немедленно, иначе произойдёт непоправимое! — и вдруг замолчал, словно испугавшись собственных слов.

Оба соперника остановились, глядя на старика, единственный глаз которого сверкал гневом.

Сильвер отшвырнул саблю. Квартирмейстеру ничего не оставалось, кроме как последовать примеру товарища.

— Что ты хотел сказать, Нэд? — Питт с тревогой взглянул на старого вояку.

— Если ты убьёшь Питера, то никогда не простишь себе этого! — глухо произнёс Вольверстон

— Никогда не буду жалеть, что убил предателя и клятвопреступника! — проворчал всё ещё раздражённый квартирмейстер.

Вольверстон задумался. Он будто взвешивал в уме то, что имеет право сказать, а что должно остаться в тайне независимо от исхода дуэли.

— Ты не всё знаешь, Питт, — медленно произнёс он.

— Что ты имеешь в виду? — с замиранием сердца спросил Уоллес. На лбу его выступил холодный пот. Да, этот старый морской волк точно владеет каким-то страшным секретом, который не может раскрыть никому. Но что это за тайна?

— Мы с Питером родственники? Мы — братья? Может быть, Арабелла — моя сестра? Или же..., - давние подозрения вновь возникли в мозгу Питта, но, взглянув в холодные глаза прислонившегося к стене адмирала, он осёкся и замолчал. Момент был явно не подходящий — всё это наверняка лишь бред больного воображения. Питер же точно поднимет на смех

безумца, высказавшего столь абсурдное предположение.

Уоллес перевёл взгляд на Вольверстона. Тот по-прежнему хранил безмолвие.

— Почему я не прощу себе смерти Питера? Отвечай, Нэд! Не лги мне, хотя бы сейчас скажи мне правду...

Вольверстон попеременно глядел то на побледневшего Уоллеса, то на по-прежнему невозмутимого капитана. Наконец Питер улыбнулся. Сделав шаг вперёд, он протянул другу руку:

— Нэд хотел сказать, — примирительно произнёс капитан, — что мы с тобой друзья, и наша дружба бесценна. Мы не должны рисковать ей из-за того, что тебе почудилась тень Арабеллы Брэдфорд.

— А что же это за женщина была в окне? — всё ещё не веря в произошедшее, спросил Питт

— Это была Мэри Кэт, — равнодушно ответил Питер, — в её домике нет ванной, а она девушка скромная, и не решалась просить разрешения воспользоваться моей. Сегодня я похвалил её за работу и предложил прибавить ей жалование, а она обратилась с просьбой вместо этого позволить ей иногда принимать ванну из трав. Я согласился, и она тут же искупалась, а затем ушла в свою комнату, чтобы немного обсохнуть. Мы с Нэдом в этот момент были в гостиной. Если бы ты не взбесился как сумасшедший, то сам бы убедился в этом. Заходи в дом, и ты увидишь всё собственными глазами.

Капитан вновь указал рукой на открытый дверной проём. Питт прошёл через гостиную и направился в спальню. Всё в ней было тщательно убрано, а кровать была застелена шёлковым покрывалом — Питер ещё не ложился спать. Стену над кроватью украшал портрет супругов Брэдфорд. Убранство помещения ничем не напоминало жилище моряка — поверх наглухо закрывающих окно тёмных штор причудливо струились мягкие бежевые занавески, на низеньком резном столике были разбросаны ноты и книги в старинных переплётах, а в мягком кресле покоилась небрежно брошенная лютня. Увиденное немного успокоило квартирмейстера, и он понял причину того, что Сильвер не позволяет никому приходить в его жилище. Здесь он погружался в свой потайной внутренний мир, скрытый от посторонних глаз и так не похожий на мир отчаянного и бесстрашного головореза.

Уоллес подошёл к окну и выглянул наружу, отодвинув плотно закрытую штору. Нет, это было не то окно, в котором ему почудился знакомый профиль. Внимательно осмотрев всё, включая гардеробную, заполненную дорогими камзолами из бархата и камелота, он опустился на колени и заглянул под кровать, а затем направился в ванную комнату. Там ещё стоял пряный запах трав — наверное, Питер был прав, и Мэри Кэт действительно принимала ванну. Уоллес придирчиво заглянул в каждый уголок, но так и не нашёл в ней ничего, что компрометировало бы его друга. Наконец, убедившись, что и здесь никого нет, он вновь вышел в коридор и заглянул в маленькую каморку. В ней, сжавшись в комочек на низеньком табурете, сидела Мэри Кэт. Питт сразу узнал девушку. Веснушчатое угловатое лицо, светлорыжие волосы, зеленовато-серые невыразительные глаза, неловкость движений... Разве мог он принять сидевшую перед ним дурнушку за благородную красавицу, тем более, что последняя всё ещё безраздельно властвовала в его сердце? С другой стороны, щёлка между шторами была уж слишком узка... Увидев решительно настроенного посетителя, служанка ещё больше сжалась и тихо задрожала.

— Можно осмотреть твою комнату, Мэри? — ласково спросил он, пытаясь ободрить перетрусившую девушку

— Да, мистер Уоллес, — произнесла она, выходя в коридор, чтобы дать возможность Питту обследовать каждый уголок.

— Скажи мне, Мэри, здесь была какая-нибудь ещё женщина? — сверля глазами испуганную девушку, произнёс Питт

— Нет, только я, — уверенно кивнула Мэри.

«Вряд ли она лжёт», — подумал квартирмейстер, — «она такая трусиха, что легко выдала бы себя», и тут же добавил

— Кто был в ночной сорочке перед окном?

— Это была я, — простодушно ответила девушка, — Я попросила капитана разрешить мне принять ванну, но как только увидела Вас, я сразу же задёрнула занавеску.

Питт выглянул в окно. Действительно, именно в нём ему и почудилась Арабелла Брэдфорд.

«Леди в комнате служанки? Вряд ли это возможно. Хотя, если Питер с ней ведёт себя как тиран — кто знает...» — подумал он, всё ещё прислушиваясь к грызущей его сердце ревности и, решив окончательно прояснить ситуацию, добавил вслух:

— Можно мне осмотреть твои вещи?

— Да, мистер Уоллес, — шепнула едва живая от страха девушка

Питт открыл дверцу гардероба и осмотрел все платья. Белоснежная ночная сорочка с кружевами висела в шкафу. Она была ещё влажной, и от исходившего от неё пряного запаха ароматических трав квартирмейстер почувствовал лёгкое головокружение. Кровь прилила к его лицу, и невозможное вдруг показалось вполне реальным.

— Какие у тебя отношения с капитаном?

Неужели некрасивая, но покорная Мэри для Питера лучше, чем не умеющие держать язык за зубами бойкие красотки с Тортуги? Может быть, именно она — дама его сердца?

— Я его служанка и слежу за домом, — спокойно ответила девушка

— И только? — удивился Питт, — капитан хотя бы раз домогался тебя? Может быть, ты сама пыталась его соблазнить?

— Нет, мы с ним почти не разговариваем. Когда он дома, я стараюсь не выходить из моего флигеля, и только сегодня попросила у него разрешения быть в этом доме. Я уже собиралась уходить, когда услышала крики в прихожей. Я честная девушка, господин Питт, и буду принадлежать только тому мужчине, который станет моим мужем.

— А эта комната? Чья она? — не унимался Уоллес

— Здесь я живу, когда капитана нет дома. Я каждый день делаю уборку.

— Можешь поклясться, что всё, сказанное тобой сейчас, правда? — угрожающе спросил Питт, — ты знаешь, что если ты мне солгала, то будешь гореть в аду.

Девушка спокойно произнесла клятву

— Мне не за что краснеть перед Богом, — добавила она, кивнув головой на лежавшее рядом с кроватью Евангелие.

— Знай, Мэри, — продолжал угрожать ей Питт, — Питер дал страшную клятву, что до конца жизни не притронется к женщинам. Поэтому если ты соблазнишь его, то погубишь не только себя, но и его.

— Я уже сказала Вам, что не собираюсь этого делать, — голос девушки по-прежнему был спокоен, — капитан никогда не женится на простой служанке, а мне нужен лишь тот человек, который станет моим мужем.

— Ты молодец, Мэри, — ободряюще кивнул ей Питт, — твоему мужу крупно повезёт.

Скажи, а есть ли здесь погреб?

— Я провожу Вас, господин Уоллес

Они спустились вниз и осмотрели просторное холодное подземелье. В нём никого не было, но Уоллес внимательно исследовал каждый уголок — ревность постепенно утихла, а помещение показалось ему идеальным местом для хранения добычи. Тем более что в этом случае дом должны были постоянно охранять несколько верных ему людей и он сможет узнать обо всех, кто переступит порог этого дома. Чтобы окончательно успокоиться, а заодно и понять, как организовать посты у дома, Уоллес осмотрел сад и флигель Мэри. На узеньких тропинках были следы его ног, а также огромных сапог Вольверстона и изящной обуви самого капитана. Следы Мэри Кэт были немногочисленны и вели от флигеля в дом. Всё ещё недоумевая, как он мог принять некрасивую служанку за благородную госпожу, квартирмейстер вернулся в прихожую, где его ждали Питер и Нэд. Оба сидели на диване, но Вольверстон был слегка встревожен, а Питер, по своему обыкновению, спокоен и невозмутим.

— Ну что, Питт, — улыбнулся он, обратившись к другу, — убедился, что здесь нет Арабеллы Брэдфорд?

— Да. Но всё же, Питер, поклянись мне, что всё это правда. Я знаю, что ты иногда посещаешь церковь, а значит, ты веришь в Бога и не решишься солгать.

Сняв нательный крест, Питер ровным голосом произнёс слова клятвы.

— Клянусь Всевышним Богом, который видит и слышит меня сейчас, что в этом доме никого не было, кроме меня, Нэда, Мэри Кэт и тебя самого. Клянусь, что никто, кроме названных мною людей никогда не переступал порога этого дома с того самого момента, как я приобрёл его.

— А Мэри Кэт?

— Она только служанка.

Уоллес молча глядел в окно. Неужели он ошибся, приняв Мэри Кэт за Арабеллу? Может быть, он просто стал забывать её черты? Или он будет видеть её в каждой встретившейся ему женщине? Да и не только в женщине — ведь он даже Питера подозревал... Неужели это наваждение продлится до конца жизни?

Пока Уоллес размышлял, забыв, зачем он пришёл в дом к капитану, а тот с непроницаемым выражением лица сидел рядом с ним на диване, Вольверстон никак не мог успокоиться. Он встал, несколько раз прошёл взад-вперёд по гостиной. Последняя, однако, была слишком мала для того, чтобы прогулка по ней помогла этому верзиле обрести душевное равновесие.

Наконец он остановился и грозно взглянул на друзей, один из которых только что едва не убил другого:

— Теперь ты, Питт, поклянись, что никогда в жизни не поднимешь оружие на Питера, — не сводя глаз с квартирмейстера, произнёс он

— Почему я должен дать такую клятву? — удивился тот, — а Питер? Значит, он сможет пристрелить меня, и я не буду иметь возможности защититься?

На губах капитана мелькнула едва уловимая усмешка, и он многозначительно подмигнул квартирмейстеру.

— Питер никогда не причинит тебе зла, — успокоил его Вольверстон, — разве он не показал тебе это сегодня?

— Почему же? Что вы оба скрываете от меня? — с нетерпением спросил Уоллес, в

голове которого вновь возникли самые невероятные подозрения.

— Не надо задавать так много вопросов, Питт, — отечески улыбнулся ему одноглазый гигант, — просто поклянись, что никогда не поднимешь руку на своего друга. Неужели тебе мало этого объяснения?

— Ладно, — нехотя произнёс он, — клянусь никогда не драться с Питером и не поднимать на него оружие. Обещаю всегда защищать его, как защищал бы собственного брата.

— Учти, Питер, — добавил Уоллес, хитро подмигнув капитану, на губах которого всё ещё играла загадочная улыбка, — взамен ты разрешишь мне использовать твой погребок для хранения наших запасов.

— Отличная идея, — непонятная квартирмейстеру улыбка исчезла, а Сильвер встал и встряхнул чёрными локонами парика, в считанные мгновения превратившись из таинственного незнакомца в прежнего отчаянного головореза, — конечно, если команда мне по-прежнему доверяет. Кстати, зачем ты ко мне пожаловал? Ведь не затем, чтобы искать здесь Арабеллу Брэдфорд?

Уоллес коротко рассказал ему о произошедшей на «Арабелле» ссоре, и они немедленно вернулись на корабль, оставив дом на попечение Мэри Кэт. Наутро на общем собрании эскадры он предложил перенести ценности в подземелье дома Сильвера и выставить рядом посты охраны из помощников квартирмейстера. Команды согласились, и с тех пор у одноэтажного строения с апельсиновым садом неизменно дежурили не менее восьми вооружённых головорезов, лично подчинявшихся Уоллесу, а во время выхода основной команды в море к ним присоединялись ещё четверо. Забрав у капитана ключ от подземелья, Питт повесил его себе на шею, не расставаясь с ним даже во время самых отчаянных переделок. Видимо, сей драгоценный предмет оказал целительное воздействие на душевное состояние квартирмейстера, поскольку с тех самых пор призрак Арабеллы Брэдфорд более его не беспокоил.

Глава 22. Проводник

Насупившийся губернатор в задумчивости прохаживался по кабинету. Опять Мари Жермен... Вот кто способен довести его до апоплектического удара! А ведь всего несколько месяцев назад казалось, что неприятности позади. Хотя нет. Он подозревал. Давно — с того самого дня, когда впервые пригласил на обед этого франта. Просто старался не думать. Поначалу пользовался им, чтобы разделаться с более опасным противником, но потом... Зачем он вновь и вновь зазывал его на обед? Похвастаться очередным бриллиантом в собственной короне? Вот уж истинно французское бахвальство! Но де Жуайен тоже хорош гусь. Как только на флоте терпят столь легкомысленных субъектов? Мало того, что угодил в ловушку, расставленную испанским капером, так ещё и сражение проиграл! А Сильвер... Молод, удачлив, ни разу не спасовал перед опасностью, манеры — как у истинного аристократа. Спас бедную пленницу, явившись пред ней под белыми парусами, словно рыцарь на белом коне. Всё ясно как день — как тут не влюбиться. Но что делать теперь? Откровенно поговорить с Сильвером? Сказать ему, что никогда не отдаст свою дочь за пирата? Пойти на сделку с Уайтом? А может, просто ждать, надеясь на благополучную развязку? Тем более что интуиция настойчиво шепчет, что капитан не столь уж рад столь внезапному порыву чувств его взбалмошной дочери.

В дверь осторожно постучали. На пороге показался слуга.

— Гарри Уайт. Просит, чтобы приняли.

— Зови. А ты иди, Пьер.

Губернатор отвернулся к окну. Часы на стене неумолимо отсчитывали мгновения. За дверью слышались уверенные тяжёлые шаги.

— Разрешите, Ваше превосходительство?

— Входи, Гарри. Садись.

Откинув голову, матрос он уверенно устроился в кресле. Ни тени волнения — лишь лёгкая усмешка на губах.

— Так Вы согласны, Ваше превосходительство?

Француз молчал. Мерно тикали часы, а в такт им гулко пульсировала кровь в висках губернатора. Сделать выбор... Избавиться от Сильвера и собственных сомнений, или...

Уайт пристально взглянул на собеседника:

— Уверяю Вас — одно Ваше слово, и с принцем будет покончено.

Мари Жермен нервно вертела в руках маленький веер. Что происходит? Почему отец, до сих пор благоволивший Сильверу, теперь всё чаще смотрит на него с неприязнью? Почему он принимает у себя его врагов?

— О чём задумалась? — поинтересовалась подошедшая Сюзан

— Никак не пойму, Сюзан... Сильвер спас нас от большой беды, а отец вдруг так переменялся к нему. Вот опять уже полчаса как с Уайтом беседует. Де Жуайен всё шепчется с ним о чём-то. Мне страшно. Боюсь, что с Сильвером случится что-то ужасное.

— Конечно, отец недоволен, — будто отрезала сестра, — ты же только на принца и смотришь.

— Но разве он не аристократ? Отец сам говорил, что его отец — Джеймс Стюарт.

— Во-первых, это ещё надо доказать. Сама знаешь — ради выгоды пират любую историю сочинит. К тому же Сильвер протестант. Вступив с ним в брак, ты никогда не

сможешь вернуться во Францию. Да и подумай — как в Париже отнесутся к тому, что дочь Анри де Монтенона вышла замуж за морского разбойника?

— Ты права, Сюзан. Но всё же... Ты же видишь, какой он. Граф слишком изнежен, и он боится опасности. А Питер..., - краска густо залила лицо девушки, — Питер защитит, выручит из беды выручит, даже если жизнью рискнуть придётся. Знаешь, его однажды низложить собирались из-за какой-то испанки.

— Да уж, — пробормотала Сюзан, — видно, ты серьёзно увлечена им. Взгляни — а вот и сам Сильвер, собственной персоной!

— Ой, мамочка! — девушка подбежала к окну и дрожащей рукой отодвинула занавеску. Легко помахивая тростью, капитан уверенно следовал по тропинке, направляясь к дому.

— Согласись, Сюзи — он просто красавчик, — взволнованно щебетала Мари Жермен, — и при этом ещё храбрец...

Уайт хмурился и нервно покусывал кончики усов. Нерешительность губернатора раздражала его. Расправа с обидчиком откладывалась на неопределённое время.

— Подумайте ещё раз, Ваше Превосходительство. У Вас просто нет другого выбора. Ещё немного, и этот хлыщ станет Вашим зятем!

Снова стук в дверь. Де Монтенон обернулся. Наконец-то. Вот оно — спасение.

— Капитан Сильвер, — доложил слуга.

— Пусть подождёт в гостиной, Пьер. Иди. Я сам приму капитана.

Дверь, скрипнув, затворилась.

— Но Ваше Превосходительство...

— Иди, Гарри. Ступай. Пройдёшь через веранду в сад. Постарайся, чтобы тебя никто не заметил.

Убедившись, что Уайт покинул дом, губернатор проследовал в гостиную. Сильвер сидел на диване, листая оставленный кем-то из домочадцев потрёпанный томик Ронсара.

— Рад видеть своего дорогого приятеля, — губернатор приветливо улыбнулся, но в чётрах его мелькнуло что-то недоброе, — а я уже собирался отправить за Вами посыльного.

— Ваше Превосходительство..., - начал было Сильвер, но Монтенон перебил его.

— Можешь называть меня просто Анри. Мы же друзья, и кто знает, может, родственниками вскоре станем? Или же намерения моего милого Сильвера не столь серьёзны?

Странная усмешка скользнула по холёному лицу де Монтенона. Сильвер, чуть прищурившись, невозмутимо взглянул на собеседника.

— Я тоже хотел поговорить с Вами. Подобное развитие событий не в наших интересах. Надеюсь, Вы не забыли наш первый разговор?

— Помню-помню. Вы говорили, что недолго задержитесь на Тортуге.

— Да, конечно, — кивнул ему Сильвер, — через полгода я собираюсь в Испанию.

Губернатор выпучил глаза и подпрыгнул в кресле

— В Испанию?

— Да, в Кадис. Пока это лишь планы. Не знаю, удастся ли мне их осуществить. Может быть, на этом и закончатся странствия капитана Сильвера.

Монтенон молчал. Расстаться с курицей, несущей золотые яйца? Нет, он должен сделать всё, чтобы оставить удачливого капитана на Тортуге. Губернатор вновь улыбнулся, но на этот раз лицо его светилось любезностью.

— Не думаю, капитан, что стоит спешить со столь рискованным делом. Подумайте —

здесь, совсем рядом, можно найти настоящие золотые россыпи. Понимаю — амбициозные планы требуют средств. Можете всегда рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо, Ваше Превосходительство, — понимающе кивнул Сильвер, — мне очень жаль, что я не могу ответить на чувства Вашей дочери.

Монтенон испытующе взглянул на капитана, но тот выдержал взгляд.

— Можете ли Вы дать гарантию...

— Надеюсь, моего слова достаточно?

Губернатор облегчённо вздохнул. Боль, пульсировавшая в висках, постепенно отступала. С Сильвером всё решено, а уж с дочерью он как-нибудь разберётся.

Питт Уоллес в задумчивости прохаживался по палубе «Арабеллы». Вот уже несколько месяцев прошло с тех пор, как призрак его возлюбленной встал между неразлучными друзьями. Эскадра Сильвера выходила в море, захватывала курсирующие между Гаваной и Пуэрто-Бельо испанские суда, совершала налёты на ловцов жемчуга и на испанские прибрежные поселения. Казалось бы, Питер ничуть не изменился. Он был таким же дерзким головорезом, с отчаянным азартом бросавшимся в бой. Но почему же Питту всё чаще чудилось, что капитан намеренно держит его на расстоянии? Будто он так и не забыл ту ночь, когда они скрестили сабли в смертельном поединке. Раньше приятели частенько беседовали о прошлом, а теперь Сильвер всякий раз находил благовидный предлог, чтобы избежать откровенного разговора. Однажды, в ответ на заданный Питтом прямой вопрос, он пожал плечами и сухо ответил: «Я всё тебе рассказал. Что ещё?». С тех пор они более не вспоминали об этом, а Уоллес вновь оказался наедине со своими сомнениями, которые поверял лишь своему старому другу Стилли.

«Вот и на этот раз — оставил на меня эскадру, а сам отправился к любезному другу де Монтенону!», — думал Питт, глядя на оживлённо шумевшую пристань, — «Даже Нэда с собой не взял. Надел лучший камзол, надушился. Теперь всё чаще один, в таверну уже дорогу позабыл. Папаша Жорж, и тот всё время о нём спрашивает, интересуется, куда пропал»

— О чём задумался, Крез? Считаешь, сколько заработал? — прервал невесёлые мысли раздавшийся неподалёку голос шкипера, — странный ты стал, дружище...

— Ничего особенного. С капитаном вот что-то происходит.

— Всё просто, Питт, — заговорщицки подмигнул Крисперс, — не для него это. Четыре галеона да две барки с жемчугом? Разве это для принца — настоящее дело? Сам же говорил, что отец его — Джеймс Стюарт.

— Не думаю, что он скучает, — с горечью усмехнулся Питт, — всё светские развлечения...

— Ты так и не понял, приятель. Питер не может жить без риска, без настоящей авантюры. Вот и ищет, что бы такое проверить. Слышал, как он испанцев допрашивал?

— Да нет, мне не до того было...

— Понимаю — ты, конечно же, улов в трюмах считал. Он про Кадис интересовался, про Панаму. Всё пытался узнать, что при дворе происходит. Думаешь, просто так один к губернатору отправился?

— Не знаю, что и сказать, — пробормотал квартирмейстер.

— Нет, правда, Питт, надо с ним поговорить! — не унимался шкипер, — мы достаточно сильны, да и момент подходящий. Вспомни Моргана!

— Вы про Панаму? — оживился подошедший Черри, — я сегодня утром в таверне был, там тоже об этом судачат. Несколько капитанов хоть сегодня готовы выйти под началом

Питера, другие думают, но вот-вот согласятся. Самое время. Тем более что принц наш такой везунчик.

— Капитан идёт! Один! — раздался голос вахтенного, и собеседники, оправившись, заняли свои места.

На пристани появилась знакомая фигура в чёрном камзоле. Сильвер был немного бледен, но двигался быстро и уверенно.

— Поговори с ним, Питт, — ободряюще произнёс шкипер, — вы же друзья. Уверен, что он прислушается к твоим словам.

Поднявшись на квартердек, капитан кивнул встречавшим его офицерам и сделал знак Вольверстону, неожиданно появившемуся на палубе:

— Привет, ребята! Нэд, зайди ко мне.

— Держись, Питт, не дрейфь, — шепнул Стилл на ухо Уоллесу, едва остальные офицеры разбрелись по своим постам, — потолкуй с ним по-дружески. Удачи тебе!

Стилл отечески похлопал квартирмейстера по плечу и отошёл к фальшборту. Питт, осторожно спустившись вниз, направился к капитанской каюте. Дверь была не заперта, и проголодавшийся Уоллес ощутил пряный аромат свежесваренного кофе с корицей. Стараясь остаться незамеченным, Питт заглянул внутрь. Нэд, уютно устроившись на диване, наслаждался крепким напитком. Сильвер был бледен и нервно прохаживался взад и вперёд, заложив руки за спину.

— Ну что? Успокоился немного? — раздался приглушённый голос старого вояки.

Капитан остановился и поднял глаза. Питт тут же отпрянул, но Сильвер, видимо, даже не заметил приоткрытой двери каюты. Он развернулся и сел рядом с Вольверстоном, обхватив голову руками.

— Послушай, Нэд, — едва слышно прошептал он, — Неужели я больше её не увижу?

Нэд отечески обнял юношу и похлопал его по плечу.

— Не стоит мучить себя напрасно. Она замужем, супруг пользуется влиянием при дворе. Что тебе ещё надо?

— А вдруг она несчастна? Может быть..., - капитан поднял голову и взглянул на Вольверстона. Питт затаил дыхание. Из своего убежища он не мог видеть выражения лиц собеседников, но услышанное придало мыслям совсем иное направление. «Неужели это про Арабеллу?» — подумал он, — «значит, он нашёл ей мужа?».

Обуздав ревность, удушливым комком подступавшую к горлу, квартирмейстер приоткрыл дверь. Петли тихо скрипнули, но собеседники, казалось, не слышали ничего вокруг.

— Не подвергай риску ни себя, ни её. Думаешь, кто-нибудь пойдёт с тобой в этот рейд? Не испытывай терпение команды, как тогда, с испанкой. Делом надо заниматься.

— А рейд на Кадис? Говорят, Дрейку это удалось?

— Они шли в составе королевского флота. А мы? Да, мы сильны, но не настолько. Даже если ты наберёшь ещё с десятков капитанов. Взгляни на их корабли, на пушки! Испанцы перебьют наши суда, и все дела. Лучше подумай о...

Последние слова заглушил стук чашки, которую Питер с силой опустил на стол.

— Но, Нэд..., - в голосе Сильвера квартирмейстеру почудились умоляющие нотки. Вольверстон повернул голову и взглянул в лицо адмирала.

— Тихо, нас могут слышать... Помни, тебе нельзя испытывать судьбу.

— А если...

— Подумай о ней, она же...

Дверь тихо скрипнула, и голоса затихли. Питт, уже почти высунувший из щели свой любопытный нос, с быстротою трюмной мыши исчез в темноте коридора. Через некоторое время разговор возобновился, но до квартирмейстера уже долетали лишь обрывки сказанных собеседниками фраз.

— Что ты хочешь предложить ей взамен? Она живёт как королева. Пока оставь её, вот если...

Голоса вдруг умолкли. Несколько мгновений Питер сидел с опущенной головой, а огромная ручища Вольверстона покоилась на его плечах.

— Пойми, даже если ты обманом проберёшься в Кадис, если тебе удастся уйти невредимым, всё равно. Не подвергай её опасности. Представь, что случится, когда при дворе узнают, кем приходится известному пирату герцогиня...

— Но как мне жить дальше?

— Будь мудрее, и положиись на судьбу. Однажды Бог дал тебе шанс. Верь, и он снова поможет тебе. Ты обязательно найдёшь свою...

«Значит, они говорят не про Арабеллу», — подумал Питт, — «про кого же? Неужели про миссис Брэдфорд? Но почему тогда Питер так разволновался? Неужели он так привязан к своей тётушке, или...»

— И потом, — продолжал Вольверстон, — надо потолковать с Монтеноном. Представь, что случится, если он предложит тебе руку своей дочери? Что делать будешь, капитан?

Питт замер, изо всех сил напрягая слух. Неужели сейчас он наконец-то узнает всё? То, что или вознесёт его к небесам, или, напротив, низвергнет в бездонную пропасть, окончательно лишив надежды на чудо...

— Мы с ним уже говорили об этом, — сухо ответил Сильвер

— И что? Он требовал гарантий?

— Нет. Он предложил мне...

Пригнувшись, капитан шепнул что-то на ухо Вольверстону.

— А Мари Жермен? Она знает?

— Он сообщит ей. Она забудет обо мне, как когда-то...

Чуда не произошло. Разговор прервали донесшиеся с пристани грубые голоса:

— Эй, принц! Выйди на палубу! Поговорить надо!

— Что ты там, заснул, что ли?

— Бездельники, позовите вашего капитана!

Питт замер, боясь шелохнуться. Ещё несколько мгновений, и сюда явится вахтенный. Сдерживая гулкое биение сердца, квартирмейстер вновь заглянул в приоткрытую дверь. Собеседники встали. Питер по-прежнему был бледен. Вольверстон приблизился к юноше, обнял его и перекрестил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Иди... Да поможет тебе Господь!

Питт попятился назад. Спустившись вниз, он спрятался в пороховом отсеке и притворил за собой дверь. Гулкие шаги Стилла неумолимо приближались. Наконец, дверь капитанской каюты тихо скрипнула.

— Что там за шум, Майкл? — голос адмирала звучал уверенно и твёрдо. Не будь Уоллес свидетелем внезапной слабости Сильвера, он никогда бы догадался о том, что происходило в каюте несколько минут назад.

— Нортон, Кэрри Джеймс и Хью Мэдстоун. Говорят, у них к тебе важное дело...

— Чего им надо? — знакомый, насмешливый тон... Будто бы только что не сидел в отчаянии в своей каюте. Питт осторожно выглянул из-за двери. Вокруг по-прежнему было тихо — большинство матросов находились на верхней палубе. Крадучись, квартирмейстер приблизился к лестнице.

— Не знаю, — донёсся до него голос Стилла, — наверное, всё о том же. Вокруг уже все про Панаму говорят...

— Ко мне води, — распорядился капитан, — и пригласи офицеров.

Сдерживая гулкое биение сердца, Уоллес поднимался по ступенькам. Те же, как назло, скрипели громче некуда.

— Ну что, Питт, не вышло? — раздался сверху голос вахтенного, — иди к капитану. Разговор будет серьёзный.

Уоллес медленно поднимался по лестнице. Мысли путались. Сейчас он вновь окажется лицом к лицу с Питером, в сердце которого только что заглянул — тайком, через щель приоткрытой в каюту двери. К горлу комком подкатывало чувство стыда. Но ещё больше, чем эта вполне понятная неловкость, Питта тревожило другое. Что скрывается за ледяной непроницаемостью его синих глаз, за отчаянной удалью дерзкого морского волчонка, за нарочито изысканными манерами высокородного аристократа? Где истинное «я» этого странного юноши, и откуда та душевная боль, отголоски которой только что открылись его взорам? Да и причём здесь миссис Брэдфорд? Неужели он всё же прав в своих подозрениях? Но если так, то... Нет, этого просто не может быть. Питт подошёл к двери каюты. Крисперс уже был здесь и, перекинувшись со Стиллом парой слов, бодро прошествовал внутрь. «Он ничего не знает», — пронеслось в голове квартирмейстера, — «только Нэд и я... Но Нэд, конечно, знает больше. Он знает всё...».

Вахтенный понимающе взглянул на Уоллеса и незаметно пожал ему руку. «Хорошо хотя бы, что Стилл рядом», — подумал тот, — «есть с кем поделиться».

— Что с тобой, Питт? — раздался из каюты звонкий голос капитана, — заходи, поговорить надо!

Квартирмейстер медленно поднял глаза, с усилием оторвав взор от палубных досок. Питер сидел, перекинув через колено затянутую в белоснежный чулок ногу и опершись рукой о спинку дивана. Уверенность и спокойствие на смуглом лице, ироничная улыбка, непреклонный взгляд... Снова непроницаем и твёрд, как скала.

— О чём мечтаешь, приятель, — хитро прищурился адмирал, — не о панамских ли сокровищах?

Питт молча кивнул. Откровенного разговора опять не получится, да и будет ли он когда-нибудь? Смогут ли они поговорить по душам, как и положено настоящим друзьям? Раскроет ли ему своё сердце этот человек, истинное «я» которого известно лишь старому Нэду? Но почему именно Нэду? Мысль Уоллеса, завершив очередной виток, вновь вернулась к исходной точке — покрытому мраком прошлому капитана Сильвера. С лестницы уже доносились тяжёлые шаги, и квартирмейстеру пришлось на время оставить свои размышления.

Вскоре в капитанскую каюту ввалились посетители. Во главе процессии шествовал хмурый бородач Кэрри Джеймс, крепкий рыжеволосый малый сорока лет от роду. Он был без камзола и перевязи, в красной, распахнутой на груди, рубашке. Закатанные до локтя рукава обнажали мощные дочерна загорелые ручки. По достойным самого Геркулеса ногам

билась сабля, рукоятка которой торчала из-за широкого потёртого пояса буйволиной кожи, соседствуя с парой совсем ещё новых пистолетов. Небранный Нортон был на удивление трезв, но настроение его явно оставляло желать лучшего. Единственными новичками в компании были щеголеватый смуглый брюнет Хью Мэдстоун, более похожий на испанца, чем на англичанина и юнга Джеймса — вертлявый белобрысый парень шестнадцати лет от роду. Да и их Питт уже неплохо знал — Мэдстоун, дотоле швартовавшийся близ Багам, прибыл на Тортугу две недели назад, а малец, прибывшийся к команде Кэрри, уже месяц как сбежал из таверны дядюшки Жоржа навстречу морским приключениям.

«Наверняка начнётся разговор о панамском рейде», — вновь вернулся к своим размышлениям Уоллес, — «А Питер? Неужели он пойдёт с этими головорезами? Ведь у него в мыслях совсем другое».

Непрошенные гости на мгновение остановились и окинули взглядом помещение.

— Хорошо устроился наш принц, — тихо присвистнул юнга

Ответом был увесистый капитанский подзатыльник и тычок в бок. Парень умолк и проследовал за лордами, которые, не дожидаясь приглашения, направились к столу.

Питт искоса взглянул на сидевшего рядом Вольверстона. Старик был на удивление спокоен. Казалось, он был даже рад визиту неожиданных гостей, вовремя отвлекших адмирала и от мрачных дум, и от навязчивого желания броситься в атаку на хорошо укрепленный испанский порт. Вновь попытавшись поднять глаза на Питера, квартирмейстер вдруг ощутил, что неведомая сила будто приковала его взор к зелёному бархату стола. Он слышал лишь его голос — уверенный и твёрдый:

— Садитесь, господа, с чем пожаловали?

— Да вот, один вопрос хотим обсудить, — начал было Мэдстоун, но Джеймс перебил его

— Не таяни, Хью, давай сразу к делу...

Начавшийся в каюте разговор помог Питту справиться с охватившим его поначалу чувством неловкости, и он с неподдельным интересом принялся наблюдать за гостями. Кэрри Джеймс нетерпеливо поглядывал по сторонам, подперев щеку мощной ручищей. Весь облик Нортон говорил о том, что он согласился прийти к своему давнему обидчику, лишь уступив требованиям собственной команды. Молодой амбициозный Хьюго Мэдстоун старательно копировал каждый жест Сильвера, видимо, пытаясь придать своему облику черты аристократичности. Вот только получалось у него это весьма неловко, поэтому юнга Джеймса во все глаза пялился на капитана «Искателя», то и дело прыскавая в кулак.

Питер взирал на развернувшееся перед ним зрелище с лёгкой полуулыбкой на устах. Казалось, он намеренно выжидал, пока посетители раскроют свои карты. Но вот они с Нэдом обменялись быстрыми взглядами, и в глазах адмирала мелькнули хитрые искорки.

— Понимаю, о чём Вы, господа, — кивнул он

— Значит, ты согласен? — горячился Джеймс, — надо выходить в море — время не в нашу пользу.

— Что ты предлагаешь, Керри? — насмешливо парировал адмирал, — отправиться к Рио Чагре на твоей «Фортуне» с её старыми пушками? Думаешь, этот рейд — прогулка по Пэлл Мэлл в золочёной карете? Знаешь, сколько времени Морган готовил панамский поход? Шесть месяцев, если не больше.

— Но я слышал, что ты, — осторожно начал было Мэдстоун.

— Провожу разведку, не более того.

На мгновение адмирал замолчал, внимательно всматриваясь в удивлённо-разочарованные лица собравшихся в каюте моряков. Но затем хитро улыбнулся, встал и продолжил, медленным шагом прохаживаясь по каюте:

— В одном вы всё же правы, ребята. У нас времени меньше, чем у Моргана. Обстановка при дворе сложная, так что вице-король или Президент Аудиенсии вряд ли будет назначен раньше, чем месяца через три. За этот срок де Лагуна соберёт всё в подвалах своей резиденции. Выходить в море надо не позднее, чем месяца через полтора, пока золото ещё не вывезено в Пуэрто-Бельо.

— Значит, решено? — буркнул Нортон, который, видимо, испытывал горячее желание поскорее убраться из этой роскошной каюты, где безраздельно царствовал его обидчик.

— Взгляни лучше на свою «Ласточку», — холодно осадил его Сильвер, — думаешь, она сможет выдержать этот поход? Сколько у вас пушек, мушкетов? А ты, Мэдстоун? Твой «Искатель» неплох, но маломощных орудий явно недостаточно.

— Ты хочешь сказать, — начал было Мэдстоун, но Питер жестом остановил его. Встав с места, он подошёл к висевшей на стене карте. На узком Дарьенском перешейке то тут, то там красовались странные знаки, видимо, нанесённые рукой адмирала.

— Кто из вас был в Панаме? — обратился он к собеседникам, — или хотя бы добирался до Рио-Чагре?

Воцарившееся в каюте молчание было красноречивее любых слов. Капитаны нервно переглядывались между собой.

— Нужен проводник, иначе мы увязнем в болотах или нарвёмся на испанские посты. К тому же для длительного перехода необходимы каноэ и запас продовольствия. Я несколько раз делал вылазки, но не спускался ниже Крус-де-Хуан-Гальего.

— Подумаешь, — рассмеялся Нортон, — возмём кого-нибудь из местных. Сам знаешь — ткнуть в бок мушкетом — сразу разговорчивее станут

— Может быть, — холодно заметил Сильвер, — но проводник всё равно нужен.

— А по мне, — воскликнул Керри Джеймс, стукнув кулаком по столу, — надо ввязаться в драку, а там — будь что будет.

— Нет, так дела не делаются. Знаешь, что говорил когда-то Джеймс Стюарт? Морская война требует не только храбрости, но и точного расчёта.

— Что ты хочешь сказать?

— Мне нужна ещё неделя, чтобы принять окончательное решение.

— А нам что делать? Сидеть на берегу и ждать, пока нашего принца осенит вдохновение? — ехидно рассмеялся Нортон

— Готовить корабли, — невозмутимо парировал Сильвер, — закупать пушки, мушкеты, проверить орудийные канаты. Успех состоит из мелочей, и не мне вас учить...

— Легко тебе говорить, — с горечью огрызнулся Нортон, — а мне даже на парусину хорошую не хватает.

Питер хитро прищурился.

— Насчёт этого не беспокойтесь, господа. Мы с губернатором сегодня обо всём договорились.

В воздухе вновь повисла пауза. Гости удивлённо переглядывались между собой. Не в меньшем недоумении были и офицеры Сильвера. Странные действия адмирала наконец-то обретали смысл. Многодневное, казалось бы, бесцельное крейсирование вблизи Пуэрто-Бельо, странные ночные отлучки Питера, его почти двухнедельное отсутствие на судне,

долгие допросы испанских офицеров и странный интерес адмирала к интригам мадридского двора. Все эти составные части дотоле рассыпанной мозаики наконец соединились в единую и вполне понятную картину. Да, Питер определённо думал о Панаме, и думал вполне серьёзно. Но что-то постоянно мешало ему, не позволяя принять окончательное решение. «Что это было — безумная мысль о захвате Кадиса, осторожность, или... Почему он ни с кем не делился своими планами», — размышлял Уоллес, глядя на ошарашенные лица сидевших в каюте лордов.

— Так значит, де Монтенон согласился быть арматором? — наконец-то выдавил из себя Нортон

— Не совсем, — довольно улыбнулся адмирал, — он взял на себя лишь половину расходов, остальная половина — на мне. Дело слишком рискованное — даже Морган, и тот не смог захватить панамские сокровища... Итак, если Вы не против моего участия ещё и в качестве арматора, то детали можете обсудить с моим квартирмейстером.

Смутившийся Уоллес вдруг оказался в центре всеобщего внимания. Надо заметить, что квартирмейстер приложил все возможные усилия, чтобы скрыть собственное удивление. С видом человека, до мелочей осведомлённого о деталях предстоящего рейда, он молча кивнул капитанам.

Наутро Сильвер вновь отправился к губернатору. Вернулся к полудню, в компании долговязого тощего субъекта лет семнадцати. Незнакомец был высок ростом и необыкновенно бледен и тощ. Видавший виды домотканый коричневый камзол болтался на нём, словно костюм Санчо Панса на Дон Кихоте. Да и сам юноша вполне мог бы послужить проработанной копией знаменитого Ламанчского рыцаря.

— Позови офицеров, Питт, — кивнул он подошедшему Уоллесу, — у меня новости о Панаме

Вскоре команда была в сборе, и капитан представил своего гостя.

— Патрик Дастин, бывший матрос фрегата «Удача», — представил его Сильвер. Щеки молодого человека залил бледно-розовый румянец.

Уоллес с недоверием взглянул на незнакомца. Что-то в его облике было не так, но что? Почему Сильвер так благоволит этому странному субъекту?

— Мистер Дастин, — с любезной улыбкой произнёс Сильвер, — надеюсь, Вы понимаете, что я должен посоветоваться с офицерами. Расскажите нам всё, что знаете.

Дастин вновь покраснел, опустил глаза и неуверенно шагнул вперёд.

— Наш фрегат захватили испанцы. По пути многие умерли — кто от голода, кто — от холеры. В живых остались лишь я, да ещё четверо. Они привезли нас в Пуэрто-Бельо, а потом отправили в Панаму. Я и ещё два англичанина стали рабами на плантации, а Солсбери с дочерью...

— Солсбери? — Сильвер вскочил с места, — ты уверен?

— Да, капитан, — будто оправдываясь, произнёс Дастин, — с нами были граф Солсбери и его дочь. Они в замке у президента. Не знаю, живы ли они. Солдаты говорили, что поначалу президент предлагал им целое состояние, но потом запер в башне. Наверняка они уже с голода умерли.

— Не врёшь?

— Зачем мне врать? Мне бы домой добраться — и так чудом жив после таких приключений.

— Что было дальше?

— Однажды мне удалось обмануть надсмотрщика и бежать. Почти две недели я шёл, питаюсь только тем, что удавалось добыть — листьями, травой, червями. Я вышел к реке и побрёл вдоль берега, проводя ночи в болоте, укрывшись лишь вот этим камзолом. Потом нашёл какую-то шлюпку и вышел в море. Хотел добраться до английских колоний. И тут мне встретился Нортон на своей «Ласточке». Он-то и доставил меня сюда.

Питт с недоверием покосился на Дастина. Нет, этот долговязый не зря внушал ему подозрения. Так значит, Нортон... Может, это Уайт ищет возможность отомстить Сильверу за поражение? Но Питер, казалось, уже принял решение.

— Вы хорошо знаете эти места?

— Конечно, ведь я столько скитался, не зная дороги, думал, что умру от голода в этих ужасных болотах.

— Отлично, — решительно произнёс Сильвер, — надеюсь, Вы согласитесь быть моим проводником. Я хорошо заплачу, и Вы сможете вернуться в Англию.

— Договорились, — кивнул ему незнакомец.

— Теперь к делу. Насколько мне известно, в устье реки Чагре имеется хорошо укрепленная крепость. Сколько там пушек? Как располагаются посты охраны?

Дастин немного подумал, будто пытаясь вспомнить что-то важное, но затем отрицательно покачал головой

— Не знаю. Мне это было неинтересно, а часовые меня, слава Богу, не заметили.

— Есть ли укрепления в лесу? — поинтересовался Вольверстон

— Здесь, — юноша указал места расположения постов на развёрнутой на столе карте, — но они плохо укреплены и не представляют опасности. Там обычно хранят запасы продовольствия.

— Значит, по-Вашему, не стоит нагружать каноэ маисом? — удивлённо произнёс Уоллес, за год квартирмейстерской «службы» усвоивший все тонкости науки тылового обеспечения

— Зачем, — равнодушно пожал плечами Дастин, — большой отряд легко захватит испанские посты, а там всегда хранится много маиса и есть мелкая живность. К тому же вы всегда сможете подстрелить себе что-нибудь на завтрак — не то, что я, который шёл без оружия.

Вольверстон нахмурился и многозначительно взглянул на Питта. Несмотря на то, что старый флибустьер поддался общему воодушевлению в отношении панамского рейда, незнакомец ему явно не нравился.

— А индейцы? Когда-то они перебили много людей Моргана, — поинтересовался Уоллес

— Теперь они не опасны — ведь всем известно, что у них больше нечего взять. Не тронете их — они тоже не будут стрелять. Да и испанцев они ненавидят ничуть не меньше, чем англичан, — последние слова Дастин произнёс с каким-то странным выражением лица, но собравшиеся не заметили этого.

— Много ли ценностей в городе?

— Люди говорят, да — уклончиво ответил незнакомец, — но сам я никогда не видел.

Вокруг раздались радостные возгласы. Шкипер Крисперс нетерпеливо взглянул на капитана.

— Ну что, согласен? У нас есть проводник, и мы без труда проберёмся через панамские джунгли. Разве не так?

Воспользовавшись молчанием Сильвера, будто вспомнивший о чём-то Дастин добавил:

— По слухам, де Лагуна сказочно богат, и ценности хранятся в подвалах замка. А Солсбери...

— Хватит болтать, — нетерпеливо перебил его Питер, — я согласен.

Вольверстон тревожно взглянул на капитана.

— Ты уверен, Питер? Может, подумаешь? Давай подождём до завтра, поговорим.

— Нет, Нэд. Я решил окончательно. Через две недели выходим в море. Передай это всем капитанам и пригласи ко мне всех, кто хочет участвовать в деле. Разговор будет сегодня вечером. Уведите Дастина и поместите в отдельной каюте.

Почти до полуночи в капитанской каюте горел свет — офицеры обсуждали панамский рейд. Наутро Питер вновь был приглашён к губернатору, который тут же представил ему нескольких французов, пожелавших войти в состав экспедиции.

Примечания.

1. В основе главы лежат реальные события (панамские приключения Моргана).

2. Президентом Панамы в тот период являлся Фернандо де Лагуна. Автор не владеет информацией о степени его коррумпированности, поэтому имя заменено на Эрнандо. Не хотелось бы обвинять честного человека...

Глава 23 Отчаянная красотка

Темнело. Всё реже слышались шаги на улице, но из гостиной ещё доносились хриплые голоса. Гости губернатора не желали расходиться, коротая время за игрой в кости.

— Долго что-то сегодня, — недовольно проворчала Сюзан, отложив в сторону книгу, — опять выспаться не дадут.

— Тише, Сюзан! Ничего не слышу, — Мари Жермен поднесла палец к губам. Девушка стояла у самой двери, прислонившись спиной к косяку. На лице её отражалось беспокойство.

— О чём там они?

— Погоди-ка, Сюзан... Нортон... Говорит, совещание было сегодня... Выходят через неделю, если только ветер... Иди сюда, Сюзан. Я слишком волнуюсь, чтобы разобрать... Тревожно. Сердце так и замирает...

Вскочив с кресла, Сюзан осторожно подкралась к разделявшей комнаты перегородке и прислонилась ухом к стене.

— Что-то про Сильвера, — шепнула она сестре, — на берег сошёл, с Вольверстоном,

— Отец здесь?

— Не слышу его голос... Хотя нет, сказали, вышел куда-то... Гарри... Говорит, это последний шанс... Упустим — план срывается... За всё платит богатый француз... Сегодня ночью... Теперь совсем тихо, не разобрать...

— Господи! — побледневшая Мари Жермен отпрянула от двери, — я была права — ему грозит опасность!

— Похоже, — задумчиво промолвила Сюзан

— Но я должна его предупредить!

— Может, лучше сказать отцу?

— Думаешь, он ни о чём не знает? — обиженно надула губки Мари, — если хочешь знать, он специально вышел из комнаты, чтобы дать им поговорить. Умывает руки, мараться не хочет.

— Но Сильвер удачлив, и всегда делится с ним. Зачем убивать его?

Мари Жермен задумалась. Да, действительно Сильвер прослыл на Тортуге близким другом губернатора. Но как поступит отец, когда на другой чаше весов — благополучие собственной дочери? Уж он-то знает, как неуступчива и своенравна бывает порой его любимица!

— Пойми, Сюзан, — уверенно продолжала Мари Жермен, — сейчас Сильвер ему сильно мешает. У отца всё распланировано на десять ходов вперёд. Он уже выдал меня де Жуайена, а тебя — за де Нуатре. Ему осталось лишь убедить нас согласиться на брак. Взгляни — сколько времени прошло, а эти господа до сих пор здесь. Ждут, пока мы согласимся.

— По-моему, эти французы для нас неплохая партия, — равнодушно заметила Сюзан Элизабет, — взгляни, что здесь за жизнь! А мы уедем в Европу, в Версаль. Сама же этого хотела.

— Нет, Сюзан, ты ничего не понимаешь, — взволнованно шептала Мари Жермен, — ты никогда не любила, а я... Я останусь здесь, с Сильвером. Вернее, пойду за ним — туда, куда он захочет. Вот только... Подожди меня здесь.

Сверкнув глазами, Мари Жермен бросилась к боковой двери, ведущей в комнаты

прислуги. Вскоре она вернулась с целым ворохом одежды.

— Всё. Не могу больше ждать. Пока мы теряем время, его убьют.

Девушка решительно начала расстёгивать шнуровку корсажа.

— Что ты делаешь, сестра?

— Вспомни де Вернона! — с воодушевлением воскликнула Мари, — Луизу так никто и не узнал бы, если бы не та дуэль с де Ритером...

— Ты что задумала, глупышка? Луизу учил её собственный отец. Он воспитывал её как настоящего матроса, и только потом...

— Ничего со мной не случится, Сюзи.

— Но вспомни, что говорили о том поединке. Луиза едва не убила де Ритера, а ты? Разве ты умеешь стрелять, фехтовать?

Мари Жермен уже успела раздеться, и теперь деловито натягивала на себя отцовское облачение, не забывая о том, чтобы лишний раз полюбоваться на отражающуюся в зеркале стройную фигуру.

— А тебе идёт, сестра, — улыбнулась Сюзан, — вот только рискуешь ты сильно. Может, мне с тобой пойти?

— Оставайся здесь. Если отец будет спрашивать, скажи... Ну не знаю, что сплю скажи и просила, чтобы не беспокоили...

— Скоро вернёшься?

— Не знаю. Да и вернусь ли вообще... А вдруг мне повезёт, и я тоже в Панаму отправлюсь? Тогда уж папеньке волей-неволей придётся согласиться на наш брак.

— Не выдумывай. Предупреди его и возвращайся домой. Не для тебя всё это...

— Ты не понимаешь, Сюзи. Я люблю его.

Питт Уоллес брёл по опустевшей набережной Кайоны. Настроение было хуже некуда. Что за тип этот Дастин, и что он замышляет? Если полный кретин, ничего не смыслящий в морском деле, то ещё ничего... Но ведь он сам говорил, что был матросом? А если хуже — предатель? Не зря же он уговаривать капитанов не брать на континент запас продовольствия? Хорошо ещё, что Сильвер его остановил. Нет, всё-таки прав капитан, хотя... Почему он собирается оставить Питта в Рио-Чагре? Да, пиратам нужен хороший тыл, но почему именно он? Ведь большинство офицеров считали, что Питт должен идти с ними, но Сильвер... Он был непреклонен. Сказал, что приказы не обсуждают. Несмотря на дружбу. Да и Вольверстон, опять-таки, поддержал своего любимца. Что-то не так здесь... Питт вспомнил, как после совещания все разошлись, а Нэд с Питером всё говорили о чём-то за полузакрытой дверью капитанской каюты. Он слышал, что Питер вспылил, уверял, что всё решено, а Вольверстон... Да, точно — он убеждал его сойти на берег...

В распоряжении Уоллеса было ещё три часа — вахта Крисперса заканчивалась в час ночи. Твёрдо решив продолжить слежку за капитаном, квартирмейстер свернул в проулок. Вдали мелькнули две закутанные в плащи фигуры. «Они», — подумал Питт, — «значит, уговорил Питера старый лис». Стараясь остаться незамеченным, квартирмейстер продвигался вперёд короткими перебежками, укрываясь за толстыми стволами растущих вдоль улицы апельсиновых деревьев. Но вот, наконец, и знакомый дом. «Зашли в калитку», — пробормотал Уоллес, — «точно они».

Дождавшись, пока в окне зажётся свет, Питт уверенной походкой направился к воротам.

— Кто идёт? — откликнулся дозорный

— Свои, Сид, дружище! Проверка постов.

— А, Питт! Проходи.

Уоллес шёл по дорожке, проклиная собственное распоряжение. «Ну вот», — думал он, — «теперь во всех тавернах начнут говорить, что я шпиону за собственным капитаном. Этого ещё не хватало!»

Уоллес обошёл дом. Окно в сад было открыто. На мгновение остановившись в раздумьях, он схватился за подоконник, подпрыгнул, и вскоре очутился на кухне. Теперь ему предстояло незамеченным пробраться в гостиную. Половицы, как назло, скрипели, и квартирмейстеру ничего не оставалось, кроме как затаиться в коридоре. Из комнат доносились приглушённые голоса.

— Послушай, дружище, давай откровенно, — услышал он густой бас Вольверстона, — думаешь, тебе опять всё с рук сойдёт?

— Но ты же сам был за поход в Панаму! Говорил, что делом заниматься надо.

— Тебе надо бы остаться в Рио-Чагре, иначе...

— Это невозможно! Мне надо возглавить этот поход. Иначе люди меня не поймут.

— А если меня убьют? Кто же тогда сможет...

Половица вновь скрипнула. Питт затаил дыхание, вслушиваясь в разговор.

— Если тебя не убили до сих пор, старина Нэд, значит, ты ещё сто лет проживёшь, — рассмеялся Сильвер, — а если серьёзно, то я справлюсь. В любом случае. Даже без тебя.

— Твоя самонадеянность погубит тебя. Подумай ещё раз.

— Сам же говорил — ничего не бойся, и смерть обойдёт тебя стороной.

— Но для тебя смерть станет ещё более страшной, чем...

Опять этот скрип! Питт сделал шаг назад. Ну вот, теперь у него есть путь к отступлению. Дверь в ванную была всего лишь в двух шагах.

— Я всегда ношу с собой кинжал. Если пойму, что нет шансов... Ну ты понимаешь, Нэд.

В комнате воцарилось молчание. Питт затаил дыхание. Опять... Значит, есть то, чего Питер боится больше, чем смерти... Сердце бешено колотилось. Он попытался сделать шаг вперёд, но тут же затих, услышав звучный голос Вольверстона.

— А Уоллес? Он что-то подозревает, я это чувствую. Он обижен, что ты оставляешь его сторожить Рио-Чагре. Но здесь я согласен с тобой. Если идёшь ты, он должен остаться.

— Да...

— И ещё... Пойми, я не запугиваю тебя. Я слышал, в тавернах болтали о де Жуайене. Он договорился с Уайтом и Нортоном. Они плетут заговор.

— Ну и что? Нортон идёт с нами. Я нужен ему. Пока, во всяком случае.

— Всё же поверь, тебе надо опасаться предательства. Самые меткие удары наносятся из-за угла. Именно поэтому мне не нравится этот Дастин. Чую что-то с ним не так...

— Закрой дверь, Нэд. Сквозит сильно.

Тяжёлые шаги Вольверстона приближались. Питт отступил и спрятался в ванной комнате. Выглянув в коридор, Нэд с силой захлопнул дверь. Звуки голосов умолкли. Прокравшись в кухню, Уоллес выпрыгнул в окно, а затем деловито направился к калитке.

— Как проверка, Питт? — поинтересовался дозорный.

— Порядок. Всё отлично. Ребята на местах.

Квартирмейстер вышел на улицу. Остров уже накрыла крошечная темнота. Лишь неровное сияние звёзд освещало дорогу. На душе было тревожно. Питт твёрдо решил дождаться капитана. Услышанное не давало ему покоя. Кто-то хочет убить Сильвера. Уайт с Нортоном... Месть за ту дуэль? Возможно, ведь Гарри гордился своей репутацией

непобедимого фехтовальщика. Но дней до отплытия осталось так мало... Значит, это может случиться в любую минуту. Уайт и Нортон... Питт вдруг вспомнил, что после совещания оба направились к дому де Монтенона. Де Жуайен... Какая ненависть сверкнула в его глазах, когда он взбирался на ванты! Он никогда не простит Сильверу такого унижения. А Дастин? Кто платит ему? Опять-таки де Жуайен? А если всё намного хуже, и сам губернатор решил разделаться с Сильвером? Ведь его дочь... Нет, не может быть. Мысль о романе между Сильвером и Мари Жермен никак не укладывалась в его голове. И потом... Почему Вольверстон считает, что Уоллес не должен идти вместе с Сильвером? Неужели всё-таки... Но тогда Питт просто обязан быть рядом, чтобы защитить...

Поглощённый своими мыслями, Уоллес не заметил, как миновал два квартала. Остановившись, он уже намеревался направиться назад, как вдруг заметил, что в проулке мелькнула закутанная в плащ изящная фигура. «А где же Вольверстон?» — подумал он и, стараясь остаться незамеченным, направился следом.

Вольверстон встал и приблизился к сидящему на диване Сильверу.

— Не нравятся мне всё это, — промолвил он, — но вижу, что тебя не убедишь... Хотя ты прав, друг. Я на твоём месте наверняка поступил бы так же.

— Тогда пойдём? — Сильвер поднялся и направился к двери

— Подожди в саду, я сейчас. Погреб проверю.

Питер вышел во двор, кивнул стражникам и решительно двинулся к калитке.

— Послушай, Питер, — окликнул друга Вольверстон.

— На улицу пошёл, — ответил ему голос стражника.

— Что же не предупредили, бездельники?

Вольверстон бросился на улицу. Он тщетно всматривался в темноту своим единственным глазом, но Сильвера будто след простыл.

За поворотом прятались чьи-то чёрные тени.

— Идёт, — вполголоса произнёс один, указав на приближающуюся худошавую фигуру.

— Это он. Тише, ребята. Пусть подойдёт. И осторожней — он отлично фехтует.

— Может, пристрелить?

— Нет. Нам не надо шума. Только в крайнем случае. Главное — не дать ему вытащить саблю.

Незнакомец уверенно шёл по каменистой дорожке. Не дойдя до укрытия несколько шагов, он остановился в задумчивости.

— Да не он это, ребята. Принц выше ростом.

— Он, точно. Пошли.

— Не спеши. Сзади подойдём, так надёжней.

Разговор прервал решительный голос:

— Хватит медлить, ребята. Сейчас дружок его явится. Тогда точно всем нам не поздоровится.

— Вперёд! Держи его!

Три тени отделились от стены и бросились на стоявшего на улице человека. Тот обернулся. Отступать было некуда — сзади высился высокий забор. Люди в чёрном окружили его со всех сторон, а в неярком свете звёзд сверкали обнажённые клинки. Один из нападавших вытащил из-за пояса длинный кинжал и медленно, но неуклонно приближался.

— Бросай оружие, принц! Твой путь окончен!

Уоллес рванулся вперёд. Он явственно слышал приглушённые голоса заговорщиков. В

считанные мгновения миновав проулок, он завернул за угол и увидел трёх здоровенных парней, окруживших невысокого юношу в чёрном плаще.

— Держись, капитан! — Питт выхватил саблю

Несколько злоумышленников бросились ему навстречу. Раздался звон скрестившихся клинков. Питт дрался с тремя крепкими матросами. Лица их были закрыты, но один из которых смутно напоминал Уайта. Все молчали. Уоллес лишь молча, яростно нападал, всё более тесня соперников к забору. Он должен защитить... Его? Её? С тех пор, как он начал следить за Сильвером, сомнений становилось всё больше. Но сейчас не время думать. С силой рубанув по виску одного из пиратов, и увернувшись от другого, он тут же ринулся к третьему. Ещё удар... Ранен, упал. Последний... Да, наверняка это Уайт. Хорошо фехтует. Ещё две фигуры у забора, рядом... С ним? С ней?

— Я здесь, трусы! — крикнул Питт, замахнувшись клинком.

Ещё один прыжок, и он уже почти рядом с забором.

— Да это девчонка! — послышался приглушённый хохот одного из матросов

Краска бросилась в лицо Питта. От страшных догадок вновь замерло сердце.

— Хорошенькая? — откликнулся его соперник, и Питт узнал его голос. Это был Гарри Уайт.

— Красотка, — ехидно заметил другой, — давай быстрее, Гарри. Берём её с собой, а?

Питт наступал. Отчаянно и решительно, забыв и о предстоящем рейде, и об услышанном им в доме Сильвера разговоре. Полоснув саблей по руке насмешника, он вновь отскочил и ринулся на Гарри. В мозгу напряжённо пульсировала лишь одна-единственная мысль. Спасти. Защитить любой ценой.

Метнувшись вперёд, он на мгновение забыл об обороне, и тут же почувствовал острую боль в левом плече. Теперь главное — выдержать, не допустить ещё одного ранения. А там и Вольверстон подоспеет. Стиснув зубы, Питт замахнулся саблей и рассёк череп ещё одному противнику. Тот упал замертво. Теперь двое. Один из них — Гарри. Кровавое месиво кружилось перед глазами. Кровь промочила камзол и крупными каплями стекала на землю. Скоро он ослабеет и не сможет больше... Нет, нельзя. Надо выстоять. Собрав последние силы, Питт оттолкнул Гарри и ринулся к прижавшимся к забору теньям.

— Обернись, или я убью тебя!

Матрос обернулся, и квартирмейстер увидел лишь топорщащиеся усы и хищную улыбку. — Защищайся!

Ещё один удар... Соперник медленно опускается наземь. Гарри... Замершая у забора невысокая фигурка в разорванной мужской рубашке... Всё плыло перед глазами в какой-то безумной пляске. Шагнув к девушке, Питт с силой дёрнул её за руку и, падая наземь, закрыл собой. Это была последняя возможность защитить её от Уайта.

Изящная фигура легко двигалась по улице. Вслед за ней пружинистой походкой крался закутанный в плащ человек. «Нет, я просто гений», — думал преследователь, — «сразу понял, что тот мальчишка не принц. А вот теперь всё золото мне достанется». Тень задержалась за поворотом, и, убедившись, что вокруг никого нет, ловким прыжком набросилась сзади и, обхватив жертву за плечи, приставил ей к горлу кинжал. Всё... Ещё немного, и никто больше не вспомнит о капитане Сильвере. Однако тот сдаваться не собирался. Резко двинув плечом, он попытался высвободиться, но нападавший ещё сильнее сдвигал плечи.

— Тихо, принц! — раздался над ухом жертвы злоеший шёпот, — и не вздумай

сопротивляться, а не то завтра... Ты что...

Острая боль пронзила живот нападавшего. Руки его разжались, и он со стоном повалился наземь.

— Будешь знать, как связываться со мной, — наклонившись к бесчувственному телу, Сильвер вытер окровавленный кинжал о камзол поверженного противника и, сунув его за пояс, уверенно направился по улице.

Вольверстон проклинал собственную беспечность. Зачем только он задержался в комнате? Сущая безделица — лишний раз спуститься в подвал, проверить замок. А теперь этот несносный капитан исчез, да ещё и тогда, когда вокруг него сплелась густая сеть заговоров. Вольверстон хорошо знал нравы Тортуги. Пираты дрались, пили, играли, но лишь немногие из них обладали даром интриги. Значит, должен быть тот, кто направлял удар. Это мог быть либо де Жуайен, либо сам губернатор. Вольверстон был уверен — де Монтенон вряд ли поверит обещаниям Сильвера покончить с Мари Жермен. Вот если бы... Но нет, он не имеет права говорить об этом... Но где же капитан? Миновав тихий проулок с громоздящимися друг на друга невысокими строениями, он свернул на улицу и обомлел. Четверо мужчин сцепились в жестокой схватке. Один из них... Да, это совершенно определённо был Питт Уоллес! Вольверстон метнулся вперёд. Не может быть... Он в первый раз видел, чтобы Питт дрался столь яростно, с каким-то отчаянным азартом. Разделавшись с двумя соперниками, он пошатнулся, сделал несколько шагов и упал наземь. Вольверстон был уже рядом. Лишь один прыжок разделял его и единственного оставшегося на ногах противника.

— Гарри, это ты, что ли?

Ответом был молниеносный выпад. Вольверстон отскочил в сторону, замахнулся саблей и бросился вперёд. Уайт парировал. Нэд отступил, но тут же ринулся на левый фланг. Гарри вновь отразил удар. Вольверстон наступал, тесня соперника к забору. Ещё один шаг, и... Но почему Уайт опустил на колено, пытаясь зажать кровоточащую рану в бедре? Вольверстон взглянул на распростёртого на земле Питта. В руке его был окровавленный кинжал.

— Как ты, Питт?

— Ничего, — еле слышно произнёс квартирмейстер, — она...

Вольверстон вновь взглянул на Уоллеса. Он лежал на плаще, под которым едва шевелилась чья-то хрупкая, похожая на девичью, фигурка. Осторожно приподняв обмякшего Питта, Нэд откинул плащ.

— Мари Жермен?

Девушку била крупная дрожь. Она тяжело дышала и едва могла говорить.

— Нэд... Они... Я собиралась предупредить Сильвера. Его хотят убить. Где он?

— Успокойся, Мари, — огромная ладонь Вольверстона гладила рассыпавшиеся по плечам белокурые волосы, — ты молодец, девочка. Но не стоило так рисковать.

— Где капитан?

— Не стоит за него волноваться. Он сумеет постоять за себя, а ты...

— Что?

— Прошу тебя, Мари, возвращайся домой.

— Но Нэд, он же...

— Забудь о Сильвере, девочка. Прошу тебя. Не мучай ни себя, ни его. Ради его же блага. Не стоит лишать его покровительства твоего отца. Сильвер никогда не полюбит тебя, поверь. Я его лучший друг, и я знаю, о чём говорю.

— Но может быть...

— Нет, Мари. Этого не будет никогда. Пойдём. Я провожу тебя домой. Накинь плащ.

Мне не хотелось бы, чтобы твой отец узнал обо всём.

— Нэд? — раздался позади них звонкий голос капитана.

— А вот и он, Мари. Видишь, он жив. Пойдём.

— Что здесь произошло, Нэд? Мари? Что ты здесь делаешь?

— Я всё расскажу тебе, Питер. Только провожу Мари домой. А ты побудь с Уоллесом.

Это он защитил её.

Обняв всё ещё дрожавшую Мари, Вольверстон медленно шёл по улице, направляясь к дому де Монтенона, а Сильвер оставался с раненым товарищем до тех пор, пока вернувшийся Нэд не отнёс его на корабль.

Глава 24. Возвращение домой

Губернатор спустился в сад. Гости давно разошлись, но спать не хотелось. В душе смутно скреблось тревожное беспокойство. Как странно вела себя сегодня вечером Сюзан Элизабет! Нервничала, озиралась, горячо убеждала отца, что сестра спит. Умоляла, чтобы не беспокоил. Будто боялась, что он невзначай заглянет к ней в комнату. А глаза-то... Да, Сюзан всё время прятала взгляд. Что-то здесь не так. Наверняка Мари ввязалась в очередную авантюру. Вот только какую? Решила сбежать с Сильвером в Панаму? Но капитан дал слово, и не нарушит его. Хотя... Мысль о Сильвере придала раздумьям де Монтенона иное направление. Да, Сильвер пират, но всё же... С его внешностью и манерами титул у него наверняка не меньше графского. А если недаром в тавернах судачат, что он сын Стюарта, то этот пират может оказаться для Мари весьма неплохой партией. Отец его пользуется покровительством Людовика и вот-вот на престол взойдёт, а брат — генерал французской армии... Вот только протестантство... Но разве Генрих четвёртый когда-то не был гугенотом? Быть может, этот брак разрубит бы гордиев узел проблем, причина которых кроется в непостоянстве и влюбчивости Мари Жермен. Правда, Сильверу тогда придётся покончить с пиратством. Де Монтенон нахмурился. Панама... Отказаться от золотой жилы, найти которую смог лишь Морган? Нет. Пусть лучше Сильвер отправляется в Панаму за сокровищами, а потом... Может, уговорить его на кругосветное путешествие? Года на четыре. А за это время или выдать дочь замуж за другого, или... Если Сильвер повторит успех Моргана, а Мари по-прежнему будет к нему равнодушна, тогда богатству де Монтенона сможет позавидовать сам Людовик... Да вот только жив ли Сильвер? Угрызения совести тихо царапали сердце губернатора. Пять здоровенных головорезов! Нет, даже Сильверу с ними не справиться! Наверняка он уже лежит в сточной канаве! Неужели всё это произошло с его, де Монтенона, молчаливого согласия! Хотя о чём это он... Его дочь... Нет, беспокойно что-то сегодня... Приблизившись к окну спальни, губернатор попытался заглянуть внутрь, но плотная занавесь скрывала от его взоров и без того тёмную комнату.

«Проклятье», — выругался де Монтенон, — «утром прикажу не выпускать её на улицу. А пока пойду спать. Не караулить же её здесь».

Но в эту ночь намерениям губернатора не суждено было осуществиться. Не успел он сделать несколько шагов, как калитка тихо скрипнула. Отпрянув назад, де Монтенон скрылся за густыми кустами.

На дорожке мелькнули две тени. Одна из них явно принадлежала плечистому гиганту, другая же отличалась хрупкостью и изяществом.

«Нэд и Питер?» — пронеслось в мозгу губернатора, — «значит Питер жив. Видит Бог, я не желал ему зла».

— Кто здесь? — де Монтенон показался из-за кустов. Похожая на Сильвера тень метнулась в сторону дома.

— Это я, Нэд, — прогремел знакомый бас, — Сильвер вот запропастился куда-то. Не у тебя засиделся?

— Нет. Он сегодня не заходил, — угрызения совести слышались всё громче, и губернатор тщетно пытался заглушить их. Именно с его согласия, в этом самом доме был вынесен негласный приговор Сильверу. Он знал об этом, но предпочёл умыть руки. Удалиться, чтобы не слышать, как де Жуайен с Нортоном плетут этот заговор.

— Я беспокоюсь за него, — продолжал Вольверстон, — сегодня в «Королевском призе» Нортон спьяну сболтнул. Говорил, недовольных много, а кое-кто большие деньги предлагал за то, чтобы с Питером разделаться. Ты ничего не слышал об этом?

— Нет, — соврал де Монтенон. Совесть уже громко кричала ему на ухо. Он прекрасно понимал, что лишь один человек мог заплатить за жизнь Сильвера. Это был де Жуайен. Граф, как никто другой, желал смерти удачливого капитана. Но он сам... Зачем связался с Уайтом и его головорезами, задумав устранить Сильвера ради благополучия собственной дочери? Теперь главное, чтобы Нэд ничего не заподозрил.

— Сегодня ко мне Гарри с Нортоном заходили, — продолжал губернатор, — жаловались — мол, кодекс Сильвера уж слишком строг, даже сам Морган своим людям послабления давал. Но об убийстве и речи не было. Потом ко мне де Фонтейн пришёл, и мне пришлось оставить их в гостинной.

Шорох в кустах послышался вновь. Тень шевельнулась и метнулась в сторону двери.

— Кто здесь? — де Монтенон ринулся к незнакомцу. Тот рванулся было к беседке, но губернатор вцепился в его руку и в мгновение ока сорвал шляпу. Золотистые кудри рассыпались по плечам, и француз с изумлением узнал в юноше собственную дочь.

— Негодная девчонка! — взревел разъярённый отец, — марш в комнаты! А с тобой, старый хрыч, мы ещё поговорим!

Отчаянно визжа, девушка пыталась освободиться, но губернатор крепко держал её за плечи.

— Из дома ни шагу! — заорал он, — Прислуга! Двое к двери спальни, двое — к окну! Живо!

Питт Уоллес открыл глаза. Плечо жгло, будто бы к нему приложили кусок раскалённого железа. Над головой в сумасшедшем танце кружилось чёрное небо с горячими угольками звёзд. В неярком свете смутно проступали знакомые черты. Улыбка... Та, которую он так и не смог забыть... Рука ласково гладившая его всё ещё саднящий висок... Что-то влажное и прохладное смывало с кожи запёкшуюся кровь, а в ране на лбу приятно пощипывало.

— Арабелла?

Тень покачнулась. Тёмные волосы нахлынули волной, почти полностью скрыв лицо. Питт улыбнулся. Что это — сон или явь? Всё смешалось в его воспалённом сознании. Сердце томительно замирало в предчувствии чуда. Неужели он всё-таки встретился с ней? Сегодня, на ночной улице? В тот миг, когда защитил её от этих головорезов, на которых набросился, забыв об осторожности...

— Это ты, любимая?

Короткий сухой смешок раздался в звенящей тишине. Небосвод, качнувшись, остановился. Волшебство закончилось.

— У тебя горячка, Питт, — хриплый голос капитана дрогнул, — это я, Сильвер. Чтс здесь произошло?

Питт тяжело вздохнул. Острая боль в плече вновь дала о себе знать. Горькое прозрение... Но почему тогда глаза Питера так странно блеснули в темноте? Нет, надо успокоиться. Не выдать собственного волнения. Иначе...

— Я шёл по улице, — сдерживая биение сердца, произнёс Уоллес, — увидел, как трое здоровяков набросились на парня. Я поначалу думал, что это ты. Но потом оказалось, что это была переодетая девчонка.

Сильвер усмехнулся и вытер со лба друга стекающую струйкой кровь.

— Спасибо, Питт. Ты же меня защитить бросился. А девчонку жаль, натерпелась она страху.

— А кто это был? Я так и не рассмотрел её лицо.

— Мари Жермен. Нэд повёл её домой. Знаешь, ведь она тоже меня защитить хотела. Предупредить об опасности. Страшно подумать, что бы случилось, если бы не ты. А теперь ей ещё от отца достанется.

Питт замолчал. В темноте тропической ночи черты друга расплывались, и в них то и дело чудился образ его возлюбленной.

— А ты, — продолжал Сильвер, — значит, ты со всеми разделался? Молодец.

— Последнего Нэд добил. По-моему, это был Гарри

Сильвер замолчал и вытащил из-за пазухи флягу.

— Ты пьёшь? — с недоумением взглянул на друга Питт

— Нет, — улыбнулся тот, — я всегда ношу с собой ром. На всякий случай — вдруг пригодиться.

Открыв крышку, Питер вылил немного жидкости на изрядно испачканный кровью платок.

— Ещё немного потерпи, приятель. Сейчас легче будет

— Дай глотнуть. Во рту пересохло.

Отпив немного рома, Питт смежил веки и погрузился в сон. В нём он видел вернувшуюся из небытия Арабеллу. Ласково улыбаясь, девушка промывала его раны хмельным напитком.

Губернатор гневно сверкнул глазами. С трудом сдерживая ярость, он прохаживался взад и вперёд по гостиной. В висках напряжённо пульсировала кровь.

— Где ты нашёл эту негодницу?

— Успокойся, Анри, — спокойно возразил ему Вольверстон, — девчонке ещё крупно повезло, что Питт рядом оказался, иначе...

— Что ты хочешь сказать?

— Она слышала, как те парни говорили про Сильвера. Вот и решила предупредить. Гарри с Нортонем её за Питера приняли. Они же почти одинакового роста.

— Да уж..., - задумчиво промолвил де Монтенон. Его ошибка едва не привела к роковым последствиям. Если бы он сразу дал понять — Нортону, Уайту, де Жуайену и всем остальным... Дал бы понять, что полностью доверяет Сильверу... А теперь его дочь едва не стала жертвой головорезов.

— Может, и вправду стоит согласиться на их брак? — продолжил он, обращаясь то ли к сидящему на диване Нэду, то ли к самому себе.

— Не думаю, Анри, что это хорошая идея, — Вольверстон нахмурился, — Сильвер не любит её. Должно пройти время, чтобы он смог забыть... Да и рано ему пока.

— Ты о Арабелле? — оживился де Монтенон, — вообще-то ты прав, он слишком уж молод. Знаешь, я ещё вот о чём потолковать хотел. Ты наверняка знаешь де Фонтейна. Он тоже аристократ, вроде Сильвера. Королевская кровь. Правнук Генриха Валуа.

— Знаю его, — кивнул Вольверстон, — но причём здесь он?

— Его фрегат потопили испанцы, а в кильватер к другим капитанам не хочет. Гордый слишком — королевская кровь. Думаю, с принцем сможет договориться. Тем более что в Панаме его опыт пригодится.

Вольверстон задумчиво взглянул на губернатора. Что это? Попытка помочь другу или

очередная выходка опытного интригана? После истории с Нортоном Нэд уже не доверял де Монтенону.

— Хорошо, я поговорю с Питером, — задумчиво промолвил он, — Питт тяжело ранен, так что меньше чем через неделю в море не выйдем.

Вскоре старые знакомые попрощались. Вольверстон вышел на улицу, а в спальне Мари Жермен ещё долго горел свет.

Глава 25 Панамские приключения

Питт Уоллес, пошатываясь, поднялся на шкафут. В голове звучал то ли звон корабельной рынды, то ли свист штормового ветра. Тягостно ныла подвязанная на перевязи рука. Швырнув в лицо квартирмейстера пригоршню солёных брызг, морской ветер освежил его разум. Привычное зрелище копошащихся на палубе матросов окончательно вернуло квартирмейстера к действительности. Питт огляделся. На юте распоряжался Крисперс, а на баке виднелась фигура Сильвера. Рядом с ним, изящно подбоченившись, расположился де Фонтейн.

— Опять этот франт здесь? — Уоллес кивнул шкиперу.

— А ты что думал? — огрызнулся Крисперс, — мы теперь для него пустое место. Не то, что этот Валуа. Нэд, и тот недоволен. Теперь всё здесь, даже «Старую Англию» на Хэндса оставил.

Питт выругался. Воспоминания о недавних событиях напомнили о себе подступающей к горлу дурнотой. Обида мучительно жгла душу. Облегчив сердце ещё парой крепких словечек, квартирмейстер решительно двинулся в сторону бака, но вскоре столкнулся с возникшим будто из-под земли Вольверстоном.

— Эй, Питт! — остановил его старый вояка, — через полчаса совещание.

— Проклятье! — недовольно буркнул Уоллес, — опять он с этим французом!

— А ты что думал, Питт? — задумчиво промолвил Вольверстон, — де Фонтейн — дру БЕРЕВИКА. Если бы не придворные интриганы, тоже до маршала бы дослужился.

Питт помрачнел. Друг сводного брата Сильвера! Хуже не придумаешь! Да ещё такой франт — на палубе словно на дворцовом паркете. Под стать капитану.

— Приятель Беревика, говоришь, — буркнул Питт, — жаль, что нельзя драться во время похода...

Сильвер и де Фонтейн уже спускались с лестницы. Тридцатилетний сухощавый месье высокомерно взглянул на приближающегося квартирмейстера.

— Твои ребята слишком молоды, Сильвер, — заметил он, — сухопутную экспедицию должен возглавить опытный командир.

Сильвер недоверчиво взглянул на француза.

— Говоришь, что у тебя есть опыт? Посмотрим, как справишься в Рио-Чагре...

К вечеру фрегат де Фонтейна направился к берегу, чтобы пристать в миле от крепости. Остальные суда остались в дрейфе на расстоянии пушечного выстрела от укреплений.

Питт Уоллес всю ночь провёл на палубе. Питт сам не знал, чего же он хочет больше. Крепость Рио-Чагре закрывала вход в устье реки. Это была первая из дверей, ведущих к панамским сокровищам. Но с другой стороны... Как хотелось ему, чтобы этот нахальный француз потерпел поражение! Но увы! Доносившийся с берега запах гари становился всё сильнее, а над городом всё чаще вспыхивали языки пламени. Вскоре забрезжил рассвет. В лучах восходящего солнца над почерневшими бастионами полоскалось белое знамя с тремя золотыми лилиями.

— Капитан! — заорал Питт, не дожидаясь, пока сигнал заметят вахтенные, — Рио-Чагре взята!

На палубу высыпали люди. Путь к устью реки был свободен. Заполоснув, взметнулись ещё недавно свёрнутые паруса, а корабли, скрипя снастями, развернулись и двинулись к

берегу, где их встретил торжествующий потомок королей. Но радость длилась недолго. Оставив крепость и корабли на всё ещё ворчащего Уоллеса, пираты двинулись вверх по течению. Было тесно — почти семьсот человек с трудом уместились на двух двадцатипушечных фрегатах. Ещё около пятидесяти следовали в арьергарде на плотках и каноэ.

К вечеру река стала заметно уже. Под безмятежной водной гладью угадывались то ли брёвна, то ли спины гигантских чудовищ. Гуще становились и прибрежные заросли, а из кустов то и дело доносились крики незнакомых птиц.

— Жутковатая картина, — заметил Крисперс

— Да ладно тебе, Уоррен, людей пугать, — оборвал его Сильвер, — ещё до Рио-де-дос-Брадоса не дошли.

Де Фонтейн испытующе взглянул на капитана.

— Когда думаешь остановиться?

— Вблизи Крус-де-Хуан-Гальего

— Не стоит, — возразил Дастин, — лучше в Рио-де-дос-Брадосе. По реке ночью идти опасно. Она слишком мелководна, да и индейцы сплавляют по ней брёвна. К тому же вода здесь кишит кайманами.

— Я бы всё же поднялся выше, — возразил Сильвер, — но если ты считаешь... Думаешь на фрегатах ночевать?

— Здесь есть небольшое поселение, — уверенно произнёс Дастин, — хижин десять-пятнадцать. Устроимся в них. К тому же там есть запасы продовольствия.

— Думаешь, они не предупредят остальных?

— Не успеют, — выражение лица Дастина не оставляло ни малейших сомнений в его планах. На лице Сильвера вновь мелькнуло сомнение.

— Капитан, подумай хорошенько! — возразил де Фонтейн, — высаживаться на берег, когда у нас есть два хороших, прочных судна!

Но Сильвер уже принял решение. Оставив пятьдесят человек на фрегатах, пираты высадились на берег. Под ногами хлюпала зыбкая почва, и пираты то и дело проваливались по пояс в болото. Сильвер и де Фонтейн шли* впереди, прорубая дорогу саблями. Вольверстон ни на шаг не отходил от капитанов, а Дастин то и дело отлучался в кусты, высматривая дорогу.

Вокруг раздавались странные звуки. Шорохи, вскрики, урчание... То тут, то там, подобно огромным пещерам, высились причудливые изгибы корней гигантских деревьев. Голые стволы-колонны устремлялись ввысь. Неожиданно над головой Сильвера метнулось что-то длинное и толстое, извивающееся, подобно гигантской змее. Крисперс вздрогнул.

— Капитан!

Сильвер взмахнул саблей. Гигантская лиана упала под ноги путникам.

— Медленно что-то идём...

— Думал, что это Пэлл-Мэлл?

Темнота сгустилась. Шорохи становились всё громче. Неожиданно вдали раздался пронзительный меланхолический крик. Пираты невольно вздрогнули. Крик повторился.

— Кто это? Будто ребёнок плачет.

— Это арама, — пробормотал Хэндс, — говорят, так стонут души погибших флибустьеров.

Опять этот крик — протяжный, будто выворачивающий душу наизнанку.

— Говорят, она предвещает беду, — заметил кто-то из моряков.

— Может, нам стоит вернуться?

— Хватит! — Сильвер на мгновение остановился и повернулся назад, — вы что, хотите прослать трусами?

Ещё один взмах саблей, и вдали, за кустами, показалась равнина.

— Гляди-ка! — воскликнул кто-то, — и вправду хижины!

Воодушевлённые пираты с удвоенной силой устремились вперёд. Промокшие до нитки, усталые, они уже думали о хорошем ужине и ночлеге. Но едва они добрались до деревни, взорам их предстали лишь следы незрелого маиса на полях. Дома встретили новых хозяев распахнутыми дверями и зиявшими пустотой окнами. Ни единой живой души. Даже собаки, и те покинули селение.

— Проклятье! — нетерпеливо выругался де Фонтейн, — они забрали с собой всю еду!

— Вспомни Моргана! — возразил ему Вольверстон, — его экспедицию постигла та же участь.

— Может, колдовство? Я слышал, индейцы...

— Не болтай ерунду! — оборвал его Сильвер, — у них хорошие лазутчики. Индейцы ходят бесшумно и наверняка следят за рекой.

— погоди, Питер, — задумчиво промолвил Вольверстон, — может, и не индейцы это...

— Ты тоже веришь в эти байки про колдунов?

— Нет, но... Лучше будем на ночлег устраиваться.

Пожинав захваченной с кораблей солониной и маисом, пираты направились спать. Но Вольверстон всё ворочался с боку на бок. Сон не шёл. В мозгу его, сменяя друг друга, мелькали лица пиратов. Дастин, де Фонтейн... Два человека, внезапно появившиеся в отряде... Но... Доказательств у него не было — лишь смутное, не совсем понятное чувство. Устав от размышлений, он ткнул в бок лежавшего рядом Сильвера. Тот, пробурчав что-то невнятное, отвернулся и натянул на себя плащ

— Питер, проснись. Кто-то бродит вокруг.

Сильвер сел, протирая руками глаза. Пронзительный крик раздался совсем рядом.

— Это арама.

— Может быть, птица, а может быть, и нет, — шепнул Вольверстон почти на ухо капитану.

— Думаешь, нас предали? — Питер метнул быстрый взгляд в сторону террасы. Матросы спали вповалку, завернувшись в полы камзолов и подложив под голову охапки срезанной травы. Различить их лица в крошечной темноте не смог бы даже сам Вольверстон.

— Возможно. Будь осторожен — следи за Дастином и де Фонтейном.

— Отступать поздно. У нас есть одна дорога — на Панаму. Положимся на судьбу.

Запахнув полы плаща, капитан улёгся на прежнее место. Через минуту Вольверстон услышал его ровное дыхание. Вскоре заснул и сам старый моряк — прерывистым беспокойным сном.

С утра погрузились на каноэ и шли до Крус-де-Хуан-Гальего. К селению подошли к вечеру, усталые, промокшие и голодные. И вновь Дастин предложил высадиться на берег. Среди матросов зрело недовольство.

— Спать на земле, как собаки, — возмущались они, — лучше бы на фрегатах шли.

— Согласен, — недовольно поморщился де Фонтейн, — опять ночевать в грязи! Я же говорил, что для такой экспедиции нужен опыт!

Вольверстон недоверчиво взглянул на Дастина.

— И вправду, Питер, могли бы на фрегатах идти.

Но Сильвер лишь пожал плечами.

— Что теперь говорить. Главное — на испанские посты не нарваться.

Дастин лишь рассмеялся в ответ. С каждым днём этот смущённый юноша становился всё более дерзким. Казалось, он нарочно провоцирует Сильвера.

— Бойтесь испанцев, капитан? А я-то думал, что Вы — храбрец

— Не стоит напрасно рисковать людьми, — с металлическими нотками в голосе возразил ему Питер, — а ты подумай хорошенько. Хочешь навсегда остаться в этих болотах?

— Вы подозреваете меня в обмане? — возмущённо воскликнул Дастин

— Я никого не подозреваю. Просто предупреждаю. И ещё — теперь ты не отойдёшь от меня ни на шаг.

Высаживались на болотистом берегу. Селение было покинуто испанцами, дома сожжены, поэтому разместились на берегу и ночь провели на земле, укрывшись плащами. Как Сильвер и обещал, он ни на минуту не отпустил от себя Сильвера, поместив его на ночь между собой и Вольверстоном. Недалеко от них разместили де Фонтейна, капитана французов, с несколькими его офицерами.

Наутро вновь выступили в поход, но к полудню около десятка человек начало жаловаться на рези в желудке. Вольверстон осмотрел заболевших пиратов.

— Что вы ели?

— Только зелёный маис, — вздохнул один из них, корчась от боли.

— Похоже на отравление спрорынъей. Ты можешь идти?

Бедняга лишь простонал в ответ. Пришлось оставить с больными ещё десяток пиратов. Остальные же двинулись вперёд. Поредевшее войско густым облаком окутал страх.

— Проклятье Моргана, — пробормотал Стилл, — говорят, что он зарыл здесь сокровища и проклял каждого, кто ступит на эти земли.

— Говорят, кто услышит голос арамь, навсегда останется здесь...

— Пустые деревни, а теперь ещё это...

— Надо вернуться...

— Хватит болтать ерунду, — оборвал матросов Вольверстон, — вы что, хотите прослать трусами?

Де Фонтейн молчал, но вокруг него всё чаще собирались французские моряки. Они с чём-то перешёптывались, то и дело глядя на шедшего в авангарде Сильвера.

Вольверстон замахнулся саблей. Метнувшись, подобно гигантской змее, обрубленная лиана рухнула к ногам. Пираты продирались через узкий коридор, прорубая дорогу среди густых сплетающихся веток и мощных, толщиной в руку, лиан. Воздух оглашали беспрестанные звуки — щебет, визг, стрекотанье. Сквозь зелёный купол листвы низвергался дождевой поток. Вода застилала глаза, смешивалась с птичьим помётом и липким потом, и превращалась в солёную вонючую жижу. Вокруг гудели назойливые насекомые. Тяжёлые, опухшие от укусов веки слипались, а в ослабевшем от голода мозгу свербила одна-единственная мысль.

— Остановись, капитан! — прохрипел ослабевший Вольверстон. — Людей пощади.

Впереди послышался треск ломающихся веток. Вскоре показался и сам Сильвер. Бледный, с расцарапанным лицом, он едва держался на ногах. Рядом с ним плёлся не желавший отставать де Фонтейн.

— Привал! — голос капитана отозвался непривычно тихо. Бессильно опустившись на лежавший на земле ствол упавшего дерева, он подпёр рукою исцарапанный лоб.

На обед устраивались молча. Перекусив остатками солонины, отряд собирался продолжить путь, когда среди французов послышались недовольные голоса.

— А что завтра есть будем, капитан?

— К вечеру до Торна Кабальос доберёмся, — устало отозвался Сильвер. — Там есть испанские поселения.

— Опять обещаниями кормишь?

— На этот раз ты нас не обманешь!

Вольверстон взглянул на де Фонтейна. В глазах француза затаилась недобрая усмешка. Он с явным интересом наблюдал за происходящим. Даже Непобедимая Армада не могла бы справиться с отрядом Сильвера лучше, чем голод, дождь и изнеможение.

— Послушайте, — попытался успокоить их капитан. — Никто не заставляет вас идти. Кто хочет вернуться, пусть возвращается. Чем меньше нас, тем больше достанется каждому.

Громкий клёкот раздался прямо над головами. Возмущённые голоса умолкли. Над лагерем кружила зелёная птица с кроваво-красным брюшком.

— Час от часу не легче, — Дастин испуганно перекрестился

— Что с тобой? — удивлённо взглянул на него Крисперс.

Суеверный страх мелькнул в глазах молодого моряка.

— Кетцаль, — ответил он. — Индейцы верят, что в него превращается Кетцалькоатль

— Кто такой этот Кетцкетль? — вновь подал голос шкипер, с трудом произнося непривычное для слуха англичанина имя.

— Языческий бог. Говорят, он хранит эти земли. Тех, кто ступит на них с дурными намерениями, он заманивает в ловушку и убивает.

— Прекрати! — оборвал его Сильвер. — хватит страха на людей нагонять!

— А я тоже слышал, — добавил один из матросов. — После моргановского похода индейцы наложили на эти земли заклятие. Их боги заводят путников глубоко в джунгли. Горе тому, кто не остановится на этом пути.

— Надо вернуться назад, — раздалось сразу несколько голосов.

Вольверстон нахмурился. На лице Сильвера тенью мелькнула растерянность, но он тотчас же справился с волнением.

— Я же сказал — пусть уходят те, кто хочет. Посмотрим, как встретят на Тортуге трусов!

— Лучше позор, чем смерть в джунглях!

Десять самых ярых сторонников возвращения направился было назад, но вскоре они вновь оказались в лагере. Пробираясь через джунгли столь небольшим отрядом оказалось ещё более опасной затеей. Вскоре пираты вновь выступили в путь, и к вечеру оказались на подступах к Торна Кабальос. Наскоро поужинав подстреленными мелкими птичками, они тотчас завалились спать.

Лишь Вольверстону не спалось, а вскоре пробудился и Сильвер. Казалось, он был чем-то сильно напуган.

— Что с тобой, капитан?

— Опять этот сон, — пробормотал Сильвер. — Вот уже которую ночь.

— Что за сон?

— Замок с башней и лестница. Я карабкаюсь вверх, очень высоко. Коридор всё уже,

нечем дышать. Потом железная дверь, а там...

Сильвер вдруг замолчал.

— Что там?

— Человек-скелет. Кожа приросла к костям. На нём обрывки дорогого камзола и парик.

Он протягивает ко мне тощие руки и зовёт меня... Мне страшно.

— Бог тебя защитит, — Вольверстон обнял капитана за плечи. — Ты же никогда ничего не боишься, разве не так?

— Я понимаю, Нэд. Назад пути нет. Такова моя судьба... Если погибнуть, то...

Сильвер замолчал и, подложив под голову плащ, начал устраиваться на мокрой траве. Через несколько мгновений он уже спокойно спал, забыв о былых страхах. Вольверстон же всё сидел, глядя на светившие через густой покров листвы звёзды. В чёрном небе мелькнула полная луна, а в кустах вновь раздался заунывный плач арамь. Он слышался совсем близко, почти рядом с лагерем. Чьи-то шаги... Вольверстон затаил дыхание. Шаги приближались. Лунный свет освещал безмятежное лицо спавшего Сильвера. Капитан лежал на спине, широко распахнув ворот промокшей от дождя рубашки.

— Проклятье! — Вольверстон схватил плащ и набросил его на Питера. Но тень уже скрылась в кустах. Через мгновение из-за них раздался приглушённый смех.

Вольверстон ткнул Сильвера в бок.

— Застегнись, капитан, а то просквозит.

Питер поёжился и плотнее завернулся в плащ.

— Где Дастин, — пробормотал он сквозь сон.

Вольверстон оглянулся вокруг. Лунный свет освещал лица спавших пиратов. Дастина среди них не было.

— Опять где-то ходит.

— А это кто был? Я видел чей-то тёмный силуэт.

— Похоже на де Фонтейна, — отозвался Вольверстон. — Ты спи. У меня что-то сон никак не идёт.

Вскоре забрезжил рассвет. Забывшийся ненадолго Вольверстон открыл глаза. Дождя не было, и сквозь густую листву виднелись клочки синего неба. Сильвер всё ещё спал, а на поляне уже раздавались возмущённые голоса.

— Заставил нас тащиться через эти болота, и всё из-за этого долговязого Дастина!

— Откуда он только взялся?

— Зачем капитан его слушает?

— Но...

— А ты молчи, голландец! Ты не то, что предателя — девку распознать не смог! В море ходил с Рэкхемом, а о том, что у него в команде две девки было, так и не догадался!

Вольверстон с тревогой покосился на спящего Сильвера.

— Капитан, проснись!

Но тот будто не слышал его слов. Нэд встал и накрыл капитана своим плащом.

— Ладно, спи. Пойду осмотрюсь.

Стараясь не выпускать из виду Питера, Вольверстон направился к поляне. Мятежные французы собрались вокруг де Фонтейна. Англичане пока что сторонились их, но было видно, что многие из разделяли настроения бунтовщиков.

— Нам нужен опытный командир, а не сопьяк!

— Где он сейчас? Наверняка дрыхнет!

— Подождите, парни, — подал голос Вольверстон, но возмущённые голоса тут же перебили его.

— Молчи, Нэд!

— Мы требуем низложить Сильвера!

— Мальчишка не может руководить экспедицией!

— Вспомните Моргана! — как можно громче выкрикнул Нэд. — Разве им было легко?

Рядом с ним раздался громкий смех. Это был де Фонтейн. Изысканным жестом поправив испачканные грязью манжеты, он без тени волнения произнёс:

— Ты не можешь сравнивать Сильвера с Морганом. Если хочешь знать, ваш капитан вообще...

Вольверстон похолодел. Рука невольно потянулась к пистолету, но де Фонтейн вдруг осёкся и замолчал.

— Что вообще? Что ты хотел сказать? — слышались вокруг удивлённые голоса.

Пробравшись сквозь толпу к замершему огромного дерева французу, Вольверстон обомлел. За поросшим мхом стволом прятался Сильвер. Сжимая в вытянутой руке пистолет, он ткнул его дулом в спину де Фонтейна.

— С чего ты вдруг вспомнил капитана Сильвера? — насмешливо произнёс капитан. — Эй, Валуа, а ты ведь знаешь законы! Может, скажешь, что полагается за мятеж во время боя?

Недовольный ропот пронёсся в толпе. Де Фонтейн попытался что-то промычать, но очередной тычок дулом заставил его умолкнуть.

— Я никого не держу здесь, господа, — Сильвер спокойно взглянул на разъярённую толпу, — кто хочет уйти, тот может быть свободен. Чем меньше оставшихся, тем больше достанется каждому — разве не так?

— Ты прав, капитан, — раздалось несколько голосов

— Тем не менее, поднявший мятеж должен ответить по закону. Что скажешь, Валуа? Будешь молчать, или...

— Ты убьёшь его, капитан? — с сожалением спросил голландец

— Я не могу сейчас защитить свою честь, — Сильвер нахмурился и взглянул на собравшихся вокруг бунтовщиков. — До возвращения на Тортугу я не считаю возможным вступать в поединок с кем-либо, кроме врага. Де Фонтейн должен ответить по закону.

Французы переглянулись.

— Что вы решили? Уходите или продолжаете путь?

Собравшиеся молчали. Питер взглянул на них, затем на де Фонтейна. Тот приготовился достойно встретить неизбежный конец и с гордым видом стоял рядом с разгневанным адмиралом.

Затянувшуюся паузу прервал запыхавшийся юнга.

— Там испанский редут! Пулярой пахнет! А в двух милях отсюда отряд стоит! Много испанцев, около тысячи.

Сильвер вновь оглядел собравшихся.

— Надо беречь силы, — произнёс он. — Сколько человек на посту?

— Семеро. Пулярку жарят! И ещё там склад маиса.

— Отлично, — усмехнулся он и покосился на де Фонтейна. — даю последний шанс. Предашь — убью не раздумывая. А пока...

— Что ты задумал? — взволнованно воскликнул Вольверстон.

На лице Сильвера мелькнуло странное выражение.

— Все остаются здесь, а мы с Валуа, — капитан вновь подтолкнул француза вперёд. — мы возьмём этот редут. Вдвоём.

— Зачем это тебе, Питер? — с тревогой спросил Вольверстон. — Я пойду с вами.

— Не надо, Нэд. Пусть Бог нас рассудит. Де Фонтейн обвинял меня в трусости. Теперь пусть покажет, какой он храбрец.

В толпе французов раздались одобрительные выкрики. Многим из них пришлось по душе гасконада Сильвера. Капитан же спокойно продолжал:

— Главное сейчас — не дать испанцам нас обнаружить. Они знают местность, и у них повсюду посты. Если пошлют за подкреплением, мы пропали. Ещё три дня, и мы выберемся из этих болот. Так что, парни? Кто хочет покинуть отряд?

— Мы остаёмся, капитан! Мы с тобой!

Сильвер вновь подтолкнул де Фонтейна вперёд. Тот, с трудом веря в собственное спасение, подчинился. До редута добирались ползком, окончательно перепачкав камзолы. Не дойдя пяти шагов до поста, залегли в густом кустарнике. За ним виднелась расчищенная площадка с двумя пушками и небольшим сараем. У каждой пушки стояло по двое солдат, ещё трое прохаживались у сарая, рядом с которым, прямо на земле была расстелена пёстрая скатерть. Тушки цыплят издавали соблазнительный запах, от которого у пиратов закружилась голова, и настойчиво засосало под ложечкой.

— Идём? — шепнул де Фонтейн

— Хочешь расстаться с жизнью? — отозвался Сильвер. — Лежи тихо и наблюдай.

Трое солдат устроились рядом со скатертью, видимо, собираясь позавтракать. Стоявший у ближайшего орудия испанец, по-видимому, решил присоединиться к компании и отошёл в сторону. Сильвер пошевелился. Услышав шорох, оставшийся караульный осторожно направился к кустарнику. Капитан же, зажав в руке кинжал, метнулся в броске. Через несколько мгновений истекающий кровью испанец уже лежал на земле. Та же участь постигла и его товарища, внимание которого привлёк раздавшийся в кустах шум. Остальные офицеры прервали трапезу и, выхватив сабли, бросились на помощь.

— Теперь их пятеро! — шепнул Сильвер. — Бери тех, что у пушки!

Схватка закончилась быстро. Оба капитана слыли хорошими фехтовальщиками, а запах цыплёнка и предвкушение скорой трапезы удвоили их силы. Связав двух оставшихся в живых испанцев, де Фонтейн тут же вспомнил об условном сигнале.

— Надо разжечь костёр, — француз направился было к кустам, но тут же остановился, услышав крик арамь.

— Назад, — шепнул ему Сильвер. — Сейчас день, а арама ночная птица. Что-то здесь не так.

Француз отступил. Крик повторился. Он исходил из кустов позади редута, несколько правее того места, где только что скрывались пираты. Зажав в руке кинжал, Сильвер шагнул вперёд. В зарослях кто-то шевельнулся, и Питер быстро метнулся вперёд. Из кустов раздался сдавленный стон.

— Кто это? — едва успел спросить де Фонтейн, как из укрытия появился Вольверстон, придерживая раненого Дастина.

— Я шёл за ним следом, — увидев изумлённые лица капитанов, произнёс он. — Когда вы ушли, он сказал, что ему надо отойти. Я пошёл следом и оказался прав. Думаю, он хотел предупредить испанцев об опасности.

— Как твоё настоящее имя?

Сильвер грозно взглянул на юношу и направил на него дуло пистолета. Но тот спокойно взглянул ему в лицо. Он уже ничуть не напоминал того робкого парнишку, что встретился им на Тортуге.

— Меня зовут Хуан Хосе Д'Авила Браво де Лагуна, — гордо вскинув голову, произнёс он. — Я сын президента Панама, ныне исполняющего обязанности вице-короля Перу.

Подобный ответ настолько противоречил жалкому виду испанца, что Питер невольно улыбнулся.

— Не врешь?

— Клянусь Богом, — молодой человек перекрестился. Выражение его глаз не оставляло никаких сомнений в том, что он говорил истинную правду.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. Недавно исполнилось.

— Зачем ты это сделал?

— Вы убили брата моей матери, Диего де Гусман де Канильяс.

Поймав недоверчивый взгляд Питера, он добавил:

— Моя мать была дочерью прежнего президента Панама. Дядя должен был прибыть к нам, когда Вы захватили его флотилию и убили его. Я давно хотел отомстить, но мне удалось убежать из дома лишь месяц назад. То, что я рассказал о своём путешествии — чистая правда.

Вольверстон с недоумением рассматривал юношу. Несмотря на охватившее его чувство негодования, он всё больше и больше проникался симпатией к этому смельчаку. То же настроение, видимо, испытывал и Сильвер. В его глазах мелькнуло нечто, похожее на жалость и даже восхищение.

— Так твои родители не знают, где ты? — спросил Питер

— Я сбежал из дома.

— Надеюсь, ты понимаешь, что ты — мой пленник. Я уважаю тебя, но война есть война.

— Я готов умереть, — гордо ответил испанец.

Вольверстон с тревогой взглянул на Сильвера. Ему было жаль юношу, который из привязанности к семье решился на безрассудно смелый поступок, вступив в единоборство с целым отрядом пиратов. Но и пощадить его и отпустить домой тоже было нельзя. Видимо, те же чувства испытывал и капитан. Бросив взгляд на Хуана Хосе и двух пленных испанцев, он сухо приказал:

— Свяжите. Сторожите этих троих как следует. Думаю, этот парень нам ещё пригодится.

Сарай был доверху забит маисом. Недоеденных цыплят разделили между самыми ослабевшими, а остальным, в том Сильверу и де Фонтейну, пришлось довольствоваться маисом.

После обеда офицеры собрались на совещание. Пленные испанцы сообщили, что на узкой дороге, ведущей к городу, выставлено несколько хорошо вооружённых постов. Другого пути к Панаме нет, а единственная дорога пролегла через узкое ущелье. Таким образом, отряд Сильвера неминуемо должен был оказаться в окружении превосходящего по силе противника.

Вольверстон нервно прохаживался по поляне. Совещание офицеров затягивалось. Спор то затихал, то разгорался вновь. Миновав более половины пути, многие капитаны впервые

осознали — единственная дорога к цели пролегла через узкий, со всех сторон обстреливаемый испанцами коридор.

— Ты что, Питер? — возмущался один из недовольных. — Предлагаешь идти через ущелье?

— А ты как думаешь, Сид? — усмехнулся стоявший на невысоком пригорке Сильвер, — если знаешь другой путь — покажи! Я с радостью последую за тобой.

— Ты думаешь, мы все на смерть пойдём для того, чтобы достать для тебя сокровища?

— Да не нужно ему золото, — выкрикнул ещё один офицер. — Он из-за девки в эту историю впутался. Вы так и не поняли?

— Из-за какой такой девки? — возразил Нэд. — Ты что, Сид, совсем голову потерял от страха?

— Да той англичанки, про которую испанец болтал.

Вольверстон покосился на де Фонтейна. Всегда охотно занимавший сторону бунтовщиков представитель королевского рода недвижно стоял, прислонившись спиной к дереву и скрестив руки на груди. Взор его был устремлён на Сильвера. Вокруг своего вожака сбились в кучу притихшие французы.

— Кто желает, может вернуться, — с иронией заметил Питер. — Вот только... Подумайте, что будут говорить о вас на Тортуге.

Де Фонтейн выступил вперёд:

— Я полагаю, Вы расписываетесь в собственной трусости, господа. Месье Сильвер...

— Скорее, в бездарности нашего капитана, — перебил его Сид. — Уж Морган бы...

— Что Морган? — громовым голосом выкрикнул Вольверстон, — Морган шёл тем же путём. Если у тебя, Сид, ром не стёр остатки памяти, ты бы вспомнил наш разговор на Тортуге. Я предупреждал тебя об этом. Ведь я знал, что ты труслив как девчонка.

— Так тебе нужны сокровища или нет, Сид? — рассмеялся Сильвер. — Если нет, то зачем ты втянул в это своих людей?

— Мои люди не собираются подставлять себя под пули.

— Насколько я знаю, многие из них собирались идти без тебя.

На мгновение Сильвер замолчал. Взглянув на затихших французов, он встретился взглядом с де Фонтейном. Тот опустил глаза.

— Ладно, Сид, — продолжил капитан. — Не будем ссориться. Боишься — твоё дело. Пойдёшь в арьергарде. Вперёд вышлю человек сто, не больше. Думаю, это устроит всех.

— На каких условиях?

— Двойное вознаграждение. Но затеявший бунт или струсивший будет расстрелян немедленно. Обещаю.

— Кто возглавит авангард? — подал голос дотоле молчавший Крисперс

— У тебя есть сомнения, Крис? Основной отряд пойдёт под началом Вольверстона.

— Всё ясно...

— И ещё, — Сильвер сделал паузу и вновь взглянул на де Фонтейна. — Первым помощником назначаю Валуа. Чтобы французы не говорили, что... Надеюсь, ты не против, Анри?

— Согласен, — кивнул тот.

Нэд с тревогой взглянул на капитана. Вокруг него уже собрались человек пятьдесят добровольцев. Де Фонтейн по-прежнему стоял поодаль, о чём-то приглушённо беседуя с окружающими его офицерами. Казалось, он отдаёт им последние распоряжения.

— Вот мои люди, Стюарт, — голос француза чуть дрогнул. — пятьдесят два человека. Самые храбрые люди во Франции. Можешь положиться на них. И на меня тоже.

В поход выступили с рассветом. Тропические джунгли постепенно сменяли растущие по обочине кустарники. Чуть поодаль виднелся редющий лес.

Дорога становилась всё уже.

— Скоро выйдем в саванну, — заметил Сильвер. — Хуан Хосе говорил....

— Тихо что-то, — перебил его Крисперс. — куда только индейцы подевались?

— Наверное, им теперь всё равно, — отозвался де Фонтейн. — Испанцы их грабили ничуть не меньше Моргана. Да и бояться нас им нечего. Что у них теперь возьмёшь? Разве что майса гнилого...

— Тем лучше, — рассмеялся было Сильвер, но тут же отпрянул. Рядом с ним, едва не задев его плечо, просвистела стрела.

— Берегись, Стю! — рванувшись вперёд, де Фонтейн попытался прикрыть Сильвера, но тут же глухо застонал, схватившись за руку.

— Канальи! — француз приглушённо выругался и выдернул стрелу.

Через несколько мгновений не менее двух десятков стрел просвистели в воздухе.

— Осторожней, Анри! — выкрикнул Сильвер. — Из леса стреляют! Индейцы!

Они двигались в узком ущелье, с двух сторон которого громоздились поросшие лесом склоны. Дорога сузилась настолько, что по ней мог с трудом пройти нагруженный осёл. На склонах то и дело появлялись полуобнажённые фигуры. Смуглые тела украшала пёстрая раскраска. Но едва пираты устремлялись в лес, индейцы бесследно исчезали.

— A la savanna, a la savanna, Cornudos perros ingleses! (мы разделяемся с вами в саванне, английские собаки) — раздался чей-то насмешливый голос почти рядом с Сильвером. Тот бросился следом, но обидчика и след простыл.

— Быстро бегает, индейские собаки! — выругался Крисперс.

Де Фонтейн усмехнулся:

— Хорошо ещё, что через заросли стреляют — стрелы теряют скорость. Иначе всех бы перебили.

— Не стоит больше рисковать собой, Валуа, — мрачно заметил Сильвер. — Я сам могу себя защитить.

— Да ладно тебе, Стю, — примирительно отозвался француз. — Интересно, как там наш аррьергард? Сид ещё не умер от страха?

Сильвер замолчал, но вскоре вновь раздался его торжествующий голос:

— Впереди долина! Большая, заросшая травой. Там пасётся скот!

Обрадованные пираты устремились вперёд. Но едва они успели утолить голод, как начался дождь. Нескончаемые потоки устремлялись с неба, а под ногами хлюпала липкая грязь. Над саванной сгущались сумерки, а впереди виднелись нечёткие очертания деревянных строений.

— Деревня! — выкрикнул Крисперс, но вскоре воодушевление сменилось разочарованием. Большинство домов представляло собой лишь обгоревшие скелеты, а вокруг виднелась выжженная земля. Лишь несколько домов уцелело среди всеобщего разрушения.

— Остановимся здесь, — распорядился Сильвер. — скоро подойдёт аррьергард. Надо сложить в хижины оружие и выставить посты.

Направившийся на поиски пищи де Фонтейн вскоре вернулся с пустыми руками.

— Ничего нет. Весь скот угнали.

— Хорошо ещё, что пообедать успели, — рассмеялся капитан.

— Там хороший дом, Стю, — де Фонтейн указал на видневшееся поблизости строение. — Иди, поспи.

— Лучше там оружие сложим, — отозвался Сильвер. — а я останусь на улице. Всё равно не спится.

— Послушай, Стю..., - де Фонтейн неожиданно замолчал.

— На самом деле я не Стюарт, Анри. Беревик мой кузен, но я... Просто из рода Черчиллей.

— Все считают тебя...

— Знаю. Пусть считают... Просто...

— Слышишь, там арьергард наш двигается. Скоро подойдёт Нэд. Хорошо, что у тебя есть такой друг.

— Он знает меня с детства, Валуа.

— Но если тебе надо, можешь положиться на меня. Я не предаю тебя, Стю.

— Ты веришь в сны, Анри?

— Нет. А ты?

— Я тоже не верю, но вот уже которую ночь вижу один и тот же сон. Скелет в дорогом камзоле. Зовёт меня к себе...

— Брось, Стю, — де Фонтейн протянул было руку, чтобы обнять Сильвера за плечи, но тут же опустил её. — Ты же храбрец. Разве не так?

— Да, но... Я не боюсь ничего в этой жизни, но это...

— Знаешь, Стю, — де Фонтейн на мгновение замолчал. — Встретиться бы нам с тобой потом... В другой, мирной жизни. Во Франции или в Англии. Хотя... Ну да ладно... К чему эти разговоры... Пойду я лучше. Слышишь выстрелы? Это люди Нэда. Удачи тебе, приятель! Может, ещё выпишься.

Вскоре появился Вольверстон, и капитан тотчас же погрузился в сон. Де Фонтейн же днём бродил по лагерю под проливным дождём, размышляя о чём-то и бормоча что-то себе под нос.

Утро началось с дурных новостей. Пленники бесследно исчезли. Вольверстон и Сильвер в сопровождении часовых обошли весь лагерь, но испанцы будто сквозь землю провалились.

— Следы ищите, — горячился Сильвер, но вокруг была лишь утоптанная трава.

— Будто на крыльях улетели, — пробормотал де Фонтейн, подняв глаза к небу, и тут же воскликнул:

— Гляди, капитан! Обрывок рубашки на ветке!

Подоспевшие пираты внимательно осмотрели траву. На земле виднелось нечто, похожее на след копыта.

— Верхом они, что ли ускакали? — недоумевал Крисперс. — Но откуда здесь лошади?

Сильвер помрачнел

— За нами следили, — тихо произнёс он. — всё время. А это значит, сокровища могут уплыть от нас, как когда-то от Моргана...

— Не переживай, Стю, — ободрил его де Фонтейн. — Моргану вполне хватило выкупа от богатых горожан.

— Нет, Анри, — возразил ему капитан. — надо их задержать их. Крис, взгляни сверху. Они не должны были уйти далеко.

— Вижу трёх всадников, — раздался голос взобравшегося на дерево шкипера, —

удаляются в направлении к городу.

— Возьми двадцать человек, Валуа. Испанцы нужны мне живыми. Но если будут сопротивляться...

Через час торжествующий де Фонтейн притащил связанных пленников. Лицо Хуана Хосе было покрыто синяками, но сам он держался гордо и с достоинством. Сильвер хмурился, но в глазах его французу померещилось скорее восхищение, чем гнев.

— Зачем вы сбежали?

— А вы сами не сбежали бы, если бы оказались в испанском плену? — дерзко глядя в лицо Сильверу, произнёс Хосе Хуан.

— На войне как на войне, парень. Я тебя уважаю, но пойми...

— Я не боюсь вас, как не боюсь и быть убитым, — с вызовом уставившись на капитана, произнёс тот

— Да прирежь ты этого недоноска! — выкрикнул де Фонтейн

— Что с ним церемониться! — поддержали его несколько офицеров

Вывхватив саблю, де Фонтейн замахнулся ей прямо рядом с лицом испанца.

— Да что ты медлишь, капитан!

Сильвер молчал, пристально глядя в широко раскрытые глаза юноши. Тот спокойно взирал на происходящее, не выказывая никаких признаков страха.

— Если ты не сделаешь это, то я, — француз занёс саблю над головой Хуана Хосе

— Не смей, Анри! — медленно, чеканя каждое слово, произнёс он

— Предатель заслужил смерть, а ты...

Сильвер молчал. Над поляной нависла зловещая тишина. Даже Вольверстон не находил слов, чтобы поддержать своего воспитанника.

— Может, подумаешь? — осторожно промолвил он.

— Я уже решил, — спокойно возразил Сильвер. — убивать его — всё равно, что резать курицу, несущую золотые яйца.

— Что ты хочешь сказать?

— Пригрозим убить, если вице-король будет сопротивляться. Выкуп потребуем. Думаю, папаша не поскупится.

— Неплохая мысль, — Де Фонтейн вложил саблю в ножны.

— Охраняйте его, как охраняли бы сундук с золотом. А Теперь — в путь. К ночи надо быть у стен города. Опять разделиться придётся. Мы с Валуа в обход через лес пойдём. С нами двести человек, а остальные с Вольверстоном, по большой дороге. Выступят через полчаса.

Миновав саванну, усталые пираты взобрались на холм. В долине выстроились в боевой порядок четыре конных эскадрона. До блеска начищенные кирасы и шлемы сверкали на солнце.

— Глядите, сколько их! — шепнул один из матросов

— Они уж точно поели накануне, — поддержал его другой

— А кто вчера скот резал, Джек?

— Всё равно, Дик. Они чистые, одетые, да ещё верхом.

— Такие нас вмиг одолеют.

— А пехота! Человек пятьсот, с мушкетами, и ещё пики..

— А быки — зачем они им?

За пёстрыми рядами вооружённых горожан виднелись крестьяне. Каждый из них

держал под уздцы быка с повозкой. Чуть дальше толпились вооружённые дубинками негры и мулаты.

— Ещё индейцы — человек шестьсот будет...

— Нэд с ребятами точно не успеют. Затопчут нас...

— Что будем делать, капитан?

Де Фонтейн покосился на Сильвера. Питер был бледен, но весь его облик выражал уверенность в себе.

— До подхода арьергарда постараемся не вступать в бой.

— А если вынудят?

— Тогда..., - Сильвер на мгновение замолчал, но тут же продолжил:

— Чем меньше нас, тем больше достанется каждому.

— Ты в порядке, Стю? — вполголоса шепнул ему де Фонтейн.

— Я готов, Анри. Храбрый солдат может совершать чудеса, а страх способен погубить даже самое сильное войско. Так говорил мой дядюшка Джеймс. Тот самый Стюарт. И Джон Черчилль тоже.

— Нэд на подходе! — выкрикнул один из офицеров.

Вдали виднелась нестройная людская масса. Уставшие от бесконечных скитаний пираты шли медленно, будто бы пытались отдалить тот миг, когда им придётся столкнуться с сытым, выспавшимся и хорошо вооружённым противником. Собравшиеся на холме люди одобрительно загудели. Де Фонтейн облегчённо вздохнул, но брошенный им в сторону противника взгляд заставил улыбку вмиг слететь с его губ.

Испанская конница пришла в движение. Сомкнув ряды, эскадроны бросились вниз с холма. «Viva el Roy!» Громкие крики раздавались над полем, вселяя страх в усталых и голодных пиратов. Казалось, ещё полчаса, и конница сметёт лагерь с лица земли. Испанцы двигались плотным строем, а земля содрогалась от топота копыт.

— Нэд не успеет! — крикнул де Фонтейн. — Господи! Они сметут нас!

В лагере воцарилось смятение. Де Фонтейн в отчаянии взглянул на Сильвера:

— Беги отсюда, Стю! Ты успеешь! Я задержу их!

Но не успел он закончить, как над лагерем раздался уверенный голос Сильвера:

— Построиться в три эшелона! Мушкеты заряжай!

— Ты что, Питер?

— Выполняй приказ! Или хотите, чтобы вас растоптали!

Через несколько мгновений ряды пиратов сомкнулись. Испанцы вихрем неслись по долине, неумолимо приближаясь к лагерю.

— Растопчут нас, капитан...

— Первый эшелон, огонь! — скомандовал Сильвер.

Испанская конница, блистая начищенными кирасами, налетела на позиции пиратов подобно вихрю, но первые ряды её тут же смешались

— Второй ряд, огонь! Первый перезаряжает!

— Третий ряд огонь! Перезаряжает второй!

Бесперывный шквал выстрелов смешал передние ряды конницы. Люди падали, а будто обезумевшие животные носились по лагерю.

— Ты ранен, Анри?

— Ничего, Стю. Держись!

«Viva el Roy!» — вновь раздался клич испанцев, и задние ряды конницы, тесня

редеющий и смешавшийся авангард, вплотную приблизились к позициям флибустьеров.

— Нэд здесь! — воскликнул Питер, увидев карабкающихся на холм флибустьеров, — Вольверстон уже на холме.

Завязалась рукопашная схватка. Ряды конницы смешались, и часть всадников обратилась в бегство.

— Вперёд! — выкрикнул де Фонтейн.

— Осторожней, Валуа! — остановил его Сильвер. — лучше дожидаться пехоты здесь. Всем построиться! А ты, Крис, возьми сто пятьдесят человек и лошадей. Идите в обход. Перекроете большую дорогу на Пуэрто-Бельо. Наверняка обозы с ценностями уже там. Главное, чтобы вас не заметили испанцы.

Пехота наступала, но негры и мулаты бросились врассыпную, едва раздались первые выстрелы. Вскоре сошёл на нет и боевой дух добропорядочных горожан мгновенно сошёл на нет, не выдержав обрушившегося на мушкетного огня. Лишь индейцы ещё отстреливались, но и они вскоре отошли — ровным строем, отступив за стены города.

Де Фонтейн взглянул на Сильвера. Довольная улыбка озаряла усталое лицо капитана.

— Как ты, Анри? Как рука?

— Ничего. А ты?

— Всё нормально. А ты ещё сомневался. Взгляни-ка на этого генерала! Вот кому сейчас несладко.

Испанец на белом иноходце то бросался вперёд за наступающими пехотинцами, то отходил назад, то вдруг, будто вспомнив о чём-то, поворачивал коня к городу.

— Интересно, о чём он думает? — усмехнулся Сильвер

— Могу поспорить, сокровища получит Крис, — ответил де Фонтейн.

— И спорить не собираюсь, — рассмеялся Сильвер. — ещё до захода солнца. Если не оплошает, конечно же.

— Может, подкрепление ему выслать?

— Не стоит. Сто пятьдесят человек хватит.

— Ну ладно. Теперь я с тобой не спорю, Стю.

— Погоди-ка... Что за шум? Словно прибой...

Но не успели они обернуться, как сзади раздался отчаянный крик офицера.

— Огонь!

Будто морские волны, с тыла к лагерю приближалось стадо быков — не менее тысячи голов. Сзади них, громко щёлкая кнутами и отрывисто покрикивая, следовало человек пятьдесят погонщиков. От всей испанской конницы в лагере осталось не более полутора эскадронов, да и те почти рассеялась, остатки пехоты отступили к городу, поэтому быки оставались единственной силой, которая могла нанести пиратам какой-либо ущерб.

Задние ряды отряда Вольверстона поддержали арьергард огнём. Перепуганные животные метались по лагерю, сбивая с ног друг друга, зазевавшихся погонщиков, не успевших отступить всадников, пехотинцев и даже привыкших ко всему флибустьеров. Последним, однако, большей частью удавалось справиться с ними с помощью длинных острых ножей, тем более убитые быки сулили им хороший ужин.

Через полчаса бой был закончен, не менее ста быков и ста лошадей стояли, привязанные к окружающим холм деревьям.

Выстроив оставшихся пиратов, Сильвер, де Фонтейн и Вольверстон обошли позиции, отыскивая убитых и раненых. В тот день удача была на их стороне. Среди убитых оказались в

ОСНОВНОМ ИСПАНСКИЕ КАВАЛЕРИСТЫ.

Глава 26. Скелет на башне

Городские укрепления отчётливо виднелись сквозь заросли близко. Оставив в арьергарде основные силы, небольшой отряд во главе с Сильвером и де Фонтейном пробирался через кустарник. У городских ворот пушками ощетились баррикады. Сложенные из камней, досок и мешков, они, казалось, были оставлены в панике бежавшими защитниками крепости.

— Avante! — вполголоса распорядился де Фонтейн. Французы рванулись вперёд, но раздавшиеся из-за брустверов выстрелы тотчас же охладили их пыл. Отступив за невысокую каменную гряду, пираты залегли и принялись отстреливаться.

— Картечью палят, каналы, — француз грубо выругался, но тут же, осекшись, замолчал.

Сильвер молча взял на мушку мелькнувшего за укреплением испанца и спустил затвор мушкета. Тот упал ничком.

— Выкурим! — крикнул капитан. — теперь уж точно доберёмся!

Убеждённые примером убитого товарища, испанцы держались осторожнее, скрываясь за толстыми тюками. Пули, словно заколдованные, застревали в мешках.

— Проклятье! — вновь не удержался де Фонтейн. — Что у них там? Порох?

— Если бы порох! — огрызнулся Хэндс. — Белое что-то. Думай, капитан. Не возьмём мы их так.

— Иди в обход, Валуа! Там, за кустами. Я отвлеку их.

Через мгновение над лагерем взметнулось серебристое знамя с короной. Громкие звуки горнов возвестили испанцам о начале атаки. Со всех сторон началась беспорядочная пальба.

— Сдавайтесь! — Сильвер метнулся вперёд. Следом ринулся Хэндс, а за ним — несколько самых отчаянных англичан. Но не успели испанцы открыть ответный огонь, как с левого фланга, из-за кустов, бросились в атаку французы. Вслед за ними подоспел и арьергард, а с запада уже доносились звуки выстрелов — отряд Вольверстона прорывался к малым воротам. В сторону крепостным ворот со всех сторон бежали люди — грязные, в разорванных камзолах. Размахивая саблями и беспрестанно паля из подвешенных на поясе пистолетов, они выглядели столь угрожающе, что сопротивление испанцев вскоре было сломлено. На городских улицах пиратов встретила та же картина, но остановить ринувшихся прямо на пушки голодных людей было уже невозможно. Через два часа крепость была в полном распоряжении пиратов. Лишь президентский дворец неприступной цитаделью возвышался над городом, как символ непобедимости испанского господства в Новом Свете. Это был высокий замок в средневековом стиле с башнями, в которых виднелись узкие окна-бойницы. Из окон беспрестанно палили — последние защитники дворца тщетно пытались удержать его или, на худой конец, перебить как можно больше нападавших. Тем же пришлось держать оборону, укрывшись за одной из захваченных баррикад.

— Изю всех окон стреляют, каналы, — привычно выругался де Фонтейн, но вдруг обомлел, увидев странные перемены в лице Сильвера. Тот был вдруг побледнел, уставившись на одну из башен.

— Что с тобой, Стю?

— Взгляни сюда, Валуа. Почему из этого окна никто не стреляет?

— Какая разница? Не палят и ладно. Надо думать, как пробраться, а ты... Может, лучше

отловим монахов, и пусть нам лестницы держат.

— Нет, — твёрдо ответил Сильвер. — Нельзя так. Да и вообще что-то здесь не так Валуа, с этим окном...

— Нет там никого, и всё тут.

— Хочешь сказать, что там нет живых? — в голосе Сильвера слышалась странная тревога.

— Брось, Стю. Просто оно слишком узкое. Туда даже твоя рука не пролезет.

— Ты прав, но... Не понимаю... Тот сон... Взгляни, кто-то взмахнул платком!

Де Фонтейн поднял голову, но окно по-прежнему было безжизненным.

— Никого не вижу, Стю. Тебе кажется. Голову пригни!

Пронзительный свист раздался прямо над головой Сильвера. Пуля угодила в днище одной из лежавших на боку бочек, спрятанных среди мешков с мукой. Тонкая струйка серого порошка посыпалась вниз. Питер вытянул руку, насыпал в ладонь немного порошка и поднёс к лицу.

— Порох... Эй, Валуа! Верёвка есть?

— Держи.

Обвязав несколько бочек верёвками, пираты столкнули их в сторону ворот. Огненная змейка, пробежав по земле, в считанные мгновения достигла дверей замка.

Дворец содрогнулся. Пламя взметнулось ввысь, а взрыв оглушил даже привыкших ко всему пиратов. Непрístupные мангровые ворота разлетелись в щепки, а пираты бросились в образовавшийся приём, и на бегу опрокидывая оглушённых защитников крепости. Взорам ворвавшихся в помещение флибустьеров предстали великолепные коридоры, богато украшенные шёлковой обивкой и обставленные резной мебелью.

— Карреньо де Миранда, — задумчиво промолвил де Фонтейн, кивнув на висевшую на стене картину, изображавшую членов королевской фамилии.

Вокруг царила разруха — роскошные кресла были перевёрнуты и превращены в импровизированные брустверы, скрывавшие продолжающих пальбу испанцев. Великолепный китайский шёлк, украшавший дворцовые стены, был безнадёжно испорчен следами пороха и картечи. Схватив за шиворот молодого парня, де Фонтейн сильно встряхнул его и приставил к виску пистолет.

— Живо! Говори, где комнаты президента!

— На втором этаже. По центральной лестнице, — пробормотал растерявшийся детина.

Отшвырнув несчастного в сторону, француз кивнул Сильверу, и оба ринулись к парадной лестнице в сопровождении чуть более десятка пиратов. На пороге залы их встретил мощный великан. Сходство его с Хуаном Хосе было столь очевидно, что узнать его не представляло труда. Президент стоял в угрожающей позе, с саблей в одной руке и пистолетом — в другой. Увидев бегущих по коридору пиратов, он по-бычьему наклонил голову и шагнул вперёд, а лицо его налилось кровью.

— Убью, собаки! — прорычал президент. Де Фонтейн бросился было в атаку, но Сильвер остановил его.

— Дон Эрнандо Д'Авила Браво де Лагуна? — усмехнулся он. — Не советую Вам быть столь опрометчивым. В наших руках ваш сын, а, кроме того, Вы находитесь в обществе представителей королевских фамилий.

— Вы оборванцы! — выругался де Лагуна и спустил затвор. Пуля, просвистев над головой Сильвера, застряла в двери.

— Осторожнее, синьор, — невозмутимо продолжал Сильвер. — Во-первых, у меня Вап сын, а во-вторых...

— Грязный пёс, — прорычал побагровевший испанец, — где Хуан Хосе!

— Я искренне восхищаюсь его храбростью. Он жив лишь благодаря тому почтению, которое сумел внушить мне и моим людям. Но тем не менее...

— Где он?

— В надёжном месте. Вы получите его сразу, как только во дворец будет доставлено три тысячи песо.

Если бы вице-король умел убивать одним своим взглядом, то Сильвер был бы уже мёртв — столько ненависти в этот момент было в глазах потерпевшего поражение де Лагуны. Но пиратский капитан по-прежнему стоял перед его креслом, и представителю Его Величества ничего не оставалось, кроме как испустить глубокий вздох.

— Хорошо, — произнёс он, видя всю безнадёжность ситуации, — выкуп будет доставлен Вам в течение двух часов, но к этому времени Хуан Хосе должен быть во дворце.

— Кроме того, — улыбнулся Сильвер. — сообщите мне, где прячете золото, которое ещё месяц назад должно было быть переправлено в Пуэрто-Бельо.

Де Лагуна молчал. Де Фонтейн с удивлением глядел на своего напарника. Тот говорил уверенно, будто знал это наверняка.

— Обещаю — если мы сможем договориться, Бурбоны никогда не узнают о том, что Вы пытались ограбить казну. Но если нет — месье Валуа сделает всё возможное, чтобы довести эти сведения до царствующего дома.

— Если выберетесь отсюда, — испанец выругался, но в лице его читалась растерянность. Воспользовавшись его замешательством, пираты немедленно связали его и усадили в кресло.

— Надеюсь, Вы достойно обойдётесь с порядочными женщинами? — пробормотал он.

Де Фонтейн метнул быстрый взгляд на Сильвера. Тот невозмутимо продолжал:

— Разумеется. Если узнаю, что кто-либо причинил зло уважаемым дамам, пристрелю на месте. Мои люди будут охранять Ваши покои. Надеюсь, все синьоры и синьориты находятся здесь?

Президент кивнул, но на лице его мелькнула злобная усмешка.

— Мне известно, что в Вашем дворце находятся граф и графиня Солсбери. Это правда?

— Ищи эту девку сам, — рявкнул президент. — Точнее, то, что осталось от неё и её упрямого папаша.

Де Фонтейн взглянул на Сильвера. Тот побледнел и казался заметно встревоженным.

— Я должен идти, Валуа, — вполголоса произнёс он. — Та башня... Может, там Солсбери? Прими командование, если я не вернусь.

— Я с тобой, Стю! — крикнул было де Фонтейн, но Сильвер остановил его.

— Ты остаёшься! Это приказ!

Де Фонтейн кивнул, но, едва худощавая фигура скрылась за дверью, ринулся следом. Сильвер мчался вперёд, размахивая саблей. Немногочисленные испанцы, ещё не успевшие удрать из захваченного дворца, в испуге шарахались в стороны. Де Фонтейн следовал за ним, стараясь не упускать из виду. Свернув в узкий коридор, Сильвер вскоре, словно ошпаренный, выскочил обратно и едва не столкнулся с де Фонтейном, который, к своему счастью, вовремя успел укрыться за полуоткрытой дверью. Капитан же бросился в противоположную сторону и вскоре исчез в одном из стрельчатых проёмов.

— Куда лезешь, каналья! Ослеп, что ли? — отшвырнув в сторону налетевшего на него английского юнгу, де Фонтейн рванулся вперёд и вскоре очутился в холодном каменном мешке. Узкая лестница вилась вверх, а стены, казалось, вот-вот обвалятся от сырости. На почерневших от пыли и сажи ступенях виднелись следы маленьких сапог. Они могли принадлежать лишь одному человеку — капитану Сильверу. Точнее... Как ему теперь называть его? Де Фонтейн вдруг со всей ясностью осознал — по возвращении на Тортугу ему придётся разорвать заключённое между ними соглашение. Уйти от Сильвера окончательно и бесповоротно, забрав своих людей. Может, когда-нибудь они ещё смогут вместе проверить какое-нибудь дело, но не сейчас. Вот бы им действительно встретиться лет через пять, но не на Тортуге, а в Сент-Джеймсе или Лувре! Но будет ли это когда-нибудь? Ведь его придворная карьера дала крен ещё в Париже! Вот если бы Людовик... Да нет, у него свои наследники. Зачем им отпрыск угасшего рода, дурная кровь которого принесла Франции лишь бесчисленные раздоры? Де Фонтейн вздохнул. Судьба есть судьба. Надо просто следовать ей, и всё. А пока сделать всё, чтобы жизнь капитана не подвергалась опасности. Стараясь оставаться незамеченным, он осторожно начал карабкаться вверх. Камень, гулко упав, едва не угодив французу в висок. Де Фонтейн ускорил шаг, с трудом сдерживая биение сердца. Станные сны капитана, его необъяснимая тревога и, наконец, зловещий голос де Лагуны в тот момент, когда он говорил про этих Солсбери... Разбуженная вторжением человека летучая мышь, хлопнув крыльями, сорвавшись с окна.

— Кто здесь? — раздавшийся сверху голос Сильвера эхом отразился от стен.

Де Фонтейн спрятался за каменный выступ. Он уже почти достиг высоты, на которую забрался Сильвер, и лишь чуть более десяти шагов отделяло их друг от друга.

— Здесь кто-то есть! Отзовитесь? Кто вы?

Де Фонтейн выглянул из укрытия. Сильвер недвижно стоял на лестнице. Лицо его было скрыто убегающими вверх каменными ступенями, но француз отчётливо видел тонкую руку, судорожно сжавшую рукоять сабли. Затаив дыхание, де Фонтейн с трудом удерживался от того, чтобы выйти из укрытия. Немного постояв на месте, Сильвер начал вновь карабкаться наверх. Де Фонтейн следовал за ним, и вскоре они достигли площадки. К счастью, она оказалась достаточно просторной, а в над небольшим возвышением оказалась была глубокая ниша, в которую спрятался продолжавший наблюдение француз. Сильвер остановился перед тяжёлой мангровой дверью. Дотронувшись до подвязанного на поясе пистолета, он тотчас же опустил руку и осторожно постучал.

— Откройте, пожалуйста, я не причиню Вам зла

Дверь, скрипнув, приотворилась. Укрытие, в котором прятался француз, располагалась на несколько ступеней выше площадки, и де Фонтейн мог отчётливо видеть происходящее. Сильвер замер на месте, и тут же отступил назад. Из проёма к порогу приближался скелет. Точнее, пока его ещё можно было назвать мужчиной, однако внешность его позволяла скорее отнести его к миру призраков, нежели к миру людей. Возраст его трудно было определить из-за непомерной, почти нечеловеческой худобы. Бледно-желтоватая кожа обтягивала черепные кости, покрытые завитым париком, ещё хранившим пряный запах мускуса. Остатки сшитого по последней парижской моде камзола и рубахи тончайшего шёлка болтались на тощем теле. Но ещё большее изумление вызывало поведение этого существа. Несмотря на ужасающую худобу, оно двигалось легко и непринуждённо, а изысканность манер заставляла предположить, что в прежней своей жизни оно вращалось никак не менее, чем в кругах, близких к высочайшим особам. Де Фонтейн вздрогнул. Тот

сон, что рассказывал Сильвер... Он сбился с точностью до мельчайших деталей! Но кто был этот человек? Почему он здесь, и что произойдёт теперь с Сильвером? Произойдёт на его, де Фонтейна, глазах, если только он не вмешается и не сможет предотвратить наихудшее?

Скелет церемонно поклонился стоящему на пороге Питеру. Тот несколько мгновений стоял как вкопанный, забыв о правилах этикета.

— С кем имею честь говорить? — мелодичный голос незнакомца вывел обоих пиратов из оцепенения

— Капитан Питер Сильвер, — поклонился ему флибустьер

— Оливер Сесил, граф Солсбери, — скелет сделал попытку улыбнуться, но высохшая кожа с трудом поддавалась его усилиям,

Де Фонтейн шагнул вперёд, но по оплошности вновь задел лежавший на площадке камень. Тот с грохотом свалился вниз. Сильвер вздрогнув, оглянулся. Отпрянувший француз вновь укрылся в своём убежище. Ещё несколько мгновений Сильвер и Солсбери глядели друг на друга, но потом капитан прервал затянувшуюся паузу.

— Ваша дочь здесь?

Солсбери шагнул вперёд и грубо оттолкнул Сильвера. Глаза его вылезли из орбит. Он угрожающе взглянул на капитана и затряс перед ним костлявой рукой

— Убью! Только дотронься до неё, грязный пират!

Сильвер отступил назад и почтительно поклонился. Казалось, охватившее его волнение прошло, и он вновь чувствует себя непринуждённо.

— Не беспокойтесь, граф, — уверенно произнёс он, — мои люди доставят вас туда, куда Вы сами пожелаете. Вы и Ваша дочь будете в полной безопасности.

В воздухе повисла пауза. Де Фонтейн замер, боясь выдать себя вздохом или движением.

— Я тебе говорила, папа, что эти люди пришли нам помочь, — юное белокурое создание выпорхнула из-за полураскрытой двери. Девушка была в том возрасте, когда даже голод не способен погубить едва расцветшую красоту.

— Папа, а ты не верил, говорил, что они такие же звери, как испанцы, — вновь зашебетала она.

Питер поклонился со всем подобающим в таких случаях почтением:

— Не все флибустьеры звери. Многие из них уважительно относятся к порядочным женщинам. Хотя, справедливости ради, и среди них есть такие, с которыми не приведи Господь встретиться юной девушке.

— Проходите, капитан! Слава Богу, Вы не такой, — Солсбери попытался засмеяться. Всклопоченные локоны его парика тряслись в такт движениям головы.

— Мне надо идти, граф! — Питер какое-то время стоял на пороге, но затем всё же шагнул вперёд, оставив дверь приоткрытой. Взорам приблизившегося де Фонтейна открылся деревянный стол, на котором стояла тарелка с двумя маленькими кусками маисовой лепёшки. Серый мышонок, сидящий рядом, держал в цепких лапках оставленный ему хозяевами помещения кусочек и с наслаждением поглощал его, шевеля тонкими усиками.

— Президент домогался моей дочери, капитан, — попытался улыбнуться Солсбери. — Он присылал нам лучшие блюда, но мы ничего не ели, боясь, что он добавил в неё вещества, которые временно парализуют рассудок.

— Вы удивлены, капитан, — прошебетала девушка, кивком головы указав на мышь. Мы с отцом живы только благодаря этому малышу. Мы ели лишь хлеб, который предварительно давали ему попробовать.

— Никогда бы не мог подумать, что грызуны могут принести пользу, — скрипуче рассмеялся Солсбери и тут же добавил. — А вообще-то вы вовремя, ребята. Вчера нам было сказано, что мы не доживём до сегодняшнего вечера.

Де Фонтейн с изумлением взирал на капитана и его странного собеседника.

— Вам надо немного поесть, — произнёс Сильвер, тщетно пытаясь унять дрожь в голосе

— Мы подождём. Если Вы задержитесь здесь надолго, исход боя может перемениться, а тогда уж мы точно лишимся жизни.

Питер молча поклонился и отступил на несколько шагов, а затем, хлопнув дверью, бросился вниз. Дождавшись, пока шаги капитана смолкли, де Фонтейн последовал за ним. Теперь в президентском дворце не осталось ни одного испанца, за исключением самого дона Эрнандо, восседающего на своём троне и надёжно охраняемом флибустьерами. Вскоре прибыл и Хуан Хосе, помещённый, с сохранением всех необходимых предосторожностей, в покои, соседствующие с отцовскими. Лишь Сильвер, казалось, погрузился в странную задумчивость. Отослав на башню лучшие яства, найденные им на кухне, он бродил по дворцу, размышляя о чём-то своём. Капитан молчал, и даже настойчивые расспросы де Фонтейна и вернувшегося во дворец Вольверстона не помогли разговорить его. Вскоре был доставлен выкуп за принца, и связанный Хуан Хосе под радостные женские крики и громкие всхлипывания был торжественно водворён в президентские покои. Через полчаса прибыли другие обозы, на которых были доставлены ценности, полученные в качестве выкупа от богатых горожан, а к вечеру вернулся и Крисперс, оказавшийся намного удачливее самого короля пиратов Генри Моргана. Как следовало из рассказа счастливого, команде которого причиталась четверть всех захваченных сокровищ, ему со ста пятьюдесятью смельчаками удалось подкараулить караван и, захватив его, развернуть назад в сторону Панамы. Ещё через полчаса прибыл Стилл со своим отрядом, которым наконец-то удалось разыскать спрятанное в подвалах золото, украденное президентом де Лагуной у самого короля Филиппа. Сильвер по-прежнему был немногословен, и лишь отдавал краткие распоряжения. Отказался он и от предложения команды провести ночь во дворце. Предупредив, что всё вино отравлено испанцами, он приказал пиратам немедленно выступить в путь. Раздосадованные подобной жёсткостью, люди немного поворчали, но, вспомнив о том, какая доля причитается каждому из них, скрепя сердце выполнили приказ. Ценности были погружены в повозки, туда же водрузили и изрядно отощавших Солсбери. Большинство же флибустьеров, на долю которых не осталось ни коней, ни быков, отправились сопровождать караван пешим ходом. Спустя десять дней скитаний отряд вернулся в крепость в устье реки Чагре, к месту стоянки кораблей. Так закончилась панамская экспедиция Сильвера, которая не только сказочно обогатила «палату лордов», но и оказала огромное влияние на будущее самого капитана.

Глава 27. Соотечественники

Питт Уоллес уверенно прохаживался по квартердеку. Эскадра шла в бейдевинде. На палубе и вантах деловито сустились матросы. А ведь совсем недавно они, грязные, оборванные и голодные, вернулись из похода. И в том, что они сейчас сыты и одеты — это заслуга его, Питта. Именно его люди позаботились не только об очистке изрядно обросших днищ кораблей, но и о заготовке рыбы, фруктов и солонины. Зато теперь он может гордиться. Их ждёт достойное «палаты лордов» возвращение. Вот если бы... Если бы не настоящий лорд и его жеманница-дочь. Одно лишь воспоминание об этой парочке, и мысленный горизонт квартирмейстера тут же заволокли грозовые тучи. Это из-за них капитана будто подменили. Он стал задумчивым, сосредоточенным, и оживлялся лишь в обществе графа и его доченьки. Так что же произошло там, в Панаме? Питт не раз расспрашивал об этом товарищей, но их рассказы так и не пролили свет на странное поведение Сильвера. Напротив, многие истории внушили Питту ещё большую тревогу. Де Фонтейн... Ещё один высокородный красавчик. Они с Питером даже называли друг друга не иначе, как Стюарт и Валуа. В памяти всплыло лицо де Фонтейна. Это было в последний день перед отплытием. Грустный, растерянный, француз как будто не хотел возвращаться на свой корабль. Да и слова его, обращённые к Питеру... В них мелькала какая-то недосказанность. А теперь... Питт обернулся. «Королевская лилия» шла в кильватере «Арабеллы». На рее полоскался странный сигнал с надписью «Jamaïs», а на юте маячила одинокая фигура. Питт поднёс к глазу трубу. Это был де Фонтейн — расстроенный, потухший. Так не похожий на дерзкого, блестящего светского льва, каким он пытался казаться на Тортуге.

— Вот каналья! — выругался квартирмейстер. Неприязнь к французам, помимо воли, подступила к горлу.

Тем временем солнце близилось к зениту, а вахта Уоллеса — к концу. А вот и Крисперс — уверенной походкой движется по шкафуту. Готов занять свой пост.

— Что нахмурился, Питт? Жалеешь, что в Чагре время терял? Ничего, для тебя уж капитан не поскупится. Да и мы все не против будем. Не будь тебя...

— А ты, Крис, везунчик! — в тон ему ответил Питт, но на душе почему-то было мутно. — Самого Моргана обскакал!

— Нет, а серьёзно, Питт? Я же вижу, что с тобой что-то не так.

Питт отвернулся.

— Опять Питер с этими... Солсбери. В походе от Валуа не отходил, а теперь эти... А мы, значит, для него никто, раз титула нет.

— Да ладно тебе ворчать, — рассмеялся Крисперс, но в глазах искрой промелькнуло сомнение. — Отдохни. Видать, на солнце перегрелся.

Хлопнув по плечу расстроенного квартирмейстера, шкипер занял его место. Питт сбежал с лестницы, миновал шкафут и спустился на нижнюю палубу. Отоспаться... Вот это то, что ему сейчас действительно нужно. Развернувшись, Уоллес собирался направиться к себе, как вдруг взгляд его упал на приоткрытую дверь капитанской каюты. Питт осторожно приблизился и заглянул внутрь. В нос ударил терпкий запах кофе с корицей. Солсбери восседал за столом, вытянув непомерно длинные ноги, облачённые в панталоны Сильвера. Они едва доходили ему до колен, поэтому граф являл собой весьма комичное зрелище.

Рядом, облокотившись на его плечо, пристроилась хорошенькая блондинка. Девушка оказалась более удачливой, чем её отец. Наряд дочери президента Панама пришёлся ей как раз впору. В каждом движении мисс Солсбери, в каждом взмахе её густых ресниц скользило очарование молодости. Капитан сидел спиной к двери, чуть откинув голову назад. Лица его Питт не видел, но осанка его явственно свидетельствовала, что он капитан был вполне доволен собой.

— Пейте шоколад, граф. Надеюсь, Вы уже достаточно окрепли?

— Благодарю, капитан, — ответил граф. — Вы спасли нас от верной смерти, а мою дочь...

Порозовевшая девушка прильнула к отцу. Белокурые кудри рассыпались по отцовской груди, затянутой в серебристый камзол Сильвера. Его любимый камзол, который он надевал в самых торжественных случаях. Значит, ему ничего не жаль для графа?

— Не стоит благодарности, граф. Я рад, что успел вовремя. Надеюсь, Вы не откажетесь провести несколько ночей в моей каюте?

Нет, это уже переходило все возможные границы. Предоставить гостям собственную каюту, куда ночью не впускал никого, кроме Вольверстона! Питт сжал кулаки. Интересно, а сам-то он куда денется? Солсбери будто угадал его вопрос.

— А как же Вы, капитан?

— Обо мне не беспокойтесь, — беспечно отозвался Сильвер. — Вольверстон командует на «Старой Англией», но здесь, на «Арабелле» у него есть каюта. Иногда я размещаю в ней гостей, но для Вас она слишком скромна.

— Даже не знаю, сможем ли мы отплатить Вам за всё, капитан! Скажи, я ведь прав, Элен? Если бы не мистер Сильвер...

— Большое спасибо, — смущённо произнесла девушка, бросая на капитана взгляд из-под длинных опущенных ресниц, — вы спасли нас от большой беды.

Голос Сильвера дрогнул.

— Не будем о грустном, господа. Кстати, граф, каковы Ваши дальнейшие планы?

— Мы хотели бы добраться до ближайшей английской территории, например, Ямайки, — граф бросил взгляд на свои длинные ноги и на едва доходившие ему до колен панталоны, — может быть, у Вас найдётся что-нибудь более подходящее?

Возмущению Питта не было предела. Надеть лучший костюм Сильвера и при этом ещё проявлять неудовольствие! Да, если хочешь знать, граф, ты... Мысли путались, и квартирмейстер так и не смог завершить свой безмолвный разговор с Солсбери. Тем более что до слуха его уже донёсся уверенный голос капитана.

— Моя каюта в Вашем распоряжении, и гардероб тоже.

На лестнице послышались чьи-то шаги. Питт отпрянул было, но тут же, почти над ухом, услышал насмешливый баритон Стилла.

— Опять за своё! Вот уж надерёт тебе капитан уши, коли узнает! А может, и на дуэль вызовет, а?

— А, это ты, Майкл?

— Мальчишка ты всё-таки ещё, как я погляжу. Ну что тебе эти Солсбери?

— Взгляни, как он пёрышки распушил перед ними! Даже каюту свою отдаёт, а сам переселяется к Вольверстону.

— Да уж, Солсбери этот красавец изрядный. Вот только подкормить его немного, а то уж слишком отощал.

— Что ты хочешь сказать?

— Да то, что в нём светский лев за версту виден. Думаешь, не жалеет капитан, что у него жизнь так сложилась? Ведь в Сент-Джеймсе он высоко бы взлетел.

— А интриганы? Мне Питер рассказывал...

— Вот это ты верно заметил. Может, и не пришёлся бы ко двору Питер. Взгляни на того же де Фонтейна. И красавец, и храбрец, и в бою находчив, и на тебе... Вот теперь тоже здесь обретается. Ты заметил, как они сдружились в походе? Ведь поначалу де Фонтейн даже людей против Питера поднять хотел, а теперь... Даже зовут друг друга по-королевски — Стюарт и Валуа.

Питт с трудом сдерживался. Грубая, мерзкая брань рвалась наружу, будто вместе с этими словами могла выплеснуться вся та горечь, что жгла душу квартирмейстера. Даже Майкл, и тот туда же.

— Но у него есть мы, — с горечью промолвил Питт, преодолев подступившее к горлу желание выругаться. — Разве старые друзья не дороже? Мы столько пережили вместе...

— Друзья — это хорошо, Питт, — отозвался Стилл. — Но есть ещё искушение. Или надежда. Представь себе — балы, приёмы, светская жизнь. А если война, не иначе, как под началом собственного дядюшки. Уж он-то оценил бы его способности. Хотя о чём это я... Ладно, Питт. Я пошёл. Но только ты долго не задерживайся под дверью. А вдруг увидит кто, что ты за капитаном следишь?

Майкл направился к себе, оставив квартирмейстера наедине с полуоткрытой дверью, за которой мирно беседовали ничего не подозревавшие Сильвер и Солсбери.

— Вы давно из Англии?

— Полгода назад. Сели на корабль в Дувре, с женой и дочерью. С высочайшим поручением передать награду ямайскому губернатору. Жаль только, что орден и все документы к в плену забрали

— Так Блада удостоили королевской награды? — восторженно спросил Сильвер.

— Наконец-то они его оценили. Вот кто действительно смог навести порядок в Новом Свете. Были и недоброжелатели, конечно. Некий Мэнсон. Его дело недавно слушалось в Адмиралтейском суде.

— Слышал об этом.

Питт не мог сдержать улыбки. Значит, есть на свете справедливость! Вот только жаль, что прошлого не вернуть... Хотя... Что бы случилось, не атакуй испанцы Нью-Провиденс? Может, именно это и дало ему надежду? Если только предчувствия его не обманывают, и Сильвер...

— Я слышал, Мэнсона подкупили иезуиты. Он намеревался продать Испании все английские владения в Вест-Индии

— Да уж, — голос Сильвера был спокоен. Казалось, капитан вполне доволен услышанным. — я знаю Блада — это порядочный и храбрый человек. Надеюсь, Её Величество подпишет ещё один приказ.

Солсбери молча кивнул. Сильвер наклонился, видимо, потянувшись за чашкой горячего шоколада, а затем вновь откинулся назад.

— Как дела в Сент-Джеймсе? — спросил он, и Питту показалось... Точнее, он был абсолютно уверен, что в этот момент на лице Сильвера мелькнула довольная улыбка.

— Её Величество пока жива, — со вздохом произнёс Солсбери. — Правда здоровье её, как и её супруга Георга, оставляет желать лучшего. Весь двор живёт только новостями об их

самочувствии.

— Герцогиня Мальборо всё ещё при ней?

Ну вот, теперь всё ясно. Сильвер точно обдумывает план действий. Быть может, он даже решится бросить эскадру ради того, чтобы вернуться ко двору. К знатной, купающейся в роскоши, родне.

На лице Солсбери мелькнуло плохо скрываемое удивление. Конечно! Откуда этому франту знать, что Сильвер связан с Черчиллями родственными узами? Наверняка сидит и недоумевает, откуда простой пират знает о тайнах английского двора. Таким капитаном действительно можно гордиться. Настоящий принц или же...

— Леди Мальборо до сих пор смотритель гардероба. Правда, ходят слухи, что королеве наскучила опека герцогини. Говорят, она собирается предпочесть ей баронессу Мэшем

— Бедная герцогиня, — в голосе Сильвера Питту послышалось сожаление, — она так много сделала для Её Величества

Узкое лицо Солсбери вытянулось ещё больше. Казалось, он уже не удивится ничему, даже если Сильвер откровенно признается в собственном происхождении.

— Ей надо было бы быть ближе к тори, — продолжал он. — Она поддерживает своих ставленников даже вопреки воле королевы

— Разве сейчас виги уже не в фаворе?

— Нет, Её Величество больше склоняется к тори. Её здоровье всё хуже, и она всё чаще прислушивается к взглядам служителей церкви. Кстати, капитан, Ваш кок великолепно готовит кальмаров. По-моему, он даже знаком с рецептами леди Сары? Или я не прав?

— Вы правы, — усмехнулся Сильвер. — Его многому научил повар герцогини. А какие ещё новости?

— В общем-то, ничего особенного — разве что слухи о романе между...

На лестнице раздался громкий топот. Питт едва успел юркнуть за дверь собственной каюты, но тотчас же вновь высунул оттуда свой любопытный нос. Дверь по-прежнему была приоткрыта.

— Капитан, испанская эскадра!

— Сколько кораблей? — Сильвер едва повернулся в сторону запыхавшегося юнги.

— Два галеона и четыре фрегата — два сорокапушечных, тридцатипушечный и двадцатипушечный

— Как далеко? Каким курсом и в каком порядке идут?

Питт впервые слышал, чтобы Сильвер проявлял столь откровенное равнодушие. Казалось, речь шла не о кораблях, а о цвете платья какой-нибудь герцогини

— Юг-юг-запад, капитан, — бойко отрапортовал юнга, — Галеоны в авангарде и арьергарде, между ними фрегаты. Ветер тот же, мы идём прежним курсом.

Раздался звон посуды, по-видимому, Сильвер опустил чашку на блюдце.

— Не стоит так волноваться, — спокойно произнёс он. — Мы с графом проводим время в приятной светской беседе и непременно должны её завершить. Разбить испанскую эскадру мы ещё успеем.

— Но капитан...

— Иди на палубу. Я скоро буду. Мы с графом ещё не закончили. Сигнальте подготовку к бою. Готовьтесь применить нашу обычную тактику.

Сильвер вновь откинул голову. Солсбери с недоумением взирал на него.

— Мы Вас задерживаем, капитан?

— Успокойтесь, граф. У нас действительно есть время. Мне хотелось бы знать, кто поддерживает партию тори?

— Сент-Джон и Роберт Харли. Они считают, что попытка герцога Мальборо довести войну с Францией до победного конца не в интересах страны и осуждают его супругу за слишком явное вмешательство в дела королевского дома. Говорят, миссис Сара повышает голос даже на королеву. Я сам не был свидетелем, но наслышан от знающих людей. Кстати, именно Харли помог Абигаиль Мэшем получить место при дворе.

— Мне говорили, что виги тоже разнятся во мнениях. Герцог Шрусбери, к примеру, отличается более умеренной позицией

— Тем не менее, виги во всём поддерживают военные действия герцога

Девушка, словно зачарованная, глядела на капитана, и даже во взгляде Солсбери Питту почудилось восхищение. Ревность холодной змеёй зашевелилась в душе, но раздавшийся вслед за этим равнодушный голос Сильвера немного успокоил несчастного квартирмейстера.

— А что же Её Величество — какое у неё мнение?

Солсбери тяжело вздохнул:

— К сожалению, она просто слабая больная женщина

— А Вы, граф, что собираетесь обратно в Сент-Джеймс? Будете устраивать дочь при дворе?

Мисс Солсбери смущённо потупила глаза, сосредоточившись на разглядывании узоров на ковре.

— Не знаю, — задумчиво произнёс Солсбери. — Двор — не самое лучшее место для молодой леди. Там со времён Карла Второго царят слишком вольные нравы, и ни тори, ни виги, ни даже Кромвель не смогли бы изменить ситуацию.

Питер по-прежнему сидел на диване.

— Вы правы, граф. К сожалению, в придворной жизни много того, что не пристало видеть юным девицам

Мисс Солсбери выглядела смущенной. На щеках её выступил румянец, а ресницы опустились вниз, прикрыв озорные серые глаза. Сильвер встал с дивана.

— Однако, мне действительно пора на палубу, граф. Сожалею, что оставляю вас. Мой гардероб к Вашим услугам

Церемонно поклонившись, капитан удалился за занавеску. Вскоре он вновь появился — облачённый в кирасу и шлем, с пистолетами за поясом и абордажной саблей в руке.

Во взгляде юной графини светился восторг. Сильвер же, едва кивнув, направился к выходу. Питт тотчас же юркнул в свою каюту и вскоре уже был на палубе в полном боевом облачении. Испанская эскадра, приблизившаяся на расстояние двух пушечных выстрелов, начала перестраиваться для поворота.

Джеймс Рейдингтон, граф Вандомский, стоял на корме испанского флагмана «Сен-Августин», и смотрел на расстилающееся перед его взором море. Волны догоняли корабль, накатывались на борт и тут же разбивались, разбрызгивая вокруг себя белоснежную пену. Ещё несколько дней назад он точно также взирал на море с палубы принадлежащего ему фрегата «Амалия», и не мог сдержать переполнявшей его радости. Казалось, жизнь его удалась. Он пользовался влиянием при дворе, его состоянию мог бы позавидовать любой, даже носящий герцогский титул. Её Величество не раз намекала ему на грядущие перемены, и он сам слышал от знающих людей, что его прочили в министры после ожидающихся день

ото дня отставок в правительстве. Семейные дела шли в гору — сын Майкл, которому недавно исполнилось восемнадцать, был хорошо образован, отлично фехтовал и изучал морское дело. Отец прочил его в офицеры флота, но отправка Майкла на корабль была отложена в связи с его помолвкой с Элен Солсбери, которая должна была состояться два месяца назад. Любовь молодых была взаимной, и лишь внезапное исчезновение графа и его дочери помешало Рейдингтону осуществить свои планы. Именно поэтому он направился на Ямайку, взяв с собой своего отпрыска, пребывающего из-за потери возлюбленной в столь безмерной печали, сколь это возможно лишь в его юном возрасте.

Джеймс изо всех сил пытался утешить сына, но и сам он был изрядно расстроен — его с графом связывала многолетняя дружба. Вот таковы были планы Джеймса Рейдингтона, которые не далее как два дня назад нарушила встреча с испанским караваном. Так что теперь он, словно загнанный в клетку лев, стоял на палубе и взирал на расстилающееся вокруг бескрайнее море, не имея никакой возможности изменить ход событий. Майкл был ещё более расстроен, но грусть его была совсем другого рода. Он с тревогой взглянул на своего отца:

— А что, если Элен тоже в плену? Что они сделают с ней?

— Надеюсь, что с ней и её семьёй всё в порядке, — попытался успокоить его отец, но и его мучили мрачные предчувствия. Он с горечью взглянул на своего отпрыска, которого имел неосторожность взять в столь опасное путешествие.

— Уж лучше б ты сидел дома, — с горечью промолвил он. — А я бы как-нибудь отыскал твою Джульетту

— Нет! Я найду её сам! — Юноша потянулся было к ножнам, но рука его, не обнаружив на привычном месте рукоятку сабли, бессильно опустилась вниз, — Ведь мы спасёмся, отец! Давай перебьём всех этих испанцев и захватим корабль!

— Да ты что, сынок, — с горечью в голосе рассмеялся Джеймс, — все наши моряки находятся под замком в трюме, а мы с тобой безоружны. Мы не сможем захватить корабль — они убьют нас, и тогда мы уж точно не сможем помочь твоей возлюбленной.

— Ты прав, отец, — вздохнул юноша, — нам остаётся только ждать. Может быть, Бог не оставит нас без своей помощи.

— Очень в это верю, — без всякой надежды в голосе произнёс Рейдингтон, бросив потухший взгляд на снующих туда-сюда матросов. Но вдруг засуетились вокруг такелажа, убирая паруса и натягивая над палубой сетку.

— Что они делают, отец?

— Кажется, готовятся к сражению. Взгляни — на юго-западе.

— Кто это? — с надеждой в голосе спросил Майкл, — Пираты?

— Не знаю, сынок, не знаю, — в голосе графа слышалось сомнение. — Хотя... А вдруг это и есть та самая Божья помощь?

— Очень на это надеюсь...

Они стояли на юте, молча глядя на приближающиеся чёрные силуэты кораблей. Впереди шёл огромный красный пятидесятипушечный галеон, за ним — ещё два галеона и фрегаты.

На «Сан-Августине» готовились к бою. Матросы натягивали сетку над палубой. Громко скрипели ржавые пушечные порты.

— Отец! — подал голос Майкл. — Взгляни, там флаг английский!

Рейдингтон прищурился. На рее флагмана действительно развевался штандарт Её

Величества.

— Они уже близко, — вполголоса заметил граф. — Но не слишком себя обнадеживай.

На душе Рейдингтона было беспокойно. Он был наслышан о том, сколь различно может быть отношение флибустьеров к своим соотечественникам. Некоторые из них, слывшие среди прочих джентльменами, благосклонно относились к пленным англичанам. Другие же в своей жестокости были одинаковы со всеми пленными, независимо от их национальности, питая особую ненависть к людям знатым и обеспеченным.

Эскадры уже подошли друг к другу на расстояние двух пушечных выстрелов. Развернувшись, англичане оказались в наветренном положении и выстроились в линию. Испанцы же постоянно маневрировали и обменивались непонятными сигналами. Перестроиться никак не удавалось — два фрегата в арьергарде постоянно сваливались под ветер, с величайшим трудом избегая столкновения друг с другом. Майкл с надеждой взглянул на отца. Тот молчал, всецело доверившись судьбе, и глядя на происходящее с маской полного безразличия на лице.

Развернувшись бортом к испанской эскадре, англичане разразились залпом. Облако едкого дыма накрыло «Сен-Августин». Майкл с непривычки закашлялся.

— Привыкай, сынок, — ободряюще улыбнулся граф. — Если выберемся и станешь моряком, то этот дым для тебя будет милее, чем чистый воздух горной Шотландии!

Майкл смущённо молчал, пристально всматриваясь в рассеивающееся серое облако, через которое проступали очертания английских судов. Они вновь перестроились, обратившись к испанцам узкой носовой частью, так что ответный залп бортовых пушек испанцев лишь слегка задел фальшборт флагмана. Испанцы же с каждым манёвром ухудшали своё, и без того непростое положение. Два фрегата, дотолк сваливавшиеся под ветер, сцепились снастями и начали крениться набок.

Вновь манёвр англичан, и оглушительный залп. Чёрное облако двинулось в сторону «Сен-Августина». Громкий треск на баке, крики людей...

— В сторону, Майкл! — заорал Рейдингтон, рванув сына за рукав. Пленники едва успели отпрянуть в сторону, как находящееся на излёте пушечное ядро в щепки разнесло фальшборт на юте.

— Знают, что делают, — радостно воскликнул юноша, забыв о том, что чудом избежал смерти

— Дай Бог, чтобы они оказались друзьями, а не врагами, сынок. Ты ещё не знаешь, что такое английские пираты.

Капитан «Сан-Августина» громко выкрикнул что-то непонятное. Громко рывкнули носовые пушки испанцев.

— На флагмане фок-мачту снесло, — с сожалением заметил граф, изо всех сил пытаясь разглядеть происходящее сквозь накрывшее английские корабли облако дыма

— Да нет, вроде не пострадали почти. Только вмятина в корпусе фрегата

— Дай Бог, чтобы они победили, — пробормотал граф. — Может, ещё выберемся из заварушки.

Вновь зазвучали звуки горна, но противник опередил испанцев — из пушечных портов вырвалось облако дыма, и «Сен-Августин» содрогнулся всем корпусом. На палубе раздались громкие крики матросов и крепкая ругань. Люди с воплями бросились вниз.

— В пушечный порт попало, — заметил граф. — Хотелось бы верить, что склад пороха не рванёт.

— Выберемся, — воскликнул Майкл. — Гляди — другой галеон едва держится. Две дыры над самой ватерлинией.

— А фрегатам грот-мачты снесло.

Пленники с нетерпеливым волнением наблюдали за ходом боя. Командам фрегатов наконец-то удалось расцепить их и они, следуя за манёврами флагмана, повернулись к противнику носовой частью. Английские суда приближались, но всё ещё следовали прежним курсом. Испанский капитан нервно покусывал седой ус.

— Учись, сынок, — Рейдингтон изо всех сил старался выглядеть спокойным. — вот адмирал Рук при Малаге...

— Но почему они не разворачиваются? — кричал возбуждённый Майкл

— Если я прав, сынок, то сейчас начнётся... Гляди-ка... Точно в разрыв линии идут. Теперь держись, Майкл...

Оглушительный взрыв сотряс весь корпус «Сен-Августина», а носовая часть начала неуклонно крениться вниз. Растерянный капитан недвижно стоял на юте. Отстреливаться было поздно — ядро попало бы в корабль его же собственной эскадры.

Рейдингтон сжал руку сына. Майкл восхищённо глядел на схватку, а в светло-карие глаза сверкали от возбуждения. Всё вокруг заволкло клубами едкого дыма, но Рейдингтоны уже не чувствовали этого. Они лишь напряжённо всматривались в окутавшее корабли облако, пытаясь разглядеть, что происходит за этой густой, ставшей почти непроницаемой, завесой.

— И всё-таки я был прав насчёт тактики Рука, — заметил граф.

— Мне бы твоё спокойствие, отец

Через несколько мгновений очередной толчок сотряс весь корпус «Сен-Августина». Это английские и испанские суда столкнулись бортами, острые крючья впились в фальшборт испанского галеона, и тут же вооружённая саблями абордажная команда ворвалась на «Сен-Августин». Флибустьерами командовал юноша, почти мальчик, первым перескочивший на палубу корабля и отчаянно рубивший нападавших на него испанцев. Он был в почерневших от дыма кирасе и шлеме. Едва ступив на борт «Сен-Августина», он вступил в бой сразу с тремя испанцами, и, став спиной к фальшборту, отражал удары, сыплющиеся на него со всех сторон. Майкл отчаянно молил Бога, чтобы он позволил броситься ему на помощь. Юноша-флибустьер будто бы угадал его мысли. Уже расправившись с одним из нападавших и тесня оставшихся к лестнице, ведущей в трюм, он кивнул Майклу:

— Пленник?

— Да

— Держи, — юноша выхватил у убитого саблю и бросил её Рейдингтону

Поймав оружие, Майкл бросился на помощь. Абордажная команда теснила самых отчаянных испанцев к лестнице. Другие же, осознав своё плачевное положение, бросились к шлюпкам.

Граф Вандомский, видя бесполезность своего вмешательства, по-прежнему стоял у фальшборта, молча взирая на происходящее на палубе. Вскоре бой был закончен, и пираты, исчезнувшие было из виду, вновь появились на палубе.

Их предводителем оказался тот самый юноша. Приблизившись к Рейдингтону, он снял шлем и поклонился графу со всем изяществом придворного кавалера:

— Капитан Питер Сильвер к Вашим услугам

— Джеймс Рейдингтон, граф Вандомский, — граф кивком головы приветствовал

склонившегося перед ним в глубоком поклоне капитана.

— Я Майкл Рейдингтон, — гордо улыбнулся подошедший отпрыск. — Мы шли на Ямайку, но были взяты на абордаж.

— Наша команда в трюме, — произнёс граф, но тут же осёкся. На палубе показались его матросы и офицеры. — Благодарю Вас за их освобождение, капитан.

— Всегда к Вашим услугам, граф, — вновь поклонился юноша. — Вы полностью свободны, и я доставлю Вас туда, куда Вам необходимо.

— Мне надо добраться до Ямайки, — граф на мгновение задумался. Ямайка казалась ему наилучшим местом для начала поисков. — Я отправился в Вест-Индию, чтобы попытаться найти своего друга, графа Солсбери, и его дочь. Мой сын влюблён в мисс Солсбери, и помолвка должна была состояться ещё два месяца назад.

Капитан улыбнулся, и в синих глазах мелькнула лукавая искорка.

— Вам очень повезло, граф, — произнёс он с едва уловимым оттенком иронии в голосе. — Само провидение послало нам эту встречу. Окажите мне любезность — извольте навестить моё скромное жилище.

Церемонно поклонившись, Сильвер подал руку графу и помог ему перелезть через бортовые ограждения пришвартованных друг к другу абордажными крючьями судов. Вскоре они оказались на красном галеоне

— Моя каюта. Подождите немного здесь, — юноша загадочно улыбнулся и тотчас же захлопнул дверь перед опешившими представителями рода Рейдингтонов. Граф раздражённо взглянул на сына.

— Что из себя мнит этот пират? Думает, он — особа королевской крови?

— Успокойся, отец, — попытался успокоить его Майкл. — Всё-таки он спас нас

— Ну уж нет. Это верх бесцеремонности! Какой-то оборванец заставляет нас ждать в тёмном коридоре!

— Он знает, что делает, отец...

— Но...

Дверь распахнулась, и капитан вновь появился в коридоре. На губах его играла многозначительная улыбка.

— Рад приветствовать Вас, граф! Вот уж не думал, что мне придётся исполнить роль Провидения!

Рейдингтоны шагнули вперёд, но тотчас же замерли в изумлении.

— Оливер! — вскрикнул граф Вандомский. — Неужели ты!

— Проходите, господа, — рассмеялся Сильвер, метнув быстрый взгляд в сторону смущённой мисс Солсбери. — Вот, что значит судьба. Так значит, граф, мисс Солсбери — невеста Вашего сына?

— Капитан..., — едва успел промолвить Солсбери. Рейдингтон, забыв о светской сдержанности, бросился к нему и крепко обнял. Майкл и Элен стояли, молча глядя друг на друга. В глазах юного Рейдингтона стояли слёзы.

— Я ухожу, господа. Вскоре вам доставят обед.

Пока в капитанской каюте происходила трогательная встреча влюблённых и ничуть не менее трогательная встреча их отцов, на палубе «Арабеллы» развернулась настоящая перепалка. Юнга рассказал Питту и Крисперсу о выходе Сильвера. Питт, видевший всё собственными глазами, и виду не подал, но возмущению шкипера не было предела.

— Значит, ты болтал с этим расфранчённым Солсбери и его безмозглой дочерью? К

нам приближались испанцы, и если бы...

— Да он просто распустил свои пёрышки перед графиней. — Крисперс уселся на бочку с порохом и положил ногу на ногу, копируя манеры Питера, — «разбить испанскую эскадру мы ещё успеем, а пока я должен закончить светскую беседу!». Он и в Панаму нас потащил из-за неё! Теперь мы понимаем, кто твои настоящие друзья. Нас же ты никогда не уважал, да и не считал за людей!

— Успокойтесь, ребята! Уж если вспоминать, кто тащил вас в Панаму, то вспомни свои речи, Крис!

— Ты связался с этим испанцем!

— Но он помог нам, пусть сам того не желая!

— А французы! Зачем ты их потащил с собой? Они же хотели поднять бунт!

— Возможно, но Валуа...

— Вот Валуа для него человек, а мы...

Питт, дотоле хранивший молчание, с горечью взглянул на друга.

— Во многом ты был прав, Питер, но ведь для тебя эти франты дороже старых друзей. Ты бросил нас ради того, чтобы наслаждаться общением с этими высокородными господами!

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — спокойно возразил ему Сильвер, — я должен был соблюсти обычай гостеприимства. Если бы ты был капитаном судна, разве не сделал бы то же самое?

— Но ты должен уважать нас, — всё ещё горячился Крисперс.

— Послушайте, друзья, — рассмеялся Сильвер. — Мы же почти никого не потеряли в Панаме, захватили добычу, которая не снилась самому Моргану, а теперь ещё и несколько галеонов с грузом. Так что же вам ещё надо?

— Но дело не только в добыче, — мрачно, будто прокурор на процессе, заметил Крисперс. -

Для тебя все эти господа дороже старых друзей. Тех, что прошли с тобой через все испытания.

— Но разве я когда-нибудь предавал вас или обманывал?

— Нет, ты всегда был честен с нами.

— Да ты распустил перья, словно павлин, — вновь возмутился Питт, — будто только и мечтаешь о том, чтобы попасть в Сент-Джеймс и стать придворным фигляром, вроде этого графа и его нового приятеля.

— Мы прекрасно понимаем, что, если бы нам действительно угрожала опасность, ты немедленно выбежал бы на палубу. Но нам не понравилась та комедия, которую ты устроил в своей каюте, — добавил Крисперс. — Ты строил из себя аристократа, которому наплевать на всех остальных. Тем более что твоя графинюшка оказалась помолвлена!

— Да не нужна мне эта графиня, — усмехнулся Сильвер. — Как и все женщины вообще.

— Зачем же ты тогда так кокетничал с этими Солсбери?

— Да поймите вы наконец — все они считают, что флибустьеры — грубые и неотёсанные мужланы, которые бегают по палубе в рваных и грязных рубахах и размахивают абордажными саблями. Я должен был показать, что среди них встречаются истинные джентльмены, образованные и светские люди, умеющие вести беседу с мужчинами и галантно обходиться с дамами. Подумайте о тех судебных процессах, которые идут сейчас в Англии. Несколько спасённых из испанского плена аристократов — это гарантия нашей

безопасности в случае, если, не дай Бог, нам придётся отвечать за свои поступки перед Адмиралтейским судом. Пока что никакой суд не сможет нас обвинить — мы нападаем только на испанцев, освобождаем захваченные ими территории и знатных английских подданных. Так что, друзья, мы можем рассчитывать не просто на помилование, а даже на королевскую награду.

Питер весело рассмеялся. Крисперс, забыв о ссоре, смеялся вместе с ним, и только Уоллес по-прежнему дулся на своего капитана. Наконец, и он улыбнулся:

— В общем, ты прав, — Питер, — как всегда, прав. Тем более, что я уже всё подсчитал и прикинул, как это можно поделить на всех.

Примечания

1. Сцена с кофе заимствована из историй о капитане Дрейке. Когда Дрейку, перешедшему на королевскую службу, сообщили о приближающихся кораблях Непобедимой Армады, он играл в шахматы. Торопившему его гонцу он ответил: Мне надо закончить партию. Разбить испанскую эскадру мы ещё успеем.

2. «Ту же тактику, что и адмирал Рук в сражении при Малаге» — тактика вхождения в разрыв кораблей противника была применена не Руком, а Хау примерно через пятьдесят лет после описанных в романе событий

Глава 28 Питт Уоллес в опасности

Крисперс пристально вглядывался в ночную темноту. Лишь палубные огни да свет летающих рыбок освещали крошечный мрак. Эскадра вот уже который день крейсировала близ Гаваны, захватывая проходящие мимо корабли. Но мечтой Сильвера по-прежнему оставались королевские караваны.

— Эй, на марсе? — крикнул шкипер. — Что видно?

— Нет никого, — отозвались сверху.

Крисперс задумался. Вот уже третий год они ходили в море, но Сильвер по-прежнему оставался для него загадкой. Что скрывалось за хрупкой внешностью этого отчаянного аристократа? Что заставляет его метаться между испанскими колониями, и почему он так рвётся в Кадис? Ведь Вольверстону с трудом удаётся отговорить его. Последний раз это было не далее как месяц назад. Вольверстон... Он точно что-то знает о Сильвере. Недаром старый капитан так часто бывает на «Арабелле». А Питт? Почему он каждый раз злится, едва капитан сближается с новыми друзьями? И что это за история с де Фонтейном? Ведь этот Валуа казался таким расстроенным... Лишь перед самым выходом в море присоединился к эскадре Сильвера... Ветер усиливался, а на востоке расплёскивалось алое зарево.

— Корабль на горизонте! — раздался голос марсового.

— Подъём всем! — выкрикнул Крисперс. — Испанское судно!

Вскоре на палубе собралась вся команда во главе с Сильвером. В десяти кабельтовых виднелся галеон.

— Идёт в полном бакштаге, — отпортовал Крисперс. — Под ветер свалился, наверное.

Сильвер поднёс к лицу подзорную трубу.

— Кажется, королевские галеоны. Остальные, наверное, к северу идут.

— Что делать будем, капитан?

— Возьмём на абордаж. Тихо, без шума.

Потушила бортовые огни, «Арабелла» тихо приблизилась к кораблю. Почти вся его команда испанца спала, и лишь грохот, среди ночи раздавшийся от столкновения сблизившихся судов, разбудил матросов. На палубу выскочили полуодетые люди, но было уже поздно — абордажная команда ворвалась на галеон. Испанцы в спешке спускали шлюпки и отчаливали от корабля, оказавшегося в полном распоряжении пиратов.

Светало, но море ещё было подёрнуто предрассветной дымкой. Взяв курс на север, эскадра двигалась в крутом бейдевинде. Сильвер стоял на палубе, напряжённо всматриваясь вдаль.

— Двенадцать кораблей к северу, — раздался крик с марса. — Десять — ближе к побережью.

— Это галеоны Тьерра-Фирме! — воскликнул Сильвер. — Крис, сигнал перестроиться в три линии! Курс на северо-восток!

Крисперс взглянул на капитана. На его лице отражалось странное спокойствие. Казалось, он ничуть не удивлён встречей с противником. Дул северный ветер, и испанские суда, шедшие курсом бакштаг, по непонятной причине постоянно сваливались под ветер, теряя своё место в строю. Сбиваясь в группы из двух-трёх кораблей, они беспрестанно лавировали, пытаясь вернуться на прежнее место, и с трудом избегая столкновений. Сильвер

же, несмотря на встречный ветер, по-прежнему уверенно вёл эскадру наперерез противнику. Флотилии неуклонно сближались. Ветер крепчал, и вскоре три испанских галеона окончательно выбились из общего строя.

— Сигналь к повороту, Крис!

Развернувшись, корабли разразились бортовым залпом. С окутанных дымом палуб раздались крики и треск ломающегося такелажа. Нагруженные испанские суда маневрировали с трудом. Вскоре до «Арабеллы» донеслись звуки выстрелов, и несколько ядер рухнуло в воду почти рядом с бортом.

— У них пушек мало! — обрадовано крикнул Уоллес. — Они пушечные палубы под трюмы переделали.

Вскоре половина судов была в руках пиратов. Ещё десять, остававшиеся в пределах видимости флибустьеров, направились в сторону Гаваны. Развернувшись, эскадра Сильвера направилась им наперерез, заставляя двинуться на юг к бухте Матансас. Но тут случилось непредвиденное — дотоле прекрасно маневрировавшие суда вдруг остановились и скучились посередине бухты.

— Капитан! — заорал Крисперс. — Они на мель сели! Бушпритами друг другу в такелаж врезаются!

— Всем в шлюпки! Такую удачу нельзя упускать!

Победа оказалась почти бескровной, и вскоре в руках пиратов была большая часть кораблей. Труднее всего было взять адмиральский галеон «Беневидас», но вскоре и он перешёл под командование Питта Уоллеса. Каждому кораблю было предписано произвести опись захваченных ценностей и представить её Сильверу к концу дня. Однако произошедшие в скором времени события существенным образом изменили ход операции, омрачив победу, которая поначалу воспринималась капитаном лишь как удачное стечение обстоятельств.

Был уже вечер, и диск солнца кренился к горизонту.

— Скоро описи доставят, — заметил шкипер.

Сильвер взглянул на сгрудившиеся в бухте галеоны.

Бывший адмиральский галеон, благодаря приливу сошедший с мели, покинул бухту и под всеми парусами двигался к Пуэрто-Бельо.

— Взгляни, Крис! Что происходит на «Беневидасе»?

Ответом был взвившийся на грот-мачте испанский флаг

— Курс на Пуэрто-Бельо! — хриплым от волнения голосом прокричал капитан.

Тем временем Питт Уоллес постепенно приходил в себя в трюме адмиральского галеона «Беневидас». С трудом приподнявшись, он сел и огляделся вокруг. Голова, казалось, вот-вот расколется на части. С трудом воскрешая в памяти события последнего часа, Питт вспомнил, что, ворвавшись на палубу галеона, они быстро загнали в трюм побросавших оружие испанцев. Что произошло потом, и как сам он оказался в трюме, оставалось для него загадкой. Уоллес, сидя на грязном мокром полу, беспрестанно тёр лоб, надеясь, что это хотя бы немного поможет ему воскресить в памяти происшествие сегодняшнего дня. Ещё раз оглядевшись, он рассмотрел на полу лежащих матросов с «Арабеллы». Кто-то был ещё без сознания, другие с трудом начинали приходиться в себя, издавая тихие стоны и с трудом двигая руками и ногами. Рядом, прислонившись к стоящему у стены бочонку и согнув колени, сидел вантовый матрос по имени Джеф. Он, подобно Уоллесу, зажал голову между ладонями и тихо бормотал: «Что случилось? Ничего не понимаю». Уоллес осторожно тронул его за плечо:

— Привет, Джеф. Не помнишь, как мы здесь оказались?

— Нет, — прокряхтел тот, потирая верхнюю часть лба, по которой, видимо, и получил удар, — Помню только, что, в капитанской каюте раздался женский крик. Ты тогда бросился туда, а все мы за тобой.

— А дальше? — Питт внимательно оглядел трюм. В нём не было ни одной оторванной доски, ни одной достаточно большой дыры, в которую можно было бы выскользнуть наружу. Пол был грязен, а вокруг стояли бочки с порохом, ромом и взгромождённые друг на друга многочисленные сундуки с грузом. Он вздохнул, вспомнив о том, что этот груз должен был перейти в собственность эскадры и, как и остальная добыча, поделен между флибустьерами.

— Будто бы всё мраком покрыто, — Джеф почесал затылок, — Наверное, это была ловушка испанцев. Смотри-ка, остальные тоже приходят в себя.

Действительно, сознание постепенно возвращалось и к другим оглушённым морякам. Общими усилиями они вспомнили, что, бросившись на внезапно раздавшийся с нижней палубы истошный женский вопль, обнаружили в каюте лишь кричащего испанского юнгу, да человек десять дюжих молодцов, спрятавшихся за дверью и оглушавших вбегающих в неё пиратов ударами по голове.

— Хорошо ещё, что нам не отрубили головы саблями, — с горечью заметил Сайтон, — вот и выручай этих баб из беды

— Да, — добавил, тяжело вздохнув, Джеф, — из-за женщин мы сейчас сидим в трюме, а испанцы вырвались на свободу, — он растёр лоб, — Что теперь будет? Наверняка нас повесят на площади в Гаване или Пуэрто-Бельо.

— Я ни о чём не жалею, — уверенно заявил Уоллес, — лучше поступить как джентльмен, даже если придётся подвергнуться опасности.

— Молчи, квартирмейстер, и слушай умных людей, — проворчал Джеф, покосившись на квартирмейстера, который всё ещё тёр сильно болевшее темя, — все наши неприятности из-за твоих рыцарских замашек. Ты, как всегда, готов сложить голову из-за каждой юбки. Добро хотя бы для того, чтобы с ней поразвлечься — а то ведь ты ни на кого из них не смотришь. Просто Дон Кихот какой-то. Смешно, да и только.

Уоллес молчал. Если бы такой разговор произошёл на берегу, он, не колеблясь, вызвал бы обидчика на поединок. Но сейчас не время было ссориться. Надо было действовать сообща, иначе шанс быть повешенным возрастёт во сто крат. Поэтому он улыбнулся и примирительным тоном произнёс:

— Не будем спорить, Джеф. Лучше подумаем, как нам отсюда выбраться.

— Да как уж тут выбраться, — понурил голову Джеф — пусть теперь наш адмирал думает, как спасти своих людей.

— Ты думаешь, ему есть до нас дело? — выругался Сайтон, — он, наверняка, уже пересчитал все денежки и направился назад на Тортугу

— Я уверен, что Питер выручит нас из беды, — твёрдо произнёс Уоллес.

— Он-то, может быть, и захочет нас выручить, тем более что ты его давний приятель. Да только эскадра у него слишком большая. Каждый, кто ходит в море чуть больше двух лет, уже лорд или капитан, и у каждого — своё мнение, с которым адмирал должен считаться. Большинство не поддержат Питера, и он ничего не сможет сделать. Придётся уж нам как-нибудь самим отсюда выбираться.

Пленники, сидя на грязном мокром полу, принялись обдумывать план бегства. Тем временем «Беневидас», подгоняемый вновь изменившим направление ветром, быстро

двигался в сторону Пуэрто-Бельо. За ним следовала эскадра Сильвера, которая, несмотря на большую быстроходность её кораблей, всё же отставала из-за значительной потери времени — «Беневидас» снялся с якоря в полдень, а «Арабелла» — лишь четыре часа спустя. Именно поэтому, когда адмиральский галеон вошёл в Пуэрто-Бельо, корабли Питера находились в двух милях от гавани. В каюте Сильвера на «Арабелле» был созван совет капитанов. Двадцать человек нервно прохаживались по помещению, которое вдруг показалось всем необычайно тесным и душным. Несмотря на то, что мест хватило бы всем, никто не садился — слишком велико было волнение, охватившее этих людей, в сердце которых сейчас боролись два чувства — долг по отношению к попавшим в беду товарищам и жадность, заставлявшая их мечтать о том, чтобы поскорее переправить награбленное в безопасное место. Сильвер был бледен. Он стоял у стены, и скрестив руки на груди. Невидящий взгляд был устремлён на чёрные доски. Наконец он поднял глаза на собравшихся вокруг него мрачных и раздражённых мужчин и прервал молчание. Голос его звучал глухо и хрипло.

— Надо пробиваться к форту.

Лицо Сильвера напоминало скорее античную маску. Сквозь смуглую кожу проступила мертвенная белизна. Казалось, он мысленным взором следя за входящим в испанскую гавань «Беневидасом». Ни у кого из капитанов не было ни малейшего сомнения, что Питер готов идти на любой риск, и, если остальные не поддержат его, бросится в Пуэрто-Бельо на верную смерть, направив «Арабеллу» на штурм трёх мощных крепостей. Но пиратские суда обросли ракушками, а тяжёлый груз в трюмах ещё более ухудшал маневренность судов. Многие капитаны не желали рисковать, боясь потерять корабль вместе с недавно захваченным у испанцев богатством. Собравшиеся с сомнением переглядывались друг с другом, будто бы желая угадать, что думают остальные.

— Что толку — Пуэрто-Бельо с моря не взять, — задумчиво произнёс один из капитанов, пристально глядя в потухшие глаза адмирала. — Там три крепости, на рейде не менее двадцати пяти кораблей, да ещё и гарнизон почти пятьсот человек.

Питер, с лица которого всё ещё не сходило выражение мрачной решимости, граничащей с отчаянием, глухо произнёс:

— У нас больше людей и кораблей. Прорвёмся — и не в таких переделках бывали.

— Какой ценой, адмирал? Ценой наших жизней?

Сильвер молчал. Капитаны оживились, переглядываясь друг с другом и перебрасываясь короткими репликами. Силы были неравны, а риск слишком велик.

— Мы все понимаем, как тебе плохо, Питер. Но нельзя, чтобы нас перебили из-за твоего приятеля. Подумай хорошенько — ведь каждый, в том числе ты, мог оказаться в подобной ситуации. Сегодня не повезло Питту, а завтра — любому из нас.

Мужчины согласно закивали. Вольверстон попытался было возразить, но Питер взглядом остановил его. Отойдя от стены, он направился к двери. Собравшиеся расступились, понимая, что чувствует сейчас их адмирал, внезапно потерявший своего лучшего друга. Но, дойдя до конца каюты, Сильвер внезапно развернулся и направился обратно. Ещё в течение нескольких минут он ходил взад и вперёд по капитанской каюте, погружившись в размышление. Видя, как тяжело даётся ему принятие решения, капитаны отступили, и между двумя рядами людей образовалось некое подобие широкого коридора, по которому двигался адмирал. Стук каблуков по дощатому полу каюты звучал подобно набату.

— Капитан! — подал голос Крисперс, но Вольверстон тотчас одёрнул его.

— Молчи, Крис. Ты не понимаешь...

— Что?

— Я знаю его. Если он сейчас согласится со всеми, то... Боюсь, что он не сможет с этим жить... Думай, Крис. Может, ты найдёшь выход?

Крисперс молчал. Положение друга казалось ему абсолютно безнадёжным.

Сильвер поднял голову, и быстрым взглядом окинув стыдливо потупившихся капитанов. Затем он остановился. В каюте воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь плеском кильватерной волны. После короткой паузы её прорезал хриплый голос Питера:

— Приведите самого знатного пленника, — отрывисто приказал он, — узнайте, кто из аристократов сидит в наших трюмах.

Вскоре привели пленного. Это был невысокий худощавый брюнет лет сорока пяти с красивым благородным лицом и маленькой острой бородкой. Несмотря на разорванный камзол, он глядел на окружающих с нескрываемым высокомерием.

— Дон Хуан Родригес, герцог Сидония, — представил его юнга.

— Садитесь, дон Хуан, — вежливо поклонился ему Питер, указывая на самое большое кресло, обычно предназначавшееся для него самого, — чувствуйте себя как дома.

Пленный язвительно ухмыльнулся:

— Спасибо за предложение, но дома меня не вводят в каюту связанного, словно преступника.

— Это вынужденная мера, господин герцог, — немного резко произнёс Питер, — Приношу извинения Вам и всем остальным знатым пленникам. На войне как на войне.

— Грязный пиратский пёс, — выругался дон Хуан, — что тебе от меня надо? — и он злобно уставился на Питера своими карими глазами.

В эту минуту к стоящему посередине каюты Сильверу подбежал юнга и что-то прошептал ему на ухо.

— Спасибо, Джереми. Иди к себе.

— Дон Хуан, — продолжил Сильвер. — Мы захватили семь представителей знатных фамилий. Среди них Ваша племянница Мария Луиза и её ближайшая подруга графиня Эстебания Миранда. Судьбы всех этих людей, в том числе женщин, исключительно в Ваших руках.

— Что тебе от меня надо, подлый пират? — огрызнулся Сидония, бросив на Питера полный ненависти взгляд.

— Вам надо быть осторожнее с выбором выражений, герцог, — с выражением ироничной любезности произнёс Питер.

Былая уверенность постепенно возвращалась к капитану, а мертвенная бледность, ещё недавно покрывавшая щёки, бесследно исчезла. Он пристально взглянул на высокородного господина, пребывавшего в необычайно мрачном настроении, и холодно добавил:

— Ещё раз напоминаю Вам, герцог, что в моих руках семь знатных пленников. Не думаю, что моя просьба Вас затруднит. Если Вы поможете мне в одном важном деле, то все Ваши соотечественники будут немедленно освобождены.

— Почему я должен тебе помогать? — прорычал Сидония.

— Потому что в моих руках Ваша племянница, дон Хуан, — отрывисто произнёс капитан, — я никогда не причинял зла женщинам, но сейчас я в крайне затруднительном положении. Если Вы откажетесь мне помочь, придётся убить всех пленных, а женщин отдать для забавы матросам. Вы скажете, что это противоречит тому, что Вы когда-либо

слышали о капитане Сильвере? Мне самому это неприятно, но сейчас у меня нет другого выбора.

— Что я должен делать? — спросил герцог. Слова Сильвера и тон, которым они были сказаны, окончательно убедили его в том, что на этот раз капитан намерен выполнить свои угрозы.

— Всего лишь доставить моё письмо губернатору Пуэрто-Бельо и в течение двух часов вернуться назад с ответом. Если ответ не будет на «Арабелле» в течение этого времени, то произойдёт то, о чём я Вас только что предупредил, — Питер пристально взглянул на герцога. В глубине синих глаз светилась холодная и непреклонная решимость идти до конца в осуществлении своего плана.

— Согласен, — угрюмо кивнул Сидония, — Я доставлю это письмо и привезу Вам ответ.

— Отлично. Дайте ему поесть и пусть он переоденется. И не спускайте глаз — пока он не сядет в шлюпку, его должны охранять мои матросы.

Когда дверь каюты захлопнулась за доном Фернандо, Питер подозревал юнгу:

— Садись. Будешь писать письмо губернатору.

Мальчик взял в руки перо. Сильвер снова начал ходить взад и вперёд, медленно диктуя своё послание:

Любезный граф Родриго Вальдес, высокочтимый губернатор Пуэрто-Бельо!

Обращаюсь к Вам с искренней надеждой на Ваше благоразумие. В Ваш порт только что вошёл галеон под названием «Беневидас», на котором находятся мой заместитель Питт Уоллес и ещё десять моих матросов. Убедительно прошу Вас отправить их мне живыми и здоровыми. В случае же, если это не будет сделано в течение двух часов с момента прибытия моего посланца, все находящиеся на моих кораблях пленники, в том числе несколько знатных господ, будут немедленно убиты, а Ваш прекрасный город будет превращён в руины. Искренне надеюсь, что Ваше Превосходительство сделает всё возможное с целью недопущения сего прискорбного события. С превеликим к Вам уважением и почтением, капитан Питер Сильвер.

После этого посыльный был высажен в шлюпку и отбыл по направлению к форту. Питер же, не надеясь на успех посольства, отдал приказ о перегрузке золота и драгоценностей.

— Что ты задумал, Питер? — возмутились несколько капитанов. — Мы не позволим тебе рисковать нашими жизнями. Мы не согласны на штурм Пуэрто-Бельо.

Большинство мужчин одобрительно загудели, выражая полное согласие. Лишь Вольверстон и Крисперс молчали, тревожно глядя на Питера. Но тот уже полностью обрёл свою обычную невозмутимость.

— Я и не предлагаю Вам атаковать с моря. Четыре галеона и пять фрегатов окажут огневую поддержку сухопутному отряду, который высадится в Пуэрто-дель-Понтин, откуда направится к Эстера Лонга Лемо и к городу. Я возьму с собой двести пятьдесят человек. В случае удачной операции они получают двойное вознаграждение. Даже крепости Пуэрто-Бельо не выдержит сражения на два фронта. Одновременно мы обезопасим нашу добычу — остальные суда останутся в арьергарде и вступят в бой лишь в самых крайних обстоятельствах.

— Неплохой план, адмирал. Обидно топить добычу на морском дне.

— Я был в Пуэрто-Бельо, — раздался рядом с Сильвером хриплый голос де Фонтейна. — План неплохой. Пуэрто-дель-Понтин находится в четырёх милях от города, а

до Эстера Лонга Лемо можно дойти на каноэ. С суши город более доступен. Главное — обойти все редуты. Только пороха побольше возьми — ворота форта Глория очень крепкие. Не думаю, что нам их откроют добровольно,

— Отлично, Валуа! Теперь дождёмся ответа на письмо. Правда, я ничуть не сомневаюсь в том, какой он будет.

— Нэд, — собери двести пятьдесят добровольцев. Они получают получить вдвое больше остальных

Ответ прибыл через час с небольшим. Опасавшийся за судьбу племянницы герцог оказался хорошим гонцом. Развернув поданную им бумагу, Питер громко прочёл ответное послание, чтобы все капитаны могли узнать его содержание:

Ответ гласил:

Господин морской разбойник, пират и бандит Питер Сильвер!

В довершение всех предшествующих злодеяний, Вы захватили сокровища, принадлежащие королю Испании. Поэтому я не могу выполнить Вашу просьбу, высказанную мне в столь любезном тоне, и довожу до Вашего сведения, что Питт Уоллес и десять Ваших матросов будут повешены на центральной площади Пуэрто-Бельо завтра в десять часов утра. Даже если Вы отдадите мне всё, что захватили, и сами явитесь ко мне во дворец, чтобы понести заслуженное наказание, Вам всё равно не удастся обменять всё это на Вашего Уоллеса. Поэтому с нетерпением жду возможности разметать в щепки Ваш флот. Что касается знатных испанских подданных, то не сомневаюсь, что всё это — Ваши выдумки.

С превеликим к Вам неуважением и презрением, губернатор Панамы граф Вальдес.

— Сожалею, господин герцог, — промолвил Сильвер, — Ваше освобождение из плена временно откладывается. Вы останетесь на корабле под охраной моих людей. К сожалению, не могу предоставить Вам более комфортные условия, так что пока довольствуйтесь трюмом.

Когда герцога Сидонию проводили к остальным пленным, Питер всё ещё держал в руках помятый листок бумаги. Он был серьёзен, даже на лбу его пролегла глубокая морщина.:

— В моё отсутствие командование эскадрой поручаю Вольверстону. Штурм с моря начнётся в четыре утра.

Совещание закончилось, и Сильвер с отрядом добровольцев спустился в шлюпку, направляясь к «Королевской лилии». Корабль де Фонтейна должен был ещё до темноты отбыть в сторону Пуэрто-дель-Понтин. Спустившись до Эстера Лонга Лемо, пираты высадились на берег, и под прикрытием наступающих сумерек направились к городу. Испанские посты миновали успешно, и ещё ночью приблизились к крепостным стенам. Поэтому большинство жителей города мирно спали, когда у центральных ворот раздался взрыв, в щепки разнесший не только крепкие мангровые брёвна, но и часть каменной стены.

— Крыши поджигай! — крикнул Сильвер. — Это сигнал для Вольверстона!

Над городом пылало зарево пожара. Проснувшиеся испанцы, схватив оружие, ринулись к воротам. Услышав доносившиеся со стороны ворот взрывы, защитники форта разворачивали пушки в сторону города, но вскоре с моря на крепость обрушился огненный шквал. Это эскадра Вольверстона начала своё наступление. Орудия форта беспорядочно палили. Осознав, что их атакуют со всех сторон, канониры пытались стрелять из пушек, дула которых всё ещё были обращены в сторону побережья. Время было потеряно, и вскоре с моря послышался ещё один залп. В сторону форта одновременно двинулось несколько судов. Они

тотчас же были атакованы стоящими на рейде галеонами, однако, даже получив сильные повреждения, продолжали быстро двигаться в сторону гавани и вскоре взорвались, разбрасывая вокруг себя горящие искры и куски такелажа. Форт охватила паника, а тем временем к гавани уже приближались шлюпки с головрезами Вольверстона. Взяв на abordаж несколько стоящих на рейде кораблей, они тотчас же подожгли их. Языки пламени лизали паруса и такелаж, и от висевшего над городом зарева в Пуэрто-Бельо стало светло как днём. Огненные вспышки слепили глаза, но, несмотря на это, трудно было различить собеседника на расстоянии нескольких шагов — столь густыми были повисшие над городом облака дыма. Ветер дул с моря, и вместе с едким удушающим дымом на город летели искры пламени. В течение всей предшествующей недели в Пуэрто-Бельо стояла засуха, и обрушившийся с неба огненный дождь, падая на крыши домов и сараев, заставлял соломенные крыши вспыхивать, словно факелы. Ещё в больший ужас и смятение приводила грохотавшая над городом непрекращающаяся канонада, создаваемая мощными пушками эскадры Вольверстона. Люди Сильвера, разбившись на несколько отрядов, бросились в сторону городских пушек, поджигая всё на своём пути, паля из пистолетов и размахивая abordажными саблями. Атакованные с обеих сторон канониры пытались вести огонь в обоих направлениях, но часть пушек уже была выведена из строя огнём эскадры Вольверстона, и гарнизон не смог оказать достойного сопротивления, так что в скором времени почти весь город, за исключением малого форта, оказался в руках пиратов. Бросившись к воротам малой крепости, Сильвер с сотней матросов попытались предпринять попытки взобраться на стену, с которой отстреливались уцелевшие защитники форта. Однако солдаты вели непрерывный огонь, и атака была отбита. Вскоре пираты ринулись в новую атаку, на этот раз как можно дальше от ворот. Защитники крепости так и не заметили, как несколько человек, воспользовавшись наступлением Сильвера, подобрались к воротам. Вскоре атака была отбита. Побросав лестницы, пираты почти бегом отступили назад. Над городом раздавались ликующие возгласы, однако радость оказалась преждевременной — вскоре ворота потряс ещё один взрыв, и они тотчас же разлетелись в щепки. Воодушевлённые флибустьеры бросились вперёд, захватывая брошенные пушки и направляя их огонь на немногие оставшиеся в руках испанцев укрепления. Сильвер с небольшим отрядом ворвался в губернаторский дворец. Увидев отчаянно вопивших головорезов с саблями наголо, большинство испанцев в панике бросились бежать, пытаясь спасти оставленное ими в домах имущество и предоставив губернатору с горсткой приближённых в одиночку сражаться с превосходящим по силе противником. Раздосадованный трусостью своих подчинённых, граф Вальдес бродил по просторной зале — единственному помещению во дворце, которого не коснулось разрушение. Пятеро самых близких друзей, обнажив сабли, стояли у дверей, надеясь если не защитить своего командира, то хотя бы дорого продать свои жизни. Распахнув двери в залу, где находился губернатор, Питер навёл на него дуло пистолета. Тот, решив сохранить хотя бы честь дворянина, выхватил шпагу:

— Защищайся, английская собака! — прорычал он

— Ещё одно движение, Ваше превосходительство, и я выстрелю без предупреждения, — с иронической улыбкой произнёс Сильвер, даже в самых горячих схватках, сохранявший присутствие духа и аристократические манеры. Губернатор, видя всю безвыходность своего положения, молча сломал шпагу, отбросив обломки в сторону. Офицеры последовали его примеру.

— Приветствую Вас, господин губернатор, меня зовут капитан Питер Сильвер, —

капитан отвесил церемонный поклон, — Вы звали меня, и вот я решил засвидетельствовать Вам своё почтение

— Что тебе надо, собака? — со злостью выкрикнул дон Вальдес

— Я уже сообщал Вам об этом в письме, но Вы отказались выполнить мою просьбу. Мне нужны мои люди и выкуп в сто тысяч песо, после получения которого я могу гарантировать Вам, что город не будет разграблен и превращён в пепел.

— Ты можешь меня убить, щенок, но ты не получишь своих людей, — выругался губернатор, — я только что отдал приказ их расстрелять, так что сейчас они уже отчитываются за свои преступления перед апостолом Петром.

— В таком случае я пристрелю Вас лично, и взорву все мало-мальски богатые дома Пуэрто-Бельо. У моих ребят хватит на это пороха, — прохрипел Питер и бросил стоящим рядом с ним офицерам, — не спускайте глаз с этого наглеца. Попытается бежать — застрелите, — и со всех ног бросился вниз по лестнице. На первом этаже он столкнулся с Крисперсом, допрашивавшим одного из солдат.

— Они в подвале, — крикнул ему тот, отшвырнув в сторону насмерть перепуганного испанца, почти мальчика

— Живы? — с замиранием сердца спросил Питер

— Пока да, но губернатор отдал приказ немедленно пристрелить их. Надеюсь, успеем, — и Сильвер с Крисперсом бросились вниз по лестнице, а за ними — ещё с десятков матросов.

Ворвавшись в тёмные казематы, пираты бегом промчались мимо камер с сидящими на каменных плитах полуголыми людьми. Испуганные крысы разбегались в стороны при виде бегущих по мокрому грязному полу вооружённых людей. Привычные ко всему заключённые, не обращая внимания на происходящее, тупо смотрели прямо перед собой. В последней камере, отгороженной от коридора двойной решёткой, стоял караульный в синем камзоле, вооружённый саблей и пистолетом. Рядом с ним стоял прислонённый к стене мушкет. Держа пистолет в вытянутой руке, караульный медленно наводил его на человека, сидевшего на полу со связанными руками. На исполосанном сабельными ударами худощавом теле висели грязные лохмотья, ещё вчера представлявшие собой щёгольский серый камзол и кружевную рубашку. Заключённый, не опуская глаз, глядел на караульного со спокойствием и невозмутимостью игрока, проигравшего всё состояние и решившегося смыть позор кровью. Де Фонтейн взглянул на Сильвера. На лбу капитана выступил холодный пот. Это был Питт Уоллес собственной персоной, пока ещё живой и невредимый, но уже готовый достойно встретить собственный конец.

— Открой камеру, или я пристрелю тебя, — крикнул Питер караульному, для пущей убедительности ткнув его в спину дулом пистолета. Тот, от неожиданности широко раскрыв глаза, повернулся и дрожащими руками открыл тяжёлый замок.

— Теперь можешь идти, — бросил ему Питер, отведя оружие и даже не взглянув в сторону насмерть перепуганного солдата, — ты свободен.

Обрадованный тем, что остался в живых, караульный бросился вон из подвала. В полутёмном подвале на полу сидели пленные — Уоллес и ещё двадцать человек матросов и офицеров. Питер бросился к ним:

— Привет, ребята! А я уже не думал найти вас живыми! — и он радостно обнял своего друга, который уже мысленно распрощался с жизнью.

— Привет, Питер! Слава Богу, ты нас спас! — со всех сторон раздались обрадованные

голоса пленных. В течение ещё нескольких минут пленники, обезумевшие от неожиданно свалившегося на них счастья, обнимались с примчавшимися к ним на помощь товарищами. Наконец, Джон Сайтон смущённо произнёс:

— Прости, Питер, что из-за глупого донкихотства Уоллеса тебе пришлось так рисковать, — и он осуждающе взглянул на квартирмейстера, который был вне себя от счастья, то ли от столь внезапно свалившегося на голову спасения, то ли от встречи с другом, в очередной раз доказавшим ему свою преданность.

— Не надо просить прощения, — рассмеялся Питер, — вы пострадали больше других. Мы все за вас волновались, но в результате все мы будем богаче ещё на сто тысяч песо.

— Почему же? — удивился квартирмейстер

— К полудню губернатор должен доставить выкуп, чтобы мы не разграбили город.

— Вот это да! Молодец, Питер! — радости спасшихся от неминуемой гибели моряков не было предела

— Спасибо, но это не только моя заслуга. Вольверстон руководил атакой с моря, а Джексон проводил нас к городу. Если бы он не предупредил нас, мы никогда бы не смогли взять форт Глория. К тому же все мои ребята сражались отважно, и я не знаю, кого из вас благодарить больше, — по-детски радовался сам не свой от счастья адмирал.

Обратный путь они прошли медленно — под охраной дюжих головорезов Питера бывшие пленники чувствовали себя вполне уверенно. Проходя мимо запертых в железных клетках заключённых, они увидели человека, который, казалось, понимал английскую речь. Одежды на нём почти не было — её заменяли грязные лохмотья. Лицо его было почти закрыто густой чёрной бородой и спускающимися на лоб курчавыми волосами, из-под которых сверкали серые глаза.

— Вы англичанин? — поинтересовался Питер

— Да, — сухо ответил тот, — но в этой камере есть ещё и французы. Один из них тяжело болен, и ему нужен врач.

Питер снял с пояса связку ключей, которую успел отобрать у караульного, и попытался открыть замок.

— Зачем мучиться, капитан, — рассмеялся силач Джексон, — погоди-ка немного.

Дюжий здоровяк с лёгкостью раздвинул железные прутья и вытащил один из них. Заключённые были слишком истощены, и легко выбрались в образовавшийся проём.

— Идём со мной, ребята, — рассмеялся Питер, — сегодня в славном городе Пуэрто-Бельо объявлена всеобщая амнистия.

Помогая отощавшим от голода людям взбираться по лестнице, пираты вернулись в парадную залу, где судовой врач, также оказавшийся в испанском плену, занялся раной пленного француза, всё ещё находящегося без сознания. К вечеру обещанный выкуп был доставлен, и пираты, успешно погрузив добычу на подошедшие к форту корабли, отбыли обратно на Тортугу. Так закончилась ещё одна удачная операция Питера, в результате которой его эскадра стала богаче на сто тысяч песо. Добыча, была, как обычно, честно поделена между участниками рейда. Больше всех досталось тем, кто находился в плену в казематах Пуэрто-Бельо. Пленные французы, среди которых оказалось несколько весьма знатных особ, были доставлены в дом губернатора де Монтенона, который и позаботился об их отправке во Францию.

Примечание:

В основу этой главы также легли реальные события (взятие галеонов Тьерра-Фирме и

захват Пуэрто-Бельо)

Глава 29 Сокровища пиратского капитана

В таверне «У французского короля» было многолюдно. За одним из столиков сидела компания из четырёх человек. Один из них, сидящий брюнет лет тридцати в выдавшем виды синем камзоле, с явным любопытством поглядывал на старика с деревяшкой вместо ноги. Отставив в сторону костыль, тот с явным удовольствием прихлёбывал суп с кальмарами и уплетал жирную пулярку.

— Взгляни на этого типа, Сид. Знаешь, что он ещё полгода назад милостыню просил?

— Повезло, видать, старику. А кто это?

— Один из матросов Торренстоуна.

— Того самого?

— Да. Только тихо. Я расскажу тебе одну историю. От самого принца слышал.

— Да врёшь ты...

— Чистая правда. Не веришь — у Вольверстона спроси или у квартирмейстера. А хочешь, у самого спроси.

— У старика, что ли?

— Да. Ему принц ежемесячный пенсион назначил, вот и живёт, не бедствует.

— А за что пенсион-то?

— Слышал про сокровища Торренстоуна?

— Да кто же про них не знает. Мне говорили, одни сундуки с золотом в трюмы двадцати галеонов не вместились бы.

— А я слышал, что он их на острове спрятал, среди скал. Одни про Монс рассказывают, другие — про Вирджинию или Амалию, третьи — про безымянный островок у берегов Кубы. Говорят, его богатства сорок пиратов охраняет. Торренстоун их вместе с сокровищами похоронил. Столкнул в склеп, где сундуки были, и теперь они каждую ночь там гуляют, его денежки сторожат.

— А мы как-то мимо Виргинских островов шли. Тёмная ночь была, и вдруг песня. Протяжная такая. Нас тогда капитан по тревоге на палубу собрал, заставил «Отче Наш» читать и петь псалмы. Сказал, что если хотя бы один матрос не будет молиться, корабль потерпит крушение.

— Да ладно тебе страха нагонять.

— Так что принц-то? Он что, тоже во все эти байки верит?

— Давай рассказывай, Джек, не тяни.

— Ладно уж, ребята. Так вот, принц однажды из церкви вышел, после воскресной службы. Ты же знаешь, что он, когда на берегу, ни одного воскресенья не пропускает. На паперти старик тот сидел. Принц денег ему дал, а потом ещё обедать привёл. Сюда, в эту таверну. Здесь-то они и познакомились

— И что потом?

— Накормил он его, и старик ему про Торренстоуна всё рассказал. О том, как тот деньги на острове спрятал.

— И всё?

— Нет. Ну просил же вас, не перебивайте.

— Ну ладно, рассказывай, Джейк.

— Потом старик спросил принца, верит ли он в клад Торренстоуна. Тот сразу и брякнул

— мол, не верю, что деньги на острове зарыть можно. Проще векселя купить и с губернатором столкнуться.

— И что старик?

— Ну а тот сказал ему, мол, молод ты ещё, приятель. Думаешь, Торренстоун собирался с матросами делиться, а ещё и с губернатором? Вот он и отправился к коралловому рифу — тому, что среди Виргинских островов, вблизи Тортолы. Тот самый, близ которого вы песню слышали. А шкипер его не будь дурак — бунт поднял, потребовал всё честно делить. Торренстоун обещал, а бунтовщиков высадил и заставил скалу долбить. Но все понимали — не выживет никто.

— Так как же старик-то выжил?

— А ты слушай, приятель. Торренстоун-то людей оставил, фрегат взорвал, а сам сел в шлюпку и отбыл на Тортугу.

— Но они же шлюпку построить могли?

— Да не было там ничего. Даже змеям и ящерицам еда нужна, а тут лишь скалы. Никого там, ни единой живой души, разве что лишайники на скалах. Питались тем, что в прибрежных водах поймают, а пили росу. Торренстоун надеялся, что перебьют они друг друга, но шкипер, видно, тёртый парень был. Удержал команду от бунта.

— А потом?

— Потом вернулся капитан. Думал голыми руками клад взять, но не тут-то было. Увидел, что живы люди, и из пушек по ним палить начал.

— Да уж... Даже ЛОллоне по сравнению с ним — невинный младенец!

— Но Бог наказал Торренстоуна. Не зря же на Писании он клялся, как и все капитаны, что добычу честно делить будет.

— А старик? Как он спасся?

— На другую сторону острова перебрался и в воду бросился. А потом шлюпку нашёл.

— Откуда шлюпка-то взялась? Болтаешь ты что-то не то, брат. Выдумал ты всё, видать.

— Да ты, парень, никак дослушать не хочешь. Торренстоун, после того, как расстрелял всех, шлюпку спустил, чтобы на остров вернуться. А потом трубку закурил. Вот искра, видно, в бочку с порохом и попала. Корабль тотчас же на воздух взлетел, а шлюпку взрывом отнесло.

— А причём здесь принц? Ну рассказал ему старик, и что?

— А то. Старик ещё его про кладу спросил. Верит ли он, что кладу сами находят своих обладателей. Тех, кому они хотят открыться, и кто достоин.

— Ну и враль ты, Джек!

— Спроси у принца. Он всё тебе расскажет, если захочет. Принц старику не поверил, а тот ему: «Коли не веришь, считай, что Бог одаряет достойных»

— Так что было дальше, Джек?

— А дальше... Это уже с принцем случилось и его ребятами. Они на следующий день в море они вышли, пошли к Марайкайбо.

— И что?

— А что может быть, когда в эскадре десять кораблей, не считая брандеров? Разгромили форты, оставили в них своих людей и вглубь направились. Всё просто, когда люди есть, и корабли. Ну а потом, с добычей, к Виргинским островам двинулись. Ночью как раз мимо Тортолы проходили, а принц тогда на вахте стоял. Песни он не слышал, но шторм был изрядный. Вот его волной и смыло.

— Не слышал, чтобы он в такие переделки попадал.

— С каждым случиться может. Только одним от этого одни неприятности, а другие...

Принц, например... Очнулся на острове. Вокруг ни души, ни деревца, ни травинки. Даже фляжку свою любимую потерял. Вот и полез на скалу, чтобы найти, что поесть. Добрался до пещеры, а она каменной плитой прикрыта была. Он плиту отодвинул и внутрь забрался.

— И как только он её отодвинуть смог? Он же щуплый такой, словно девчонка...

— А со страху кто угодно плиту отодвинет. Он там нашёл ручеек с пресной водой, и вглубь направился, а там ещё одна плита, уже железная. На полу лежит. Он попытался было отодвинуть, и...

— И что?

— Ну опять получилось у него. Не веришь — сам спроси.

— Хватит врать-то?

— А я, думаешь, вру?

— Да нет, спроси у кого хочешь. Хоть у принца, хоть у Вольверстоуна, хоть у старика этого.

— Ну а дальше?

— А дальше в пещеру вошёл. Всё внутри осмотрел, думал еду найти какую. Но струсил, видать, изрядно. Мне потом Крис рассказывал, что он такой бледный был, когда они его нашли!

— Так Крис тоже там был?

— А то? Думаешь, он сам оттуда выбрался?

— Так дальше-то что?

— Даже принц признался, что ему тогда страшно было. Вспомнил мальчишечьи рассказы — и про циклопов, и про корабли-призраки. Думал, конец ему пришёл. И вдруг...

— Что вдруг?

— Шаги чьи-то. Гулкие, словно эхо. Представь себе...

— Да уж...

— Но он не растерялся. Он отступил назад и хотел спрятаться, но наступил ногой на металлическое кольцо, а под ним — крышку. Принц попытался её отодвинуть, но шаги приближались. Он уже приготовился дорого жизнь продать, и тут...

— Что?

— А то, что тут Крис с Питтом появились. Крис рассказывал, что принц был бледней чем его новая рубашка. Уже броситься на них с саблей собирался. А они, оказывается, увидели, что его смыло к рифам, и взяли курс в сторону острова. Ну а потом фляжку его на берегу нашли, и следы...

— Повезло парню. Не зря говорят, что принц — везунчик.

— Да уж. Но самое главное, что под плитой той железной и был клад Торренстоуна.

— Врёшь, Джек!

— Вот те крест! У принца спроси!

— И что, всё это правда, что там золотые россыпи?

— Конечно. Думаешь, откуда у старика такие деньги?

Пираты переглянулись. Старик уже закончил с пулялкой и супом и уже собирался встать, но вдруг повернулся к ним.

— Я слышал, о чём вы болтали, ребята, — хриплым голосом прошептал он. — Правда всё это. И вот что я вам ещё скажу. Думаете, ерунда всё это, про клады? Сильвер мне всё

тоже не верил, но потом... Потом он вернулся и нашёл меня. Знаете, ребята, удача сопутствует не только смелым, но и щедрым. Ну да ладно. Пошёл я.

Старик взял костыль и поплёлся к двери. Пираты переглянулись.

— Везёт же некоторым. Думаешь, прав тот старик?

— Не знаю, что и сказать-то. Но думаю, нам стоит на «Арабеллу» податься. Говорят, ему матросы нужны. Эскадра большая, можно и «лордом» стать — не то, что у других капитанов.

— Говорят, после истории с Солсбери про него во всех газетах писали. Говорили, что после Дрейка и Рэйли...

— Может, ещё в кругосветку отправится?

— Вполне. Ну ладно, Джек. Пошли. Нам ещё с квартирмейстером его потолковать надс насчёт контракта.

Друзья встали и направились к выходу.

Глава 30 Урок капитана Тича

Стоял сезон дождей. Ливневые потоки хлестали наотмашь, прибывая к земле неокрепшую растительность. Штормовой ветер гнул толстые стволы деревьев, разбрасывал по побережью обломки ветвей. Мангровые заросли превратились в огромное болото, преодолеть которое можно было лишь на шлюпке. Огромные волны, подобно абордажной команде, атаковали белесый песок.

Четверо крепких мужчин, закутанных в промокшие до нитки плащи, приблизились к таверне «У французского короля». Один из них откинул с лица капюшон:

— Ну и погода!

За сим последовал целый шквал крепких матросских ругательств. Незнакомец постучал. Дверь приоткрылась, и в проём высунулась круглая физиономия месье Жоржа.

— А, это ты, Джек! Проходи. Кто это с тобой?

— Англичане. Матросы. Их шлюпку сегодня к берегу прибило.

— Повезло парням, — рассмеялся месье Жорж. — В такой-то шторм выжить. Видно в рубашке родились.

Впустив посетителей, трактирщик тотчас же скрылся в облаке густого табачного дыма и ароматного пара, исходящего готовящихся от на вертеле яств.

Скинув плащи, посетители осмотрелись. Кругом стоял невообразимый гам, сквозь который то и дело слышались грубые голоса.

— В кости играют, — заметил Джек. Те в ожидании обеда, принялись рассматривать посетителей.

— Что за мрачные типы? — один из матросов недоверчиво покосился на сидевшую у окна компанию. Облачённые в строгие чёрные камзолы и такие же шляпы, мужчины чинно попиwali малагу, с явным осуждением взирая по сторонам.

— Пуритане, — шепнул Джек. — Они здесь ещё со времён эдикта де Пуанси.

— Какого эдикта? — удивился другой.

— О свободе веры. Здесь каждый волен верить в то, во что хочет. Есть даже такие, кто вообще считает, что там нет ничего.

— Где?

— За порогом смерти.

Матрос испуганно перекрестился.

— Да ладно тебе, Сид, — успокоил его Джек. — Таких здесь мало. В основном — нормальные парни, жизнью битые.

— А эти, пуритане, что, и вправду пиратствуют?

— Ещё как. На своих не нападают, но бить папистов для них — священный долг.

Сид причмокнул губами и почесал затылок.

— Может, мне стоит подальше от них держаться? — пробормотал он. — Я же католик...

— Здесь все равны, Сид, — усмехнулся Джек. — Не любят только трусов. Запомни.

— А католики есть?

— Конечно. В основном французы. Однажды, когда они в поход выступали, в храм народу набилось — видимо-невидимо. А по возвращении ещё благодарственный молебен отслужили.

К столику приблизился дядюшка Жорж. Румяное лицо сияло, словно масляный блин. Он торжественно водрузил на стол три бутылки малаги и четыре тарелки черепахового супа.

— Ну как, останетесь? — подмигнул он матросам

— Может, и останусь, — отозвался Сид, искоса взглянув на товарищей. — Куда ещё податься, коль в кармане пусто? Скажи, папаша, что здесь за люди?

— Каждой твари по паре. — рассмеялся Жорж. — А если серьёзно — есть беглые каторжники, рабы, а есть и более почтенная публика. Разорившиеся дворяне, торговцы. В общем, те, кого жизнь на обочину выкинула. Для них остров этот — последнее прибежище.

— Ладно, пойду, — заторопился трактирщик. — А то заболтался я с вами. К принцу пошёл. Он там, с офицерами удачную сделку отмечает. А к вечеру наверняка ещё Тич объявится.

Вино приятным теплом разливалось по жилам промокших матросов. После двух дней борьбы с волнами трактир казался им райским уголком.

— Послушай, Джек, — Сид ткнул товарища в бок. — Кто это — принц?

— Говорят, он внебрачный сын Джона Стюарта. Может, врут, конечно, но парень заметный. Если бы в Лондоне с ним встретился — ни за что не поверил бы, что пират. Чистый герцог. Щуплый, правда, словно девчонка, но рубака отчаянный. Не задирай его, коли здесь обосноваться хочешь.

— Он-то что здесь делает?

— То же, что и мы, — усмехнулся Джек. — Пиратское счастье ловит. Думаешь, если голубая кровь, то и в жизни всё гладко будет?

— Так он что, принца не знает? — рассмеялся пират за соседним столиком. — Я слышал, что испанский король всё от Анны требует с принцем покончить. Но королева наша не лыком шита. Шлёт ему в ответ, мол, разбойник Питер Сильвер не состоит на военной службе. Разбирайтесь сами.

— Значит, его Сильвером зовут? Имя-то простое, не герцогское.

— Кто знает, как его в самом деле зовут? Здесь он Сильвер, а там... Бог его знает.

— А что, удачлив?

— Ещё бы! У него здесь целая эскадра. Сорок лет никто не решался в Маракайбо идти после того, как Морган с трудом из ловушки выбрался. А принц отправился.

— И что?

— Там озеро есть такое, с узким горлышком. В горлышке — форт и пушки. Войти туда можно, а вот выйти... Но город богатый.

— И что принц?

— Захватил форт, поставил там с десяток кораблей, а с остальными вглубь озера отправился. Взял всё, что можно, и спокойно отчалил.

— Он ещё верфи соорудил, — вновь подал голос матрос из-за соседнего столика. — Мы все у него теперь корабли ремонтируем. Можно и самим, конечно, но дороже выйдет. Да и люди у него умелые. В общем, проще принцу заплатить.

Покончив с супом, матросы взялись за кальмаров. Джек же с интересом всматривался в лица новых знакомых. Наконец, он прервал затянувшуюся паузу.

— Ну как, решились остаться?

— Подумаем ещё, — буркнул Сид.

— Думайте. Мне нужны хорошие матросы. Особенно шкипер. Через месяц погода наладится, в море надо выходить. Думаю в кругосветку подамся, с принцем.

Вольверстон с тревогой глядел на сидящего напротив него Сильвера. Капитан молча сидел напротив друга, подперев голову ладонью. Невидящий взгляд его был устремлён вдаль, на закопченную стену таверны.

— Что с тобой, Питер? — Вольверстон взял руку Сильвера. Лицо капитана по-прежнему отражало полнейшее безразличие к происходящему.

Из-за перегородки появилась долговязая фигура Уоллеса.

— Как он, Нэд?

— Всё так же. Ступай к офицерам, а мы поговорим.

Вокруг слышались радостные возгласы. Звучный баритон Крисперса, хриплый фальцет Хэндса, скрипучий голос Сэма... Несколько голосов затянули морскую песню. Безучастный ко всему капитан по-прежнему смотрел в пространство. Питт стоял на месте, не в силах оторвать взор от странного зрелища.

— Иди, Питт, не мешай.

Питт нехотя вышел за перегородку, к офицерам. Вольверстон же наклонился прямо к уху Сильвера.

— Очнись, приятель! Соберись. Тебе нельзя... Сейчас Питт тебя видел, а потом... Не поймут люди.

Сильвер поднял голову.

— Всё в порядке, Нэд, — медленно, сквозь зубы, процедил он.

— Правда?

— Да, — глухо отозвался Сильвер. — Де Монтенон дал тридцать процентов на расходы. Говорит, кругосветка — рискованное дело. Остальное плачу я. Ремонт кораблей подходит к концу, пушки закуплены. Что ещё?

— Но почему тогда ты...

Сильвер с горечью взглянул на собеседника.

— А когда в Испанию, Нэд? Не могу больше. Мне надо её увидеть, а кругосветка — года три, не меньше.

— Зачем тебе это? Чтобы все узнали, чья она мать? Сам же слышал, что говорил испанец. Она в Кадисе, с мужем.

— Но вдруг...

— Король Филипп только и ждёт, чтобы вздёрнуть тебя на площади! Тебе-то, может, всё равно, но её они в покое точно не оставят!

— Но...

— Ты просто устал, приятель. Это всё сезон дождей. Отправишься в кругосветку, и сплин твой как рукой снимет.

— И что? Опять то же самое? Война, кровь... Думаешь, Бог простит мне это? Я отвечаю за всё, что произойдёт там...

— У тебя нет выбора. Пока во всяком случае. Подумай, что будет, если ты...

Сильвер вперил взгляд в единственный глаз Вольверстона. На лице его мелькнуло сомнение.

— Взгляни, как у других, — продолжал Нэд. — Богохульство, пьянство, мерзости всякие. А ты честен с людьми, в церковь ходишь

Сильвер закрыл лицо руками.

— Знаешь, Нэд. Думаю, не будет никакой кругосветки.

— Ты что? — едва не взорвался Вольверстон. — Не вздумай шутить с этими людьми!

— Я не шучу, Нэд, — задумчиво произнёс Сильвер. — Просто чувствую. Что-то случится, и очень скоро. Быть может, даже здесь, на Тортуге.

Вольверстон с тревогой взглянул на Питера. Тот тряхнул головой и встал.

— Ладно, Нэд. Пошли. Ты прав — всё это проявление слабости.

Вскоре они уже восседали рядом с торжествующим шкипером Уоллесом, обрадовавшимся возвращению друга. Сэм, взяв в руки лютню, напевал какую-то странную мелодию.

Веселье было в самом разгаре, когда в дверном проёме появилась пёстро одетая компания во главе с крепким великаном с весьма примечательной внешностью. Он был молод, но лицо обрамляла чёрная окладистая борода, заплетённая в мелкие, торчащие в стороны косички. Будто кто-то по ошибке водрузил на мускулистое тело голову самой Медузы Горгоны.

— Глядите-ка, Тич с парнями! — усмехнулся Крисперс.

Старый пират Черри задумчиво пробормотал:

— Эй, Питер! Может, он с нами в кругосветку пойдёт? Может и горячий слишком, но толковый.

Сильвер с явной неприязнью оглядел рослого бородача. Тот уселся за стол в зале напротив и пил прямо из горлышка, поднёся к губам бутылку с ромом. Схватив ручищей баранью ляжку, он с аппетитом начал обглаживать её. Сильвер поморщился.

— Пойдёт, если договор подпишет, — процедил он. — Со всеми условиями.

— Тич не согласится, — возразил Черри. — Уж он-то не станет...

— Значит, справимся без него, — отрезал Сильвер.

— А может ослабишь? ля всех, Питер? Нет сил терпеть — живём, словно монахи, и ради чего? Чтобы потом пойти на корм рыбам? Может, лучше жить в своё удовольствие?

— Я сказал нет, — тон капитана не оставлял ни малейшего сомнения в его решимости.

А между тем косые потоки дождя хлестали в маленькое закопченное окошко. Настроение команды было безнадёжно испорчено. Все доедали обед, искоса поглядывая друг на друга и на вновь погрузившегося в раздумья капитана.

Тич явно перебрал рома. Проклятия и богохульства сыпались, как из рога изобилия. Отхлебнув рома, он вдруг громко расхохотался:

— Хотите узнать, что такое ад?

Сидевшие с ним офицеры, выпившие ничуть не меньше капитана, в ад не собирались, предпочитая напевать какую-то неприличную песенку про монаха и аббатису.

— Я устрою его вам, — грохочущим голосом орал Тич. — Завтра же устрою. Узнаете, что вас ждёт! Скоро мы все там будем, в раскалённом пекле!

Тич взял со стола свечу и подпалил висевшие под шляпой фитили. В этот момент он действительно казался исчадием преисподней.

Вольверстон искоса взглянул на Тича, а затем на Черри.

— Тич не подпишет договор. Да и Сильвер не возьмёт его.

Тич меж тем встал и наклонился вперёд, опершись на стол огромными ручищами

— Ну что, парни? Добро пожаловать в ад!

Раскатистый бас гремел, отдаваясь во всех уголках таверны. Сильвер, дотеле погружённый в собственные мысли, встрепенулся. В глазах его сверкнули холодные искры.

— Что с тобой, Питер? — встревожено поинтересовался Вольверстон.

— Ничего, — рывкнул Сильвер, со всей силы ударив по столу наполовину опустошённой

бутылкой.

Стекло треснуло, и крупные капли вина разлетелись вокруг, подобно крови. Тич с любопытством взглянул на Сильвера, но тот будто с цепи сорвался

— Эй, капитан Тич! Только и умеешь, что богохульствовать! Хочешь погубить людей?

Тич качнулся вперёд. Чёрные глаза его вращались в орбитах, придавая великану ещё более дикий и жестокий вид.

— Молчи, юнец паршивый! Хочешь стать проповедником — продавай корабль и надевай рясу! А не хочешь — приготовься к смерти! Я проучу тебя!

— Это я проучу тебя! — голос Сильвера срывался на крик, — сегодня же ты предстанешь перед Создателем! Ответишь за всё!

Вольверстон покосился на Уоллеса. Тот мягко тронул руку Сильвера.

— Успокойся, приятель. Он пьян.

Но Сильвера уже было не остановить.

— Этот богохульник должен ответить. Я убью его. Сегодня.

Тич рассмеялся, раскатистый бас вновь донёсся до самых дальних уголков таверны. Одним глотком осушив бутылку, он выхватил кинжал.

— Да ты рехнулся, Сильвер! Вы тоже пропащие люди. А то, что ты даёшь деньги на церкви... Кому это надо? Жирным каплунам в рясах? Лучше на выпивку потратить и на хорошую девку.

— Не смей! — Сильвер рванулся вперёд. Вольверстон схватил его за плечи, удерживая от броска. — Бог видит, что происходит в душах. У многих не было иного выбора, но в нашей власти остаться человеком или превратиться в зверя, как это сделал ты.

— Почему я должен сносить твои оскорбления, недоросток?

Глаза Тича горели ненавистью, но ром уже крепко ударил ему в голову. Выхватив саблю, он сделал неуклюжий выпад и тотчас же повалился на пол под общий хохот матросов обеих команд.

Наутро все собрались на пристани. Вольверстон был мрачен. Уоллес тревожно поглядывал на прохаживающегося по каменным плитам Сильвера. Лишь Хэндс, как всегда, расставлял фигуры на шахматной доске. Вокруг плотным кольцом стояли пираты. Вскоре появился Тич. Он шёл уверенно — винные пары уже выветрились из его сознания. За ним следовали секунданты и корабельный врач.

— Может, ещё передумаешь, парень, — расхохотался Тич, взглянув на щуплого невысокого Сильвера. — Сам знаешь, мне малолетку прирезать — что муху раздавить.

— Я готов. — спокойно улыбнулся Сильвер.

— Камзол сними, парень! А то сейчас жарко будет.

Усмехнувшись, Сильвер лишь расстегнул верхнюю пуговицу.

— Получай! — Тич молниеносным рывком бросился вперёд и замахнулся, но лезвие сабли с лязгом ударилось о клинок Сильвера. Тич отпрыгнул назад и ринулся в атаку. Ложный выпад, отскок, и Тич он вновь метнулся на противника. Сабли скрестились вновь. Тич разразился проклятиями.

— Не нравится? Ничего, сейчас и ты узнаешь, что такое ад.

Сжав левой рукой подвешенный на поясе пистолет, Тич нажал на спуск. Пуля просвистела над головой Сильвера. Уоллес с тревогой взглянул на Вольверстона.

— Что-то вяло дерётся Питер. Не дай Бог...

Вольверстон похолодел. В мозгу его свербили слова капитана. «Что-то случится, и

очень скоро...». Так вот, значит, что... Главное — вовремя броситься на помощь. От судьбы не уйдёшь. Нэд вновь взглянул на сцепившихся в схватке противников. Сильвер дрался осторожно, пытаясь найти слабые места в обороне противника. Тич же постоянно нападал, тесня Сильвера по направлению к пирсу. От беспрестанной пальбы над местом дуэли сгустился дым.

— Вот уж рубака хваленый! А я-то слышал, что тебе нет равных!

Тич зловеще рассмеялся. Сжав в левой руке пистолет, он уже собирался разрядить его прямо в грудь Сильвера, но вдруг застонал. Рука повисла, как плеть.

— А я думал, что ты умеешь драться, — усмехнулся Сильвер. — Нет, в кругосветке проку от тебя не будет.

Тич стиснул зубы, зарычал и, замахнувшись саблей, ринулся вперёд. Сильвер взметнул левую руку. Почти не целясь, нажал на спусковой крючок. Тич тяжело задышал. На губах выступила пена. Он опустил саблю на колено, но тут же вновь метнулся к противнику. Замахнувшись, со всей силы рубанул саблей. На камзоле Сильвера, рядом с левым плечом, расплылось чёрное пятно. Сквозь смуглую кожу всё явственнее проступала бледность. Тич подался вперёд всем корпусом, но удержался на ногах. Отбросив саблю, он сжал в правой руке пистолет и шагнул вперёд. Раздался выстрел. Сильвер опустил дымящийся ствол. Он опередил противника. Тело Тича тяжело опустилось наземь. К поверженному капитану тотчас же бросился корабельный лекарь.

А тем временем Сильвер, развернувшись, направился к «Арабелле». Но с каждым шагом лицо его всё больше бледнело, а на лбу выступала испарина. На каменные плиты мерно падали алые капли.

— Надо же, — со злостью рассмеялся один из секундантов Тича. — Я-то думал, что у принца кровь голубая.

— Замолчи, болван, — огрызнулся Вольверстон, направляясь в сторону слабющего Питера, — лучше помоги своему капитану, а то пока ты тут болтаешь, он с жизнью распрощается.

— У всех кровь одинакового цвета, — Сильвер пытался шутить, но Вольверстон заметил, что он с трудом держится на ногах. — Даже у королевы Анны.

А что, ты видел её раненой? — не сдавался упрямый матрос. Сидя на каменных плитах рядом с Тичем, он пытался остановить кровотечение. — Не верится мне, что ты при дворе бывал.

Хватит болтать, Джон, — рассерженно пробурчал лекарь. — Помоги лучше, а то гляди, как кровь хлещет.

Матросы замолчали, занявшись ранами Тича. Вольверстон взял Сильвера под руку. — Хватит строить из себя героя, — шепнул он. — Иди лучше в свои апартаменты. А ты, Уоллес, возвращайся на «Арабеллу». Передашь, что капитан легко ранен и несколько дней проведёт на берегу. Ослабевший Сильвер не стал сопротивляться и, опершись на вовремя подставленную руку, направился вверх по улочке. Стояла жара, и лишь редкие прохожие появлялись на улице, предпочитая от зноя в тени деревьев. Вольверстон и Сильвер вошли в калитку и вскоре оказались в прохладной темноте комнат.

— Не пускай никого, Нэд, — едва успел пробормотать капитан, как тотчас же упал без чувств, предоставив Вольверстону полную свободу в его хирургических занятиях.

Питт Уоллес нервно прохаживался по палубе. Капитан отсутствовал на корабле почти неделю и не подпускал к себе никого, кроме Вольверстона. Тот был ему и врачом, и верным

другом, и слугой. Но почему только Нэд? Разве он, Питт, не заслужил доверия? Питт выругался. Да и вообще, зачем он связался с этим головорезом Тичем? Что он хотел доказать, и кому? Ответов на эти вопросы квартирмейстер не знал, поэтому предпочёл отложить их до окончательного объяснения с капитаном. Сильвер появился на палубе в тот же день, после полудня. Он был немного бледен, а рука его болталась на перевязи. Питт тотчас же бросился к другу в надежде поддержать его, но неожиданно для самого себя разразился целым потоком ругательств. Сильвер равнодушно выслушал его, и вскоре не слишком большой словарный запас квартирмейстера иссяк. Он успокоился, а вместе с тем вернулась и способность выражать собственные мысли:

— Зачем ты связался с Тичем? Понятно в бою, но здесь, со своими...

— Что ворчишь, как старая перечница, Питт? — рассмеялся капитан. — Всё закончилось хорошо, и я ни на минуту в этом не сомневался.

— Но зачем ты приставал к нему?

— Тебе известно, как я владею оружием. И Тичей никаких не боюсь, даже если бы вместо косичек были настоящие змеи

— Но зачем? Ты же первый ввязался в драку?

— Я не намерен терпеть богохульства. Да и людей жалко — погубит он их, превратит в таких же зверей. А ведь многие — отличные парни.

Уоллес с недоумением взглянул на друга.

— Значит, для тебя это так серьёзно? Я думал, что ты жертвуешь церкви, чтобы обеспечить удачу в бою.

— Очень серьёзны, Питт. Я не говорю об этом, но это так.

— Ты же в равной степени жертвуешь и католикам и протестантам, а заходишь и не в наши церкви, и на католическую мессу?

— Я верю в Бога. Верю, что Он един для всех нас — и католиков, и протестантов. А все эти религиозные войны и распри, что происходят в Европе — лишь измышления человеческого разума, жадного до власти и денег.

— Странно ты говоришь, Питер. Бог и судьба бывают порой очень жестоки.

— Бог воскрешает мёртвых, Питт. Даже если он посылает людям испытания — это для их же блага. Не сомневайся. Я знаю наверняка — не раз испытал. И ты скоро поймёшь

В глазах Сильвера на мгновение вспыхнуло что-то, от чего Питту вдруг стало страшно. Казалось, капитан и хотел, и боялся сказать что-то очень важное. Ещё одно слово, и... Питт всё узнает...

Что ты имеешь в виду? — Питт услышал глухой, будто эхо, собственный голос.

Сильвер был неумолим. Завеса, едва приоткрывшись, опустилась. Питт же остался в замешательстве, наедине с терзающими душу догадками.

— Скоро ты всё узнаешь, Питт, — шепнул Сильвер. — А Тич скоро своё получит.

Питт с недоумением глядел на капитана. За три года, что они вместе ходили в море, он многое узнал о Питере. Но сейчас привычный образ рушился. Мысли Сильвера были столь глубоки и необычны, что Уоллесу оставалось лишь согласиться с превосходством своего друга, объяснив произошедшее образованностью урождённого аристократа. «Но что за странная судьба?» — думал он. — «Смерть и воскресение... Значит... Он почти сказал это... Неужели я прав?»

Оставалось ждать. Ждать до поры до времени, как сказал бы Питер Сильвер.

Глава 31 Рука судьбы, или прерванная кругосветка

Питт Уоллес медленно брёл по песчаному берегу. Прошло три недели, сезон дождей закончился. На пристани призывно дул бриз, пробуждая от сна покачивающиеся на волнах корабли. В гавани Бас-Тер вновь кипела жизнь, но на этот раз капитанов объединило общее дело. Легенды о баснословной добыче «Золотой Лани» вновь будоражили воображение — многие пираты решились отправиться в кругосветку вместе с Сильвером.

Питт вспоминал вчерашний разговор с капитаном. Почти до темноты они сидели в таверне Жоржа. Сильвер по-прежнему был задумчив, а Вольверстон тревожно вглядывался в его лицо. Ужин им поднесла смеющаяся молоденькая брюнетка с нескромным декольте, одна из помощниц Жоржа. Сильвер взглянул на неё с каким-то странным сожалением и сунул в карман передника несколько песо. Девушка призывно улыбнулась, но, видя, что гости не расположены к общению, тотчас же исчезла в дверном проёме.

— Зачем она выбрала такую жизнь? — глухо произнёс он. — Из-за бедности или... Я знаю, она водит к себе мужчин. Сколько раз я говорил ей, и всё равно...

— Может, ей просто нравится их внимание.

— Не может быть, — отозвался Сильвер. — Не верю. А матросы? Те, что тратят на выпивку последние деньги и проигрывают добычу в карты? Неужели они не хотят выбраться отсюда?

— А ты, Питер? Ты как хотел бы жить, если бы мог выбирать?

— Сам не знаю, — задумчиво промолвил капитан. — Мне нравится эта жизнь. Нравится играть с опасностью. Это как шторм. Ветер рвёт паруса в клочья, волны перекатываются через палубу, а корабль мотает по волнам, как скорлупку.

Сильвер воодушевился. В глубине его глаз светились яркие огоньки.

— А бой... Особенно, когда противник сильнее, и кажется, что всё потеряно... В воздухе витает что-то неуловимое. Я не знаю, что это — предельное усилие воли или... Мой разум не способен это определить. Но одно лишь мгновение, и мы уже бросаемся на abordаж. Крики, грохот, пальба... В этот момент думаешь лишь о том, чтобы победить, и победа приходит.

Питт покосился на Вольверстона. Тот довольно улыбался.

— Значит, тебе нравится быть пиратом?

— Не знаю, Нэд. Я не знаю, хотел бы прожить свою жизнь. Иногда мне становится страшно, когда я думаю, что творят мои люди в захваченных городах. Я ненавижу пьяное веселье, дебоши, этих перебравших типов, которые из кожи вон лезут, чтобы ввязаться в драку. Ради чего?

— Но ты же сам..., — поинтересовался Питт, вспомнив историю с Тичем.

— Тич — это другое дело. Ты же знаешь.

— Так ты поэтому ввёл свой кодекс?

— Да. Я отвечаю за всех — и за себя, и за тех людей, что доверили мне свою судьбу. Я должен оградить их от всего мерзкого, что есть в этой жизни, и дать им возможность стать на ноги, если они захотят уйти.

— А ты? Ты тоже собираешься с этим покончить?

Сильвер задумался.

— Вначале я собираюсь отправиться в Испанию. Да, поначалу мне была по душе эта

идея с кругосветкой, но всё же... Как вернусь, обязательно отправлюсь в Кадис. Если..., — Сильвер задумался и тревожно взглянул на Уоллеса. — Я уже говорил Нэду, что у меня дурное предчувствие.

Друзья замолчали. После недолгой паузы Питт вновь подал голос.

— Знаешь, Питер, я слышал как-то от одного капитана. Он говорил, что тебе бы адмиралом быть, а не флибустьером.

— Это невозможно, Питт, — с горечью ответил Сильвер. — Да и если бы... Не думаю что моя придворная карьера могла бы удался. Лесть и интриги — не моя стезя.

Питт остановился. Это был последний их разговор перед отплытием. Сильвер, наверное, уже распоряжается на палубе. Один лишь он, Уоллес был отпущен с корабля, и то для того, чтобы уладить дела с де Монтеноном.

В гавани было шумно. Расправив дотоле зарифленные паруса, корабли встрепенулись, словно гигантские птицы, готовые отправиться в полёт. На юте «Арабеллы» виднелась фигура Сильвера. Именно его воля направляла их в путь эту огромную эскадру.

Ночь сомнений закончилась. Питер Сильвер вновь стал самим собой. Вздохнув, Питт направился к трапу.

Вскоре корабли покинули Бас-Тер, и утренний туман поглотил причудливые очертания выстроенной Ле Вассером высокой крепости-голубятни. Вольверстон всё ещё оставался на «Арабелле», а капитан вновь погрузился в раздумья. Отвернувшись к фальшборту, они глядели вслед удаляющемуся берегу. Приблизившись, Питт уже думал подать голос, но замер, услышав приглушённую беседу друзей.

— Тревожно как-то, — прошептал Сильвер. — Вот уже месяц. Думал, прошло всё, но вот опять...

— Глупости всё это, — пробасил Вольверстон

— Вроде команда хорошая, оснастка кораблей даже лучше, чем у испанцев. Уверен — выберемся из любой переделки. Но всё же...

— Ты нужен команде, Питер. Держись. Путешествие рискованное, а без тебя люди не выдержат. Ты же знаешь — им нужен сильный адмирал.

— Не об этом я, Нэд, — отозвался Сильвер. — Я знаю своё дело, да и в бою — сам знаешь... Это другое. Мне кажется, что-то случится. То, что решит мою судьбу.

Питт отошёл прочь. На душе было беспокойно.

Прошло несколько месяцев. Дурные предчувствия Сильвера не оправдались — эскадра благополучно двигалась к югу, загружая в трюмы всё больше и больше ценных призов, добытых в прибрежных испанских поселениях. Вскоре ветер усилился. Пронизывающий холод всё чаще испытывал терпение привыкших к теплу жителей тропических широт. Пролив Дрейка встретил их сильным штормом. Корабли изрядно трепало, но вскоре эскадра уже двигалась на север. Представители древнейшей профессии чиновников, забыв об уроках, преподанных им экспедициями Дрейка и Дампира, куда больше внимания уделяли собственному обогащению, нежели охране вверенных им территорий. Поэтому вскоре трюмы уже ломились от грузов. И вот, наконец, на горизонте замаячили очертания панамского форта.

Питт Уоллес прохаживался по юту. Он был вполне доволен — Сильвер, казалось, забыл о той внезапной меланхолии, что охватила восемь месяцев назад, когда корабли покидали Бас-Тер. Он стоял на четвердеке, напряжённо всматриваясь в знакомые башни.

— Могу поспорить, Питт, — вдруг рассмеялся он. — Преемник дона Эрнандо всё так

же грабит своего короля. Наверняка в подвалах у него золотые россыпи.

— Куда ты всё это денешь, Питер? — возразил квартирмейстер. — А ведь у нас впереди Филиппины и Индия? Воспользуешься опытом Дрейка?

— Нет, Питт. Всё намного проще. Пришвартуемся на территории английских колоний. Там есть банковские конторы. Думаю, они рады будут помочь нам.

— А риск? Ведь нас могут схватить?

— Думаешь, их губернатор будет против? У нас полные трюмы, Питт. Чем выбрасывать всё в море, как Дрейк, лучше с ним поделиться.

Очертания панамского форта всё явственнее виднелись вдали. Сильвер поднял сигнал, и эскадра двинулась к берегу. К вечеру они уже покидали Панаму, а трюмы их наполнились золотом, украденным президентом у испанского короля.

— Испанец! Пятидесятипушечный! Один идёт! — раздался вдруг голос марсового

— Зачем он нам? — Сильвер взглянул в подзорную трубу и вдруг осёкся.

— К бою! — выкрикнул он, забыв о том, что ещё недавно собирался направиться в английские колонии. Быстро переходя от фальшборта к фальшборту, он всматривался в очертания приближающегося судна.

— Зачем, Питер? — возразил ему Крисперс. — У нас и так трюмы ломятся.

Сильвер будто не обратил внимания на высказывание шкипера.

— Вольверстона на флагман!

Недоумевающий шкипер бросился выполнять приказ.

Вскоре над палубой была натянута сетка, а шлюпка с капитаном «Старой Англии» причалила к «Арабелле». На палубе появился Нэд. Дождавшись, пока Сильвер закончит разговор со шкипером, Вольверстон он приблизился к капитану. Питт стоял поодаль, поневоле прислушиваясь к доносившимся до него словам.

— Ты что, Питер? Зачем тебе этот галеон?

— Эта тревога, Нэд, она всё сильнее. Как тогда, в Бас-Тер. Наверное, это судьба. Я должен взять его, пусть даже сегодня закончится моя жизнь.

— Успокойся, Питер. — попытался успокоить его Вольверстон, но Сильвер отвернулся и выкрикнул:

— Сигналь остальным не вмешиваться! Идём наперерез!

Испанское судно приближалось. Уходить было поздно, а сражаться с целой эскадрой — бессмысленно. После двух удачных залпов по такелажу на галеоне был спущен испанский флаг, а матросы начали спешно высаживаться в шлюпки.

Вольверстон и Питт переглянулись. Казалось, Сильвера охватило странное волнение. Он нервно всматривался в очертания судна и, едва корабли соприкоснулись бортами, бросился на палубу испанского галеона. Вслед за ним ринулись Питт с Вольверстоном.

— Последние в шлюпки садятся, — заметил Сильвер. — Иди в трюм, Питт, а я здесь осмотрюсь.

Когда Питт исчез, Сильвер повернулся к Вольверстону:

— Иди и ты, Нэд. Что-то здесь не так.

Вольверстон кивнул, но так и не ушёл, спрятавшись за такелажем. Волнение не покидало его — поведение капитана казалось ему странным. На судне всю хозяйничали плотники, а Питт с помощниками спустились в трюм. Сильвер неспешно прогуливался по полубаку, но Вольверстон видел — он был готов к бою. Правая рука нервно сжимала рукоятку сабли, а левая лежала на спусковом крючке пистолета. Будто готовый к прыжку

леопард, капитан двигался пружинисто и напряжённо. Во всём облике сквозило тревожное ожидание. Осмотрев палубу, Сильвер направился к лестнице, ведущей на нижние палубы. Казалось, он следует не логике, а безотчётному, но сильному влечению. Вольверстон высунулся из укрытия и осторожно, стараясь не выдать себя, начал спускаться вниз. А вот и нижняя палуба. Сильвер остановился. Вольверстон замер, прижавшись спиной к переборке. Капитан осмотрелся. Прямо перед ним находилась плотно запертая дверь. Вольверстон видел это, как видел и соседние, видимо, распахнутые испанцами во время бегства. Сильвер стоял почти рядом с дверью, как будто прислушиваясь к чему-то. Вольверстон затаил дыхание. На верхней палубе раздавались громкие голоса. Они отвлекали, но вскоре Нэд уже явственно различил за дверью чьё-то тревожное бормотание.

Вспомнив, что произошло с Уоллесом на «Беневидасе», Вольверстон готов был покинуть укрытие, чтобы предупредить Сильвера, но тот сам сделал шаг в сторону.

«Молодец», — подумал Вольверстон. — «Не дай Бог, палить начнут. Лёгкие победы — сомнительные победы».

Сильвер постучал. Звуки в каюте затихли, и капитан ещё раз осмотрелся. Вольверстон выглянул в коридор. Все двери были широко распахнуты. Очевидно, в этом же убедился и Сильвер. Выждав ещё несколько мгновений, он вновь постучал и громко произнёс по-английски и по-испански:

— Откройте дверь! Я буду стрелять! Ваше судно захвачено!

Столь пространный и многословный тирада оказалась вполне убедительной для обитателей каюты. Вскоре раздался звук поворачивающегося в замке ключа, и дверь слегка приоткрылась. Вольверстон вновь прижался спиной к переборке.

— Вы англичанин? — услышал он тихий дрожащий голос. Судя по тембру, он мог принадлежать мужчине средних лет, явно не имевшему отношения к военной службе.

— Да, — отозвался Питер, и Вольверстон с удивлением заметил, что руки капитана дрожат. А ведь он всегда был спокоен и хладнокровен даже в самых отчаянных переделках! Так чего он боится он, тот, кто без страха бросался в схватку с самым сильным противником? Какого-то перепуганного насмерть буржуа? Но ведь он, наверняка, и стрелять-то не умеет, не то, что саблю в руках держать. Сильвер повернул голову, и Вольверстон заметил, что лицо его покрыла бледность.

— Меня зовут Питер Сильвер, — дрогнувшим голосом произнёс капитан.

Дверь распахнулась. На пороге показался маленький упитанный человечек, внешность которого ни в коей мере не соответствовала произведённому его появлением впечатлению. Простого покроя, но добротный камзол коричневого бархата выдавали в нём простолюдина, добившегося весьма высокого положения в свете. Лицо его, несмотря на прискорбные обстоятельства, ещё сохранило приятную округлость, а на побледневших щеках виднелись следы бывшего румянца. Пухлые пальцы дрожали, да и он сам трясся, будто в приступе болотной лихорадки.

— Слава Богу, мистер Сильвер! Какое счастье, что Вы освободили меня от этих головорезов! — повторял он, сжимая руку опешившего от неожиданности Сильвера.

— Пойдёмте наверх, мистер..., — замялся Сильвер, но незнакомец перебил его:

— Уоллен Доджсон-сын, член королевской коллегии адвокатов. Уж думал, не вернусь я из этого проклятого путешествия. Сколько раз я говорил мистеру Уиллшоу, что страдаю морской болезнью и не могу ехать на эту Ямайку. Проклятый остров! Пусть он трижды провалится под землю! Пусть его постигнет судьба трижды проклятого Порт-Ройала!

Тирада, словно горная река, изливалась из дрожащих уст незнакомца бурным потоком сбивчивых слов, перемежающихся со вздохами и проклятиями. На мгновение передохнув, он продолжал:

— Нет, мистер Сильвер, королевский судья мистер Уиллшоу — железный человек. Есть буква закона, и надо представить документальное подтверждение смерти всех имеющих право на наследство. А это значит, так тому и быть. Сколько раз я уверял его, что вполне достаточно показаний мистера Годфри, а он всё твердит о своём.

Услышав имя мистера Годфри, Сильвер вздрогнул. Вольверстон насторожился. Годфри... Тот самый плантатор, житель Нассау, что отбыл в Англию после прибытия на Тортугу. Один из немногих, не пожелавших разделить судьбу капитана Сильвера. Поняв, что собеседники вот-вот направятся к лестнице, Вольверстон осторожно попятился назад, и вскоре никто не смог бы даже догадаться о его присутствии.

Уоллен Доджсон растерянно глядел на стоявшего перед ним капитана. За время своего путешествия — вначале на английском, а потом — на испанском корабле он видел многих моряков. Они казались ему совсем иными. Но этот... Изысканный, словно придворный, он стоял перед ним, а синие глаза поражали странной, почти гипнотической глубиной. Казалось, капитан он поражён встречей ничуть не меньше, чем сам адвокат. И даже... Доджсон сам не верил в это, но на мгновение ему почудилось, что он был чем-то сильно напуган. Но чем? Что в его словах так подействовало на человека столь отчаянной профессии? А Доджсон был уверен — стоящий перед ним человек именно пират, а не простой моряк. Единственное, в чём адвокат был абсолютно уверен, это в том, что незнакомец не причинит ему зла.

Капитан поклонился с любезностью придворного кавалера:

— Я очень рад, что смог помочь Вам, мистер Доджсон. Может, продолжим нашу беседу в моей каюте? Надеюсь, Вы по достоинству оцените шоколад, который варит мой кок. Его искусство когда-то пользовалось большой популярностью в Нассау.

Вот оно что! Его новый знакомый — бывший житель Нью-Провиденс. Адвокат оживился. Возможно, именно этот человек окажется ему полезен, и намного больше, чем ямайский губернатор, хотя... На документе должна стоять подпись Блада, а лишние свидетели ему не нужны.

— Думаю, нам будет о чём поговорить, — произнёс Доджсон. — Возможно даже, Вы сможете оказать посильное содействие тому делу, в котором я имею честь участвовать.

Капитан поклонился и пропустил адвоката вперёд. Доджсон направился по лестнице. Позади него слышались шаги. На мгновение они остановились. Доджсон обернулся. Лицо капитана было бледно, и он, казалось, с трудом держался на ногах.

— Вы ранены, капитан?

— В этом бою нет, — глухо отозвался тот. — Но недавно я потерял много крови. Я был ранен позавчера, на побережье.

Вскоре они поднялись на палубу. Бросив матросам какую-то непонятную и сбивчивую фразу, капитан начал перебираться через сцепленные крючьями фальшборты. На палубе флагамена их встретил мускулистый великан с чёрной повязкой, закрывающей один глаз.

— Пойдём со мной, Нэд, — бросил капитан одноглазому. — Ты должен об этом знать.

Они спустились по лестнице. Впереди шёл капитан, следом — Доджсон, а замыкал шествие великан.

«Жив. Кончились мои злоключения», — бормотал себе под нос Доджсон. — «Но,

право, это всё более чем странно».

Вскоре они были в каюте. Просторная, отделанная богатой драпировкой, она скорее напоминала покои титулованной особы.

— Устраивайтесь, мистер Доджсон, — улыбнулся Сильвер. — Вы, наверное, голодны?

Адвокат наслаждался, впервые за многие месяцы ощутив под собой не жёсткие доски койки, а мягкий диван. Вскоре появился кок. Однако угоститься шоколадом оказалось не так-то просто — после всего пережитого руки Доджсона беспрестанно тряслись. Вскоре адвокат немного успокоился. Приправленный ромом терпкий горячий напиток успокаивал душу и разливался по телу приятным теплом.

— Простите меня, мистер Сильвер, — произнёс Доджсон. — Возможно, речь моя слишком сбивчива, но я столько пережил за эти десять месяцев. А здесь, у Вас, я воскресаю душой. Милые лондонские предместья! Здесь так уютно, что мне кажется, что я вновь нахожусь в своей комнате.

— Отведайте черепаховый суп, — предложил ему капитан. — Черепашье мясо удивительно мягкое

Адвокат до краёв наполнил стоящую перед ним плошку и с явным удовольствием причмокнул губами.

— Вы потчуете меня как самого дорогого гостя. Наша встреча и тот пир, которым Вы меня удостоили, заставляет меня более снисходительно отнестись к череде неприятностей, обрушившихся на меня с того дня, как я ступил на борт этого проклятого фрегата.

Сильвер пристально взглянул на Доджсона. Адвокату вновь почудилось, что в глазах его мелькнуло сомнение.

— Что за причина побудила Вас расстаться с мирной жизнью английского адвоката?

— Вы не поверите, капитан, — вздохнул Доджсон, — Вы наверняка не слышали о скандале, который произошёл в прошлом году в Кенсингтоне?

— Нет, разумеется, — отозвался Сильвер. По-видимому, он с трудом сдерживал волнение. — Я несколько раз выручал знатных подданных Её Величества, но моя последняя встреча с ними была чуть более года назад.

— Значит, Вы ничего не знаете о падении королевы Зары?

Капитан испытующе взглянул на Доджсона. Казалось, он сразу понял, кого адвокат имел в виду. Странная мысль мелькнула в мозгу Доджсона. Откуда пират может знать, как тори прозвали королевскую фаворитку? Да и сам капитан не производил впечатление простого пирата. Одежда, манеры, разговор... Доджсону казалось, что перед ним — равный, или даже человек более высокого происхождения. Сильвер задумчиво пробормотал:

— Значит, Харли удалось добиться отставки герцогини? А сэр Джон — неужели и он в опале?

Доджсон был ошарашен. Точнее, нет, он будто был поражён ударом молнии. Значит, этот пират... В памяти всплыли лондонских газет. Его имя... Да, точно — капитан Сильвер. Тот самый, про которого писали в связи с историей графа Солсбери. Морской разбойник с манерами аристократа и осведомлённостью придворного. Доджсон никогда не верил в эту историю, считая её домыслими досужих газетчиков. Значит, это правда. Более того, Сильвер — бывший житель Нью-Провиденс? Но почему он выглядит так, будто только что спустился по парадной лестнице Кенсингтонского дворца?

Но раздумья лишь ненадолго отвлекли Доджстона. После небольшой паузы слова вновь хлынули бурным потоком:

— Да, чета Черчиллей лишена всех прав на имущество. Они бежали во Францию, а их дети не могут наследовать нажитое ими состояние. Но самое худшее, что этого известия не выдержала и старая герцогиня, мать Джона. Она скоропостижно скончалась вскоре после скандала. Их будто преследует злой рок. Даже Арабелла Черчилль, и та трагически погибла за месяц до моего отбытия на Ямайку. Беревик — незаконный сын, к тому же он воюет на стороне Франции.

По мере того, как Доджсон говорил, лицо Сильвера всё более бледнело, превращаясь в античную маску. Казалось, он вот-вот лишится чувств. Одноглазый великан тоже выглядел взволнованным.

— Значит, у герцогов Мальборо не осталось наследников? — с трудом, будто пытаюсь сдержать приступ подступающей к горлу дурноты, выдавил из себя капитан.

— Были две наследницы, но они бесследно исчезли. Одна — младшая сестра Джона. Её звали Дженнифер Марианна, и она вышла замуж за некоего полковника Брэдфорда. Тот вскоре после женитьбы был назначен губернатором Нью-Провиденс. Вторая — её дочь Арабелла. После нападения испанцев на остров обе женщины бесследно исчезли.

— Но разве нет свидетелей?

— Есть один свидетель. Плантатор по имени Джеймс Годфри. Он утверждает, что Дженнифер с мужем и дочерью погибли во время резни

Капитан откинулся на спинку дивана. Тонкие пальцы рук сцепились в замок, будто он пытался унять дрожь. Он встал, отвернулся к двери, а затем несколько раз прошёлся по каюте. Вскоре ему удалось совладать с волнением. Обернувшись к Доджсону, он произнёс:

— Насколько я понимаю, конечная цель Вашего путешествия — Ямайка. Это всё меняет. Мне очень жаль, но все амбициозные мечты о кругосветном путешествии оказались детскими иллюзиями.

— Мне не хотелось бы нарушать Ваши планы, капитан, — смущённо пробормотал адвокат, — но мне действительно очень нужно скорее прибыть на Ямайку.

— Может, это к лучшему, — улыбнулся капитан, — трюмы кораблей полны, а я совсем не хочу выбрасывать из за борт серебро и жемчуг, как это делал Дрейк. Уверен, месяцев через шесть мы будем на Ямайке.

Взглянув на сидевшего напротив него одноглазого великана, он добавил вполголоса:

— Позови Питта, Нэд. И распорядись, чтобы подготовили каюту для гостя. Ты пока останешься на «Арабелле».

Вскоре в каюте появился ещё один офицер — высокий, щуплый парень, по-видимому, одного возраста с капитаном. Тот поручил ему принять командование эскадрой и двигаться обратно. Офицер с явным недоумением выслушал распоряжения и тотчас же покинул каюту.

Беседа продолжилась.

— Значит, Вам надо встретиться с Бладом?

— Да. Передать письмо из королевского суда. Поиск пропавших в этом районе английских подданных входит в его обязанности королевского наместника. Он должен официально подтвердить гибель обеих наследниц.

— А если вдруг наследницы окажутся живы?

— Это вряд ли возможно, — пожал плечами Доджсон. — Тем более, что в возвращении имущества в казну заинтересованы многие влиятельные лица. Слишком многие хотят прибрать его к рукам. Да и Её Величество уже знает, как им распорядиться.

— Но всё же..., — возразил ему Сильвер. — Бывает же на свете счастливая случайность?

Вдруг миссис Брэдфорд выжила? Я слышал об этом, и знаю, что адмирал Блад занимается этим вопросом

— Вы что-то недоговариваете, мистер Сильвер.

— О нет, я с Вами абсолютно искренен.

— Но ведь Блад пока не нашёл миссис Брэдфорд. Значит, он должен будет подтвердить, что местонахождение её неизвестно. А это означает, что имущество Мальборо всё равно будет изъято. Суд — лишь формальность для обеспечения буквы закона

На лице капитана изобразилось с трудом сдерживаемое возмущение.

— На какую дату назначен суд?

— На предварительном заседании, которое состоялось за месяц до моего отбытия из Дувра, было дано полтора года на поиски миссис Брэдфорд. Надо соблюсти букву закона, пусть даже это противоречит логике. Да ещё этот вечно сомневающийся Джеффилд! Именно он убедил судью в необходимости моей поездки на Ямайку. Будто бы ему недостаточно клятвенных уверений Годфри.

По лицу молодого человека скользнула улыбка.

— Я тоже за следование закону, хотя моя профессия и далека от этого. Но всё же...
Вдруг миссис Брэдфорд будет найдена?

— Её необходимо ещё и опознать, — задумчиво пробормотал адвокат, — насколько я знаю, кроме мистера Годфри миссис Брэдфорд знали многие, ведь до замужества она была представлена ко двору. А её дочь? Вы знаете, где она?

Тень мелькнула по лицу капитана. Но он быстро справился с волнением.

— Думаю, губернатор Блад приложит все усилия, чтобы разыскать её.

— А мистер Годфри говорит, что дочь миссис покончила с собой

Лицо Сильвера вновь приняло какое-то странное выражение. Казалось, он не настроен более продолжать разговор. Однако на Доджсона вдруг снизошёл дар красноречия.

— Имуществом Мальборо интересуется сама королева, и особенно — её юный фаворит. Он надеется, что титул герцога Мальборо сулит ему гораздо больше, чем не вполне законно пожалованный титул герцога Йоркского.

— Так значит, суд...

— Заседание состоится в замке Мальборо на улице Пэлл-Мэлл. Это было пожелание самой королевы, ведь одно из доказательств, подтверждающее необходимость изъятия замка в пользу казны — его близость к Сент-Джеймскому дворцу. Надеюсь, это вдохнёт новую жизнь в опустевшие коридоры Сент-Джеймса.

Сильвер молчал. Доджсон вдруг начал судорожно искать что-то за пазухой и, наконец, вытащил помятый свиток:

— Распоряжение Её Королевского Величества о начале поисков миссис Брэдфорд

— Вы передадите его адмиралу? — Сильвер протянул руку к документу

— Нет. Для него предназначается другое письмо, и он незамедлительно должен дать на него ответ. Он уже ясен — мистер Блад не знает, где находятся миссис Фаррелл и её дочь.

— А эта бумага? — рука капитана медленно опустилась на стол

— Она останется для протокола

— Можно взглянуть?

Сильвер поднял со стола руку и снова осторожно протянул её к свитку. На мгновение забыв о профессиональных обязанностях, адвокат улыбнулся.

— Пожалуйста, ведь вы — мой спаситель,

Капитан развернул свиток. Доджсон наизусть помнил его содержание. Адмиралу Бладу вменялось в обязанность незамедлительно начать поиски миссис Дженнифер Марианны Черчилль, в замужестве Брэдфорд, и её дочери Арабеллы Брэдфорд.

Неожиданно сверху донёлся истошный вопль:

— Испанская эскадра!

Дрожь пробежала по спине Доджсона. Забыв о свитке, он с ужасом взглянул на капитана. Тот встал. Казалось, он ничуть не удивлён.

— Разрешите покинуть Вас, мистер Доджсон. Вас отведут в отдельную каюту. Нам предстоит бой, а Вы наверняка не захотите снова встретиться лицом к лицу с испанцами.

Сражение оказалось недолгим. Измотанная переходом через бурный Магелланов пролив испанская эскадра попыталась оказать сопротивление, но несколько картечных залпов по такелажу побудили корабли лечь в дрейф и спустить флаги. Изрядно перетрусивший от раздававшегося вокруг грохота адвокат и думать забыл о документе. Он несколько раз пытался заговорить с Сильвером, но тот ссылаясь на необходимость подготовки к переходу через Магелланов пролив и каждый раз ограничивался ничего не значащими замечаниями.

Море было бурным, а на небе то и дело мелькали рваные облака — предвестники шквалов. Порывы ледяного ветра рвали паруса, но Сильвер, не желая терять скорость, распорядился не подбирать рифы. Словно обезумевшие от шторма птицы, корабли летели по волнам, рискуя разбиться или повредить снасти. Доджсон на палубе не появлялся. Его постоянно мутило, и он проклинал всех на свете, начиная от сэра Оливера Уиллшоу и кончая всеми герцогами Мальборо вместе взятыми. Несколько дней подряд он ничего не ел — шторм, трепавший эскадру Питера, выгнал на палубу всех без исключения матросов, и никто не заходил в его каюту. Сам же изрядно перетрусивший представитель Фемиды был столь слаб, что не мог встать с постели и добраться до ящика с оставленными для него галетами.

Прошло два месяца, и эскадра, вновь отброшенная к югу от Огненной Земли, миновала пролив Дрейка, повернула на север и бросила якорь в бухте Сан-Хулиан, располагающейся на пустынном и холодном берегу Патагонии.

Глава 32 Бухта Сан-Хулиан

На пристани горячо спорили мачтовые.

— Зачем он приволок нас в эту бухту? — грубо выругался один из них. — Он что, не слышал про проклятье Магеллана?

— Да адмиралу всё нипочём, — отозвался другой — Не верит в эти сказки, и всё тут.

— А Дрейк? Он же дружка своего пристрелил. Недобрая слава у этого места.

— Но из наших-то кто бунтовать будет? Они шли к югу — злые, голодные, а тут ещё и ветры ледяные. У нас всё это за кормой уже, да и трюмы полны.

— А вдруг в этих местах злые духи водятся? Не зря же Дрейк-то... Видно, ударило что-то в голову его приятелю, что он бунт поднял.

— Тихо, парни! Белобрысый франт идёт.

По отмели шёл, насвистывая что-то себе под нос, Питт Уоллес. Мягкие сапоги его утопали в песке. Увидев матросов, квартирмейстер нахмурился.

— Эй, спорщики! — крикнул он. — Быстро на палубу!

Матросы переглянулись. Один из них тотчас же осенил себя крестом.

— Ты думаешь, он...

— Лучший друг. Неплохой парень, конечно, но странный. Всё пытается за адмиралом следить. Все знают, я сам однажды видел, как он у двери торчал. Адмирал тогда был с этим Солсбери. А потом они чуть не сцепились друг с другом.

Питт остановился. Выражение его лица не сулило послушникам ничего хорошего.

— Я что сказал! Живо!

Пристыжённые матросы бросились исполнять приказ. Вскоре суда были вытащены на берег. Днища их сильно обросли водорослями и ракушками.

— Поесть бы вначале, — заметил один из офицеров. — А то маисом да галетами сыт не будешь.

— Работай пока, Джек, — усмехнулся Крисперс. — А на охоту адмирал пойдёт. Уж он-то нам настреляет дичи.

— Почему опять адмирал? — буркнул офицер. — Все капитаны на ремонте, а он чем лучше?

— Правда, Крис, — подал голос Сильвер. — Лучше я с вами поработаю, а он с приятелями пусть на охоту идёт.

— Каждому своё, Питер, — возразил шкипер. — Твои слова, между прочим. От Джека на охоте столько же проку, сколько от тебя в кернинговании. Он всю дичь распугает. Надеюсь, ты не обиделся, приятель? В бою ты первый, но за ремонт-то мы с Хэндсом отвечаем.

— Всё в порядке, Крис, — рассмеялся капитан. — Будет вам обед.

Взяв с собой трёх рослых матросов, он тотчас же покинул лагерь.

Адвоката мутило. Морская болезнь не отпускала даже на берегу. Перед глазами в медленном танце плыла отмель, покачивающиеся на волнах корабли, солнечные блики на волнах. К горлу подступало что-то кисло-горькое. Сглотнув, Доджсон уселся на песок и закрыл глаза. Проклятая качка! Проклятый шторм! Ну ничего, теперь он хотя бы на твёрдой земле. Может, выпится? Но где он будет спать, если корабли вытащат на берег? Здесь, на этом песке, укрывшись камзолом? И в такой-то холод! Нет, морские путешествия не для

него. Помянув недобрыми словами всех представителей рода Черчиллей, адвокат вытянулся на песке. Шея болела, а сон так и не шёл. Чуть поодаль разжигали костёр — Сильвер возвратился с охоты, и пиратов ждал самый настоящий пир. На вертелах потрескивали тушки оленей, кроликов и даже мелких пташек. От кострища донёсся аромат жареного мяса. Наверное, в другой момент он показался бы Доджсону приятным, но теперь, когда к горлу так и подступает тошнота... Адвокат встал и направился к сидевшему поодаль краснолицему великану.

— Послушай, милейший...

— Меня зовут Уинтер. Ник Уинтер. Я боцман «Арабеллы», а Вы кто?

— Адвокат Доджсон. Я был в плену, на захваченном корабле.

— Так это из-за тебя мы станем посмешищем на Тортуге? Отправились в кругосветку и вернулись не солоно хлебавши? Это всё принц — из кожи вон лезет, чтобы казаться джентльменом.

— Кто это — ваш принц?

— Адмирал. Вы, наверное, обратили внимание, что он всегда изысканный такой, будто придворный. Его все на Тортуге принцем зовут. Говорят, он из Стюартов, но я в это не верю. Будь в нём королевская кровь, по паркету ходил бы, а не по палубе. Но то, что знатный господин — точно. Заставляет нас хорошо одеваться и запрещает весело спускать наши денежки. Из-за него мы и получили прозвище «палата лордов».

— Послушай, Ник, — осторожно поинтересовался адвокат. — Ты слышал о Брэдфордах?

— Да кто про них не знает, — пробасил боцман. — Это года три назад было. Испанцы захватили Нассау. Фаррел был губернатором. Его тотчас же убили, а его супруга... Страшно представить, что они сделали с ней. Наверное, то же, то и с моей бедняжкой Кэт...

Боцман всхлипнул и вытер рукой глаза.

— На моих глазах это было, Вы уж простите, я, хотя и грубый мужлан, но как вспомню про Кэт...

— А Арабелла? Что стало с ней?

— Её схватили и потащили на судно, а потом принц сказал нам, что она покончила с собой.

Тошнота отступила. В мозгу постепенно прояснялась картина событий. Нет, этот мужлан не мог врать, значит... Значит, адмирал ведёт двойную игру, пытаясь внушить ему, Доджсону, уверенность в том, что обе наследницы живы. Но зачем?

— Адмирал тоже жил в Нассау?

— Никто не знает, откуда он появился. Говорят, приехал на празднование дня рождения Арабеллы. Он ей кто-то вроде кузена. Да и похожи они — будто одно лицо.

— А тело? Вы видели тело мисс Брэдфорд?

— Нет, да и зачем? Если адмирал сказал, что умерла, значит так и есть. Адмирал не будет нас обманывать.

Доджсон задумался. Зачем Сильверу эта игра? Но если он — кузен Арабеллы, то, вполне возможно, может претендовать на наследство. Вот только с какой стороны? Доджсон твёрдо знал — у Арабеллы Черчилль и Стюарта был единственный сын — Беревик. Откуда взялась ещё одна сестра Черчилля? Нет, этого просто не может быть. Или этот авантюрист хочет обманом завладеть богатством опальных герцогов? Но ведь он с такой уверенностью утверждал, что наследницы живы?

Доджсон попытался заговорить ещё с несколькими матросами, но те отвечали ему в словах, не в полной мере соответствовавшими придворному и дипломатическому протоколу. Наконец, убедив себя в том, что служебный долг можно исполнить и завтра, адвокат с аппетитом отведал каких-то мелких, похожих на воробьёв, пташек, и улёгся спать неподалёку от догоравшего костра.

Прошла неделя. Работы были почти закончены, и матросы начали готовить корабли к спуску. Доджсона переполняла радость. Наконец-то он сможет спать на своей собственной койке. Одно лишь волновало его — дело Черчиллей становилось всё более запутанным. За время стоянки он успел переговорить с добрым десятком людей, и все они, как один, были уверены в гибели Арабеллы Брэдфорд. Оставалось поговорить с квартирмейстером, но он, как назло, был то на охоте, то в трюме, а то и просто не желал уделить внимание адвокату. «Уж он-то точно знает», — думал Доджсон, глядя, как Питт отдаёт распоряжения заготовщикам мяса, — «Все говорят, что он был влюблён в эту самую Арабеллу». Наконец, адвокат почти столкнулся с ним у трапа.

— Мистер Уоллес?

Питт остановился. На мгновение Доджсону почудилось, что в глазах квартирмейстера мелькнула неприязнь.

— Мне надо поговорить с Вами, мистер Уоллес, об очень важном деле.

— Некогда, — сухо произнёс он. — Вернёмся на Тортугу, тогда...

— Может, всё же уделите мне несколько минут, сэр? Это касается Арабеллы Брэдфорд.

Питт вздрогнул, будто в его голову ударила молния. В серых глазах сверкнуло что-то, но что это было — гнев или боль — Доджсон так и не понял.

— Я не желаю говорить об этом, сэр.

— Но всё же, скажите? Она покончила с собой, или...

Доджсону почудилось, что на лице квартирмейстера мелькнуло сомнение, но он тотчас же совладал с собой.

— Если хотите узнать об этом, спросите у адмирала. Я ничего не знаю.

Адвокат поднялся на палубу. Капитан стоял на кормовом возвышении, отдавая приказы матросам. Дотоле приветливое лицо вдруг приняло жёсткое выражение. Сильвер и Арабелла... Что связывает их? И, если Арабелла действительно жива, зачем убеждать всех в её гибели?

— Мне надо поговорить с вами, капитан, — подал голос внезапно оробевший Доджсон

— Спускайтесь ко мне в каюту, адвокат. Сейчас подадут обед. Но у меня мало времени — через час мы должны выйти в море.

— У меня к Вам неприятный разговор, капитан, — произнёс Доджсон, опустошив плошку с супом, приготовленным из мелких, напоминающих воробья, пташек.

Сильвер, откинувшись на спинку дивана, невозмутимо вкушал горячий шоколад с корицей.

— В чём дело? Кто-то из моих людей оскорбил Вас?

— Нет, капитан, но Вы говорили, что миссис и мисс Брэдфорд живы, а губернатор Блад занимается её поисками. Это так?

— Это чистая правда, адвокат.

Доджсон испытующе взглянул на капитана. Лицо его по-прежнему было абсолютно спокойным.

— А мне сказали, что миссис Брэдфорд была обещана и убита, а мисс Арабелла

покончила с собой.

Лицо капитана по-прежнему было спокойно. Он выдержал испытующий взгляд адвоката и уверенно произнёс:

— Так считают большинство членов команды, и пока я не вижу необходимости разубеждать их. В тот день, когда мы отбили Нассау, я допрашивал пленных. Они подтвердили, что миссис Брэдфорд жива. Мне известно и её местонахождение — равно как и Бладу. Она в одной из отдалённых английских колоний, и сразу после возвращения я обязуюсь представить её суду.

— Допустим, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Но, надеюсь, капитан, Вы не будете отрицать самоубийство мисс Брэдфорд? Ведь именно Вы сообщили эту новость команде.

Загадочная улыбка мелькнула на лице Сильвера. Казалось, ему доставляло удовольствие вводить адвоката в заблуждение.

— Мне пришлось прибегнуть к подобной лжи, но я могу поклясться что мисс Брэдфорд жива. Более того, мне известно её местонахождение.

Доджсон вперил удивлённый взгляд в капитана. Тот по-прежнему оставался невозмутимым.

— Значит, Вы официально подтверждаете тот факт, что Арабелла Брэдфорд жива?

— Я не губернатор и не его помощник, — усмехнулся Сильвер, — Вы знаете, что значат перед законом слова пирата.

— Но Вы заверили меня в том, что она жива? — повторил адвокат, — Вы точно...

Доджсон замолчал. В дверном проёме стоял бледный квартирмейстер и широко раскрытыми глазами глядел на собеседников. Сильвер повернул голову, и в тот же момент лицо его вытянулось, а глаза... В них мелькнул не просто страх, он граничил со смертельным ужасом!

Мгновение тянулось, как в кошмарном сне. У Доджсона зазвенело в ушах, а в груди противно шевельнулось что-то холодное.

— Испанская эскадра из тридцати судов в двух кабельтовых от нас! Раззявы марсовые!

Сильвер вскочил с места. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не наброситься на лучшего друга. Страх исчез, а в глазах вспыхивали искры гнева.

— Из-за этого ты вваливаешься в мою каюту? Без стука? Убью! — Сильвер выхватил пистолет. Раздался громкий щелчок взведённого затвора. Несколько мгновений Сильвер недвижно стоял на месте, готовый разрядить оружие в опешившего квартирмейстера, но потом опустил руку.

— Прекратить панику! — заорал он. — На палубу, быстро! Встретим их так, что они и думать забудут про «палату лордов»!

Когда с лестницы послышались удаляющиеся шаги квартирмейстера, стоящий у двери Сильвер оглянулся и плотно закрыл её. От холодного взгляда у адвоката вновь замерло сердце.

— Идите к себе, и запомните хорошенько: если хотя бы раз Вы вспомните здесь Арабеллу Брэдфорд, пристрелю немедленно. Несмотря на всё уважение к Вашей почтенной миссии.

— Но...

— Поговорим потом, а сейчас..., - Сильвер направил на адвоката дуло так и не разряженного пистолета. Ещё более побледневший Доджсон испуганно замолчал и молча покинул каюту.

Адмирал Рамирес вглядывался в очертания береговой линии. Проклятая бухта Сан-Хулиан. Бухта, погубившая многих соратников Магеллана, восставших против своего вожака и безжалостно казнённых им. А потом ещё и Дрейк. Английская собака, он тоже испытал на себе злой рок этого пустынного места. Теперь ни один моряк в здравом уме не бросит здесь якорь. Ни один... Рамирес поднёс к глазу подзорную трубу. На волнах покачивалась эскадра. Тридцать пять кораблей. Неужели кто-то дерзнёт остановиться в этой гавани? Испанцы? Нет, судя по флагам на мачтах скорее похоже... Адмирал прищурился. В воздухе полоскался серебристого цвета штандарт. Сундук с золотом и две переkreщенные сабли, а над ними — маленькая герцогская корона. Этот флаг был известен почти всем морякам Нового Света. Сильвер... Отчаянный головорез, за три года успевший изрядно попортить жизнь всем испанским колониям. Значит, он идёт в сторону Магелланова пролива? Несколько мгновений адмирал пребывал в раздумьях. Может, стоит предоставить его судьбу злему року этой проклятой бухты? Измотанные переходом, голодные матросы... Наверняка они поднимут бунт. Но нет, не стоит отдавать его на откуп судьбе. Наверняка Сильвер успел заглянуть в прибрежные поселения, а это значит, что в трюмах... Конечно, вся добыча Сильвера принадлежит Испании, но ведь он, Рамирес, захватит её у английского пирата? Кто знает, может Сильвер ограбил французов или голландцев? После недолгих колебаний Рамирес принял решение. Да, наверняка именно ему суждено стать тем мечом, который отсечёт голову дерзкого пирата Питера Сильвера и покончит с его «палатой лордов», одно упоминание о которой наводило страх на всех местных губернаторов.

Так или иначе, но вскоре корабли Рамиреса приблизились к гавани. Эскадра Сильвера всё ещё недвижно стояла в заливе, не выказывая ни малейшего желания вступить в бой. Столь странное поведение противника насторожило Рамиреса.

— Проклятье! Что это с ними? — выругался он. — Может, они просто вымерли?

— Да нет, паруса подняли, — отозвался шкипер. — Видно, не заметили нас. А теперь идут под ветром. Наверняка ракушками обросли, в крутом бейдевинде не смогут идти.

Рамирес вновь взглянул вдаль. На галеонах готовились к бою. Над палубой уже была натянута сетка, пушечные порты раздраны, а на юте и марсах выстроились стрелки.

— Подпусти их на полкабельтова! — выкрикнул адмирал. — Прямо в руки к нам идут.

— Видно, не в себе этот Сильвер, — пробормотал шкипер. — С кем не бывает.

Попутный ветер гнал эскадру Рамиреса к бухте. Пираты же уверенно шли в крутом бейдевинде.

— Не стрелять пока не развернутся! — выкрикнул Рамирес. — Пусть станут к нам бортом!

Канониры, уже готовые поднести фитили к запалам, замерли у пушек.

— А теперь..., — едва успел выкрикнуть Рамирес, и вдруг осёкся. Корабли по-прежнему двигались вперёд. Носовая часть галеонов уже находилась в неподбойной зоне, а сами они медленно входили в разрывы между испанскими судами.

— Что они делают? — заорал шкипер

— Огонь! — выкрикнул Рамирес

Корабли накрыло чёрное облако дыма. Просвистев в воздухе, ядра тяжело плюхнулись в воду.

— Фок-мачту снесло флагману! — вскричал Рамирес. — Ещё огонь!

Снова залп. Рамирес закашлялся. С марсов и юта пиратов на корабли обрушился шквал мушкетного огня. Пролетев над палубой пиратского галеона, ядро снесло грот-мачту на

одном из кораблей Рамиреса.

— Не стрелять! — заорал Рамирес. — Прекратить огонь немедленно!

Оглушительный взрыв сотряс палубу испанского флагмана. Пиратские корабли будто взорвались — с обеих бортов из пушечных портов вырвались клубы дыма.

— В трюме течь! Пожар рядом с пороховым погребом!

— Плотников в трюм! Тушить пожар! Немедленно!

Матросы тотчас же ринулись вниз по лестнице.

— Поворот! — донёсся до Рамиреса чей-то голос. Пираты медленно начали разворачиваться. Рамирес ничуть не сомневался, что Сильвер повторит свой манёвр. Колебания его были недолгими. Отчаянные крики раненых, течь в трюмах...

— Прекратить панику! — выкрикнул он. — Все в шлюпки! К берегу!

Испанцы спешно покидали корабли. Последним из них был адмирал Рамирес.

Питт Уоллес поднялся на палубу «Арабеллы». Он только что закончил осмотр испанских кораблей, а в судовом журнале появилось не менее четырёх новых страниц.

— Взгляни, Питер, — он протянул книгу Сильверу. Тот молча стоял, облокотившись на гакаборт и провожая задумчивым взглядом отплывавшие шлюпки с испанцами. Казалось, его мысли витают где-то далеко от бухты Сан-Хулиан. Бросив беглый взгляд на аккуратные строчки, он сухо произнёс:

— Зайди ко мне, Питт. Нам надо поговорить

Странное выражение глаз адмирала поразило квартирмейстера. Сильвер был мрачен и задумчив и выглядел так, будто не Рамирес, а он проиграл битву.

— Что с тобой?.

— Пойдём ко мне, Питт.

Недоумевающий квартирмейстер молча последовал вслед за товарищем. Вскоре оба уже сидели в каюте.

— Хочешь воды?

— Нет.

— А я налью себе немного, — Сильвер взял стоящую на полу бутылку и налил воды в стакан. Пальцы его дрожали. Казалось, капитан не решается начать разговор.

— Это касается Арабеллы, Питт, — Сильвер замолчал, глядя прямо перед собой, будто не видя сидящего напротив него Уоллеса. Тонкие пальцы потянулись к стакану воды, но сосуд так и замер в его руке, а Питер, казалось, так и забыл, зачем он был ему нужен.

— Что ты хочешь сказать? — в груди Питта шевельнулась надежда. Что он услышит? Что ждёт его — радость или разочарование?

— Я долго скрывал это — и от тебя, да и от других тоже. У меня были причины. Но сейчас я узнал... Ты тоже должен знать об этом...

В глазах капитана мелькнула грусть. Питт замер в напряжённом ожидании. Неужели капитан расскажет всё? Всю правду? А какая она, правда? Неужели он скажет, что он... Или нет... Лицо Питта покрылось холодным потом

— Что ты хочешь сказать?

— Прости меня, — задумчиво произнёс Питер, — я виноват перед тобой. Я не имел права лгать тебе, ты ведь до сих пор любишь Арабеллу

В душе Питта шевельнулось что-то непонятное. Неужели его подозрения — правда? Или капитан опять лжёт? Как ему надоели эти бесконечные нагромождения лжи! Почему бы Сильверу не сказать правду? Ведь он, Питт, поймёт всё... Поймёт и будет хранить его тайну.

Или... Горячая волна заливала лицо. Нет, он не сможет. Не сможет быть рядом, как не смог де Фонтейн. Питт чувствовал, что француз неспроста отдалился от Сильвера. Даже когда его корабли присоединялись к эскадре, француз старался держаться поодаль, избегая встречаться с адмиралом глазами. Значит...

Сильвер перевёл дыхание и продолжал:

— Арабелла жива. Мне удалось спрятать её и переправить на берег. Она недолго жила в моём доме, но потом я отправил её в другое место, которое пока не могу назвать ни тебе, ни кому другому.

Опять ложь... Или правда? Может быть, Питту стоит взглянуть в лицо реальности? Вдруг это сходство, на котором он выстроил призрачный замок своих безумных предположений — лишь совпадение? В таком случае Сильвер ещё более виноват перед ним, ведь он намеренно вводил его в заблуждение.

— И ты мне этого не сказал! — Питт едва сдержался, чтобы не вскочить из-за стола и не наброситься на капитана. — Почему ты всё время лжёшь? Не надоело? Ты играешь со мной как играешь с испанцами перед тем, как взять их на абордаж! Когда ты, наконец, скажешь правду?

— Какую правду, — металлический голос прорезал тишину каюты. — Что за правду ты хочешь услышать, Питт?

Уоллес растерянно глядел на капитана. Признаться в том, что именно он хотел услышать? А вдруг он неправ? У него же нет доказательств! Кто подтвердит? Вольверстон? Но он, кажется, заодно с капитаном. Де Фонтейн? Да нет, этот Валуа будет молчать. Честь не позволит. Да, у Питта нет доказательств. Подумаешь, сходство? Разве сам Сильвер не говорит, что они с Арабеллой очень похожи?

— Молчишь? Может, ты скажешь, что по-твоему правда? Если обвиняешь во лжи, то докажи! Докажи, что ты прав!

Питт молчал. Мысли путались. Наконец он взял себя в руки и еле слышно шепнул:

— Значит, в тот день, у тебя в доме... Это была она?

— Да.

— Но ты поклялся. Ты же веришь в Бога.

— Это было необходимо в её интересах, — капитан успокоился, но в глазах его по-прежнему светилась грусть. — Я как брат отвечаю за её жизнь и безопасность.

— Может, ты уже нашёл ей мужа? — раздражённо буркнул Питт. В мозгу его всё перемешалось, и он уже сам не понимал, кто находится перед ним.

— Нет. Но теперь ей не придётся думать о браке по расчёту, и она не станет зарабатывать на хлеб своей красотой. Арабелла живёт как знатная дама. Она под надёжной охраной.

— Но я же...

— Я говорил с ней о тебе. Несколько раз.

— Она помнит меня? — на лбу Питта выступил пот

— Если она когда-нибудь решится вступить в брак, то выйдет только за тебя. Это её слова, и я, как брат, не имею ничего против такого выбора.

Синие глаза капитана вспыхнули, но Питт не заметил этого. Его мозг пронзила страшная догадка. На мгновение ему показалось, что палуба уходит из-под ног.

— Так он... Он её обесчестил?

— А для тебя это имеет значение, Питт? — таинственно улыбнулся Сильвер,

испытующе взглянув на квартирмейстера. — Ты же любишь её. Но, если хочешь знать, нет.

Краска смущения залила лицо Уоллеса.

— Она так же невинна, как в день своего рождения, — продолжал капитан. — Альварес напугал её, и она боится мужчин. Мне она доверяет лишь как родному брату.

— Так значит..., - пробормотал он. — Значит, не всё потеряно? Я ещё могу быть счастливым?

В глазах Сильвера вновь мелькнуло что-то, что Питт пока не смог осознать. Возможно, это было нежностью, или... Но через несколько мгновений он вновь стал прежним — жёстким, отчаянным головорезом.

— Когда я увижу её?

— погоди, Питт. Есть ещё кое-что. Я давно собирался в Испанию, но Вольверстон меня отговаривал. Уверял, что мы не можем разрушить счастье миссис Брэдфорд. Так вот... Тот адвокат, из-за которого мы возвращаемся. Он сообщил мне, что Арабелла и миссис Брэдфорд — единственные наследницы имущества Мальборо. Мы должны решить, что делать. Или забрать её из Кадиса, или... Или Арабелла объявляется единственной наследницей. Но я не могу... Поверь, я не могу подтвердить, что миссис Брэдфорд умерла. А если узнают, что она стала испанской подданной, Арабелла тоже не сможет получить наследство. Эти жадные собаки заберут всё имущество Мальборо.

— Что же делать?

— Пока возвращаться на Тортугу, а потом... Потом решим. Я не боюсь идти в Кадис, но мне не хотелось бы разрушать её счастье. Этот испанец любит её, мне говорили об этом многие пленники.

— Ты допрашивал испанцев про миссис Брэдфорд?

— Да. Понимаю, что это могло бы выдать её. Но я спрашивал про герцога, а не про его супругу. Он даже в море не выходит — уединился в своём доме в Кадисе. Она счастлива, Питт, понимаешь?

Питт молчал. Судьба миссис Брэдфорд занимала его гораздо меньше, чем судьба её дочери.

— И ещё, Питт. Этому Доджсону... Тому, из-за которого мы возвращаемся назад, не говори ни слова.

— Ты собираешься выступить в суде?

— Да. Но Арабелла не сможет доказать закону свои права. Все, кто знал её, или погибли на острове, или вступили на путь пиратства вроде нас с тобой. Остаётся Годфри, но он ненадёжный парень. Нам не доказать, что...

Сильвер на мгновение осёкся и замолчал.

— Когда суд? — осторожно поинтересовался Питт

— Через десять месяцев. Имущество Мальборо собираются изъять в казну. Других наследников нет.

— Но тогда..., - Питт. — Разве Арабелла сможет стать моей женой? На её руку будут претендовать графы и герцоги.

— Арабелла сможет разобраться в своих чувствах, — во взгляде Сильвера вновь мелькнуло что-то странное. — Она знает, кто её по-настоящему любит. А происхождение... Сейчас не те времена, Питт. Мэшем в прошлом была гувернанткой, а Свифт... У него в роду нет ни одного дворянина.

— А ты? Разве ты — не герцог Мальборо? Ты же говорил...

— Да, — безразлично произнёс Сильвер. — Я внебрачный сын Элизабет Черчилль и Джеймса Стюарта. Герцог присвоил мне титул графа Йоркширского, но все бумаги утеряны. Я никому не смогу доказать свои права. Да и кто узнает меня? Отец и мать умерли, а я так сильно изменился за эти годы... Пусть хотя бы Арабелла будет счастлива, а мне... Мне хватит почётного звания принца Тортуги. Хотя... Вдруг произойдёт чудо, и мои титулы вернуться ко мне?

В капитанской каюте воцарилось молчание. Сильвер и Уоллес смотрели друг на друга.

— Ладно, — неожиданно — прервал молчание Сильвер. — Не будем терять время. Надо идти вперёд и постараться не ввязываться в заварушки. Так что пока оставим все разговоры о мисс Брэдфорд.

От Сан-Хулиан до Тортуги эскадра шла на пределе, не останавливаясь ни для пополнения запасов воды, ни для грабежа испанских поселений. Питер почти всё время проводил на палубе, встречаясь с Питтом и Доджсоном лишь во время обеда. Но и тогда он был сдержан и немногословен, не возвращаясь к разговорам ни о деле Мальборо, ни о собственной судьбе... Так, в нетерпеливом и тревожном ожидании, эскадра вернулась на Тортугу. В порту их встретил сам де Монтенон. Губернатор был несказанно рад встрече, хотя и не скрывал разочарования в том, что грандиозное кругосветное плавание так и не состоялось. Но чувство лёгкой досады с лихвой компенсировали сокровища, в десятки раз превосходящие добычу «Золотой лани», тем более, что пятая часть этих богатств предназначалась для бездонного кармана месье де Монтенона. Причина внезапного возвращения так и осталась тайной, но многие пираты догадывались, что не последнюю роль в этом сыграло появление маленького толстого человечка, который, едва ступив на пристань, тут же отбыл на Ямайку.

Станный поступок Сильвера ещё долго обсуждался в тавернах Тортуги, и местные сплетники видели в этом предвестники серьёзных изменений в жизни как самого Питера, так членов его «палаты лордов».

Глава 33 Испанская герцогиня

вечер. Сильвер и Вольверстон ужинали в таверне. Вокруг было шумно, но это оказалось на руку друзьям. Именно потому они и пришли сюда, чтобы поговорить вдали от любопытных ушей квартирмейстера.

— Значит, всё же в Испанию? — осторожно поинтересовался Вольверстон.

— Да. Пойду на «Арабелле», а ты возьмёшь эскадру.

— А Питт?

— Он пойдёт со мной.

— Думаешь, он ни о чём не догадывается?

— Надеюсь. Тем более, у него нет доказательств.

— А может, всей эскадрой пойдём?

— Зачем рисковать, Нэд? Путешествие опасное, а несколько кораблей привлекут больше внимания. Если я не вернусь... В общем, действуй по обстоятельствам.

— А Аламейда?

— Это самое сложное, Нэд. Я не хочу причинять ей боль, не хочу разрушить её счастье. Я лишь поговорю с ней, и всё.

В таверну неровной походкой вошёл капитан Джеймс Ховард — известный пьяница и кутила. Он весь светился радостью и был облачён в камзол из дорогого бархата.

— Ну и повезло же мне, парни! — выкрикнул он. — Эй, папаша Жорж! Дай-ка рома и пулярку пожирнее!

— Что с тобой, Джеймс? Ты сегодня словно герцог.

— Испанец один. Богатый корабль, вблизи Пуэрто-Бельо. Вёз в Перу нового вице-короля и королевского посланца.

— А камзол новый у испанца взял?

— Конечно. От самого герцога Аламейды.

Сильвер вскочил с места и сжал кулаки.

— Аламейда, говоришь?

— Ты что, принц? — рассмеялся Ховард. — Змею, что ли увидел?

— Что с Аламейдой?

— Да что с ним станется? — с хохотом пробасил пират. — На дне он. Рыбам вместо обеда.

— Ты что, Джеймс? — воскликнул Сильвер. — Ты убил его? Да как ты посмел его тронуть?

— А ты что, святой, что ли? Сам сколько раз испанцам головы рубил? Думаешь, не знаю? И что тебе этот Аламейда? Отец родной, что ли?

Питер опустил глаза. Вольверстон сжал его руку.

— Не стоит волноваться, приятель. Это судьба. Теперь ты с лёгким сердцем пойдёшь в Испанию.

— Ты прав, Нэд. Пойдём отсюда.

В тот же вечер Сильвер собрал капитанов. Поручив эскадру Вольверстону, он объявил что в скором времени отбывает в Испанию на «Арабелле». На следующий день в сборе была и команда «Арабеллы». В тот же день корабль получил новое имя — «Мадридского купца». На следующее утро, подняв испанский флаг, пираты покинули Бас-Тер. Море было

спокойным, и за все время путешествия ни разу не зашгормило. «Мадридский купец» двигался курсом бакштаг, подгоняемый спокойным юго-западным ветром.

На душе у квартирмейстера было тревожно. Что ждёт их в недалёком будущем? Питт понимал, что появление герцогини изменит его отношения с капитаном. Тем более, что Сильвер вёл себя странно. Он будто забыл об утверждённых им правилах. Целые ночи проводил он на шкафуте, глядя, как стаи летающих рыбок пролетали мимо, озаряя темноту весёлыми огоньками. Питт не мог понять, почему, но задумчивость товарища вызывала в нём лишь глухое раздражение. Наверное, он просто вновь ощутил ту непреодолимую пропасть, что разделяла герцога Мальборо и простого рыбацкого сына. Питт ещё более укрепился в своих подозрениях, но осознание его правоты лишь добавляло горечи в его сердце. Ничего не изменится. Всё, о чём он втайне мечтал, так и останется призрачной иллюзией. Взятие Нассау не изменило ничего. Арабелла Брэдфорд получит наследство и останется той же неприступной герцогиней, а он... Рыбацкий сын вернётся в свою хижину. Для неё он всегда будет ничем. Пылью под ногами, ничтожной букашкой, которую запросто можно раздавить. Она просто вернётся к той жизни, для которой и была рождена. Судьба вновь разделяла их, и преодолеть эту пропасть не могла даже любовь Питта. Размышления квартирмейстера прервал крик марсового.

— Земля!

Питт взглянул в подзорную трубу. На горизонте маячили очертания берега.

— Зови капитана, — крикнул он матросу, но Сильвер уже выбежал на палубу. Во всём его облике сквозила какая-то неестественная весёлость. Казалось, он с трудом пытался скрыть волнение.

— Ну что, Питт! Скоро мы вновь станем испанскими грандами. Надеюсь, в Кадисе нам не встретится столь же проницательный губернатор. Иначе несдобровать — повесят нас на городской площади.

Сильвер рассмеялся, но смех его звучал неестественно. Питт же молчал, глядя на приближающийся испанский берег. Миссис Брэдфорд... Арабелла... Скоро всё станет на свои места, и Сильвер больше не сможет его обманывать. Но что будет? Что скажет миссис Брэдфорд?

— Да что с тобой, Питт! — Сильвер снова похлопал Уоллеса по плечу.

Капитан наконец-то справился с его волнением, и голос снова был спокойным и ровным,

— Подходим к берегу, приятель. Теперь ты — граф Эрнандо дес Торрес. Мы ищем герцога Аламейду, чтобы он помог нам добиться аудиенции Его Величества. Мы собираемся просить помощи для организации африканской экспедиции.

— Вперёд, синьор Эрнандо дес Торрес! Нас снова ждут приключения. Иди, переоденься.

— Да, герцог Педро Альмадильо!

Заботы отвлекли Уоллеса от одолевавших его мыслей, и друзья устремили взоры на приближающийся берег, на котором уже появлялись очертания портового города.

Вскоре «Мадридский купец» пришвартовался в гавани Кадиса. Придирчиво осмотрев трюмы, таможенный чиновник вернулся на берег. Вскоре корабль покинули и Питт с Сильвером. Кадис поразил друзей многообразием и пестротой стилей. Основанный ещё финикийцами и бывший одним из культурных и научных центров в годы арабского халифата, он сочетал в себе мавританские и средневековые черты. В порту было

многолюдно и шумно. Нарядно одетые господа и их не менее изысканные и гордые спутницы величественно прогуливались по набережной, оживлённо что-то обсуждая и глядя в море, где на рейде стояло около пятидесяти больших кораблей, не считая многочисленных барок и шлюпов.

— Синьор, — обратился Сильвер к молодому испанцу, — здесь всегда так оживлённо?

— Нет. Обычно здесь только торговцы и моряки. Многие хотели увидеть, как золотой галеон войдёт в порт. Но, похоже, сегодня не наш день, — и он, пожав плечами, вздохнул и повернул в сторону города.

— Какой галеон?

— Золотой. Этот галеон принадлежит лично королю Филиппу. Он прибудет из Нового Света, из Панамы. Говорят, он должен доставить Его Величеству несметные богатства апачей.

— Он прибывает сегодня?

— Должен был, но, наверное, что-то задержало его в пути, — с сожалением протянул молодой человек, — может быть шторм, а может — английские пираты.

— Надеюсь, мне удастся его увидеть. Наверняка это потрясающее зрелище.

— Мне тоже хотелось бы на это посмотреть. Говорят, там будут золотые идолы апачей. С воцарением в Новом Свете христианства индейцы отказались от идолов и передали их в дар Его католическому Величеству.

Сильвер поклонился незнакомцу и пожелал ему удачи. Выйдя из порта, они с Уоллесом переглянулись.

— Жаль, придётся от него отказаться, — мрачно заметил Сильвер. — мы не сможем рисковать жизнью миссис Брэдфорд.

Купив арабских рысаков, друзья направились к центру Кадиса. Найти жилище Аламейды не представляло труда — каждый житель знал, где находился дворец герцога. Это был превосходный замок в мавританском стиле, располагающийся на одной из центральных улиц города, окружённый изящной резной изгородью. На стук показался привратник — был сухощавый поджарый мужчина лет шестидесяти с пробивающейся на висках сединой

— Что Вам угодно, сеньоры?

— Мы — герцог Педро Альмадильо и граф Эрнандо дес Торрес, — ответил Сильвер на безупречном кастильском наречии. — Нам надо видеть сеньора герцога Аламейду. У нас к нему дело, не терпящее отлагательств

Старик внимательно оглядел посетителей, будто бы оценивая размер их состояния и их положение в обществе. Питер был одет в чёрный камзол с серебряной оторочкой и белоснежную шёлковую рубаху. На голове его красовалась широкополая чёрная шляпа с серебристым плюмажем. На такого же цвета перевязи висела внушительных размеров шпага, рукоятка которой была отделана серебром. Палец украшал сапфировый перстень, оттенявший взгляд его тёмно-синих глаз. Манеры гостя выдавали человека, привыкшего занимать высокое положение в обществе. Он держался уверенно и с достоинством, не проявляя при этом излишнего высокомерия или презрения к людям, занимающим более низкую ступень на социальной лестнице. Камзол Уоллеса, как и его шляпа, были светло-серые, что гармонировало с белоснежной перевязью и плюмажем. Перстень с крупным розовым бриллиантом заставлял предположить, что его владелец, несмотря на более простой, чем у Сильвера, костюм, достаточно богат, чтобы позволить себе подобные украшения. Шпага, добытая в бою с испанским галеоном и принадлежавшая ранее герцогу

Сидонии, отличалась не только длиной, но и превосходной резьбой, украшавшей её рукоять. Манеры Питта, достаточно изысканные, чтобы думать об его высоком происхождении, всё же не отличались той же аристократичностью, как у Питера. Понаблюдав за гостями, привратник сделал вывод, что герцог, то есть Питер, безусловно, очень знатный господин. Граф, хоть и несколько проще, но весьма богат и образован. Так что оба они вполне достойны не только вежливого ответа, но и разговора с самим герцогом или его супругой. Покачав головой, старый слуга медленно и с достоинством произнёс:

— Его светлость герцог Антонио Аламейда сейчас в походе, дома только его супруга

— В этом случае мы хотели бы переговорить с герцогиней, — Питер сделал паузу и внимательно взглянул на слугу, — Мы прибыли из Нового Света специально для встречи с герцогом или его супругой. У нас действительно очень важное дело к ним обоим.

— Прошу Вас, сеньоры, — с достоинством произнёс слуга, открыв тяжёлую дубовую дверь, ведущую в сад. Пройдя мимо оранжереи, путешественники повернули направо, пройдя под увитой виноградом аркой. Выложенная резной каменной плиткой тропинка вела через заросли плетистых роз к старинной дубовой двери. Привратник открыл её, и гости вошли в просторный зал, посередине которого, из стоящего в маленьком бассейне серебряного кувшина бил невысокий фонтан. Прохладные струи его освежали чрезмерно горячий воздух, а тихо льющаяся мелодия журчащей воды навевала мысли о райских кущах. В украшенных арабесками кадках стояли апельсиновые деревья. Вдали, в тени оплетающего потолочные балки винограда, высаженного в такие же деревянные кадки, стояло кресло. В нём, погрузившись в чтение, сидела женщина. Правление короля Филиппа уже наложило свой отпечаток на испанскую моду, из которой исчезли бесформенные балахоны, скрывавшие все прелести женской натуры. Поэтому изящное тёмно-серое платье с обильно украшенным бриллиантами закрытым лифом выгодно подчёркивало стройную фигуру герцогини. Тёмные волосы её были аккуратно собраны в пучок на затылке. Синьора Аламейда казалось слишком бледной для испанки, а на благородном лице, достойном кисти великого художника, оставила свой след глубокая, но тщательно скрываемая грусть.

— Ваша светлость, синьора Аламейда, — обратился к ней слуга

— Что случилось, Фернандо? — не отрываясь от чтения, произнесла она и протянула руку к стоящему на низеньком столике стакану с водой

— К Вам герцог Педро Альмадильо и граф Эрнандо дес Торрес. Соизволите ли Вы принять их? Они искали Вашего супруга, но, узнав, что он в отъезде, просили Вас разрешения их выслушать

— Хорошо, я приму их, — кивнула она и нехотя оторвала глаза от книги, бросив быстрый взгляд сторону входящих, — Что Вам угодно, господа?

— Синьора герцогиня, мы прибыли из Панамы, чтобы побеседовать с Вашим супругом об одном деле,

Сильвер снял шляпу и низко поклонился, так что кудри парика оказались на уровне колен, полностью закрывая лицо. Герцогиня вздрогнула. Отложив книгу в сторону, она пристально взглянула на посетителей, она изо всех сил стараясь казаться спокойной.

— Мой супруг сейчас в походе, он вернётся через три месяца. Чем я могу вам помочь?

— Могу я переговорить с Вами наедине? — Сильвер выпрямился, но локоны всё ещё ниспадали на его лицо, — дело настолько срочное, что я хотел бы просить Вашего содействия в том, чтобы встретиться с Его Величеством. Мы с графом хотим предложить весьма прибыльное для короны дело.

— Я охотно выслушаю Вас, дон Аламирес, — герцогиня замаялась, поняв, что неверно назвала имя собеседника, — однако думаю, что вряд ли смогу Вам помочь. Я в Испании недавно, и не имею никаких связей при дворе

— И всё-таки выслушайте меня, сеньора Аламейда. Граф, прошу Вас, оставьте нас и подождите в зале, — обратился он к Уоллесу. Тот поклонился и вышел из кабинета.

Сильвер подошёл к герцогине, ещё раз низко поклонился и, выпрямившись, быстро прошептал ей что-то на ухо. Она побледнела и тревожно взглянула на него. Питер тут же отошёл и вновь застыл в церемонном поклоне.

— Госпожа герцогиня, мы с графом дес Торрес хотели бы предложить Его Величеству экспедицию в Центральную Африку, где можно легко найти рабов для плантаций кофе и маиса. Там же, насколько мне известно, находятся запасы золота одного африканского королевства. Король этой страны уже стар, и в ней начались междоусобные раздоры, так что захватить несметные богатства не представляет особого труда. Мне нужна лишь небольшая помощь — пять кораблей и около пятисот людей. Организацию экспедиции полностью беру на себя.

— Думаю, герцог, я смогу помочь Вам встретиться с Его Величеством, — голос герцогини дрожал, она была бледна, — но мне надо поближе познакомиться с Вашим планом.

— Вы можете подняться на наше судно и осмотреть его. Там находятся карты и документы, подтверждающие мои слова. Эти документы слишком ценны, чтобы подвергать их риску, поэтому я и не взял их с собой,

Сильвер вновь поклонился, и, выпрямляясь, метнул быстрый взгляд в сторону дверного проёма, ведущего во внутренние покои герцогини. Чья-то тень мелькнула и исчезла в темноте коридора

— Так Вы посетите мой корабль, герцогиня? — повторил капитан. — Это не займёт много Вашего времени, но Вы сможете ознакомиться с моими предложениями в мельчайших деталях. Думаю, это важно, поскольку я прошу Вас ходатайствовать о содействии нашим планам перед Его Величеством.

— Я согласна посетить Ваше судно, сеньор герцог, — голос сеньоры Аламейды всё ещё дрожал, — но я должна переодеться.

— С Вашего разрешения, я подожду Вас здесь, — кивнул он

— Разумеется, дон Педро, располагайтесь и чувствуйте себя как дома, — слабо улыбнулась герцогиня и уже собиралась выйти во внутренние комнаты, как в кабинет вошёл слуга.

— К вам гонец от дон Мендосы, — взволнованным голосом произнёс он

— Я занята, — неуверенно произнесла она, бросая взгляд на стоящего неподалёку Питера

— Дело неотложное, герцогиня. Это касается Вашего мужа, — лицо слуги было очень бледно, а в глазах запечатлелся неподдельный ужас

— Хорошо. Я согласна его принять, — видя испуг слуги, согласилась герцогиня. Её сердце давно чувствовало что-то неладное, — подождите меня за дверью, дон Педро, прошу Вас, — обратилась она к Питеру. Тот, снова поклонившись, молча вышел из кабинета, в который вошёл, вернее, почти вбежал, молодой человек лет восемнадцати в чёрном камзоле и чёрном парике. Через несколько минут он, опустив глаза, быстро вышел из кабинета и направился к выходу в сопровождении слуги герцогини.

— Заходите, дон Педро, — раздался из-за закрытой двери слабый голос сеньоры Аламейды

Питер вошёл, с тревогой глядя на женщину. В глазах её стояли слёзы, но она изо всех сил старалась скрыть свои страдания. Миссис Брэдфорд, а это была именно она, уже успела усвоить ту твёрдость характера, которой славятся испанские женщины. Поэтому она отвернулась к окну и, незаметно для Питера поднеся к глазам кружевной платок, который держала в руке, вытерла остатки слёз. Затем, помолчав ещё мгновение, вновь повернулась к гостю:

— Мой супруг погиб в схватке с пиратами, — произнесла она, и непослушные слёзы вновь появились в её глазах. Но она уже не пыталась их скрыть, и они текли по её щекам.

— Кто это был? — с тревогой спросил Сильвер

— Говорят, какой-то капитан Джеймс Ховард.

— Насколько я слышал, отъявленный бандит, — нарочито громко произнёс Питер, — примите мои соболезнования, синьора Аламейда. В этом случае не смею Вас больше задерживать, — он поклонился и сделал вид, что собирается выйти из залы

— Думаю, я смогу помочь Вам, дон Педро. У меня есть связи при дворе, и я охотно Вас выслушаю, — как можно более отчётливо произнесла герцогиня. Голос её дрожал, а слёзы капали прямо на отделанный бриллиантами лиф шёлкового серого платья.

— Мне подождать Вас в зале или в кабинете? — Сильвер вновь склонился в поклоне

— Мне не хотелось бы задерживать Вас, герцог. Я уже не настолько молода, чтобы прихорашиваться перед юными кавалерами, — и она подала руку капитану. Дверь распахнулась, и оба вышли в коридор, где их ждал окончательно оробевший Уоллес. Пройдя через благоухающий розами и апельсиновыми цветами сад, они вышли во двор. Карета была уже подана, и вскоре кортеж выехал на улицу. Питер и Уоллес ехали шагом, Питер — справа, Уоллес — слева от кареты. За ними следовал эскорт из пяти слуг. Когда кортеж прибыл в порт, где стоял на якоре «Мадридский купец», герцогиня, быстро приподняв угол скрывающей её лицо чёрной вуали, взглянула на Питера. Тот кивнул и, приоткрыв дверцу кареты, подал ей руку

— Прошу Вас, герцогиня, извольте осмотреть мой корабль.

Герцогиня взглянула на галеон и остановилась. В груди её шевельнулось что-то холодное. Она всё поняла, едва услышав этот голос. Поняла и осознала, что расстанется с Испанией навсегда. Обернувшись назад, она спокойно приказала кучеру:

— Возвращайтесь домой. Я проведу на судне не менее трёх часов и пришлю за вами, когда вы понадобится.

Кучер, привыкший беспрекословно подчиняться всем домочадцам Аламейды, развернул карету, и она удалилась под цоканье лошадиных копыт.

Герцогиня проводила карету долгим взглядом. Вскоре та исчезла из виду. Прошлое оставалось здесь, в Кадисе, а будущее ждало её здесь, на пристани, в лице человека, называющего себя герцогом Педро Альмадильо.

— Я готова, дон Педро

Гордо выпрямившись, она направилась к возвышающейся у причала «Арабелле», на борту которой сверкала золотом надпись «Мадридский купец».

Глава 34 Ещё один урок капитана Тича

Поднявшись на палубу, герцогиня огляделась вокруг. Вокруг неё было много знакомых лиц. Мальчишки, когда-то сопровождавшие Арабеллу в её детских забавах, повзрослели и возмужали, а на гладко выбритых щеках были заметны следы щетины. Но они всё с той же почтительностью глядели на бывшую супругу губернатора. Чуть поодаль, опустив глаза, стояли те, кто привёл её на этот галеон. Граф дес Торрес и герцог Альмадилльо, Питт Уоллес и... Но нет... Она не знает, что за имя взял себе этот человек... Взгляд — прямо в эти синие глаза... Немой разговор...

— Так Вы поднимаете паруса, капитан?

— Как пожелаете, герцогиня. Мы все к Вашим услугам.

— Давайте, оставим формальности, капитан, — неожиданно резко произнесла она. — Мой муж убит, и я уже не герцогиня Аламейда. Я любила Антонио, но его больше нет в живых. Меня ничего более не связывает с Испанией. Насколько я понимаю, ступив на Ваш корабль, я снова становлюсь миссис Брэдфорд. Разве не так?

Матросы и офицеры застыли в немом поклоне. На корабле воцарилось молчание, которое, наконец, прервал голос Сильвера:

— Все паруса ставить! Марсовые — к вантам!

Поднятые паруса расправились под свежим ветром, и «Арабелла», набрав полные лёгкие воздуха, медленно вышла из гавани Кадиса.

Герцогиня стояла на палубе, провожая глазами испанский берег. Слезы по-прежнему стояли в её глазах. Потеря мужа обернулась для неё внезапной, нежданной радостью. Она обрела намного больше, чем просто любовь... Герцогиня вновь и вновь вслушивалась в голос капитана — немного охрипший, но такой знакомый..

Питт искоса поглядывал на капитана. Тот казался взволнованным, и даже смущённым. Дождавшись, пока береговая кромка исчезла из виду, он тотчас же обратился к квартирмейстеру:

— Прими командование, Питт. На время. Мне надо серьёзно поговорить с миссис Брэдфорд. Не хотелось бы, чтобы нас беспокоили.

— Я тоже хотел бы многое сказать ей, — вмешался Уоллес, — ты же знаешь о моих чувствах к Арабелле

— Дай нам поговорить, — Сильвер умоляюще взглянул на друга, — У тебя ещё будет время. И прикажи никого не пускать в мою каюту.

— Хорошо, — буркнул Питт и отправился на ют.

Прошёл час, за ним — другой и третий. Квартирмейстер нетерпеливо поглядывал на лестницу, ведущую на нижнюю палубу. Но ни Сильвер, ни миссис Брэдфорд не появлялись. Питт подозвал юнгу.

— Иди, Сид, взгляни, как там капитан. Только в каюту не заходи, а то он тебе уши отрежет.

Смышлёный мальчишка тотчас же ринулся вниз по лестнице и вскоре возвратился назад.

— Дверь закрыта. Ничего не слышно.

— А я тебя подслушивать просил, а?

Юнга покраснел. Смущённый квартирмейстер шепнул ему на ухо.

— Иди ещё взгляни. Может, узнаешь чего?

Через полчаса юнга вновь появился на палубе.

— Дверь открывается! — едва успел крикнуть запыхавшийся мальчишка, как на палубе появился Сильвер. Он выглядел смущённым и озадаченным, даже немного расстроенным. Казалось, мир вокруг него раз и навсегда изменился, и прежний Питер Сильвер вот-вот канет в небытие.

— Ничего особенного. Мы с миссис Брэдфорд по-родственному поговорили.

— Спасибо тебе, Питт. И вам всем, ребята. Я рад, что смог найти миссис Брэдфорд.

— Всё нормально, капитан, — улыбнулся Крисперс, — с тобой мы заработали столько, что нам хватит до конца жизни, так что теперь мы квиты.

— Может, ещё заработаете, пока я ваш капитан, — в улыбке Сильвера скользнула грусть. — Вот только...

Голос марсового прервал беседу:

— Испанцы! На северо-западе, по курсу!

Сильвер взглянул в туда, где должны были появиться суда. Две тёмные точки маячили вдаль, постепенно приобретая очертания манильских галеонов, неведомым ветром занесённых столь далеко от их обычного пути. Они шли несколько севернее, того курса, которым следовал «Мадридский купец». Огромные плавучие крепости, по сравнению с которым «Арабелла» казалась ореховой скорлупкой, легко скользили по водяной глади. В их трюмах наверняка хранились такие запасы, о которых пиратам оставалось только мечтать. Сокровищницы медленно приблизились к «Арабелле» и, поравнявшись с ней, удалялись всё дальше и дальше. Питт с горечью глядел на капитана, провожавшего корабли полным тоски взором.

— Сегодня не наш день, Питт. Нам нельзя рисковать её жизнью

— Смотри-ка, Питер, это наш знакомый Тич,

Испанцев преследовал шлюп и две барки. На грот-мачте шлюпа с нанесённой на борт надписью «Месть королевы Анны» развевался флаг Тича — красное полотнище, на котором была изображена рука, держащая меч,

Отказывать в помощи братьям означало нарушить пиратский кодекс чести, поэтому на «Арабелле» был поднят сигнал, который на языке, понятном только флибустьерам, означал «Нужна помощь?».

Ответ был дан немедленно — на мачте «Мести королевы Анны» появился другой сигнал, означавший «Убирайтесь, это моя добыча»

— Ну что, друг, посмотрим, как он справится с такой добычей, — усмехнулся Питер, — сдаётся мне, что эти орешки ему не по зубам.

Судёнышки Тича отчаянно обстреливали галеоны, но залпы его пушек лишь снесли одну из грот-мачт на шедшем впереди галеоне и фок-мачту на другом. Одно из ядер, пущенных испанцами, угодило в склад пороха на одной из барок. На борту вспыхнуло пламя, в мгновение ока перекинувшееся на мачты, паруса и такелаж, и барка запылала. Матросы, за исключением десяти-пятнадцати человек, спустились в шлюпку. Остальные, отбиваясь от огня, попытались укрепить пылающий парус.

— Вот это да, Питер, — заметил Уоллес, — кажется, на поле битвы вышел брандер. Посмотрим, быть может, сейчас Тич запросит помощи.

Несмотря на безвыходное положение, на мачте шлюпа по-прежнему красовался прежний сигнал. Тич явно не желал вмешательства посторонних и надеялся на свои силы.

Горящую барку несло по волнам и, наконец, вплотную прибило к галеонам. Пожар перекинулся на снасти и паруса. На галеонах началась паника. Горящие обломки мачт и рей, прожигая натянутую над палубой сетку, падали на палубу, задевая матросов, которым с трудом удавалось удержать распространение огня. В то же мгновение стоявшие на палубе головорезы Тича намертво пришвартовали пылающую барку к одному из галеонов. Но взять суда на абордаж Тичу оказалось не по зубам. На стороне испанцев был численный перевес, и им удалось захватить людей, находившихся на барке. Вскоре та же участь постигла и шлюп Тича. Часть его команды, быстро погрузившись в шлюпки, пустилась наутёк. Менее расторопные и более отважные, в том числе до последнего надеявшийся на свою удачу капитан были захвачены испанцами. Другая барка была потоплена — ядро, пущенное с галеона, угодило ниже ватерлинии. Покончив с Тичем, испанцы обратили внимание на галеон, курсировавший в пределах их видимости, и обменивавшийся со шлюпом Тича непонятными им сигналами. Развернувшись, они направились к «Арабелле».

— Придётся защищаться, — мрачно процедил Сильвер. — Видно, их не убедил наш испанский флаг. А может, это судьба?

— Тич хорошо их пощипал. Они не смогут вести серьёзный бой. Да и, похоже, у нас нет другого выбора,

Испанцы шли, подгоняемые попутным ветром, и промедление становилось опасным. «Мадридский купец» лёг в дрейф и спустил флаг. Подпустив испанцев на расстояние пушечного выстрела, он тотчас же разразился залпом. Свистели ядра, раздавался треск ломающихся мачт. Вскоре в корпусе одного из испанцев пробило дыру чуть выше ватерлинии. Испанцы разворачивались тяжело, и вскоре «Арабелла» уже обратилась к ним носовой частью. Пущенные ядра почти не повредили снасти. Снова развернувшись бортом, она дала очередной залп и тут же, подняв паруса, отошла на безопасное расстояние. Команды галеонов с трудом управляли кораблями — ядра не только серьёзно повредили реи и мачты, но и насквозь пробили большую часть парусов. Они попытались догнать «Арабеллу», но та неожиданно сама легла в дрейф, подпуская их к себе на расстояние пушечного выстрела. Дав очередной залп по приблизившимся галеонам, она вновь пустилась наутёк. Игра в догонялки продолжалось около часа. Запас ядер на «Арабелле» подходил к концу, и корабль, подняв все паруса, двинулся навстречу испанским кораблям и, не сбавляя хода, вошёл в разрыв между галеонами. По обе стороны пиратского корабля раздался оглушительный взрыв. Одновременно разрядив пушки на обоих бортах, команда «Арабеллы» забросила абордажные крючья. Пираты атаковали галеоны с двух сторон, а десять человек под командованием Уоллеса находились на «Арабелле», обеспечивая безопасность находившейся в капитанской каюте миссис Брэдфорд.

Вскоре бой завершился — ослабленные пожаром и битвой с головорезами Тича команды галеонов высадились в одну из уцелевших барок и скрылись из вида, а из трюма на свет божий выбрался капитан Тич. Чёрная борода его обуглилась и висела клочьями. Он был босиком, а дорогой камзол был весь изодран. Щурясь от яркого солнца, Тич удивлённо взглянул на стоявшего перед ним Сильвера. Тич с радостью бы отдал всю захваченную в последнем рейде добычу за то, чтобы перед ним сейчас оказался любой другой капитан. Сильвер рассмеялся.

— Вот так, дорогой мой Тич, а ты говорил, что Бог — это выдумка. Вот он и учит тебя уму-разуму.

— Отстань от меня, мальчишка, — зло пробурчал Тич, — опять ты со своими

проповедями.

— Послушай, Эдвард, — серьёзно произнёс Сильвер, — мы с тобой много спорили о вещах, не имеющих отношения к дележу добычи. Но сейчас я считаю, что тебе и твоим людям полагается доля — ведь если бы не ты, я ни за что бы не решился на штурм галеонов — у меня на корабле находится женщина, жизнью которой я не вправе был рисковать.

— Сколько? — почесав в затылке, спросил Тич

— Одну пятую добычи и один галеон на твой выбор, — улыбнулся Сильвер, — с учётом исхода боя.

— Согласен, Питер, — пробурчал нахмурившийся Тич, — не ожидал от тебя такого. Действительно, с тобой можно иметь дело. Конечно, когда ты не превращаешься в зануду и не начинаешь проповедовать, словно монах в рясе.

— Я не зануда, Тич, — Сильвер улыбнулся, но взгляд его синих глаз был необычайно серьёзен, — просто я испытал на себе, что такое Божественное провидение. Именно поэтому я так отношусь к вере. И ты когда-нибудь поймёшь это, Тич. Надеюсь, что поймёшь. А пока забирай свой галеон и свою долю. Ведь одно дело наши ссоры на берегу, другое — справедливый делёж. Я всегда считал, что мы не должны превращаться в зверей, не знающих чести и совести.

Добыча была поделена в присутствии команды «Арабеллы» и остатков команды Тича. Сразу после этого Тич поднял оставшиеся на галеоне паруса и направился к Карибскому морю, несколько южнее курса, которым шла продолжавшая свой путь «Арабелла».

Берег Тортуги уже виднелся на горизонте, а золотого королевского галеона всё ещё не было видно. Если судить по курсу, которым он должен был следовать, Сильвер должен был повстречаться с ним уже несколько дней назад.

— Может быть, это и к лучшему? — спросил Уоллес, — высадим миссис Брэдфорд на берег, а потом выйдем в море искать королевские сокровища. Может быть, удача снова улыбнётся нам?

— Правильно. Тогда мы уже не будем бояться рисковать, — устало улыбнулся Питер, вытирая вспотевший лоб, — а то натерпелся я страху в этой драке с галеонами. Одно дело, когда рискуешь своей жизнью, другое — жизнью миссис Брэдфорд.

— Да, женщина на корабле — несчастье для пирата, — с видом знатока промолвил Уоллес, — недаром так говорят бывалые моряки.

На лице Сильвера вновь мелькнула загадочная улыбка.

— Об этом ещё можно спорить, приятель, — еле слышно прошептал он, но квартирмейстер не слышал его слов.

— Идёшь к миссис Брэдфорд?

— Да, помогу ей сойти на берег,

Пришвартовавшись к берегу, Сильвер тотчас же проводил миссис Брэдфорд в свой домик на берегу и оставил под присмотром Мэри Кэт, которая, увидев прежнюю хозяйку, была сама не своя от счастья.

— Миссис Брэдфорд, как я рада Вас видеть! — зашебетала она, оказывая своей госпоже все мыслимые знаки внимания. Она тут же приготовила ей ванну из трав, в которую та погрузилась с истинным наслаждением, наконец, позволив себе отдохнуть от всех волнений и тревог последних дней. Купание сменил сон — утомлённая пережитым госпожа крепко заснула на свежеприготовленной постели Сильвера, который, приказав Мэри Кэт угождать миссис Брэдфорд так же, как она угождала бы королеве Анне, удалился на свою «Арабеллу».

Возвратившийся с добычей корабль уже обступили офицеры и матросы других судов эскадры. Всем не терпелось узнать, чем же закончился поход в Испанию. Но Сильвер, пообещав, что расскажет всё позже, приказал немедленно выйти в море. Ведь «золотой» галеон короля Филиппа им так и не встретился, а это значило, что, скорее всего, он так и не покинул пределов Карибского моря. Менее чем через час эскадра Питера вышла из гавани Тортуги, идя по направлению к Багамским островам, где, по их расчётам, и должен был проходить королевский галеон. Но его всё не было, и Сильвер подумал, что ошибся. Возможно, галеон ушёл к северу, к берегам Флориды, а возможно, и вообще не выходил из Пуэрто-Бельо. Но Сильвер упрямо продолжал курсировать вблизи Багам, по-прежнему надеясь на удачу. Наконец, по прошествии двух дней, на горизонте появился манильский галеон «Золотой орёл». Он шёл прямо к проливу в сопровождении трёх фрегатов. Капитан его задержался вблизи острова Барбадос, на который он совершил обыкновенный пиратский налёт, забрав у его жителей солидную партию жемчуга, какао, табака и шкур. Воодушевлённый свалившимся на него богатством, он решил навестить Каймановы острова, где ему удалось удвоить и без того неплохой улов. Жадность сослужила ему плохую службу. Выйдя вовремя, он застал бы Питера вблизи испанских берегов, с миссис Брэдфорд на борту, ещё до встречи с капитаном Тичем. В этом случае Сильвер вряд ли бы решился вступить в бой. Однако встреча произошла уже после того, как миссис Брэдфорд покинула «Арабеллу». Так что ничто не помешало Питеру осуществить свою мечту, и пять кораблей его эскадры, вышедшие вместе с ним, без труда захватили добычу. Высадив на галеон призовую команду во главе с Крисперсом, Питер решил вернуться на Тортугу. На подходе к острову, вблизи испанского берега Эспаньола, он вновь увидел своего старого знакомого — отданный им Тичу галеон «Король Филипп». К удивлению Питера, над ним вместо алого флага Тича развевалось знамя Кастильи.

— Интересно, что же случилось с Тичем? — поинтересовался Уоллес у друга, но вопрос был явно риторическим

— Сейчас узнаешь, Питт, — рассмеялся Сильвер и весело крикнул Крисперсу:

— Идём наперерез галеону. Подготовиться к бою!

Захват судна оказался делом весьма несложным — галеон был и без того ослаблен всеми предшествующими схватками, да и численное преимущество эскадры Питера было несомненным. Сюрприз ждал Сильвера, когда он отворил дверь трюма. Из тёмной глубины его на свет божий выбрался ещё более обросший и грязный капитан Тич. Камзол его окончательно пришёл в негодность и теперь представлял собой грязные и испачканные кровью обрывки ткани. Рубаха была рваной и грязной, на левом плече виднелось пятно засохшей крови. Однако, несмотря на ранение, Тич держался молодцом, и даже криво усмехнулся, увидев Сильвера.

— Привет, капитан, — рассмеялся Питер, выводя старого знакомого на палубу, — что случилось?

— Твой галеон оказался уж слишком неповоротливым, — проворчал Тич, — да и людей на испанском фрегате было много. Правда, их фрегат я потопил, но на абордаж взяли меня.

— Прости, Тич, теперь уже не могу тебе ничем помочь, — покачал головой Сильвер, — всё, что сейчас находится на галеоне, да и он сам, принадлежит моей команде. Таковы законы «берегового братства». Ну что, теперь ты веришь в Божественное провидение?

Тич, потупившись, молчал. Высадившись на Тортуге, он долго сидел в таверне «У французского короля», молча глядя на дно опустевшего стакана из-под рома. Никто не знал,

о чём он думал в тот день. Однако, справедливости ради, даже после этой истории он остался прежним безбожником Тичем.

Питер же переименовал вновь приобретённый галеон в «Провидение».

— Ну что, Уоллес, теперь ты веришь в божественное Провидение? — улыбнулся он, глядя, как матросы наносят на корпус судна новое название

— Кажется да, Питер. Может, я ещё смогу стать счастливым?

— Скоро ты окончательно убедишься в том, что Бог воскрешает, Питт, — в тёмно-синих глазах Питера вновь заискрилась тайна, отсветы которой когда-то уже видел Уоллес, — Ты увидишь Арабеллу, Питт. Очень скоро ты её увидишь.

— Какая она, Питер? Она сильно изменилась? — Уоллес был очень взволнован

— Скоро ты всё увидишь и узнаешь. А пока — не спрашивай больше ни о чём, — отблески тайны погасли, и глаза Сильвера уже не светились, а просто и буднично глядели на друга, — а пока за работу, Питт. Нам надо привести в порядок наши корабли, да и к губернатору уже давно пора нанести визит. Кто на нашей эскадре квартирмейстер? Разве не ты? За работу! А я пока проведу миссис Брэдфорд, но скоро вернусь и присоединюсь к вам, — и Сильвер зашагал вдоль улицы, ведущей от гавани Бас-Тер к маленькому домику, где взволнованная миссис Брэдфорд уже ждала его возвращения.

Глава 35 Ростовщики и коммерсанты

На пристани в Кайонской гавани собрались пираты. На эскадре Сильвера делили добычу. Всем не терпелось поглазеть на сокровища испанского короля. Первыми на пристань были вынесены пять огромных, в три человеческих роста, золотых идола, сверкающих драгоценными камнями. За ними последовали тридцать сундуков чистого золота, столько же — жемчуга и драгоценных камней. Трюм «Золотого орла» были полны индийских и китайских пряностей, благовоний и дамасского шёлка. Они были получены его капитаном в качестве выкупа от губернатора острова Барбадос, который, как и многие другие, не гнушался дружбой с пиратами. Вскоре в губернаторский дом направилась процессия, возглавляемая Сильвером, Уоллесом и Вольверстоном. У ворот их встретил улыбающийся де Монтенон, которому вездесущие юнги уже сообщили о повозке с грузом. Он был несказанно рад возвращению друга, но ещё больше — небывалому богатству, внезапно свалившемуся на его голову. Он пригласил их в дом, на свою любимую веранду, где уже был накрыт стол.

— Прошу Вас, господа, — довольно улыбнулся губернатор, — всё по версальским рецептам, только вместо куропаток — голуби, а вместо лягушачьих лапок — черепашие мясо. Расскажите мне о последних приключениях.

После того, как Питер в подробностях рассказал о путешествии в Испанию, возвращении миссис Брэдфорд и захвате манильских галеонов, губернатор весело рассмеялся:

— После этого мне нечего делать на Тортуге. Моё богатство может сравниться лишь с богатством французского короля.

— Думаю, Вы неправы, — рассмеялся Питер, — я слышал, что французский король увяз в долгах. Вы богаче короля, месье де Монтенон, и запросто сможете ссудить его деньгами.

Шутка оказалась удачной, и все весело расхохотались, представив себе, как губернатор даёт королю заём под хорошие проценты.

— А что, мне надо подумать над этим, — хитро прищурился губернатор, — почему французы не могут быть ростовщиками? Я дворянин, и мои предки воевали под знамёнами Карла Великого, но мне кажется, что я буду отличным ростовщиком!

Все снова рассмеялись — губернатор слыл остроумным человеком.

Удача Сильвера привлекла к нему многих флибустьеров, которые желали пойти с ним в очередной рейд, но капитан ремонтировал эскадру, проводя большую часть времени с миссис Брэдфорд и Вольверстоном. Так прошла неделя. Наконец, он собрал команду на пристани.

— Мне надо посоветоваться с вами, друзья, — задумчиво произнёс он, и многие матросы заметили, что капитан впервые с трудом подбирал слова

— Ты о чём? Хочешь отправиться в кругосветку?

— Нет. Я собираюсь в Англию.

— Зачем? Ты что, собираешься захватить Дувр?

— Нет, ребята..., — капитан вдруг замолчал. — Вы помните мисс Брэдфорд?

Редкие голоса потонули в общем гуле недоумения. Эскадра Сильвера была слишком большой, а из восьмидесяти бывших жителей Нью-Провиденс в живых осталось лишь пятьдесят.

— Для тех, кто не знает, расскажу, — лицо Сильвера вдруг стало необычайно серьёзным, — наша история началась на острове Нью-Провиденс, где испанцы уничтожили всех англичан. Нас бросили в трюм, а дочь губернатора Арабеллу захватил капитан Альварес. Я обманул всех, утверждая, что она покончила с собой, но на самом деле мне удалось отправить её в надёжное место. Недавно я узнал, что она и её мать — наследники состояния герцогов Мальборо, которое пытаются прибрать к рукам королевские фавориты. Вопрос о наследстве будет решаться в суде через два месяца. Я хочу Брэдфордам состояние Черчиллей. Именно для этого мы с Питтом и отправились в Испанию. Теперь миссис Брэдфорд живёт в моём доме.

— А нам-то что? — раздались в толпе возмущённые голоса

— Может, для тебя эта миссис Брэдфорд — как мать родная, а нам до неё нет никакого дела.

— Так вы не хотите отправиться в Дувр?

— Зачем это надо?

— Ты вечно рискуешь жизнью из-за девок!

— Путешествие слишком опасное, а выгоды никакой!

Сторонники Сильвера оказались в меньшинстве. Это было пятьдесят бывших островитян и несколько сочувствующих, но и их одолевали сомнения.

— Как же мы войдём в гавань? Любой патруль легко отличит нас от судов английской флотилии. В английском флоте нет испанских галеонов

— Ты прав, Сид. Они ещё могут арестовать нас, — поддержал его Крисперс, — мы не хотим, чтобы с нами поступили, как с Киддом.

— Может быть, мы постараемся войти незамеченными? — подал голос Питт. Он изо всех сил защищал последнюю возможность помочь Арабелле

— Ты что, Питт, — рассмеялся Крисперс, — ты представляешь, как можно не заметить флотилию из тридцати судов?

Собравшиеся одобрительно загудели — аргументы шкипера показались всем более, чем убедительными.

— Но ведь они пропускают торговые корабли? — не унимался Уоллес

— Разумеется, Питт, — съязвил офицер, — но у них на борту находится груз, который они декларируют на таможне

Сильвер улыбнулся.

— А если нам загрузить трюмы товаром? Мы всегда сможем обосновать, почему на наших кораблях так много пушек — ведь морские торговые пути опасны, вы сами знаете?

— Неплохая идея. А если нам удастся неплохо продать товар, мы получим выгоду и от этого плавания, — заметил Вольверстон

Возможность заработать живо заинтересовала всех пиратов — они только что получили несметные сокровища, которые могли бы обеспечить их безбедное существование на всю оставшуюся жизнь, но шанс ещё более обогатиться заставил их ещё больше оживиться.

— Что мы ещё можем взять на борт?

— Кофе закупим у плантаторов, можно ещё взять ямайского рома и табака, Опустошим наш подвал и возьмём всё, что добыли в предыдущих сражениях. Если нам удастся самим это продать — выручка будет больше, чем то, что мы сбываем посредникам.

— Если повезёт, и мы встретим испанцев — можем добыть ещё чего-нибудь, например, дорогие ткани, — Крисперс и ещё несколько скептиков, кажется, окончательно согласились

с капитаном

— Решено, — Сильвер довольно улыбнулся, — я переговорю с губернатором и с плантаторами. Можем зайти на Багамы и Барбадос за кофе, ромом и табаком. А можно и заготовить капешевого и мангрового дерева. Оно ценится в Европе.

Следующие две недели Сильвер и Уоллес занимались переговорами с торговцами. Эскадра курсировала между ближайшими островами, загружая в трюмы кораблей мешки с кофе, бочки с ромом и табаком. Матросы заготавливали капешевое дерево, красный и чёрный мангр. Из подвала дома Сильвера были перенесены тяжёлые сундуки с золотом, серебром и драгоценными камнями. Наконец, нагруженные корабли были полностью готовы к отплытию. Тяжёлый груз в трюмах несколько снижал их маневренность, но давал возможность не только беспрепятственно войти в гавань Дувра, при этом неплохо заработав на этой рискованной операции. Эскадра имела весьма внушительный вид. Как и подобает торговым судам, на борту прямо под названием каждого из кораблей было указано имя владельца. По общему решению это была миссис Брэдфорд, которую никак нельзя было уличить в пиратстве, тем более, что знатность происхождения и родственные связи её легко объясняли возможность владения находившимися на корабле ценностями. Она же и являлась арматором прибывших из обеих Индий торговых экспедиций.

Суровые северные широты негостеприимно встретили привыкших к жаркому климату южан, но после недавнего путешествия к холодным южным берегам здешние ветры показались им не столь уж сильным соперником. Наконец, на горизонте показалась земля. Береговая охрана порта Дувр, заметив эскадру, состоявшую из мощных хорошо вооружённых галеонов, отдала распоряжение стоявшим на рейде кораблям подготовиться к бою. В прибрежные воды вышла мощная флотилия из сорока линейных кораблей и тридцати фрегатов. Несмотря на развевавшийся на мачтах английский флаг, а также приветственный залп, которым приветствовало порт флагманское судно «мисс Арабелла Брэдфорд», эскадре был дан сигнал дожидаться прибытия таможенных служб, не заходя в гавань. Менее чем через полчаса к «Арабелле Брэдфорд» подошла шлюпка, и два офицера поднялись на борт.

— Мистер Чарльз Сенд, начальник таможенной службы, — представился начальник, полноватый мужчина средних лет в тёмном парике и с длинной, болтавшейся по ногам шпагой.

— Кому принадлежат суда? — спросил он Питера, на руку которого опиралась одетая в чёрное платье миссис Брэдфорд

— Миссис Марианне Брэдфорд, — ответил тот, кивнув в сторону стоявшей рядом с ним женщины

— Что везёте?

— Товары из Нового Света и Ост-Индии, — и Сильвер передал чиновнику рекомендательные письма от нескольких плантаторов и торговцев табаком и ромом, которыми он успел заручиться на всякий случай.

— Отлично. Можно осмотреть? — поинтересовался офицер

— К Вашим услугам, пожалуйста, — любезно поклонился Питер.

Таможенники внимательно осмотрели трюмы, обратив особое внимание на товары, имевшие явно испанское происхождение.

— Откуда ткани и мебель? — пристально взглянул офицер на сопровождающего его адмирала

— Закуплены у торговцев, — не моргнув глазом, соврал Сильвер

— У вас военные суда? — вновь поинтересовался он, увидев на нижней палубе мощные пушки

— Путешествия по морям опасны, и коммерсанты должны быть хорошо защищены, — Сильвер говорил спокойно и уверенно, и у таможенников не возникло никаких сомнений, так что вход в гавань вскоре был разрешён, но офицеры не спешили покидать корабли.

— Когда будете разгружаться? — спросил Питера офицер, бросив на него хитрый взгляд. Тот понимающе улыбнулся и, подзвав юнгу, попросил его принести несколько крупных жемчужин и три изумруда.

— Послезавтра. Мне надо договориться с торговцами, — бесстрастно ответил адмирал, и, едва мальчик исполнил его просьбу, тут же кивнул своему собеседнику:

— Небольшой подарок, мистер Сэнд. Примите от меня в память о нашем знакомстве. Надеюсь, мы станем добрыми друзьями.

— Спасибо Вам, капитан, — довольно улыбнулся тот, — мне было приятно с Вами познакомиться, и я уверен, что это не последняя наша встреча. Когда уладите дела с торговцами, заходите ко мне домой — моя жена всегда будет рада Вас видеть.

На губах Питера мелькнула многозначительная улыбка. Таможенный офицер ему определённо нравился, но опыт его взаимоотношений с испанскими и французскими чиновниками подсказывал, что их дружба должна иметь вполне серьёзное материальное подкрепление. Теперь предстояло договориться с торговцами, но это можно было сделать не раньше, чем через три дня, после завершения заседания суда. Однако, сойдя на берег, Сильвер и Уоллес всё же переговорили с несколькими коммерсантами о возможности продажи товаров, после чего, купив карету для миссис Брэдфорд и превосходных жеребцов для себя, направились в столицу. Миссис Брэдфорд должна была прибыть позже в сопровождении Крисперса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net